

НАУКА ГОВОРИТЬ С ДРУГИМИ

*Сборник научных трудов
к 70-летию В. А. Викторovichа*

Министерство образования Московской области
ГОУ ВО МО «Государственный социально-гуманитарный
университет»

НАУКА ГОВОРИТЬ С ДРУГИМИ

**Сборник научных трудов
к 70-летию
Владимира Александровича Викторовича**

Коломна
2020

УДК 821.161.1(082)
ББК 83.3(2Рос=Рус)я34

Рекомендовано к изданию редакционно-издательским советом ГСГУ

Редакционная коллегия:

М. И. Бондаренко, А. В. Кулагин (отв. редактор), Г. С. Прохоров

НЗ4 Наука говорить с другими : сборник научных трудов к 70-летию Владимира Александровича Викторовича / отв. ред. А. В. Кулагин. — Коломна : Гос. соц.-гуманит. ун-т, 2020. — 377 с.
ISBN

В сборник, посвящённый 70-летию профессора В. А. Викторовича, вошли статьи и материалы, подготовленные его коллегами и друзьями. Тематика сборника отвечает научным интересам юбиляра. Книга завершается списком трудов учёного.

Издание адресовано специалистам-филологам и всем, кто интересуется историей русской литературы.

УДК 821.161.1(082)
ББК 83.3(2Рос=Рус)я34

Дизайн обложки: М. Я. Сорникова
В оформлении использована
гравюра Г. Доре «Иосиф толкует сны фараона»

ISBN

© Коллектив авторов
© Сорникова М. Я., обложка

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Личная и научная судьба Владимира Александровича Викторовича располагается как бы между тремя точками. Одна из них — Нижний Новгород, в ту пору ещё Горький. Там наш юбиляр окончил университет, там работал в областной молодёжной газете, одновременно начиная и свой научный путь под руководством Георгия Васильевича Краснова. Первым — и, как покажет время, главным — героем его трудов стал Достоевский, разыскания в области творчества и биографии которого увенчаны на сегодняшний день капитальной книгой учёного и педагога «Достоевский. Писатель, заглянувший в бездну». Но от Достоевского нить протянулась сначала к Пушкину, а затем и к более широкому историко-литературному контексту — к русской философской мысли, к сопровождавшему поиски великого романиста творчеству писателей «второго ряда», к литературно-журнальным схваткам, в которых и сам Фёдор Михайлович живо участвовал.

Вторым значимым местом стала Коломна, где молодой филолог оказался на рубеже семидесятых — восьмидесятых годов. В Коломне его научный потенциал развернулся в полной мере: как большой учёный он сформировался именно здесь, и здесь же два полных десятилетия заведовал кафедрой литературы. Его усилиями на кафедре стали проходить большие и весьма представительные научные конференции, налачился

регулярный выпуск сборников, заработал диссертационный совет... Это было время, когда нам говорили: берите суверенитета столько, сколько можете унести. И лидер коломенской филологии этого золотого времени не терял. Коломна спровоцировала и серьёзный интерес его к литературному краеведению, следствием которого стали работы о «коломенском тексте».

В самом начале коломенского своего периода молодой учёный как-то оказался в Даровом, где в те времена о Достоевском не напоминало почти ничто. Думал ли он сам тогда, какой новый поворот судьбы подстерегает его в заброшенной подмосковной усадьбе семьи великого писателя? Даровое стало третьей знаковой точкой на карте биографии нашего героя. Вот уже примерно четверть века он занят — да не просто занят, а фактически возглавляет работу по восстановлению усадьбы. Благодаря его подвижничеству, Даровое стало точкой мощного притяжения для многочисленных коллег-гуманитариев, приезжающих сюда на научные конференции и для оказания практической помощи, и волонтеров, среди которых тон задают его ученики — студенты и выпускники коломенского филфака. Некоторые из них так сроднились с этим местом, что считают его своим вторым домом. А штудии самого юбиляра, его *наука говорить с другими*, о которой размышлял в своём «Дневнике писателя» владелец Дарового (его, правда, смущало слово *наука*, в котором он слышал оттенок «упрощённости», но нас-то оно уж точно не смущает), — нашли новую прочную опору на зарайской земле.

Читатели этого сборника заметят, что все три точки (Нижний — Коломна — Даровое) на его страницах так или иначе отражены — в тематике статей ли, в авторском ли представительстве. Но не следует думать, что жизнь Владимира Александровича ограничивается этим треугольником. Профессор Викторovich — фигура как минимум общероссийского масштаба. Его доклады можно услышать на конференциях в Москве, Петербурге, Твери, Болдине, Старой Руссе... А ещё он — член редколлегии (и, само собой, активный автор) солиднейшего многотомного

энциклопедического словаря «Русские писатели» и вице-президент Международного Общества Достоевского, проводящего свои конференции в разных уголках мира — от Баден-Бадена до Нью-Йорка. Его авторитет в области достоевистики, пушкинистики и вообще истории русской литературы, в том числе критики, — неоспорим. А география поездок, диапазон интересов, читательская и слушательская аудитория пусть расширяются и дальше. С юбилеем, дорогой коллега!

I

Б. Н. Тарасов

Ф. И. ТЮТЧЕВ и Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ О «ДВОЙНОМ НЕВЕДЕНИИ»

(Образ России в западном идеологическом
и политическом сознании XIX века)

I

В раздумьях о тайне человека и истории, о судьбах России и Европы Достоевский приходил к выводу, что первая для второй была, является и ещё долго будет оставаться «загадкой сфинкса», неизвестной и неисследованной, непонятой и непонятой в большей степени, нежели, например, чем Китай и Япония. В единодушном согласии с ним в материалах к трактату «Россия и Запад» Тютчев замечал, что «западные люди, судящие о России, похожи на китайцев», а в статье «Россия и Германия» подчёркивал: «Своеобразие понимания Западом России походило в некоторых отношениях на первые впечатления, произведённые на современников открытиями Колумба»¹. Фигура Колумба останавливала внимание поэта как символ практического исторического новаторства, преодолевавшего «оптический обман» «старого мира» и открывавшего в «беспредельности туманной» «новый мир неведомый нежданный».

---

¹ *Тютчев Ф. И.* Полное собр. соч. и письма: В 6 т. М., 2003. Т. 3. С. 118.

По его наблюдениям, именно таким неведомым, неожиданным и непредсказуемым миром по-своему и воспринималась Россия на Западе, отказавшемся признавать за ней подлинную особость исторического пути и истинную новизну духовного и исторического содержания, видевшего в ней лишь разрастающуюся во все стороны материальную силу или угрозу для собственного существования. Такому положению вещей способствовал и «прозелитизм Запада, убеждённого, что всякое общество, не устроенное в точности по западному образцу, недостойно существования»².

«Во время своего могущества, — пишет Тютчев, — Запад даже затрагивал границы сего безымянного мира, вырвал у него несколько клочков и с грехом пополам присвоил их себе, исказив их естественные национальные черты»³. Речь идёт о славянских народностях, которые в ходе истории оказывались завоёванными ведущими европейскими государствами и испытывали постоянную угрозу утратить национальную идентичность. О разделении славян и искажении их естественных национальных особенностей Тютчев упоминает в стихах «К Ганке»: «Иноверец, иноземец // Нас раздвинул, разломил — // Тех обезъязычил немец, // Этих — турок осрамил...»

В представлении Тютчева славянский мир — это «целый Мир, единый в своем Начале, прочно взаимосвязанный в своих частях, живущий своей собственной, органической, самобытной жизнью». Главным принципом духовного единства и естественного отличия «Нового Света» Восточной Европы в целом он считал не племенное своеобразие, а «более христианское» православие, которое в меньшей степени, чем западный католицизм, испытывало воздействие фундаментальных языческих особенностей предшествующей истории. Подразумеваемые им коренные различия двух миров может пояснить мысль И. В. Киреевского о том, что «римская физиономия» классического язычества, не унаследованного Россией,

---

² Там же. С. 135.

³ Там же. С. 118.

вносила в христианскую культуру Запада побеждающие элементы секуляризации, мирской иерархичности, рационализма и индивидуализма.

Россия, подчёркивал Тютчев, «несёт в себе самой свой собственный принцип власти, но упорядочиваемой, сдерживаемой и освящённой Христианством». Он выделяет фундаментальное значение и иерархически главную роль христианства в понятиях «законной власти» и «империи». По его убеждению, именно это упорядочивание, сдерживание и освящение составляют всю силу, долговечность и «окончателность» принципа власти и предохраняют её от самодостаточного и саморазрушительного этатизма, гегемонического империализма и крайнего национализма. «Христианство, — отмечает И. С. Аксаков, — сказав человеку и человечеству высшее призвание вне государства, ограничив государство областью внешнего, значением только средства и формы, а не цели бытия, поставив превыше его начала божественной истины, низвело таким образом самый принцип государственной власти на низшее, подобающее ему место»⁴.

По Тютчеву, переворачивание этой фундаментальной ценностной иерархии произошло в эпоху Возрождения, когда теоцентризм уступает место антропоцентризму, утверждающему человека мерой всей, целиком и полностью от его планов и деятельности зависимой действительности, а абсолютные ценности, «высшие надземные стремления», религиозные догматы замещаются рационалистическими и прагматическими установками. Этот антропологический поворот, определивший сдвиг общественного сознания и проложивший основное русло для новой и новейшей истории, и стоит в центре внимания историософских размышлений поэта. Разорвавший с Церковью Гуманизм породил Реформацию, Атеизм, Революцию и всю «современную мысль западной цивилизации». «Мысль эта та-

---

⁴ Аксаков И. С. Ф. И. Тютчев и его статья «Римский вопрос и папство» // Православное обозрение. 1875. № 10. С. 528.

кова: человек, в конечном итоге, зависит только от себя самого как в управлении своим разумом, так и в управлении своей волей. Всякая власть зависит от человека, всё провозглашающее себя выше человека, — либо иллюзия, либо обман. Словом, это апофеоз человеческого я в самом буквальном смысле»⁵.

Тютчев раскрывает в истории фатальный процесс дехристианизации личности и общества, парадоксы самовозвышения эмансипированного человека, всё более теряющего в своей «разумности» и «цивилизованности» душу и дух и становящегося рабом собственной падшей природы. Комментируя его ход мысли, И. С. Аксаков отмечает: «Отвергнув бытие Истины вне себя, вне конечного и земного, — сотворив себе кумиром свой собственный разум, человек не остановился на полудороге, но увлекаемый роковой последовательностью отрицания, с лихорадочным жаром спешит разбить и этот новосозданный кумир, — спешит, отринув в человеке душу, обоготворить в человеке плоть и поработиться плоти... Овеществление духа, безграничное господство материи везде и всюду, торжество грубой силы, возвращение к временам варварства, вот к чему, к ужасу самих европейцев, торопится на всех парах Запад, — и вот на что Русское сознание, в лице Тютчева, не переставало, в течение тридцати лет, указывать европейскому обществу»⁶.

Для поэта «борьба между добром и злом» составляет основу мира, и в этом горизонте под «зримой оболочкой исторических поворотов событий и явлений, за внешними политическими столкновениями или дипломатическими конфликтами, за бурными дебатами парламентов или импозантностью королевской короны скрывается вечная война меняющего свои обличия Кесаря со Христом. «Великий тайнозритель природы, Тютчев и в истории оставался прозорливцем. Политические события были для него тайными знаками, символами подспудных процессов в глубинах. По ним он разгадывал последние

---

⁵ Лит. наследство. Федор Иванович Тютчев. М., 1989. Т. 97. Кн. 1. С. 206.

⁶ Аксаков И. С. Биография Федора Ивановича Тютчева М., 1886. С. 139.

тайны исторической судьбы... История обращалась для него в Апокалипсис»⁷.

Поэт полагал, что духовное начало в ходе жизни играет первостепенную роль, влияя на рост высших свойств личности или, напротив, на их угасание, что в конечном итоге предопределяет судьбы людей, народов и государств. В рамках такого подхода, выявляющего апокалиптические признаки современной цивилизации, Тютчев рассматривает и историческое своеобразие развития России как христианской империи.

Именно на стыке христианской метафизики, антропологии и историософии появляется понятие «христианской империи» как одно из центральных в тютчевской мысли (а не вообще империи или секулярного государства, как утверждают многие исследователи). По его убеждению, истинная жизнеспособность подлинной христианской державы заключается не в сугубой державности и материальной силе (безусловно необходимой, но в своей служебной роли), а в чистоте и последовательности её христианства, дающего духовно и нравственно соответствующих ей служителей. Подлинная христианская империя, наследницу которой Тютчев видел в России, вместе с объединённым ею славянством, тем и привлекала его, что само её идеальное начало (искажавшееся в реальной действительности) предполагает неукоснительное следование Высшей Воле, соотнесение всякой государственной деятельности с религиозно-этическим началом, духовно-нравственную наполненность «учреждений», что гораздо важнее для скрепляющего единства и истинного процветания державы, нежели внешняя сила и материальное могущество. В понимании поэта единство веры, государства и народа в монархическом правлении предполагало в идеале развитие всех сторон социальной, экономической и политической жизни, при котором разные слои общества не утрачивали бы её «царского» духовного измерения, добровольно умеряли бы эгоистические страсти и корыстные расчеты в

⁷ Флоровский Г. В. Тютчев и Владимир Соловьев: (Глава из книги) // Путь. Париж, 1933. № 41. С. 5.

свете совестного правосознания и свободного устремления к общему благу, органически сохраняли бы живые формулы человеческого достоинства: «быть, а не казаться», «служить, а не прислуживаться», «честь, а не почести», «в правоте моя победа». Он полагал, что через свободное и добровольное движение «вперёд», осознанную солидарность и активность граждан, сочетание элементов внешнего прогресса с лучшими традициями и человеческими качествами цементируют монархию как высшую форму государственного правления, которая опирается на связь с «Верховным Владыкой всяческих» и которой в силу этого отдавали дань предпочтения Жуковский, Пушкин, Гоголь, Достоевский и др.

Тютчев неоднократно настаивал на том, что как «духовенство без Духа есть именно та обуявшая соль, которую солить нельзя и не следует», так и «вещественная сила» Власти без сверхъестественной божественной основы, без глубокого нравственного сознания и примера обессоливается и обессиливается, подпадая под нигилистические следствия антропоцентрического своеволия и «тёмной основы нашей природы». И лишь при сохранении надлежащей иерархии и соподчинённости между «духом» и «телом» можно говорить о плодотворной жизнеспособности социально-государственной деятельности. Таким образом, в логике Тютчева первое начало в триаде Православие — Славянство — Держава является своеобразной закваской, Душой и Духом, без которых два других, как всякое языческое образование, подвержены, несмотря на любую внешнюю мощь, влияниям распада, усиления материальных appetitов, эгоистических инстинктов и интеллектуальной пустоты, что и приводит их к внутреннему подгниванию и постепенному «изнеможению».

Однако в монархическом устройстве России поэт обнаруживает ослабление первенствующей роли православного начала (к тому же всё более формализующегося и подчиняющегося государству) и соответственно проявление на свой лад «самовластия человеческого я», падение духовно-нравственного

состояния служителей христианской империи, усиление самочиния бюрократического государства. В результате монархия таит в себе опасности властного произвола, чрезмерной опеки чиновничества над народом, погашения личностной самодеятельности и творческого почина, необходимых для преодоления вечно подстерегающего застоя и для расцвета плодотворной жизнедеятельности.

Одну из важных причин течи в садившемся на мель государственном корабле российского самодержавия Тютчев видел как раз в ослаблении его сверхъестественной связи, в искажении надлежащей иерархии и субординации между религией и политикой, в «пошлом правительственном материализме», который в его рассмотрении не только не являлся альтернативой «революционному материализму», но оказывался его невольным и «невидимым» пособником. «Если власть за недостатком принципов и нравственных убеждений переходит к мерам материального угнетения, — отмечает он ещё один «естественный» закон духовного мира, — она тем самым превращается в самого ужасного пособника отрицания и революционного ниспровержения, но она начинает это осознать только тогда, когда зло уже непоправимо»⁸.

Подобно Ф. М. Достоевскому, Тютчев также и раньше его искал выхода из овладевшей Россией западной духовно-исторической традиции в неповреждённых корнях восточного христианства, сосредоточенного на духовном делании и преобразении, говоря словами Вл. Соловьёва, «тёмной основы нашей природы» (гордыни, тщеславия, алчности, зависти, властолюбия, сластолюбия, сребролюбия и т. п.) и сохранявшего в полноте и чистоте принципы Вселенского предания и переносящего их на принципы социально-государственного устройства.

В отсутствии понимания обозначенного исторического базиса Тютчев находит одну из принципиальных причин «внешней» и «внутренней» русофобии: «Добираясь до сути проявляемого к нам в Европе недоброжелательства и оставляя

⁸ Лит. наследство. Федор Иванович Тютчев. Т. 97. Кн. 1. С. 374.

в стороне высокопарные речи и общие места газетной полемики, мы находим вот какую мысль: «Россия занимает огромное место в мире, и тем не менее она представляет собою лишь материальную силу, и ничего более. Вот истинная претензия, а все остальные второстепенны или мнимы. Как возникла эта мысль и какова её цена? Она есть плод двойного неведения: европейского и нашего собственного. Одно является следствием другого. В области нравственной общество, цивилизация, заключающие в себе самих первооснову своего существования и развития, могут быть поняты другими лишь в той степени, в какой понимают себя сами: Россия — это мир, только начинающий осознавать основополагающее начало собственного бытия. А осознание этого начала и определяет историческую законность страны. В тот день, когда Россия вполне распознает его, она действительно заставит мир принять своё начало»⁹.

К аналогичному выводу приходил и А. С. Хомяков, писавший в статье «Мнение иностранцев о России»: «Недоброжелательство к нам других народов, очевидно, основано на двух причинах: на глубоком сознании различия во всех началах духовного и общественного различия России и Западной Европы и на невольной досаде перед этою самостоятельною силою, которая потребовала и взяла все права равенства в обществе европейских народов»¹⁰.

Свойственное «мнению иностранцев» игнорирование православного начала в «материальной силе» вызывало у них непонимание, удивление и страх перед ней, хотя она и не распространялась на отдалённые земли, за моря и океаны, как в европейских странах. «Огромный мир» России, пишет Тютчев, не формировался «так называемыми насилием и завоеваниями», а создавался «самым естественным и законным делом» — «просто состоялось необъятное воссоединение»¹¹. К сходному выводу приходил и Н. Я. Данилевский, которого Тютчев назы-

---

⁹ Тютчев Ф. И. Полное собр. соч. и письма. Т. 3. С. 130.

¹⁰ Хомяков А. С. О старом и новом. М., 1988. С. 54.

¹¹ Тютчев Ф. И. Полное собр. соч. и письма. Т. 3. С. 119.

вал «ревнителем в уровне с моими чаяниями и притязаниями»: «Русский народ не высылает из среды своей, как пчелиные улья, роёв, образующих центры новых политических обществ, подобно грекам — в древние, англичанам — в более близкие к нам времена. Россия не имеет того, что называется владениями, как Рим и опять-таки Англия. Русское государство от самых времён первых московских князей есть сама Россия, постепенно, неудержимо расширяющаяся во все стороны, заселяя граничащие с нею незаселённые пространства и уподобляя себе включённые в её государственные границы инородческие поселения»¹². Солидаризуется с этой логикой и А. И. Герцен: «Россия расширяется по другому закону, чем Америка, оттого что она не колония, не наплыв, не нашествие, а самобытный мир, идущий во все стороны»¹³. И вместе с тем он подчёркивает: «Никто не представляет как следует, что же собой представляют эти русские, эти варвары, эти казаки. Европа знает этот народ лишь по борьбе, из коей он вышел победителем. Цезарь знал галлов лучше, чем современная Европа знает Россию»¹⁴.

По непосредственным наблюдениям Тютчева, в 30–40-е годы XIX века западные люди, судящие о России лишь как о «материальной силе, материальном факте, вместе с “колонией образованных русских, говорящих их же собственным отраженным голосом”», испытывают «нечто среднее между уважением и страхом» перед победителем в исторической борьбе, обеспечивавшей как её собственное, так и европейское выживание. Он был беспристрастным свидетелем того, как благодарное уважение за освобождение от наполеоновской агрессии перерастало в хитросплетения мировой политики в искусственно нагнетаемый страх, превращавший Россию «в пугало для большинства представителей нынешнего поколения», «в какого-то людоеда XIX века». Усиление влияния России в Черноморском бассейне и на Ближнем Востоке постоянно вызывало подспудное сопротивление европейских стран, опасав-

¹² Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 485.

¹³ Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1934–1966. Т. 12. С. 428.

¹⁴ Там же. Т. 7. С. 140.

шихся объединения славян под эгидой русского царя и противопоставлявших ему экономическую экспансию, политическое давление и антирусскую пропаганду в прессе. Николай I представлял в фантастическом образе славянского Чингисхана, который якобы угрожает завоеванием всему Западу и даже целому человечеству. Этот образ распространялся среди политических деятелей и журналистов в различных европейских странах. Депутат Ф. Баадер, выступая в 1846 г. в Баденской палате, говорил о стремлении России к мировому господству и о её новом монгольском нашествии на Германию, особо предупреждая немецкие провинции со славянским населением. О распространённости подобных мнений свидетельствуют и личные впечатления отечественных путешественников. «Нас считают гуннами, грозящими Европе новым варварством», — говорили в 1835 г. студенты профессорского института (В. С. Печерин, М. С. Куторга, А. И. Чивилев и др.). — Профессора провозглашают это с кафедр, стараясь возбудить в слушателях опасения против нашего могущества»¹⁵.

О том же писал и А. Н. Карамзин из Парижа в 1837 г., говоря о ненависти к русским французского правительства и его единомышленников. А. Н. Карамзину как бы вторит А. И. Тургенев в своём дневнике: «Германия вся нас ненавидит»¹⁶. Подобные оценки и настроения совпадали с выводами из отчёта III Отделения за 1841 г.: «Против России сильно предубеждены в Германии. Источником недоброжелательства к русским почесть можно, с одной стороны, предания старинной политики европейских народов, с другой — зависть, внушаемую величием и силою нашей Империи, и мысль, что ей провидением предопределено рано или поздно привлечь в недра свои все славянские племена, и наконец, злобу против России партии революционеров, которые беспрестанно появляющимися в Англии, Франции и Германии пасквилями, изображая Россию самыми черными красками, гнусною клеветою стара-

---

¹⁵ *Никитенко А. В.* Дневник: В 3 т. М., 1955. Т. 1. С. 173.

¹⁶ Лит. наследство. Федор Иванович Тютчев. Т. 97. Кн. 2. С. 87.

ются вселить к ней особенную ненависть народов»¹⁷.

Особую активность в русофобии проявляли английские политики, которые активизировались при каждом повороте событий на Балканах. Так, еще в 1833 г. влиятельный член палаты общин банкир Т. Атвуд заявлял, что «пройдет немного времени... и эти варвары научатся пользоваться мечом, штыком и мушкетом почти с тем же искусством, что и цивилизованные люди...» Следовательно, не следует мешкать, а надо объявить войну России, «поднять против неё Персию, с одной стороны, Турцию — с другой. Польша не останется в стороне и Россия рассыплется, как глиняный горшок»¹⁸.

В английском парламенте раздавались оскорбительные выпады против Николая I и Екатерины II, «чудовищной бабки чудовищного императора» и даже «разнузданной проститутки». Значительный вклад в антирусскую пропаганду внес публицист Д. Уркварт (использовавший полученные им от польской эмиграции якобы подлинные документы русской дипломатии), который в своих книгах и брошюрах обвинял Россию в намерении захватить Константинополь и проливы и распространить своё влияние на всём Ближнем Востоке и в Азии, вплоть до похода на Персию и Индию. 19 февраля 1836 г. лорд Дадли в верхней палате заявил, что нельзя мириться с агрессивными планами России и что Англия, «если необходимо, готова к войне против неё». Российский посол в Лондоне, граф Поццо ди Борго сообщал в Петербург, что мысль о близком завоевании Индии Россией широко распространена в Англии: «Этот план засел здесь во всех головах, невзирая на всю естественную невероятность и положительную фальшь». Посол пытался доказать это Пальмерстону, но тот, соглашаясь, что в данное время русский поход на Индию невозможен, утверждал тем не менее, что «к этому идёт дело»¹⁹. Английские политики во многом ис-

¹⁷ Цит. по: Мильчина В., Осоват А. Комментарии // Кюстин А. Россия в 1839 году: В 2 т. М., 2001, Т. 2. С. 260.

¹⁸ Цит. по: Виноградов В. Н. Николай I в «Крымской ловушке» // Новейшая история. 1992. № 4. С. 31–32.

¹⁹ Ерофеев Н. А. Туманный Альбион. М., 1982. С. 275.

пользовали воображаемую «русскую угрозу» для дальнейшего расширения своих колониальных владений под лозунгом защиты их безопасности.

Наблюдения Тютчева касаются и «стоглавой гидры парижской прессы, извергающей на нас громы и молнии»²⁰. Отрицательное отношение во Франции к правлению Николая I заметно проявилось после Июльской революции 1830 г., когда восторжествовавший либерализм рассматривал русского царя как самого непримиримого и опасного врага, который хотел бы восстановить свергнутого короля Карла X и который служил главной опорой для христианской политики в Священном союзе. И хотя среди легитимистов, противников революции, сторонников монархии и возвращения на трон старшей ветви Бурбонов раздавались голоса в пользу союза с Россией, господствовали в «стоглавой гидре» всё же противоположные мнения, принимавшие порою форму брани²¹. Чаще же всего на страницах французской печати обсуждалась тема русской угрозы. Такие подозрения в стремлении захватить весь мир, задушить цивилизацию и превратить Европу в казачий или башкирский стан П. А. Вяземский называл «балаганными обвинениями на улицах и в газетах Парижа для того, чтобы напугать или позабавить зевак». Речь, однако, шла не столько об испуге и забавах зевак, сколько о влиянии на реальную политику. Так, граф Ш. Ф. Монталамбер, пэр Франции и католический публицист, прилагавший немало усилий для поддержания польской эмиграции в её противостоянии с Россией, писал о последней как о предмете лести для одних, неосведомлённости для других, инстинктивного страха для всех, как о стране, «которую мы, не колебаясь, объявляем наибольшим врагом всего, что нам ещё осталось спасти от христианского

---

²⁰Тютчев Ф. И. Полное собр. соч. и письма. Т. 3. С. 127.

²¹ См. об этом: *McNally Raymond Th.* Das Russlandbild in der Publizistik des Frankreichs zwischen 1814 und 1843 // *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*. 1958. Bd. VI. S. 82–169; Cadot M. *Les Russes dans la vie intellectuelle française 1839–1856*. P., 1967.

общества»²². Примером распространившихся во Франции публичных представлений о России может служить её карикатурная история (*Historie dramatique, pittoresque et caricaturale de la Sainte Russie* — Драматичная, живописная и карикатурная история Святой Руси. Париж, 1854), иллюстрированная Г. Доре и наполненная картинками нагаек, кнутов, кровавых следов от пыток, лежащих «пачками» на карточных столах рабов, которых проигрывают и выигрывают их хозяева. О подобных представлениях свидетельствует и А. И. Тургенев в письме к П. А. Вяземскому: «*Les mystères de la Russie*» («Тайны России» — *фр.*) вышла только первая страница с ж...ми в русских банях. Девушке в руки взять нельзя, и Смирнова не могла показать брошюры Елене Мещерской <...> Автор тот же Fournier (Фурнье — *фр.*; М. Fournier — автор изданной в 1844 г. в Париже брошюры «*Russie, Allemagne et France*» — «Россия, Германия и Франция» — *Б. Т.*), что собрал враньё о России в одной книжке. Очень злого не будет, вероятно, а просто дрянь — всякая всячина из печатных и салонных дразгов»²³.

В одном из донесений в III Отделение Я. Н. Толстой так разграничивал «громы и молнии» во французской печати 1830-х гг.: «В полемике, ведущейся против нас, следует различать два враждебных лагеря: одни во имя определённого принципа хотят принизить нашу страну, оскорбить и оклеветать её — это неисправимые; для них борьба — вопрос решённый, и их девиз: война не на жизнь, а на смерть, и таким отвечать незачем! Другие не знают России, они наивно принимают клевету за правду и огорчаются тем, что узнают, — это противники по неведению, их надо просветить, открыть им ряд фактов и, не вступая с ними в спор и воздерживаясь от возражений, просто противопоставить клевете совокупность данных, её

---

²² Цит. по: *Тарле Е. В.* Самодержавие Николая I и французское общественное мнение // *Былое*. 1906. № 9. С. 26.

²³ Остафьевский архив князей Вяземских. СПб. 1899. Т. 4. С. 286.

убивающую»²⁴.

По словам немецкого исследователя Д. Гро, весь XIX век на Западе шла «идеологическая борьба против России под девизом борьбы с деспотией, развития против стагнации, культуры с варварством»²⁵.

II

Непосредственным свидетелем этой борьбы, аналитиком плодов «двойного неведения» (европейского и нашего собственного) основополагающих принципов духовного, государственного, общественного и культурного развития России и Европы становится и Достоевский, — призывая обучаться России «как науке» и словно солидаризируясь в ходе своей мысли с Тютчевым. Мы для западных людей, пишет он, «совсем другой мир, точно с луны сошли, так что им даже существование наше допустить трудно»²⁶.

В «Дневнике писателя» Достоевский подчеркивает: «Об России же самые образованные европейские государства со страстью распространяют теперь совершенные нелепости. В Европе и прежде нас мало знали, даже до того, что всегда, надо было удивляться, что столь просвещённые народы так мало интересуются изучить тот народ, который они же так ненавидят и которого постоянно боятся. Ведь, уж конечно, им бы хотелось возбудить у себя повсеместно к нам ненависть «как к опасным противникам их цивилизации», — и вот они же представляют нас в упавшем виде, в смешном до позора слабосилии как военной державы и как государственного организма. Но ведь кто так слаб и ничтожен, тот может ли возбуждать опасения и против себя коалиции? А им именно нужно настроить против нас своё общество»²⁷. И ещё из «Дневника писателя»: «Не хотели европейцы нас почесть за своих ни за что, ни за

²⁴ Лит. наследство. М., 1937. Т. 31–32. С. 572.

²⁵ Цит. по: Славяно-германские исследования. М., 2000. Т. 1–2. С. 349.

²⁶ *Достоевский Ф. М.* Полное собр. соч.: В 30 т. Л., 1972–1990. Т. 25. С. 200.

²⁷ Там же. Т. 26. С. 28.

какие жертвы и ни в каком случае: Grattez, дескать, le russe et vous verrez le tartare²⁸, и так и доселе. Мы у них в пословицу вошли <...> Они именно удивлялись тому, как это мы, будучи такими татарами (les tartares), никак не можем стать русскими; мы же никогда не могли растолковать им, что мы хотим быть не русскими, а общечеловеками. Правда, в последнее время они что-то даже поняли. Они поняли, что мы чего-то хотим, чего-то им страшного и опасного; поняли, что нас много, восемьдесят миллионов, что мы знаем и понимаем все европейские идеи, а что они наших русских идей не знают, а если и узнают, то не поймут; что мы говорим на всех языках, а что они говорят лишь на одних своих, — ну и многое ещё они стали смекать и подозревать. Кончилось тем, что они прямо обозвали нас врагами и будущими сокрушителями европейской цивилизации. Вот как они поняли нашу страстную цель стать общечеловеками!»²⁹

Татарско-азиатский акцент в характеристике России как «сибирского медведя» и одновременно «рабской страны» Достоевский не мог не заметить при чтении западной прессы, использовавшей метафорическую лексику для описания разных сфер российской действительности: «Для страны — бескрайняя степь, леденящий полярный круг, Сибирь; для подданных — казаки, киргизы, калмыки, башкиры, татары, курносые, узкоглазые азиаты; для династии и царей — Танталов род, смесь рабства и деспотизма, отцеубийца, народоубийца, лицемер, персонифицированное зло; для общественной сферы — варварство, кнут, нагайка, запах сала и дёгтя; для отношений к соседям — дремлющий великан, распластавшийся гигант, чудовище, хищная птица, борьба между светом и тьмой, солнечным светом и ледяным холодом»³⁰.

О том, как пресса питала не только политические умы, но

---

²⁸ Поскребите русского, и вы увидите татарина (*фр.*).

²⁹ *Достоевский Ф. М.* Полное собр. соч. Т. 25. С. 22.

³⁰ См. об этом: *John P.* Russophilie und Konservatismus: Dir Russophilie Literature in der deutschen Öffentlichkeit 1831–1852. Stuttgart, 1980. S. 200.

и поэтическое воображение, можно судить по стихам «Карта Европы» почитавшегося Достоевским В. Гюго: «О русские! Народ, бредущий в тундре снежной, // В Санкт-Петербурге — раб, раб — в тундре безнадежной, // Сам полюс для него стал черною тюрьмой; // Россия и Сибирь, — о царь! тиран кровавый! // Два края скорбные чудовищной державы: // Один — Насилие, Отчаянье — другой!»³¹

Причину такой «аберрации умов» и воображаемых угроз и страхов Достоевский видел, подобно Тютчеву, в историческом движении духовных основ на Западе от католицизма и протестантизма к атеизму и материализму, от обоготворения разума к обоготворению плоти в «самовластии человеческого Я».

Изначально Европа для Достоевского, как и для всей страны, оказалась континентом «упорных верований», «долгих томлений и ожиданий», «святых чудес», где «провозгласили права человечества, создали науку и изумили мир её силой, одухотворили и восхитили душу человеческую искусством и его святыми идеалами, зажгли восторг и веру в сердцах людей, обещая им уже в близком будущем справедливость и истину...» У русских, подчёркивал Достоевский, «две родины» — «наша Русь и Европа»: «Европа — но ведь это страшная и святая вещь, Европа! О, знаете ли вы, господа, как дорога нам, мечтателям-славянофилам, по-вашему, ненавистникам Европы — эта самая Европа, эта “страна святых чудес”!.. Знаете ли вы, до каких слёз и сжатий мучают и волнуют нас судьбы этой дорогой и родной нам страны?»³²

Вместе с тем, Достоевский с горечью обнаруживает, что «чудеса» многовекового исторического и культурного строительства на Западе молчат, отступили в тень перед новыми «идеалами», когда «высшее место в Европе отведено миллиону», когда вырабатывается «самый главный кодекс нравственности» (накопить фортуны и иметь побольше вещей), когда господствующий индивидуализм отодвигает в сторону всякое

---

³¹ Гюго В. Избр. произведения. М., 1928. С. 61.

³² Достоевский Ф. М. Полное собр. соч. Т. 25. С. 197–198.

помышление об общем благе. Рядом с «первой» Европой вдохновенного духа, могучей культуры, гуманистических идеалов в непосредственном сознании писателя выстраивалась и «вторая» Европа корыстных побуждений, усреднённых стандартов, мельчающего вкуса. Европа духовного нигилизма и разрушительного позитивизма, где «Бог умер» (Ницше), а «средний европеец» становится орудием «всемирного разрушения» (К. Н. Леонтьев), вызывала у Достоевского самые тревожные мысли и чувства. Он принадлежал к числу первых и наиболее последовательных аналитиков тех духовно-душевных последствий, которые ведут к оскудению человеческого в человеке и подмене ценностей, а стало быть, «невидимо» угрожают не только нормальному развитию, но и самому существованию общества. Международная промышленная выставка в Лондоне, словно символизировавшая высший результат западной цивилизации, заставила его записать следующие слова: «Да, выставка поразительна. Вы чувствуете страшную силу, которая соединила тут всех этих бесчисленных людей, пришедших со всего мира, в едино стадо; вы сознаёте исполинскую мысль; вы чувствуете, что тут что-то уже достигнуто, что тут победа, торжество. Вы даже как будто начинаете бояться чего-то. Как бы вы ни были независимы, но вам отчего-то становится страшно. Уж не это ли, в самом деле, достигнутый идеал? — думаете вы; — не конец ли тут?.. Не придётся ли принять это, и в самом деле, за полную правду и занеметь окончательно?»³³

Подобные признаки, двусмысленно ориентированные по отношению к духовному и нравственному миру человека, реалистические, слишком реалистические метаморфозы столь притягательной страны «святых чудес» вызывали у Достоевского вполне определённые, порою предельно резкие мысли и чувства. То там, то здесь его удручает грызня партий, пауперизм, «страшная посредственность во всём», сытое самодовольство, отношение к бедности как к преступности. Наблюдая социально-кастовые перемены в обществе, он убеждается, что господ-

---

³³ *Достоевский Ф. М.* Полное собр. соч. Т. 5. С. 69.

ство рыцарей и феодалов сменилось властью так называемого третьего сословия и что свобода, равенство и братство оказались лишь громкими фразами. Буржуазия изменила весь лик Европы, провозгласив превыше всего интересы цивилизации, т. е. производство, богатство, «спокойствие, нужное капиталу».

Цивилизация не даёт, однако, глубокой духовной культуры, которая преобразила бы весь строй ценностного мира человека, более того, бесконечно разнообразит, мельчит и множит эгоистические стимулы его поведения. «Рыба ищет, где глубже, а человек где лучше». «Бог за всех, а каждый за себя», «после меня хоть потоп», «счастье лучше богатства» — эти и подобные им бессознательные общественные формулы Запада, буржуазного катехизиса вызывали острое неприятие писателя.

По логике Достоевского, в такой общественно-исторической ситуации, посреди всемирных выставок и роскошных отелей, банков, ассоциаций, акционерских компаний и железных дорог происходит незримая трансформация ценностных основ бытия. «О, конечно, человек всегда и во все времена боготворил материализм и наклонен был видеть и понимать свободу лишь в обеспечении себя накопленными изо всех сил и запасёнными всеми средствами деньгами. Но никогда эти стремления не возводились так откровенно и так поучительно в высший принцип, как в нашем девятнадцатом веке. Наступает вполне торжество идей, перед которыми никнут чувства человеколюбия, жажда правды, чувства христианские, национальные и даже народной гордости европейских народов. Наступает, напротив, материализм, слепая, плотоядная жажда личного материального обеспечения, жажда *личного* накопления денег всеми средствами — вот всё, что признано за высшую цель, за разумное, за свободу, вместо христианской идеи спасения лишь посредством теснейшего нравственного и братского единения людей»³⁴.

По Достоевскому, в такой ценностной атмосфере и при таком состоянии сознания формируются аксиологические и

---

³⁴ Достоевский Ф. М. Полное собр. соч. Т. 25. С. 84–85.

психологические предпосылки; несмотря на демократические установления, цивилизационные достижения, научные открытия и юридические законы, для перерастания мира в войну, социальных катастроф и торжества права материальной силы. Говорят, размышляет он, что мир родит богатство, но ведь только десятой части людей. От излишнего накопления богатства в одних руках развивается грубость чувств, жажда капризных излишеств и ненормальностей, возбуждается сладострастие, провоцирующее одновременно жестокость и слишком трусливую заботу о самообеспечении. Болезни богатства, полагает писатель, передаются и остальным девяти десятым, хотя и без богатства. Панический страх за себя сообщается всем слоям общества и вызывает «страстную жажду накопления и приобретения денег». Утробный эгоизм и приобретательская самозащита умерщвляют духовные запросы и веру в братскую солидарность людей на христианских началах. «В результате же оказывается, что буржуазный долгий мир, всё-таки, в конце концов, всегда почти сам зарождает потребность войны, выносит её сам из себя как жалкое следствие... из-за каких-нибудь жалких биржевых интересов, из-за новых рынков... из-за приобретения новых рабов, необходимых обладателям золотых мешков, словом, из-за причин, не оправдываемых даже потребностью самосохранения, а, напротив, именно свидетельствующих о капризном, болезненном состоянии национально-го организма»³⁵.

Именно с позиций такой аксиологии и духовно-нравственной антропологии и формировалось, как полагает Достоевский, отношение европейской политики к растущей государственной мощи России, появились применительно к ней угрожающие образы и сравнения без учета иной аксиологии, иных духовно-нравственных принципов и своеобразия исторического бытия России.

Бескорыстная защита угнетённых православных христиан на Востоке воспринималась на Западе как завоеватель-

---

³⁵ Там же. Т. 25. С. 102.

ское стремление к мировому господству и как политический панславизм. В 1841 г. Н. И. Надеждин писал из Вены, что «со всех концов Германии бьют тревогу; распускают слухи, подозрения, страхи; проповедают вообще ополчение против какого-то страшилища, окрещённого мистическим именем “панславизма”»³⁶. О всепроникновенности страшилища можно судить по словам персонажа соллогубовского «Тарантаса»: «Иногда за табльдотом делали ему самые ребяческие вопросы: скоро ли Россия завладеет всем светом? правда ли, что в будущем году Цареград назначен русской столицей? Все газеты, которые попадались ему в руки, были наполнены соображениями о русской политике. В Германии панславизм занимал все умы. Каждый день выходили из печати глупейшие насчет России брошюры и книги»³⁷. Г. Гейне в корреспонденции из Парижа от 31 января 1841 г. призывал в связи с осложнениями на Востоке не опасаться религиозного рвения мусульман: оно «явилось бы лучшим оплотом против стремления Московии, которая замышляет не более, не менее, как завоевать или хитростью добыть на берегах Босфора ключ ко всемирному господству»³⁸. Автор изданной в 1843 году в Лейпциге анонимной брошюры «Славяне, русские, германцы. Их взаимоотношения в настоящем и будущем» подчёркивает, что европейские публицисты подразумевают за термином панславизм столько тайных тенденций со скрытыми политическими целями, что стремятся «замарать его нечистотами, изобразить его в виде страшилища, окутанного в “северную ночь”, и неразрывно связать его в своем распалённом воображении с русским кнутом и заснеженными полями. А ведь это мужи, которые с такой беспримерной яростью нападают на панславизм, принадлежат в Германии как раз к партии, которая называет себя “либеральной”, к той партии, которая с несказанным воодушевлением

---

³⁶ Москвитянин. 1841. Ч. III. № 6. С. 515.

³⁷ Соллогуб В. А. Тарантас: Путевые впечатления. М., 1982. С. 211.

³⁸ Гейне Г. Собр. соч.: В 10 т. Л. 1956–1959. Т. 8. С. 119.

ратует за идею “германского единства”, “единой объединённой Германии”, великой немецкой нации»³⁹.

«Славянская идея» у Достоевского, как и у Тютчева, неотделима от православной основы, из которой изначально выросло русское государство. Вступая в дискуссию с ответственными либералами, которые видели в объединении славян обречённость на «вечную распрю в Европой», на «её ненависть к нам», автор «Дневника писателя» отмечал: «И ведь действительно им неизвестно, что Восточный вопрос (то есть и славянский вместе) вовсе не славянофилами выдуман, да и никем не выдуман, а сам родился, и уже очень давно — родился раньше славянофилов, раньше нас, раньше вас, раньше даже Петра Великого и Русской империи. Родился он при первом сплочении великорусского племени в единое русское государство, то есть вместе с царством Московским. Восточный вопрос есть исконная идея Московского царства, которую Пётр Великий признал в высшей степени и, оставляя Москву, перенёс с собой в Петербург. Пётр в высшей степени понимал её органическую связь с русским государством и с русской душой. Вот почему идея не только не умерла в Петербурге, но прямо признана была бы *русским назначением* всеми преемниками Петра. Вот почему её нельзя оставить и нельзя ей изменить. Оставить славянскую идею и отбросить без разрешения задачу о судьбах восточного христианства (NB. сущность Восточного вопроса) — значит, всё равно что сломать и вдребезги разбить всю Россию, а на место её выдумать что-нибудь новое, но только уже совсем не Россию. Это было бы даже и не революцией, а просто уничтожением, а потому и немислимо даже, потому что нельзя же уничтожить такое целое и вновь переродить его совсем в другой организм»⁴⁰.

---

³⁹ Цит. по: Волков В. К. К вопросу о происхождении терминов «пангерманизм» и «панславизм» // Славяно-германские культурные связи и отношения. М., 1969. С. 46.

⁴⁰ Достоевский Ф. М. Полное собр. соч. Т. 26. С. 30.

Как и у Тютчева, восточное христианство у Достоевского в триаде Православие — Славянство — Держава выступает как своеобразная закваска и дух, без которых историческое бытие других составляющих изнемогает, под бременем несовершенных проектов и энтропийных свойств в «самовластии человеческого я». Этот фундаментальный (а не этнический) аспект он подчёркивает и у славянофилов: «Они прямо, в ясных и точных выводах заявляли, что Россия, вкупе со славянством и во главе его скажет величайшее слово всему миру, которое тот когда-либо слышал, и что это слово именно будет заветом общественного единения, и уже не в духе личного эгоизма, которым люди и нации искусственно и неестественно единятся теперь в своей цивилизации, из борьбы за существование, положительной наукой определяя свободному духу нравственные границы, в то же время роя друг другу ямы, произнося друг на друга ложь, хулу и клевету. Идеалом славянофилов было единение в духе истинной широкой любви, без лжи и материализма и на основании личного великодушного примера, который предназначено дать собою русскому народу во главе свободного всеславянского единения Европе»⁴¹.

Достоевский как бы перекликается с мыслями позднего Чаадаева о том, что Россия не имеет идей, страстей и интересов Европы, сохраняет в неповреждённой целостности дух и смысл восточного христианства и потому должна, если уразумеет свое призвание, проводить «политику человеческого рода». В духовных ценностях, истории, культуре, психологии народа Достоевский искал залогов такой политики, противопоставляемой им апокалиптическим тенденциям мировых процессов в попытках «устроиться без Бога и без Христа», которые приводят к замене «единственной формулы спасения человека» («Возлюби ближнего своего как самого себя») «научными» выводами вроде «борьбы за существование».

Когда провозглашаемую Достоевским возможность духовно и нравственно обеспеченной политики называли кликуше-

---

⁴¹ Там же. Т. 25. С. 20.

ством или местничеством, он возражал, что она могла бы быть проводником высшего реализма и прагматизма, если бы не риторически, а на деле осуществлялась. Исторический процесс показывал ему реальную утопичность разных гуманистических проектов с их реформами, революциями и войнами. По его убеждению, в основе такого утопизма лежит фундаментальная онтологическая и антропологическая закономерность: сознательное, бессознательное или даже воинственное, насильственное забвение идеального измерения бытия и божественного происхождения человека при одновременно автоматически необходимой опоре на здравый смысл и разумный эгоизм, экономическую выгоду и утилитарную мораль умаляет высшие смысловые связи людей и предполагает снижающие, вулгаризирующие модификации их проектов. По Достоевскому, забвение своей «высшей половины», образа Божия, «закона любви», есть болезнь (люди больны своей болезнью, то есть утилитарной рассудочностью, иррационально оборачивающейся духовными и историческими провалами), без лечения которой в конце концов неизбежно торжествует «скотство» и «языческие фантазии», возрождаются древние языческие идо­лы. Он заключал, что общество имеет предел своей деятельности, тот забор, на который оно наткнётся и остановится из-за своего нравственного состояния.

«Двойное неведение» в осознании подобных вопросов, конечно же, удручало Достоевского, который ясно представлял почти непреодолимые трудности на историческом пути в условиях «умственного бесстыдства и духовного разложения», когда, по словам Тютчева, «ложь, злая ложь растлила все умы и целый мир стал воплощённой ложью».

Одну из многочисленных трудностей он выразил в пророческом предсказании о мутациях и метаморфозах «славянской идеи» в прямо противоположном направлении: «по внутреннему убеждению моему, самому полному и непреодолимому, — не будет у России, и никогда еще не было, таких ненавистников, завистников, клеветников и даже явных врагов, как все эти

славянские племена, чуть только их Россия освободит, а Европа согласится признать их освобождёнными! <...> Начнут же они, по освобождении, свою новую жизнь, повторяю, именно с того, что выпросят себе у Европы, у Англии и Германии, например, ручательство и покровительство их свободе, и хоть в концерте европейских держав будет и Россия, но они именно в защиту от *России* это и сделают. Начнут они непременно с того, что внутри себя, если не прямо вслух, объявят себе и убедят себя в том, что России они не обязаны ни малейшею благодарностью, напротив, что от властолюбия России они едва спаслись при заключении мира вмешательством европейского концерта, а не вмешайся Европа, так Россия, отняв их у турок, проглотила бы их тотчас же, имея в виду расширение границ и основание великой Всеславянской империи на поработении славян жадному, хитрому и варварскому великорусскому племени <...> Особенно приятно будет для освобождённых славян высказывать и трубить на весь свет, что они племена образованные, способные к самой высшей европейской культуре, тогда как Россия — страна варварская, мрачный северный колосс, даже не чистой славянской крови, гонитель и ненавистник европейской цивилизации»⁴².

Тем не менее, как и Тютчев, Достоевский не терял надежды на преодоление «двойного неведения» в перспективе извлечения уроков из грядущих исторических катаклизмов и испытаний, в которых славяне вообще потеряют национальную идентичность и растворятся в цивилизационном мареве. Тогда, полагал он, найдутся люди, понимающие, что значила, значит и будет значить Россия, хотя они и будут поначалу подвергаться политическому гонению. Достоевский настаивал также, что нельзя заменять духовное единение политическим руководством. По его мнению, в эпоху господства циничной меркантильности особенно важно не переходить тот предел, за которым братская помощь ради равноправного единства всех

---

⁴² *Достоевский Ф. М.* Полное собр. соч. Т. 26. С. 78–79.

славян «во имя Христовой истины», то есть на пользу, любовь и службу всему человечеству, может превратиться в насаждение государственной и экономической зависимости.

Достоевский приходил к выводу, что России необходимо самой освободиться от «двойного неведения» и «бесперывно, делом и великим примером» показывать братским народам онтологическую и историческую необходимость соединения Славянского вопроса и Восточного вопроса. «Зачем брать России на себя такую заботу? Для чего: для того, чтобы жить высшею жизнью, великою жизнью, светить миру великой, бескорыстной и чистой идеей, воплотить и создать в конце концов великий и мощный организм братского союза племён, создать этот организм не политическим насилием, не мечом, а убеждением, примером, любовью, бескорыстным светом — вот и выгоды её, если хотите. Если нации не будут жить бескорыстными идеями и высшими целями служения человечеству, а только будут служить одним своим “интересам”, то погибнут эти нации несомненно, окаменеют, обессилеют и умрут. А выше целей нет, как те, которые поставит перед собой Россия, служа славянам бескорыстно и не требуя от них благодарности, служа их нравственному (а не политическому лишь) воссоединению, в великое целое. Тогда только скажет всеславянство своё новое целительное слово человечеству... Выше таких целей не бывает никаких на свете. Стало быть, и «выгоднее» ничего не может быть для России, как иметь перед собой эти цели, всё более и более уяснять их себе самой и всё более и более возвышаться духом, в этой вечной, неустанной и доблестной работе своей для человечества»⁴³.

Работа выполнена при поддержке РФФИ. Проекты № 18-012-00389 (Тютчев Ф. И.: личность и мировоззрение, творчество и общественно-государственная деятельность в социально-историческом и идейно-культурном контексте) и № 18-012-90043 (Анализ, интерпретация и понимание как методологические установки в изучении наследия Достоевского).

---

⁴³ Там же. С. 81–82.

В. Н. Захаров

НАРОДНАЯ ТЕМА В ТЕЗАУРУСЕ ДОСТОЕВСКОГО — РЕДАКТОРА «ГРАЖДАНИНА» (1873–1874)

К деятельности Достоевского давно пристало прилагательное гениальный: гениальный писатель, романист, фельетонист, читатель, наконец гениальный журналист, но — какой редактор?

Достоевский редактировал периодические издания — журналы «Время» и «Эпоха», еженедельник «Гражданин». В рутинном деле он решал оригинальные творческие задачи: создал почвенничество — новое идейное направление в русской литературе, формулировал эстетические идеи и концепции, пытался продолжить направление «Времени» в «Эпохе» и спасти журнал после смерти брата, в 1873–1874 гг. преобразовал еженедельник «Гражданин» в орган «петербургского славянофильства», сочинял и сам издавал «Дневник Писателя».

Редактирование этих изданий проходило в разных условиях: в 1860–1864 гг., благодаря поддержке брата, Достоевский был свободен в реализации редакционных требований. Братья создали журнал, в котором были анонимные рубрики «Внутреннее обозрение», «Наши домашние дела», «Политическое обозрение» (их вели постоянные сотрудники), анонимны были фельетоны, многие критические и публицистические статьи, которые имели редакционный характер. Лишь некоторые авторы удостоивались права

литературной подписи. Анонимность критики и публицистики была обязательным условием сотрудничества для многих авторов во «Времени».

О том, что редакционная критика и полемика были заботой именно Фёдора Достоевского, свидетельствует история второго журнала братьев Достоевских. «Эпоха» началась без Ф. Достоевского, который с ноября 1863 по апрель 1864 г. жил преимущественно в Москве, заботясь об умирающей жене. В составе первых четырёх номеров, выпущенных в марте–июне 1864 года М. Достоевским, почти все статьи подписаны полными авторскими именами или узнаваемыми псевдонимами. Приступив к редактированию журнала с пятого номера, Достоевский начал вводить редакционные и анонимные материалы, подав пример своей полемической статьей «Господин Щедрин, или Раскол в нигилистах», восстановил рубрики «Наши домашние дела» и «Политическое обозрение», но многое не успел: за шесть месяцев он должен был выпустить семь номеров.

Так же было и в процессе издания «Гражданина». Если сравнить еженедельник Мещерского до и после редакторства Достоевского, сразу обнаруживается склонность гениального романиста и фельетониста к редакционным статьям.

Редакторская работа Достоевского в «Гражданине» сложнее, чем она может предстать воображению современного читателя. Вся редакция состояла из нескольких человек: два редактора — В. П. Мещерский и Ф. М. Достоевский, секретарь В. Ф. Пуцыкович, сотрудники А. У. Порецкий и москвич И. Ю. Некрасов, авторы, писавшие «даровые» статьи: К. П. Победоносцев, Т. И. Филиппов. Они обеспечивали основной корпус текстов. От типографии в издании участвовали метранпаж М. А. Александров и корректор В. В. Тимофеева. Заботами этих людей каждый понедельник читатели получали новый номер «Гражданина». «Внештатные» авторы и корреспонденты еженедельника работали с редакторами — собственником и издателем. Достоевский предпочитал, чтобы

решение о публикации статей принимал Мещерский, он же редактировал статьи, одобренные редактором-собственником. В. А. Викторovich справедливо назвал возникший в процессе редактирования корпус текстов «Гражданина» «коллективным творчеством»¹.

Редакционные статьи в «Гражданине» — особый жанр, в котором доминировали установки редактора-собственника и редактора-издателя, но не всегда. Мещерский избегал править Достоевского, но Достоевский правил всех, в том числе и Мещерского. Под всеми подписанными и анонимными статьями газеты-журнала «Гражданин» *не просто так* стоит подпись «Редакторь—Издатель *Ө. М. Достоевский*». Он печатал лишь те статьи, с которыми был согласен, под которыми он мог поставить свою подпись редактора².

Как появлялись редакционные статьи? Иногда это был заказ одного из редакторов с ясно выраженным заданием сотруднику или автору, но, как правило, редакционные статьи писали Мещерский и Достоевский. Все они были результатом обсуждения темы на обедах или журфиксах князя Мещерского, совещаний в типографии или редакции еженедельника. В пылу дискуссий обычно доминировал Достоевский, он же зачастую и правил тексты.

В «Гражданине» есть статьи, которые подписаны другими именами, но переписаны, переделаны или «обделаны» редактором. Здесь важно установить, в какой мере редактирование становится авторством и соавторством или остаётся редакторской работой.

¹ Викторovich В. А. Достоевский. Коллективное. «Гражданин» как творчество редактора // *Неизвестный Достоевский*. 2015. № 4. С. 11–20 [Электронный ресурс]. URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1453710211.pdf. DOI 10.15393/j10.art.2015.2502 (дата обращения: 19.12.2019).

² О статусе редакционных статей в изданиях Достоевского см.: Захаров В. Н. О статусе редакционных статей в изданиях Достоевского // *Неизвестный Достоевский*. 2017. № 1. С. 3–17 — http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1493122152.pdf. DOI: 10.15393/j10.art.2017.3083 (дата обращения: 19.12.2019).

Одним из методов атрибуции и способов выявления редактирования текста является тезаурусный анализ. Казалось бы, мы пользуемся одними и теми же словами, но по-разному их понимаем и употребляем. У каждого автора свой тезаурус. Он не статичен, а динамичен.

Корпус текстов «Гражданина» представляет собой множество индивидуальных тезаурусов. Задачей редактора была их интеграция. В чем выражается их целостная общность?

У Достоевского были свои характерные «слова» и «словечки», по его выражению.

Одно из них — слово *стушеваться*. Достоевский ставил себе в заслугу то, что он ввёл это слово в русскую литературу. Об этом он рассказал в одной из главок «Дневника Писателя» за ноябрь 1877 год, которая так и называется «История глагола “стушеваться”».

В «Гражданине» 8 употреблений слова *стушеваться*: один раз в авторском тексте Достоевского, семь раз в текстах, подписанных другими авторами или их псевдонимами: Л. Ю. Кохнова, Архимандрит Григорий Палама, Недолин [М. А. Сакс], литератор «Л.», В. Пелешевский, Святослав–Солынский [В. П. Мецкерский], Павел Павлов [П. П. Вяземский].

Первый раз слово встречается в «Дневнике Писателя», где Достоевский воспроизвёл слова Белинского:

«Да, повѣрьте же, наивный вы человекъ, набросился онъ опять на меня, повѣрьте же, что вашъ Христось, если бы родился въ наше время, былъ бы самымъ незамѣтнымъ и обыкновеннымъ человекомъ; такъ и стушевался бы при нынѣшней наукѣ и при нынѣшнихъ двигателяхъ человечества»³ (здесь и далее выделение в цитатах жирным шрифтом мои. — В. З.).

Второй раз — в статье Л. Ю. Кохновой «Отвѣтъ женщины на призывъ “Гражданина”: “К дѣлу!”»:

«Женщина по самой натурѣ своей вовсе не склонна становиться на первый планъ, она всегда готова **стушеваться** и

---

³ Гражданин. 1873. № 1. 1 янв. — <http://philolog.petrus.ru/fmdost/grajdanin.html> (дата обращения: 15.10.2019).

никогда сама по себѣ не станетъ искать самостоятельности. Однимъ словомъ, женщина всегда готова отдать свою самостоятельность, если ее возьмутъ»⁴.

Третий — в примечании к статье архимандрита Григория Паламы «Еще о болгарскомъ вопросѣ. (Окончаніе)»:

<Примечание:> «Церковное подчиненіе не есть національное или племенное, и самыя слова эти, принадлежащія политическому языку и свѣтской дипломатіи, никогда не существовали и не произносились въ церкви Христовой. Національное начало совершенно **стусеывалось** въ церкви подъ однимъ общимъ именемъ “православныхъ христіанъ”, и если мы встрѣчаемъ укоренившимся въ обычаѣ названіе “греко-восточная”, или просто “греческая церковь”, то въ этомъ смыслѣ названіе “греческаго” служитъ синонимомъ “православнаго” и составляетъ отличіе и знакъ религіи болѣе, чѣмъ національности»⁵.

Четвёртый — в рассказе Недолина <М. А. Сакса> «Дьячокъ»:

«Появленіе этой женщины, ея манеры, холодность и гордость озадачили меня до того, что весь остальной вечеръ я былъ чуть не менѣе взволнованъ, какъ и бѣдный Софронъ; онъ, впрочемъ, былъ совершенно придавленъ, какъ-то **стусевался**, съежился»⁶.

Пятый — в письме к редактору «Заметка о высших женских курсах в Москве» (подпись: Л.):

«Правда, двѣ-три слушательницы явились подстриженными, въ очкахъ и въ костюмѣ похожемъ на мужской сюртукъ, но онѣ должны были **стусеваться** и кажется куда-то исчезли. Здоровья начала взяли верхъ»⁷.

---

⁴ Там же. 1873. № 13. 26 марта — <http://philolog.petsru.ru/fmdost/grajdanin.html> (дата обращения: 15.10.2019).

⁵ Там же. 1873. № 14. 2 апр. — <http://philolog.petsru.ru/fmdost/grajdanin.html> (дата обращения: 15.10.2019).

⁶ Там же. 1873. № 15–16. 16 апр. — <http://philolog.petsru.ru/fmdost/grajdanin.html> (дата обращения: 15.10.2019).

⁷ Там же. 1873. № 27. 2 июля — <http://philolog.petsru.ru/fmdost/grajdanin.html>.

Шестой — в статье, подписанной «Пелешевскій» (без инициалов), «Наглядный просмотръ отчетовъ нѣкоторыхъ нашихъ желѣзныхъ дорогъ за 1872 годъ»:

«Размашистыя смѣты иныхъ изъ нашихъ гарантированныхъ желѣзныхъ дорогъ даютъ право думать, что иногда просто недосугъ всматриваться въ безконечныя цифры отчетовъ желѣзныхъ дорогъ и смѣтнаго предложенія на будущій годъ. **Стушевываются** какъ-то незамѣтно всякія экономическія точки зрѣнія и служебное соблюденіе казенныхъ интересовъ передъ копотливостью работы»⁸.

Седьмой — в цикле статей Святослава–Солынского <В. П. Мещерский> «Неизбѣжныя размышленія»:

«Въ прекрасный день эти три проекта слились въ одинъ — правительственный, и съ этой минуты мы перестали слышать о крестьянскомъ вопросѣ съ точки зрѣнія дворянской или литературной, и изъ трехъ группъ людей остались только двѣ — петербургскія: правительство и литература; помѣщики, какъ группа мыслящихъ людей, **стушевались** и съ той поры замерли повидимому на вѣки»⁹.

Восьмой — в рецензии Павла Павлова <П. П. Вяземский> из цикла «Замѣтки досузаго читателя»:

«...казалось бы рѣчь идетъ объ одной изъ тѣхъ блѣдныхъ, туманныхъ, безцвѣтныхъ личностей, которыхъ такъ часто встрѣчаешь въ жизни, которымъ предназначено самую судьбою стушевываться на сѣромъ, однообразномъ фонѣ посредственности, въ которомъ, какъ ихъ ни разглядывай, не найдешь ничего выступающаго надъ уровнемъ обыкновеннаго. На дѣлѣ выходитъ не такъ»¹⁰.

Итак, восемь авторов, употребивших в одно и то же время в

---

html (дата обращения: 15.10.2019).

⁸ Там же. 1873. № 39. 24 сент. — <http://philolog.petsu.ru/fmdost/grajdanin.html> (дата обращения: 15.10.2019).

⁹ Там же. 1873. № 40. 1 окт. — <http://philolog.petsu.ru/fmdost/grajdanin.html> (дата обращения: 15.10.2019).

¹⁰ Там же. 1874. № 9. 4 марта. — <http://philolog.petsu.ru/fmdost/grajdanin.html> (дата обращения: 15.10.2019).

одном издании редкое в русском языке слово! Подобный эффект впечатляет. Можно допустить, что всё произошло случайно, но вероятность таких совпадений ничтожно мала. Появление слова *стусеваться* явно не случайно и является следствием если не активности ревнителя слова, то сознательной установки редактора. Вряд ли Достоевский в личном общении увлекал этим словом каждого из семи авторов. Скорее всего появление слова *стусеваться* было результатом редактирования им чужого текста.

Особо в этом перечне словоупотреблений стоит примечание к статье архимандрита Григория Паламы «Еще о болгарском вопросе». В статье есть авторские и редакционные примечания. Данное примечание, по форме авторское, имеет явные признаки стилистической правки редактора.

Приведённые примеры показывают, что редакторское вмешательство было тотальной практикой, излюбленный Достоевским неконцептуальный глагол *стусеваться* обнаруживается в чужих авторских текстах, который после правки редактора не становился текстом Достоевского.

Одним из концептов с высокой частотностью употребления в статьях разных авторов еженедельника «Гражданин» было существительное *народ* и его производные. Из 3368 употреблений 63 приходится на прилагательное *международный*, 1360 — на прилагательное *народный*, 1945 употреблений остаётся на существительное *народ*.

Народным в статьях авторов «Гражданина» был дух, язык, характер, ум, смысл, обычай, вкус, образ, тон, вопрос, миф, эпос, гимн, говор, прогресс, труд, доход, капитал, быт, кредит, трибун, гений, учитель, театр, праздник, календарь, разврат и т. д.

Народной — жизнь, речь, поэзия, словесность, литература, история, сказка, вера, нравственность, совесть, мудрость, деятельность, производительность, школа, читальня, армия, сила, черта, темнота, тропа, масса, будущность, воля, встреча, распушенность, кухня, гигиена и др.

Народным было сознание, творчество, чувство, самосознание, воображение, выражение, образование, просвещение, невежество, благосостояние, право, дело, учреждение, голосование, представительство, самоуправление, потребление, здоровье, пьянство, продовольствие, богатство, хозяйство, верование, воспитание, сказание, училище, стремление, голосование, представительство, обращение, развитие, собрание, зрелище, бедствие, большинство и т. п.

Существительное *народ* используется в разных значениях: в человечестве — это «племена» («народы мира»), для власти — подданные, для высшего света — все, кто находится вне их круга, для дворян — недворяне, для образованных сословий — «простой народ»: крестьяне, духовенство, купцы, мещане, мастера; в быту — люди, толпа. В таких типичных значениях слово предстает в текстах всех авторов.

Что у Достоевского?

Обратимся к подписанным автором текстам, и прежде всего к «Дневнику Писателя» за 1873 год.

Для Достоевского *народ* не просто понятие, не только концепт, а идеологема (выражение «чисто русской идеи»).

По его убеждению, русское барство отошло от народа, потеряло Бога, презирает народ, любит его отрицательно, вместо реального воображает «какой-то идеальный народ»:

«Отдѣлясь отъ народа, они естественно потеряли и Бога. Безпокойные изъ нихъ стали атеистами; вялые и спокойные — индифферентными. Къ русскому народу они питали лишь одно презрѣнiе, воображая и вѣруя въ то же время что любятъ его и желаютъ ему всего лучшаго. Но они любили его отрицательно, воображая вмѣсто него какой-то идеальный народъ, — какимъ-бы долженъ быть по ихъ понятiямъ русскiй народъ»¹¹.

Таковы Герцен и «старые люди».

В русском народе есть глубокие, зачастую бессознательные идеи, которые характеризуют его:

---

¹¹ Там же. 1873. № 1. 1 янв. — <http://philolog.petrus.ru/fmdost/grajdanin.html> (дата обращения: 15.10.2019).

«Есть идеи невысказанныя, бессознательныя и только лишь сильно чувствуемыя; такихъ идей много какъ бы слитыхъ съ душой человѣка. Есть онѣ и въ цѣломъ народѣ, есть и въ челоѳчествѣ взятомъ какъ цѣлое. Пока эти идеи лежатъ лишь бессознательно въ жизни народной и только лишь сильно и вѣрно чувствуются, — до тѣхъ поръ только и можетъ жить сильнѣйшею живою жизнью народъ. Въ стремленіяхъ къ выясненію себѣ этихъ сокрытыхъ идей и состоитъ вся энергія его жизни. Чѣмъ неколебимѣе народъ содержитъ ихъ, чѣмъ менѣе способенъ измѣнить первоначальному чувству, чѣмъ менѣе склоненъ подчиняться различнымъ и ложнымъ толкованіямъ этихъ идей, тѣмъ онъ могучѣе, крѣпче, счастливѣе. Къ числу такихъ сокрытыхъ въ русскомъ народѣ идей — идей русскаго народа — и принадлежитъ названіе преступленія несчастіемъ, преступниковъ — несчастными.

Идея эта чисто русская. Ни въ одномъ европейскомъ народѣ ея не замѣчалось. На западѣ провозглашаютъ ее теперь лишь философы и толковники. Народъ же нашъ провозгласилъ ее еще задолго до своихъ философовъ и толковниковъ. Но изъ этого не слѣдуетъ чтобы онъ не могъ быть сбить съ толку ложнымъ развитіемъ этой идеи толковникомъ, временно по крайней мѣрѣ, съ краю. Окончательный смыслъ и послѣднее слово останутся безъ сомнѣнія всегда за нимъ, но *временно* — можетъ быть иначе.

Короче: этимъ словомъ “несчастные” народъ какъ бы говорить “несчастнымъ”: “Вы согрѣшили и страдаете, но и мы вѣдь грѣшны. Будь мы на вашемъ мѣстѣ, — можетъ и хуже бы сдѣлали. Будь мы получше сами, можетъ и вы не сидѣли бы по острогамъ. Съ возмездіемъ за преступленія ваши вы приняли тяготу и за всеобщее беззаконіе. Помолитесь объ насъ и мы объ васъ молимся. А пока берите, “несчастные”, гроши наши; подаемъ ихъ чтобы знали вы что васъ помнимъ и не разорвали съ вами братскихъ связей”»¹².

---

¹² Там же. 1873. № 2. 8 янв. — <http://philolog.petsu.ru/fmdost/grajdanin.html> (дата обращения: 15.10.2019).

Достоевский объясняет слова и формулирует идеи:

«...народъ не отрицаетъ преступленія и знаетъ, что преступникъ виновенъ. Народъ знаетъ только что и самъ онъ виновенъ вмѣстѣ съ каждымъ преступникомъ. <...> Вотъ что, невысказанно, ощущаетъ сильнымъ чувствомъ въ своей сокрытой идеѣ о несчастіи преступника русскій народъ»¹³.

Порицая оправдания преступников в суде присяжных, Достоевский объясняет:

«Прямо скажу: строгимъ наказаніемъ, острогомъ и каторгой вы можете быть половину спасли—бы изъ нихъ. Облегчили бы ихъ, а не отяготили. Самоочищеніе страданіемъ легче, легче говорю вамъ, чѣмъ та участь, которую вы дѣлаете многимъ изъ нихъ сплошнымъ оправданіемъ ихъ на судѣ. Вы только вселяете въ его душу цинизмъ, оставляете въ немъ соблазнительный вопросъ и насмѣшку надъ вами же. Вы не вѣрите? Надъ вами же, надъ судомъ вашимъ, надъ судомъ всей страны! Вы вливаете въ его душу безвѣріе въ правду народную, въ правду Божию; оставляете его смущеннаго...»¹⁴

Он уверен:

«...если бы даже, говорю я, произошло какое нибудь уже настоящее, несомнѣнное несчастіе народное, какое нибудь огромное паденіе, большая бѣда — то и тутъ народъ спасетъ себя самъ, себя и насъ, какъ уже неоднократно бывало съ нимъ, о чемъ свидѣтельствуется вся его исторія. Вотъ моя мысль»¹⁵.

Достоевский утверждает:

«...самая главная, самая коренная духовная потребность русскаго народа — есть потребность страданія, всегдашняго и неутолимаго, вездѣ и во всемъ. <...> У русскаго народа даже въ счастья непремѣнно есть часть страданія, иначе счастье его для него не полно»¹⁶.

---

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. 1873. № 3. 15 янв. — <http://philolog.petsru.ru/fmdost/grajdanin.html> (дата обращения: 15.10.2019).

¹⁶ Там же. 1873. № 4. 22 янв. — <http://philolog.petsru.ru/fmdost/grajdanin.html> (дата обращения: 15.10.2019).

Есть объяснение этой потребности:

«Можетъ быть единственная любовь народа русскаго есть Христось и онъ любить образъ Его по своему, то есть до страданія. Названіемъ же православнаго, то есть истиннѣ всѣхъ исповѣдующаго Христа, онъ гордится болѣе всего. Повторю: можно очень много знать безсознательно»¹⁷.

«...помощь духовенства народу никогда еще не была такъ настоятельно необходима. Мы переживаемъ самую смутную, самую неудобную, самую переходную и самую роковую мину-ту можетъ быть изъ всей исторіи русскаго народа»¹⁸.

«...никакимъ развратомъ, никакимъ давленіемъ и никакимъ униженіемъ не истребишь, не замртишь и не искоренишь въ сердцѣ народа нашего жажду правды, ибо эта жажда ему дороже всего»¹⁹.

Наконецъ Достоевский открываетъ читателю свое знаніе тайны народа:

«И не заключается ли все, все чего ищетъ онъ — въ православіи? Не въ немъ ли одномъ и правда и спасеніе народа русскаго, а въ будущихъ вѣкахъ и для всего человѣчества? Не въ православіи ли одномъ сохранился божественный ликъ Христа во всей чистотѣ? И можетъ быть главнѣйшее предъ избранное назначеніе народа русскаго въ судьбахъ всего человѣчества и состоитъ лишь въ томъ, чтобъ сохранить у себя этотъ божественный образъ Христа во всей чистотѣ, а когда придетъ время, — явить этотъ образъ міру, потерявшему пути свои!»²⁰

О чемъ бы ни писалъ автор, например, о пьянстве или сквернословии хмельного народа, Достоевский оригинален или парадоксален в своихъ сужденіяхъ:

«...народъ нашъ цѣломудренъ даже и сквернословя»²¹.

---

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. 1873. № 8. 19 февр. — <http://philolog.petsu.ru/fmdost/grajdanin.html> (дата обращения: 15.10.2019).

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. 1873. № 32. 6 авг. — <http://philolog.petsu.ru/fmdost/grajdanin.html> (дата обращения: 15.10.2019).

«Народъ сквернословить зря, и часто не обътомъ совѣмъ говоря. Народъ нашъ не развратенъ, а очень даже цѣломудренъ, не смотря на то, что это безспорно самый сквернословный народъ въ цѣломъ мірѣ, — и объ этой противоположности право стоитъ хоть не множко подумать»²².

На каторге Достоевскому открылось «непосредственное соприкосновеніе съ народомъ, братское соединеніе съ нимъ въ общемъ несчастіи, понятіе что самъ сталь такимъ же какъ онъ, съ нимъ сравненъ, и даже приравненъ къ самой низшей ступени его»²³.

Это произошло не сразу, не вдруг, а «постепенно и после очень-очень долгого времени».

Автора роднят с народом традиции его семейства, русского и благочестивого, любовь родителей, знание Евангелия «чуть не с первого детства», чтение Карамзина, посещения Кремля и московских соборов²⁴.

Никто из современников гения так не писал о народе.

У Достоевского есть разные тексты, в том числе и те, в которых нет этого пафоса и градуса поэзии, профетизма и глубины, но его слово всегда готово к внутреннему преображению и воскрешению.

Трактовка автором концепта *народ* зависит не только от конкретной речевой ситуации, но и от жанра: в «Иностранных событиях» народ — прежде всего субъект национальной и мировой политики.

У Достоевского народ — *онтологическое явление и понятие*.

В тезаурусе Достоевского актуальны и другие онтологические категории, которые выражают сущность явлений: Россия, Бог, Христос, жизнь, истина, свобода, воля, совесть, правда, ложь, страдание, вера, безверие, атеизм, добро, зло, ум, сердце, радость, счастье, любовь, грех, вина, преступление, наказание, исповедь... и далее. Их нужно выявить в корпусе текстов

---

²² Там же.

²³ Там же. 1873. № 50. 10 дек. — <http://philolog.petsu.ru/fndost/grajdanin.html> (дата обращения: 15.10.2019).

²⁴ Там же.

«Гражданина», сравнить индивидуальные тезаурусы авторов еженедельного издания.

Тезаурусный анализ является хорошим подспорьем в исследовании проблем атрибуции, в описании авторских стилей. Исправляя и редактируя чужие тексты, Достоевский перекодировал их, переводя на свой понятийный язык, вводя их в свою концептосферу, повышая таким образом уровень постановки и осмысления текущих проблем бытия.

Н. А. Тарасова

**К УТОЧНЕНИЮ ТЕКСТА
«ДНЕВНИКА ПИСАТЕЛЯ» ЗА 1877 Г.:
ДОСТОЕВСКИЙ и ФРИДРИХ фон ГЕЛЬВАЛЬД**

В последние десятилетия в текстологии, в том числе в текстологическом изучении творчества Достоевского, разрабатываются новые методики анализа и публикации текста¹. Исследовательский интерес к проблемам чтения и публикации рукописей Достоевского проявился достаточно давно и был связан не столько с критикой текста², сколько с задачами ана-

¹ См., например: Современная текстология: теория и практика. М., 1997; *Гришунин А. Л.* Исследовательские аспекты текстологии. М., 1998; Проблемы текстологии и эдичионной практики: Опыт франц. и росс. исследователей / Под ред. М. Делона и Е. Дмитриевой. М., 2003; *Шапир М. И.* Статьи о Пушкине / Сост. Т. М. Левина; изд. подг. К. А. Головастиков, Т. М. Левина, И. А. Пильщиков; под общ. ред. И. А. Пильщикова. М., 2009 (сер. «Классики отечественной филологии»); *Тарасова Н. А.* «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского за 1876–1877 годы: критика текста. М., 2011; *Перцов Н. В.* Лингвистика, поэтика, текстология: Избр. статьи. М., 2015. («*Studia Philologica*»), и др.

² Основные принципы критического изучения источников сформулированы в работах авторов, исследовавших древние рукописи в историческом и лингвотекстологическом аспектах. Д. С. Лихачев использовал по отношению к критике текста определение «метод», обосновывая в 1960-е годы самостоятельный статус текстологии как науки и говоря о том, что термин «текстология» введён Б. В. Томашевским «вместо термина “критика текста”» и «нет необходимости настаивать на сохранении двух терминов для одного и того же». Понятие «критика текста» «может употребляться <...> для обозначения метода текстологии. <...> Есть химия и есть химический

литического описания рукописных материалов в 1920–1930-х годах и с изучением творческого процесса автора³. Вопросы критики и установления текста Достоевского привлекли внимание. Есть текстология и есть “критика текста” (Лихачев Д. С. По поводу статьи Б. Я. Бухштаба // Рус. лит. 1965. № 1. С. 84). По замечанию Г. О. Винокура, «принципиально критика направлена не на отыскание ошибок, как это обычно представляют, а на оценку выражения с целью раскрытия его содержания: указание ошибки есть результат, а не задание критики» (Винокур Г. О. Критика поэтического текста. М., 1927. С. 25; см. также: Лихачев Д. С. Текстология: Краткий очерк. М., 2006. С. 8, 12–13; Громова-Опульская Л. Д. Основания «критики текста» // Современная текстология: теория и практика. М., 1997. С. 23).

³ См.: Бельчиков Н. Ф. 1) Как писал романы Достоевский: (Неизд. вариант из «Неточки Незвановой») // Печать и революция. 1928. Кн. 2. Март. С. 88–93; 2) Один из замыслов Ф. М. Достоевского // Красный архив. 1926. Т. 3 (16). С. 224–228; Бродский Н. Л. 1) План романа Житие великого грешника // Документы по истории литературы и общественности: Ф. М. Достоевский. М., 1922. С. 63–77; 2) [Рец. на:] Творчество Достоевского. 1821–1881–1921 г.: Сб. статей и материалов / Под ред. Л. П. Гроссмана. Одесса, 1921 // Красный архив. 1922. Т. 1. С. 435–438; 3) Угасший замысел // Документы по истории литературы и общественности: Ф. М. Достоевский. С. 47–59; 4) Ф. Достоевский. Из записной книги // Рус. современник. 1924. Кн. 1. С. 192–194; Гроссман Л. П. Рукописи Достоевского // Творчество Достоевского. 1821–1881–1921 / Под ред. Л. П. Гроссмана. Одесса, 1921. С. 3–28; Долинин А. С. 1) Кроткая: (Вариант, хранящийся в Пушк. доме при Р. Ак. Наук) // Ф. М. Достоевский: Статьи и материалы / Под ред. А. С. Долинина. Л.; М., 1924. Сб. 2. С. 423–508; 2) К истории создания «Братьев Карамазовых» // Ф. М. Достоевский: Материалы и исслед. / Под ред. А. С. Долинина. Л., 1935. С. 9–80; 3) Предисловие // Там же. С. 1–6; Записные тетради Ф. М. Достоевского / Подг. к печати Е. Н. Коншиной; комм. Н. И. Игнатовой и Е. Н. Коншиной. М.; Л., 1935; Из архива Ф. М. Достоевского: Преступление и наказание. Неизд. материалы / Подг. к печати И. И. Гливенко. М.; Л., 1931. С. 3–33; Комарович В. Л. 1) Генезис романа «Подросток» // Лит. мысль. III. Л., 1925. С. 366–386; 2) Литературное наследство Достоевского за годы революции: Обзор публикаций 1917–1933 гг. // Лит. наследство. 1934. Т. 15. С. 258–281; 3) Рукописные варианты романа «Подросток» // Начала. 1922. № 2. С. 217–230; От редакции // Из архива Ф. М. Достоевского: Идиот. Неизд. материалы / Под ред. П. Н. Сакулина и Н. Ф. Бельчикова. М.; Л., 1931. С. 3–8; Рукописи Достоевского // Печать и революция. 1922. Кн. 1. Янв.–март. С. 332; Чулков Г. И. Как работал Достоевский. М., 1939, и др.

мание исследователей намного позднее⁴. С 1990-х годов примеры уточнения текста стали более многочисленными, в связи с начавшейся подготовкой новых собраний сочинений Достоевского и критическим осмыслением научного наследия советского времени⁵.

Одно из главных условий критики текста — целостность восприятия материала⁶. При изучении рукописного источника необходимо максимально полное владение информацией об особенностях почерка в авторских рукописях разных лет, языковых характеристиках текста на разных этапах творческой работы, закономерностях развития творческого процесса на материале разновременных произведений автора. Это условие — целостность понимания — в конечном счёте определяет всю методологию работы, принципы чтения рукописи и её публикации. Кроме того, имеют значение так называемая «малая критика» и контекстуальный анализ, когда информация о тексте извлекается из совокупности характеристик — это и особенности графики, и специфика заполнения рукописной

---

⁴ Одной из первых работ, в которых затрагиваются названные вопросы, является статья В. Д. Рака «Уточнение одной записи в тетради 1875–1876 гг.», написанная в связи с исправлением исследовательской ошибки чтения черновых набросков к «Дневнику писателя» (см.: Достоевский: Материалы и исслед. Л., 1988. Т. 8. С. 267–271). Примеры критического анализа печатного текста Достоевского см.: *Дрыжакова Е. Н.* Статистические приёмы при решении некоторых текстологических проблем: (На материале текстологии романа Ф. М. Достоевского «Униженные и оскорблённые») // Филологич. науки. 1976. № 4. С. 80–92. См. также: *Захаров В. Н.* Примечания // Достоевский Ф. М. Бесы: Роман в трёх частях. Петрозаводск, 1990. С. 680–682.

⁵ См. продолжающиеся Полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского в дореволюционной орфографии и пунктуации под редакцией В. Н. Захарова (Петрозаводск, 1995–2016. Т. 1–9, 11) и Полное собрание сочинений и писем Ф. М. Достоевского, выпускаемое Пушкинским Домом (СПб., 2013–2019. Т. 1–8).

⁶ Ср.: «Главный методический принцип современной текстологии состоит в том, что история текста произведения изучается не в разрознен-

---

страницы как проявление авторской манеры письма, и стилистические детали. «Малая критика» важна не меньше, чем изучение творческой истории произведения в целом, потому что работа с микроконтекстами даёт начало пониманию всего материала.

Обратимся к одному примеру неверного прочтения рукописи Достоевского во всех публикациях этого текста, нуждающегося в уточнении и комментарии.

Среди черновых заметок Достоевского о Н. А. Некрасове к декабрьскому выпуску «Дневника писателя» за 1877 г. есть запись⁷, которая впервые была опубликована Г. С. Померанцем в 86-м томе серии «Литературное наследство»⁸ и повторно напечатана в академическом Полном собрании сочинений писателя⁹. При сравнении названных источников обнаруживается, в частности, такое разночтение (выделено подчеркиванием):

Лит. наследство: «[И давая] Отнимая у них суть жизни и давая им, взамен их, такие нищие блага, которыми не выманишь и собаку из подворотни, по выражению одного современного птенца» (С. 93).

ПСС: «Отнимая <Было: И давая> у них суть жизни и давая им, взамен их, такие нищие <нищие вписано> блага, которыми не выманишь и собаку из подворотни, по выражению одного современного птенца» (Т. 26. С. 202).

Рукопись Достоевского: «— [И давая] {Отнимая}¹⁰ у нихъ Суть жизни и давая имъ, взамѣнь ихъ, такія {нищія} блага, ко-

---

ных “чтениях” его отдельных мест, а как единое целое» (*Лихачев Д. С. Текстология: Краткий очерк. С. 10*).

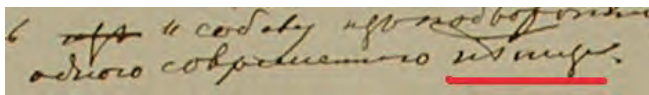
⁷ РГБ. Ф. 93. I. 2. 13. Л. 283–286.

⁸ Из рукописи «Дневника писателя» / Публ. Г. С. Померанца // *Лит. наследство*. М., 1973. Т. 86: Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исслед. С. 91–94.

⁹ *Достоевский Ф. М.* Полное собр. соч.: В 30 т. Л., 1972–1990. Т. 26. Далее сокращённо — *ПСС*; ссылки на это издание приводятся с указанием в скобках нужных тома и страницы.

¹⁰ В квадратных скобках приводится вычеркнутый Достоевским текст, в фигурных — вписанный.

Илл. 1

торами не выманишь [изъ] и собаку изъ подворотни, по выражен[и]{ъ}ю одного современного нѣмца. —» (С. 286).

Исследовательская ошибка чтения рукописи влияет на понимание текста: в первоисточнике — не «одного современного птенца», а «одного современного немца». Основными аргументами нового прочтения являются графические особенности записи. В слове «птенца» больше букв, чем в слове, имеющемся в автографе. Кроме того, в записи отсутствуют начальные буквы «п» и «т», а также графические признаки, характерные для перехода от предполагаемой буквы «н» к «ц» в почерке Достоевского. Вместе с тем в рукописи есть отчётливые признаки «ѣ» (в одном из вариантов начертания с широким горизонтальным надстрочным штрихом, образующим слева петлю), *второй* по счёту буквы в записанном слове. Соответственно, первая буква в таком графическом исполнении может быть соотнесена только с графическими признаками «н» и «и» (но «и» не может предшествовать гласной «ѣ» — по правилам того времени использовалась бы «і»). Третья буква в слове имеет не два, а три основных штриха, что характерно для «м», а не для «н»¹¹. Таким образом, публикаторы прочли правильно лишь последние две буквы слова — «ц» и «а».

Рассмотрим более широкий контекст исследуемой записи. Ей предшествуют заметки, обращённые к литературному критику А. М. Скабичевскому, с которым Достоевский polemизирует в декабрьском номере «Дневника писателя», говоря

¹¹ Подробнее об алфавите начертаний в текстах Достоевского и графических признаках каждой буквы см.: Тарасова Н. А., Панюкова Т. В., Заваркина М. В. Графические особенности рукописей Достоевского: Материалы для информац. базы данных // Неизвестный Достоевский: Электрон. науч. журн. 2018. № 4. С. 17–69. — http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1545737853.pdf (дата обращения: 28.11.2019)

о Н. А. Некрасове. Эти наброски посвящены теме молодого поколения:

« — Юношамъ надо учиться, а не учить другихъ. [Ничт] {А учителямъ} къ нимъ не подмазываться. Это трезвое слово {требуется твердости какъ вы думаете, вы-то вотъ этого не скажете, а я-то вотъ сказалъ. —} <...> — Вы прививаете къ нимъ духъ непогрѣшимости, духъ самодовольствія, а стало быть и деспотизма. Нежившему совѣмъ на свѣтъ такъ легко принять свѣчку за солнце»¹².

Далее следует приведённая выше цитата о немце.

Говоря о неверном тоне, который выбрал А. М. Скабичевский в своём послании к молодёжи в статье о Некрасове, Достоевский имеет в виду, в частности, строки: «Желая положить с своей стороны прощальный венок на могилу Н. А. Некрасова, к вам, молодые мои друзья мои, обращаю я речь свою, да, исключительно к вам одним, потому что для всех остальных я считаю свою речь совершенно излишнею и ненужною»¹³ (см. также печатный текст «Дневника писателя», гл. 2, § I «Смерть Некрасова. О том, что сказано было на его могиле» — Т. 26. С. 112–113). Таков ближайший тематический контекст интересующего нас чернового наброска: слова «одного современного немца» помещаются автором в контекст журнальной полемики о Н. А. Некрасове. При соотнесении набросков ясно, что «нищими благами» Достоевский называет «дух непогрешимости», «самодовольствия», «деспотизма», который, по мнению писателя, могут вызвать в молодёжи публикации, подобные статье А. М. Скабичевского.

В черновом тексте имеются более ранние упоминания о «немце» — в сентябрьских записях Достоевского:

«Націи живутъ великимъ чувствомъ и великою все освѣщающей и снаружи и внутри мыслью, а не одною лишь бирже-

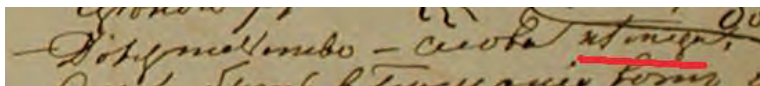
---

¹² РГБ. Ф. 93. I. 2. 13. С. 285–286.

¹³ *Скабичевский А.* Мысли по поводу текущей литературы: Николай Алексеевич Некрасов как человек, поэт и редактор // Биржевые ведомости. 1878. № 6. 6 янв. С. 1. См. также: *Ветловская В. Е.* Примечания // ПСС. Т. 26. С. 417.

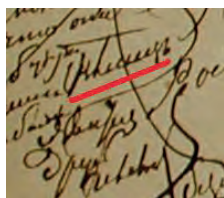
вой спекуляціей и цѣною рубля.

Доказательство — слова нѣмца. Стало быть въ Германіи вотъ они возможны. А скажи ихъ прежде нѣмца кто-нибудь изъ насъ, то осмѣяли-бы и ославили, и сатира тотчасъ же представила ихъ въ нелѣпомъ видѣ»¹⁴.

Илл. 2

«Нѣмецъ. Явится другой человѣ<къ>»¹⁵.

Илл. 3

С более поздней, декабрьской, заметкой эти записи связывает аналогичное определение «Сути жизни» (сохраняем заглавную букву из декабрьского черновика Достоевского), данное через антиномичное столкновение метафор духовной высоты и приземлённого существования («великое чувство», «великая всё освещающая мысль» — «биржевая спекуляция», «цена рубля»). Содержание набросков проецируется на сентябрьскую газетную хронику. В это время в газете «Русский мир» появилась статья об австро-немецком этнографе, географе и историке Фридрихе фон Гельвальде (1842–1892)¹⁶. В публикации приводятся суждения фон Гельвальда о Восточном вопросе — теме, как мы знаем, очень интересовавшей Достоевского. Но главное то, что в статье передаётся сходная мысль фон Гельвальда о «жизни наций», которые развиваются, только если обладают

¹⁴ РГБ. Ф. 93. I. 2. 14/8. Л. 1.

¹⁵ Там же. Л. 1 об.

¹⁶ *И. О-ский*. Россия и Турция. (Die Türkei im kampf mit Russland. Fridrich von Hellwald. Ausburg, 1877) // Рус. мир. 1877. 5(17) сентября. № 241. С. 1–2.

духовными ценностями: «...в Европе и даже в Азии совершенно погибли воинственные и многочисленные племена монголов и татар вследствие недостатка жизненных элементов и культурных начал»¹⁷. Газетная публикация содержит высказывания фон Гельвальда о России и суждения рецензента: «“... современная Россия обладает такую художественной и учёной литературой, которая может стать наряду с любой литературой Запада”. <...> Культурное и политическое развитие России выдвинуло вперед и её пространственные исторические задачи в славянском мире; она выполняет их теперь в борьбе с Турцией и ей одной принадлежит право на устройство народного быта в славянских населенных Балканского полуострова»¹⁸. В «Дневнике писателя» Россия предстаёт именно как культурный и политический центр славянского мира¹⁹. Возможно, в сентябрьских набросках о «немце» Достоевский откликается именно на эту рецензию, тем более что газета «Русский мир», как известно, входила в круг чтения Достоевского в 1870-е гг. — исследователями установлено, что по публикациям «Русского мира» за 1874 г. писатель ознакомился с материалами судебного процесса долгушинцев, использовавшимися при создании романа «Подросток»²⁰, а в течение 1875–1876 гг. — с рецензиями

¹⁷ Там же. С. 1.

¹⁸ Там же. С. 2.

¹⁹ Если говорить о тематических созвучиях, то взгляды фон Гельвальда представляют интерес ещё и с точки зрения «апологии войны», проявившейся в «Дневнике писателя» Достоевского — ср.: «...инстинктивно уже в старину понимали народы, что война главным образом создавала величие их на продолжительных и прочных началах, а потому и воздвигали они самые величественные храмы богу войны <...> нация теряет уважение к себе, если она перестаёт быть мужественной; она неминуемо становится эпикуреистичной, рабской, циничной, подлой и раболепствующей <...> История и этнография изобилуют примерами, что упадок воинственного духа вызывает всеобщую деморализацию народа» (Война и мир: По Фридриху фон Гельвальду / Пер. М. Ив. Меттик. М., 1905. С. 14–15).

²⁰ См.: *Викторович В. А. 1873–1874 //* Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского. СПб., 1999. Т. 2. С. 507; Библиотека Ф. М. Достоевского. Опыт реконструкции. Науч. описание. СПб., 2005. С. 274.

²¹ См.: Библиотека Ф. М. Достоевского... С. 274.

Вс. С. Соловьева, в том числе и на «Дневник писателя»²¹. В 1877 г. газета «Русский мир» привлекала внимание Достоевского в связи с выступлениями Н. Я. Данилевского о Восточном вопросе²², с которыми автор полемизирует в ноябрьском выпуске «Дневника».

Именно в «Дневнике писателя» было помещено объявление о выходе первых выпусков книги Ф. фон Гельвальда «Земля и её народы» (издание вышло на нем. яз. в Штутгарте в 1876 г., в переводе на рус. яз. — в Санкт-Петербурге в 1877–1879 гг.), в которой высказывается мысль, значимая для взглядов автора на историю мировой культуры: «Рядом с религией положение народного обучения есть один из главнейших признаков культуры народа»²³. Имя фон Гельвальда упоминается в переписке, связанной с изданием «Дневника писателя»: Н. П. Вагнер просил Достоевского «пожертвовать полстранички» в очередном выпуске «Дневника», чтобы поместить объявление об издании с января 1877 г. журнала «Свет», а затем интересовался, не стал ли «причиной устранения объявления о книге Гельвальда». Достоевский поместил объявление Вагнера на последней странице октябрьского выпуска «Дневника писателя» 1876 г., а объявление о книге фон Гельвальда, соответственно, было напечатано в ноябре того же года²⁴. Указанные факты позволяют рассматривать сочинения Ф. фон Гельвальда в качестве одного из возможных источников проблематики «Дневника писателя» Достоевского, и этот вопрос нуждается в дальнейшем изучении.

---

²² См.: *Архипова А. В.* 1876–1877 // *Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского*. Т. 3. С. 231.

²³ *Гельвальд Ф. фон.* *Земля и её народы* / Пер. с нем. под ред. С. П. Глазенап. СПб., 1877. С. 161.

²⁴ См.: *Степанова Г. В.* *Примечания // ПСС*. Т. 29. Кн. 2. С. 267.

Е. А. Акелькина

ФОРМЫ ПОВЕСТВОВАНИЯ В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «БЕСЫ»

«Бесы» — это роман, в котором Достоевский сразу же, с первых строк, заглавием и эпиграфом, подчёркивает свою преемственную связь с Пушкиным. И дело не только в том, что этот роман насыщен многочисленными сюжетными пушкинскими параллелями и реминисценциями. Связь и преемственность с Пушкиным проявляются глубже, в самой структуре романного повествования, в характере рассказчика, в подходе к герою, когда человек, индивидуум рассматривается в связи со всеобщим, как воплощение разноречивых сил, веяний, тенденций развития. Сопрягая временное, сегодняшнее с мировым, вечным, Достоевский отстаивает свободу человека и его великую человеческую ответственность перед миром, стремясь выразить основное движение эпохи.

Огромное значение в структуре романа приобретает образ рассказчика-хроникёра. Рассказчик-хроникёр — нередкое явление в романах Достоевского; рассказчик в «Бесах» очень напоминает пушкинского Белкина.

Как и Пушкин в «Повестях Белкина», Достоевский создаёт у читателя новое мировосприятие и миропонимание, заставляет читателя более диалектично подойти к действительности. Поэтому рассказчик-хроникёр в «Бесах» важен писателю прежде всего как социально определённый человек, со своим подходом к миру и со своим особым духовным уровнем, и лишь

затем как индивидуально-характерный образ.

Кто же рассказчик в «Бесах»?

Один из персонажей романа рекомендует его так: «Это господин Г-в, классического воспитания и в связях с самым высшим обществом молодой человек»¹ (X, 95).

Рассказчик Антон Лаврентьевич — человек, пытающийся осмыслить «странные события», дойти до их настоящих причин, увидеть связь случившегося с всеобщим мировым законом, на это указывает второй эпитаф из Евангелия, принадлежащий рассказчику.

«Софья Матвеевна тотчас отыскала от Луки то самое место, которое я выставил эпитафом к моей хронике. Приведу его опять» (X, 498)

Повествование развивается в «формах литературного слова» с обилием книжных и иностранных слов, но в то же время рассказу Антона Лаврентьевича присуще множество экспрессивных интонаций (гнев, сострадание, насмешка — всё это реализуется в особых словесных жестах).

Манера рассказчика в «Бесах» видеть и изображать такова, что его речь включает в себя голоса других героев, выявляет очень важные тенденции, заставляет его собеседников «определиться», выявить себя в разговоре. Чуткий к слову, он стремится понять любого человека, и в то же время сохраняет свою позицию, вплетая свой голос в многоголосие романа. Антон Лаврентьевич, в отличие от Белкина, не просто рефлектирующий молодой человек, лишь сознающий происходящее, но и активный участник, действитель, если и не изменяющий в корне течение событий, то выявляющий в действии, а не в теории свою человеческую реакцию. Его рассказ диалогически обращён к героям; он не повествует о них, а обращается к ним. Одни слова причастны внутреннему диалогу героя прямо и открыто, другие — потенциально...

---

¹ Здесь и в дальнейшем произведения писателя цитируются по изд.: *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972–1990, — с указанием в тексте (в круглых скобках) только номера тома и страницы.

С самого начала тон и настрой рассказчика дает возможность почувствовать «двойной ток бытия» (сопряжение конкретного и всеобщего). На это настраивает название романа и два эпиграфа; евангельский эпиграф ещё раз прозвучит в конце, словно бросая свет на всё случившееся.

Очень важен первый эпиграф — два пушкинских четверостишия из «Бесов» (курсив в цитатах здесь и далее наш):

*Хоть убей, следа не видно,
Сбились мы, что делать нам?
В поле бес нас водит видно,
Да кружит по сторонам.*

.....
*Сколько их, куда их гонят,
Что так жалобно поют?
Домового ли хоронят,
Ведьму ль замуж выдают?*

Интересен сам выбор строк для эпиграфа.

Пушкинское стихотворение состоит из 7-и восьмистиший; чтобы найти эти строки и объединить, понадобилось разбить вторую и шестую строфу, взять конец II-ой и конец VI-ой строф. Они создают, точнее, намечают сложное сопряжение — параллель, которая реализуется полностью в художественной структуре романа.

Но не следует забывать, что и название, и эпиграфы принадлежат рассказчику-хроникёру, и не просто отмечают уровень его культуры, образованности, но задают второе — всемирное — измерение. Так декларируется огромность духовного мира человека, его соотнесённость с вечным даже в самых простых событиях.

Напротив, название первой главы («Вместо введения: несколько подробностей из биографии многотимого Степана Трофимовича Верховенского») дано в стиле рассказчика, в нём сталкиваются протокольно-информационное и иронико-па-

---

родийное начало, сталкиваются две интонации рассказчика, два отношения. И эта двойственность отношения будет на протяжении всего романа характерна для рассказа о Степане Трофимовиче Верховенском.

Почему именно с биографии этого человека начинается повествование в романе, ведь он даже не является главным непосредственным участником происшедшего?

Интересна, как всегда, первая фраза — то зерно романа, которое заключает в себе богатство художественного смысла.

«Приступая к описанию недавних и столь странных событий, происшедших в нашем, доселе ничем не отличавшемся городе, я принуждён, по неумению моему, начать несколько издалека, а именно некоторыми биографическими подробностями о талантливом и многотимом Степане Трофимовиче Верховенском.

Пусть эти подробности послужат лишь введением к предлагаемой хронике, а самая история, которую я намерен описывать, ещё впереди» (X, 7).

Начало первой фразы настраивает на «протокольно-осведомительный» стиль; нарочитая сухость, канцелярский зачин предложения — все это, казалось бы, должно говорить о беспристрастности и объективности повествователя. Но одно слово сразу привлекает внимание — «странных» (событий), это слово бросает отблеск загадочности, непостижимости на всю фразу, который усиливается обилием неопределённых слов с частицей *-не-* (недавних, ничем не отличавшемся, несколько, некоторыми). Все эти умолчания, недоговоренности создают напряжение у читателя, вообще в первой же фразе много оглядок, добавлений, слово будто озирается по сторонам.

Но вернёмся к слову «странных», оно будет слишком часто звучать на страницах романа.

Странный заимств. из старослав. яз., образовано от сл. «страна — чужая страна, народ».

Первоначально странный — чужестранный — чужой, затем: необыкновенный — непостижимый — странный (ср. сторонний, посторонний)².

² Шанский Н. М. и др. Краткий этимологический словарь русского языка-

---

У Достоевского слово «странный» включает в себя все эти значения и соотносится с понятием «заграничный». Этот мотив странных событий, странных героев, странного видения жизни будет разрастаться в сложном переплетении обстоятельств. Так, поэма Степана Трофимовича — «странная, но тогда (то есть, в 30-х годах) в этом роде часто пописывали». Поэму печатают — «за границей»...

О Степане Трофимовиче — «становился иногда очень странен».

«Есть дружбы странные...» (о дружбе Степана Трофимовича и Варвары Петровны).

«разгадала (В. П.) странное выражение лица своего друга», «странно же он должен был иногда поглядывать на своего друга»).

«Время было *особенное*, и что-то очень уж *странное*»; «Переехав границу, ощутил себя в безопасности, ощущение странное, новое... »

Лиза о Шатове: «Я сама слышала, что он какой-то странный. Я слышала, что он знает три языка...»

О нём же: «Удивительно странный человек!»

«Конечно странный, но во всём этом было чрезвычайно много неясного», — подхватывает рассказчик, начиная следующую главу.

Лиза — Ставрогину: «Какое странное признание! Зачем тут вчера и сегодня, и обе мерки?»

«Теперь, когда уже всё прошло, и я пишу хронику, мы уже знаем, в чём дело, но тогда мы ещё ничего не знали, и естественно, что нам представлялись странными разные вещи». Название главы «Последнее странствование Степана Трофимовича».

«Странно» — одно из «ключевых» слов романа, оно воплощает глубокие и важные стороны его содержания. Именно с первой фразы вырастает понятие о беспочвенности, чуждости духовных исканий многих героев. Таких «ключевых» слов много в романе и, как правило, впервые они звучат в устах рас-

ка: Пособие для учителя. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1971. С. 428.

сказчика. Это и часто встречающееся слово «особая» («С. Т. постоянно играл между нами некоторую особую роль»); и синонимичные «высшее значение — высокая — высший либерал»; и «благородная» (высокомерие, которые связываются с выразительной фамилией Верховенский); и слова типично-ключевые для многих романов Достоевского: «болезненное», «решение» — «порешить», и так далее.

Интересен тон иронического почтения, который звучит в повествовании Антона Лаврентьевича с первых слов («о талантливом и многотимом Степане Трофимовиче Верховенском»).

У рассказчика действительно есть основания уважать этого смешного и симпатичного идеалиста, но, в то же время, идеализм этот отдаёт либеральным пустозвонством, очень характерен для определённой части русских дворян, которым импонирует мнимое положение «гонимого», «ссылного». Все неопределённости, недоговорённости, умолчания словно вводят в повествование рассказчика стиль Степана Трофимовича, с его ложной многозначительностью. В речи рассказчика сталкиваются два голоса, он пародирует стиль С. Т. Верховенского, утрирует его реплики, изменяет акценты, таким образом, сложное отношение повествователя проникает внутрь его слова. Мы увидим, что двусмысленный тон повествователя оправдан там, где речь идёт о Степане Трофимовиче.

Первая фраза романа, благодаря своей двойственности (объективность — ироническое почтение) замыкает в сознании читателя связь биографии С. Т. Верховенского со странными событиями, их объединяет общее ощущение нарочитости, неукоренённости, искусственности. Но писатель исследует причины и показывает своеобразную необходимость всего происшедшего.

Слово рассказчика в «Бесах» — условно: это не слово одного из героев, оно включает в себя, помимо информативно-протокольного тона, чуть изменённые интонации речи почти любого героя. И эта способность усвоить (пусть в изменённом виде), понять, услышать чужой голос, вступить с ним в

сложное взаимодействие является определяющей для сознания рассказчика. Рассказчик даёт точку зрения на мир, близкую к универсальному всепониманию, всеочувствию, однако это не уменьшает его особую активность (не активность героя, а активность такого мировосприятия, которое помогает любому голосу выявить себя, осознать и определиться). Слово рассказчика в романе «Бесы» — это слово двуголосое, с установкой на чужую речь.

Посмотрим внимательнее, как складывается взаимодействие словесных типов, их размещение в рассказе Антона Лаврентьевича о Степане Трофимовиче Верховенском. Мы всё время ощущаем непосредственную приближённость рассказчика к герою, и лишь только там, где речь идёт о прошлом С. Т. Верховенского, читатель ощущает некое подобие «перспективы».

Вот входит в повествование почти разговорная интонация с ценностными тонами:

«Скажу прямо: Степан Трофимович постоянно играл между нами некоторую особую и, так сказать, гражданскую роль и любил эту роль до страсти, — так даже, что, мне кажется, без неё и прожить не мог. Не то чтоб уж я его приравнивал к актёру на театре: сохрани боже, тем более, что сам его уважаю. Тут все могло быть делом привычки, или, лучше сказать, непрерывной и благородной склонности, с детских лет, к приятной мечте о красивой гражданской своей постановке. Он, например, «чрезвычайно любил свое положение “гонимого” и, так сказать, “ссылного”. В этих обоих словечках есть своего рода классический блеск, соблаздивший его раз навсегда, и, возвышая его потом постепенно в собственном мнении в продолжение столь многих лет, довёл его до некоторого весьма высокого и приятного для самолюбия пьедестала» (X, 7).

Это дразняще пародийный стиль рассказчика, в который словно входят реплики самого Степана Трофимовича, но только утрированные, с изменённым акцентом.

Рассказчик вводит в возвышенную речь героя смысловую

направленность, прямо противоположную направленности С. Т. Верховенского. «Но деятельность Степана Трофимовича окончилась почти в ту же минуту, как и началась, — так сказать, от “вихря сошедшихся обстоятельств”. И что же? Не только “вихря”, но даже и “обстоятельств” совсем потом не оказалось, по крайней мере, в “этом случае”» (X, 8).

В речи рассказчика о Степане Трофимовиче «протокольный» стиль сменяется пародийным: «“Высший” либерализм» и “высший либерал”, то есть, либерал без всякой цели, возможны только в одной России. Степану Трофимовичу, как и всякому остроумному человеку, необходим был слушатель, и, кроме того, необходимо было сознание о том, что он исполняет высший долг пропаганды идей».

Но слово рассказчика диалогически обращено к герою, в рассказе о С. Т. Верховенском эта обращённость ощущается очень слабо, в повествовании о других героях (Ставрогине, Лизе) она ощущается несравненно сильнее. Речь рассказчика, его точка зрения соотносится с точкой зрения героя. Интересно, что тот же Антон Лаврентьевич с совсем другой интонацией вводит воспоминание Лизы в чужой передаче:

«Мне вспомнился в это мгновение рассказ о том, что она была чуть не больна, когда её увезли одиннадцати лет в Петербург; в болезни будто бы плакала и спрашивала Степана Трофимовича» (X, 87).

Вообще, как писал М. М. Бахтин, «рассказ движется между двумя пределами: между сухоосведомительным, протокольным, отнюдь не изображающим словом и между словом героя»³.

И только в конце романа мы начинаем понимать двойственность тона рассказчика в повествовании о С. Т. Верховенском, и ноты грусти и сострадания, и не всегда иронические эпитеты «умнейший и даровитейший человек», «честнейший С. Т.», находят своё объяснение и оправдание. Именно Степан Трофимович даёт своё толкование событий, когда просит про-

---

³ Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1972. С. 431.

честь из Евангелия о свиньях, толкование, которое в чём-то близко рассказчику, иначе он не взял бы эту притчу для эпиграфа. Да и само восприятие человека рассказчиком, желание понять и помочь в чём-то сродни вере Степана Трофимовича. («Но больной исцелится и сядет у ног Иисусовых...»; «Вы поймёте потом... Мы поймём вместе...»; I, 499). Для понимания трагедии России, проходящей через «бесовщину», важна именно история жизни Степана Трофимовича; «след», исток этого массового умонастроения молодых людей, воспитанников С. Т. Верховенского, стоит искать в идеях 40-х годов, а «бесовскими» делает их продолжение страх и одиночество его сына, брошенного отцом ещё в детстве. Именно комплекс неполноценности рождает в Петре Верховенском страсть манипуляций людьми. Это не заблуждение, не ошибка, как у других персонажей «наших», а осознанное злодейство, разрешение себе и другим крови по совести. Основные связи в романе — это связи между высказываниями, между самостоятельными и полноправными речевыми и смысловыми центрами, не подчинёнными единому стилю и тону. Связи же эти создаются и закрепляются в сознании читателя «ключевыми» словами, звуковой организацией речевых единиц («Что выдавалось в ней с первого взгляда — это её болезненное, нервное, непрерывное беспокойство»), построением фраз.

Влияние двух пределов, между которыми движется слово рассказчика, ощущается даже в названиях глав. «Только в двух поздних романах Достоевского в «Бесах» и в «Братьях Карамазовых» встречается подобный способ озаглавливания, когда «одни названия прямо взяты из слов героя (с другим акцентом), другие даны в стиле героя, третьи носят информационный характер, четвертые — литературно-условные.

Оглавление включает в себе, как микрокосм, всё многообразие входящих в роман тонов и стилей»⁴.

---

⁴ Там же, С. 431.

БЕСЫ
роман в трёх частях

Часть I

Глава первая. Вместо введения: несколько подробностей из биографии Степана Трофимовича Верховенского

(соединение жанровой установки с информационно-пародийной)

Глава вторая. «Принц Гарри». Сватовство.

(слова Степана Трофимовича с аллюзией на шекспировские пьесы)

Глава третья. «Чужие грехи»

(слова Липутина и С. Т.)

Глава четвёртая. Хромоножка

Глава пятая. «Премудрый змий»

(слова Лебядкина)

Часть II

Глава первая. Ночь

(информационная + символическая)

Глава вторая. Ночь (продолжение)

Глава третья. Поединок

(информационная + символическая)

Глава четвёртая. Все в ожидании

Глава пятая. Перед праздником

(информационная)

Глава шестая. Пётр Степанович в «хлопотах»

(в стиле губернатора Лембке)

Глава седьмая. У «наших»

(слова П. С. Верховенского)

Глава восьмая. «Иван-царевич»

(слова П. С. Верховенского)

Глава девятая. Степана Трофимовича «описали»

(в стиле Настасьи. Сл. Настасьи)

-
- Глава десятая. «Флибустьеры». Роковое утро
(слова губернатора Лембке, в стиле рассказчика)
Часть III
- Глава первая. Праздник: отдел первый
(информационно-канцелярская)
- Глава вторая. Окончание праздника
(информационная)
- Глава третья. Законченный роман
(информационная)
- Глава четвёртая. Последнее решение
(символическая)
- Глава пятая. Путешественница
(информационная)
- Глава шестая. Многотрудная ночь
(оксюморон)
- Глава седьмая. Последние странствования Степана Трофимовича
(парадоксально-символическая)
- Глава восьмая. Заключение
(литературно-условная, жанровая)

Роман начинается с «нескольких подробностей из биографии Степана Трофимовича Верховенского». Человек этот лишь косвенно имеет отношение к происшедшим событиям, но его биография проясняет многое, а кроме того, он воспитатель, духовный наставник главных героев романа, и он же человек, не принимающий новое, полемизирующий с ним, однако в его устах не раз звучат слова о Мадонне, этом всечеловеческом идеале. Но мы ведь помним, что для Достоевского духовные искания человека, его метания между добром и злом осуществляются в противоборстве двух начал — идеала Содомского и идеала Мадонны. И не случайно о Мадонне говорит именно Степан Трофимович: этот смешной «высший либерал» сохранил в себе поэтическое восприятие мира, красоты, то есть, сохранил в себе зерно человечности, смог уберечь его

от плоского житейского разума, вообще в трактовке Степана Трофимовича есть много переключек, реминисценций с «Дон-Кихотом» Сервантеса. А реализуется это сложное двойственное отношение: «развенчание — победа» именно в структуре речи рассказчика. Целый художественный мир, вбирающий в себя всё богатство смыслов романа, живет в слове рассказчика. Перед нами двухголосое художественное слово — элемент искусства, а не просто речи.

История Степана Трофимовича даёт ключ к роману не как последнее слово о происшедшем, а как всякий самобытный голос в его искании истины, взаимодействуя с другими голосами в романе.

Наконец, начало «описания того отчасти забавного случая, с которого, по настоящему, и начинается моя хроника» (X, 53), ведётся с приезда Дроздовых, и в повествовании о Лизе Тушиной начинают звучать другие интонации. Это прорывающаяся, словно нечаянно, интонация восхищения и влюблённости, которую рассказчик пытается приглушить, нейтрализовать мнимообъективной бесстрастностью. В рассказе о Лизе сосуществуют два подхода — видение Лизы тогда и сейчас, это даже не назовешь перспективой: просто рассказчик, много думавший о ней, пытается рассказать о случившемся с позиции сегодняшнего всезнания и старательно скрываемой любви

Эта двойственность подхода открывает много интересного в характере героини; соотношение видимого и скрытого, глубинного всё время присутствует в рассказе.

«Я не стану описывать красоту Лизаветы Николаевны. Весь город уже кричал об её красоте...» (X, 88), и тут же:

«Теперь, вспоминая прошедшее, я уже не скажу, что она была красавица, какую казалась мне тогда. Может быть, она была даже и совсем нехороша собой. Высокая, тоненькая, но гибкая и сильная, она даже поражала неправильностью линий своего лица... Но было же нечто в этом лице побеждающее и привлекающее! Какое-то могущество сказывалось в горящем взгляде её темных глаз; она являлась “как победительница и

чтобы победить”» (X, 88–89).

Дальше же идёт ещё более интересная оценка, говорящая об удивительной чуткости и зоркости рассказчика: «В этой натуре, конечно, было много прекрасных стремлений и самых справедливых начинаний; но всё в ней как бы вечно искало своего уровня и не находило его, всё было в хаосе, в волнении, беспокойстве. Может быть, она уже со слишком строгими требованиями относилась к себе, никогда не находя в себе силы удовлетворить этим требованиям» (X, 89). Бесперывное беспокойство — это лейтмотив, с которым появляется Лиза.

Порой речь Антона Лаврентьевича стремится к прямому, непосредственно направленному на предмет одноголосому слову, лишь осложнённого лёгкими обертонами, принадлежащими другому стилю и тону (в его речи сливается восприятие Лизы рассказчиком плюс восприятие очевидца: Степана Трофимовича, Маврикия Николаевича и так далее).

Это чаще всего просто сухое информативное сообщение о чём-то, это речь, напоминающая стиль Степана Трофимовича, с его возвышенной лексикой.

Иногда же рассказчик повествует о поступках Лизы торопливо, сбивчиво, с мукой, со стыдом за неё, ничего не объясняя или ссылаясь на её болезненное состояние. («Я не знаю, что она хотела этим сказать, но она требовала настойчиво, неумолимо, точно была в припадке».)

«Маврикий Николаевич растолковывал, как увидим ниже, такие капризные порывы её, особенно частые в последнее время, вспышками слепой к нему ненависти, и не то чтоб от злости, — напротив, она чтילה, любила и уважала его, он сам это знал, — а от какой-то особенной бессознательной ненависти, с которой она никак не могла справиться минутами» (X, 104). Здесь в речь рассказчика вплетается голос Маврикия Николаевича, который всё оправдает в Лизе заранее, это характерное для Достоевского пересечение двух сознаний в одном создаёт разнонаправленность голосов: рассказчик; не могущий оправдать Лизу, но стремящийся к этому, и Маврикий

Николаевич, уже оправдавший её на все времена. Это столкновение создаёт ощущение неправоты, но, в то же время, и неизбежности всего происходящего с Лизой.

Последняя глава о ней, «Законченный роман», построена словно в предчувствии трагедии.

«Из большой залы в Скворешниках (той самой, в которой состоялось последнее свидание Варвары Петровны и Степана Трофимовича) пожар был как на ладони. На рассвете, часу в шестом, у крайнего окна справа стояла Лиза и пристально глядела на потухавшее зарево. Она была одна в комнате <...> Лицо её было усталое, озабоченное, но глаза горели, из-под нахмуренных бровей. Она вновь подошла к окну и прислонилась горячим лбом к холодному стеклу» (X, 397–398).

Эта сцена дана голосом рассказчика с максимальным проникновением в речь стиля Лизы; вообще в этой главе, в столь критической ситуации, момент самооценки героев очень силен. Чего стоит её прощальный взглас: «Помолитесь и вы за “бедную” Лизу — так, немножко, не утруждайте себя очень» (X, 412).

Гипертрофия самосознания, острое ощущение личной ответственности перед миром приводит Лизу на край гибели.

Сцена гибели Лизы дана рассказчиком с удивительной приближённостью к героине, с болью, горем, смятением, но даже здесь чуткость и желание понять всё не изменяют Антону Лаврентьевичу.

«Впервой я заметил Лизу, остолбенев от изумления, уже далеко от меня в толпе, а Маврикия Николаевича даже сначала и не разглядел... Лиза, прорывавшаяся сквозь толпу, не видя и не замечая ничего кругом себя, словно горячая, словно убежавшая из больницы, разумеется слишком скоро обратила на себя внимание» (X, 413).

Здесь очень ясно ощущается, переживается рассказчиком состояние Лизы, и здесь же, как и вообще в речи рассказчика, очень силен момент обращённости к читателю, и, действитель-

---

но, хроникёру удастся не просто рассказать нам, а заставить нас сопереживать героине.

А вот как повествует Антон Лаврентьевич о собственной реакции: здесь и боль, и смятенность, и душевные муки, и, в то же время, умение выйти за пределы своего страдания, открытость людям, и даже в такой страшный момент способность всепонимания не изменяет рассказчику.

«Не помню в полной точности, как происходило дальше; помню только, что Лизу вдруг понесли. Я бежал за нею; она была ещё жива и, может быть, ещё в памяти. Из толпы схватили мещанина и еще трёх человек. Эти трое до сих пор отрицают всякое свое участие в злодеянии, упорно уверяя, что их захватили ошибкой; может, они и правы» (X, 413).

Здесь в своей хронике с читателем Антон Лаврентьевич откровенен, мы приобщаемся к его страданию, тревоге, и какое мужество его («может, они и правы») — в самом большом страдании не забыть о законе человеческого взаимопонимания. Но вот он говорит о суде, и тон его меняется на сухой, канцелярский: «Я тоже, как очевидец, хотя и отдалённый, должен был дать на следствии моё показание: я заявил, что всё произошло в высшей степени случайно, через людей, хотя может быть, и настроенных, но мало сознававших, пьяных и уже потерявших нитку. Такого мнения держусь и теперь» (X, 413). Здесь нет осуждения людей, которые явились случайными орудиями убийства, повествование Антона Лаврентьевича аналитично, стремится дойти до сути явлений, до их причин.

Из всех рассмотренных рассказчиков у Достоевского Антона Лаврентьевича труднее всего представить в конкретном телесном образе, он не существует как самостоятельный характер, но убеждает читателя несомненностью, духовно-психологической реальностью своего бытия.

А может быть, «бесплотность» рассказчика обусловлена призрачностью «бесов» (Ставрогина, Верховенского), между тем как их способ жизни, основанный на позитивистском

принципе личной пользы, более чем реален, особенно по своим последствиям.

Самый предмет изображения — «бесовский» круговорот идей, эгоистических властолюбивых интересов — потребовал рассказчика, не укладывающегося в какой-либо конкретный образ, рассказчика как внутреннюю духовную точку зрения. В «Бесах», как и во многих других произведениях, Достоевского волнует день завтрашний, черты которого он видит в сегодняшнем. Защищая социализм от буржуазной идеи, Достоевский хочет опровергнуть социализм в тех искривлённых формах, в каких он подчас выступал у русских либералов-народников-террористов.

Точка зрения рассказчика в «Бесах» помотает ощутить опасность «бесовских» устремлений П. Верховенского, их угрозу гуманности. Черты художественного идеала Достоевского, как уже упоминалось, отразились в типах рассказчика. В 1870-е годы Достоевского, как и Льва Толстого, интересует разрешение проблемы познания высших духовных закономерностей жизни, соотношение рассудка и нравственного чувства человека в этом познании. Проблема человека и среды решается Достоевским в 1870-е годы на качественно ином философском уровне. Современное общество калечит человека, оно вредно для нравственности, лишь человек, который находит в себе силы жить стремлением к идеалу вселенского единения людей, способен к духовному возрождению.

Роль и значение такого рассказчика-хроникёра в «Бесах» огромна. Функции его в организации художественного целого разнообразны. Антон Лаврентьевич потому и назван хроникёром, что его позиция творит сложную временную композицию романа, обеспечивая в осколочном нецельном мире провинциальной российской действительности единство прошлого, настоящего, будущего. Рассказчик создает полифонию голосов множества героев и персонажей произведения. Он творит предельно динамичное повествование, меняя дистанцию своего слова по отношению к персонажам, чередуя процессы «вжива-

---

ния» в их речь и «отчуждения». Этим он обеспечивает оцеление и гармонизацию течения бытия при всём трагизме происходящих событий. Наконец, рассказчик создаёт ценностную иерархию семантического поля романа. Каждый герой и персонаж удостоивается им нравственной победы или поражения.

Т. А. Касаткина

**«БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»:
РОЖДЕСТВО И ДЕТСТВО ХРИСТА
В СТРУКТУРЕ ОБРАЗА ПЕРСОНАЖА**

Что сказал Достоевский Суворину
о продолжении романа?

При обращении к теме о Рождестве изначально были видны лишь две точки, в которых Достоевский очевидным образом обращается к истории Рождества Христова и раннего детства Христова, потом оказалось, что этих точек гораздо больше, а потом оказалось, что из так поставленной проблемы следуют выводы, которые, вроде бы, вообще не могли на этом пути встретиться — в том числе, стало понятно, что на самом деле сказал Достоевский Суворину по поводу вероятного продолжения «Братьев Карамазовых», — и что Суворин вполне точно записал в своем дневнике — и почему эта фраза, будучи на самом деле вполне беспроблемной, вызвала такие баталии — и такие фантазии — среди почитателей и исследователей Достоевского.

После сравнительно небольшого введения я собираюсь сосредоточиться именно на этом высказывании.

В последнее время исследователи Достоевского неоднократно говорили о том, что в «Братьях Карамазовых» практически каждый герой в какой-то момент оказывается у Креста Христова — или даже на Кресте Христовом: в частности, на кресте оказываются Зосима и Дмитрий. У креста в разных позициях: Иван Карамазов, Лиза Хохлакова и другие. Что интересно: практически всегда при этом прикрестном стоянии одного из героев присутствует Алёша, но именно как свидетель

и сопровождающий персонаж. С другой стороны, понятно, что когда Алёша присутствует при крестном распятии Зосимы или Мити — это одновременно его собственное предстояние перед крестом Христовым.

В ситуации с Рождеством — с Алёшей почти та же история, хотя, когда выяснилось, что эпизодов, связанных с темой детства Христа, в романе гораздо больше, чем предполагалось в начале, оказалось, что Алёша всё же является протагонистом одного из них.

Перечислим очевидные эпизоды отсылки к Христову детству в романе, проступающие сквозь ткань текста «Братьев Карамазовых». Первый, в самом начале романа, маркированный легко опознаваемой цитатой — и я думаю, что Достоевский это делает для настройки глаза читателя — это эпизод с Фёдором Павловичем Карамазовым. Как мы помним, на первых страницах, где сообщается о странном первом его браке, бегстве жены, и её последующей смерти, Фёдор Павлович, извещённый о кончине супруги, «побежал по улице и начал кричать, в радости воздевая руки к небу: “Ныне отпускаеши”, а по другим — плакал навзрыд как маленький ребенок...» (14, 9)¹ «Ныне отпускаеши» — это реплика старца Симеона Богоприимца, встречающего Младенца-Христа, принесённого на сороковой день в Храм. Замечательно, что здесь два персонажа евангельской сцены даны в одном образе: по одной версии Фёдор Павлович кричит «ныне отпускаеши», воздевая руки к небесам, а по другой плачет, как младенец — то есть внутри него в этот момент встречаются старец Симеон со Христом. Далее Фёдора Павловича назовут «безвременным стариком», что продолжит его связь с этим двойным образом, поскольку старец Симеон — тот, кто по преданию участвовал в переводе Библии на греческий язык семьюдесятью толковниками и засомневался, дойдя в своей части до пророчества Исаяи «се дева во чреве

---

¹ *Достоевский Ф. М.* Полное собр. соч. В 30 т.: Л., 1972–1990. Здесь и далее том и страница этого издания обозначены в тексте в скобках после цитаты.

приимет», каким словом перевести то еврейское слово, которое могло обозначать как «дева», так и «молодая женщина», склоняясь к переводу «молодая женщина». Явившийся ему ангел указал писать слово «дева» — и обещал, что Симеон не умрёт, пока не увидит своими глазами сбывшегося пророчества. В результате Симеон прожил ещё около 300 лет, ожидая Рождества Христова, нарушая порядок времён. Фёдор Павлович страшно состарился — хотя по годам ещё вовсе не стар, и в нём — в облике, речи и поведении — как бы в неслиянном смешении присутствуют одновременно и древний старик, и младенец.

Следующая сцена, имеющая отношение к детству Христову: мать Алёши, в истерических судорогах протягивающая маленького Алёшу к иконе, под покров Богородицы, вбежавшая нянька вырывает у неё ребенка в испуге. Если наш глаз уже настроен — мы легко опознаем здесь сцену избиения младенцев Иродом (14, 18).

Если мы посмотрим дальше, то самоназвание старца Зосимы, очевидно комплектное к монологу великого инквизитора из поэмы Ивана (Зосима переворачивает ситуацию, называя «малым младенцем» себя, а отцами и учителями — всех им «пасомых» (14, 266), в то время как для инквизитора из «младенцев» состоит послушное ему стадо), в то же время оказывается довольно очевидной аллюзией на проповедь отрока-Христа в Храме, где Он обращается именно к отцам и учителям народа.

Но буквально названное Рождество появляется в романе только в одном образе — и это образ Смердякова. Вот сцена, где не просто употребляется соответствующее слово, но оно оказывается дополнительно выделенным аллюзиями на библейский текст. Эту сцену проявления Рождества в жизни персонажа тоже наблюдает Алёша, и эта сцена происходит в *саду*. Сцена вся значима и взывает к интерпретации, но выделим сейчас лишь то, что относится к нашей теме самым непосредственным образом. Итак: сад, в котором Алёша видит *древнюю* скамейку, и где вообще на каждом шагу подчёркивается вет-

---

хость и древность, намекающая на самое далёкое и глубокое, невозможное прошлое, и в саду — вкрадчивый, льстивый, обволакивающий голос, славящий ум и *познания* героя: « — Как вы во всём столь умны, как это вы во всём произошли? — ласкался всё более и более женский голос.

— Я бы не то ещё мог-с, я бы и не то ещё знал-с, если бы не жребий мой с самого моего сыздетства. Я бы на дуэли из пистолета того убил, который бы мне произнёс, что я подлец, потому что *без отца от Смердящей произошел*, а они и в Москве это мне в глаза тыкали, отсюда благодаря Григорию Васильевичу переползло-с. Григорий Васильевич попрекает, что я против *рождества* бунтую: “ты дескать ей ложесна разверз”. Оно пусть ложесна, но я бы дозволил убить себя ещё во чреве с тем, чтобы лишь на свет не происходить вовсе-с. На базаре говорили, а ваша маменька тоже рассказывать мне пустилась по великой своей неделекатности, что ходила она с колтуном на голове, а росту была всего двух аршин с малыим. Для чего же с малыим, когда можно просто с малым сказать, как все люди произносят? Слезно выговорить захотелось...» (14, 204)

Здесь не просто Рождество названо буквально, и Смердяков говорит о своём рождении как о рождестве, — но здесь начётчик Григорий Васильевич прямо цитирует Библию, где о перво-рождённых сказано (и слово «ложесна» употребляется исключительно в связи с этим установлением): «вот, Я взял левитов из сынов Израилевых вместо всех первенцев, разверзающих ложесна из сынов Израилевых [они будут взамен их]; левиты должны быть Мои, ибо все первенцы — Мои; в тот день, когда поразил Я всех первенцев в земле Египетской, освятил Я Себе всех первенцев Израилевых от человека до скота; они должны быть Мои. Я Господь» (Числ. 3, 12–13). В соответствии с этим законом Младенца Иисуса приносят в Иерусалимский храм: «А когда исполнились дни очищения их по закону Моисееву, принесли Его в Иерусалим, чтобы представить пред Господа, как предписано в законе Господнем, чтобы всякий младенец мужского пола, разверзающий ложесна, был посвящен Господу»

(Лк. 2, 22–23). Достоевский ставит эту фразу Григория в притяжении к слову «Рождество», чтобы мы, читатели, не пропустили намёка; он, как всегда, предлагает текстовую рифму, чтобы удостовериться нас в том, что это не ошибка восприятия.

То есть: рождество, ложесна — и дальше, говоря о Смердящей — «с малым <...> Слёзно выговорить захотелось»: очевидная и внятная отсылка к той умильной, «слёзной» лексике, что употребляется в простонародных высказываниях применительно к Богородице и новорождённому Младенцу-Христу. Вот, например, как это звучит в народной драме «Смерть царя Ирода»:

Нова радость стала,
Яко в небе хвала,
Над вертепом звезда ясна,
Светла возсияла.
Пастушки идут с ягняткам,
Перед *малым* Дитятком
На колени упали,
Христа прославляли².

В дополнение к сказанному нужно вспомнить, как описан момент зачатия Смердякова: когда компания «*высшего* общества» стоит вверху — а глубоко внизу, в яме, лежит Лизавета Смердящая, и идёт разговор о том, можно ли такого зверя счесть за женщину. Заданный этой сценой разрыв между «интеллектуальным» верхом и чисто телесным, сугубо плотским низом прозрачно указывает на гораздо более радикальный разрыв между Творцом и тварью, соединяющимися в процессе осуществления тайны Боговоплощения.

Повторим: Алёша почти всегда оказывается при этих явлениях истории детства Христова (за исключением истории

---

² См.: Давидова М. Г. Новгородский вертеп. — https://www.portal-slovo.ru/art/36130.php?ELEMENT_ID=36130&SHOWALL_1=0 (Дата обращения: 28.09.2019).

Фёдора Павловича, по понятным причинам: он тогда ещё не родился), как и при историях стояния у креста (или пребывания на кресте). Он как бы собирает в себе все эти осколки истории Христовой, *которые являются в разных людях* — в общем теле Церкви (подчеркнём: Церковь тут не религиозная организация, а телесное соединение всех людей в созидании Тела Христова) — и тут его главное отличие от истории князя Мышкина, который *противопоставлен* остальным героям по мотиву явления в себе Христа. Мы видим, что Достоевский учёл то, что — и то, *почему* — «не получилось» в романе «Идиот», где герой является как единичный носитель Христа в себе (на самом деле, и в «Идиоте» это не совсем так, там пара героев — носителей Христа, но об этом нужно говорить не мимоходом). В «Братьях Карамазовых» нам предъявлено явление Христа в каждом персонаже, в пространстве любой человеческой жизни, собираемое, соединяемое в единое целое *взглядом* героя.

Сказав об этом принципе построения романа «Братья Карамазовы», обратимся к предисловию «От автора», к тем полутора страницам, на которых в этом романе действительно ведётся повествование от автора: ибо всё дальнейшее будет известно нам из уст рассказчика.

Прежде всего, автор на протяжении всего предисловия именует Алёшу Алексеем Фёдоровичем, так что начнём анализ с имени героя.

«Алексей Фёдорович» значит буквально «Защитник Божиего дара», что само по себе может служить описательным именованием Христа, принимающего смерть, чтобы восстановить в растлевшемся грехом человечестве и каждом человеческом теле целительное действие образа Божия — главного Божиего дара человеку — тем более, что, как мы видели выше, Алексей Фёдорович Карамазов — защитник и собиратель Божиих даров, рассыпанных по чёрной земле, раскрывающихся в сердцеvine жизни каждого человека.

Далее, характеризуя героя, Достоевский говорит, что он

«деятель, но деятель неопределённый, не выяснившийся» — то есть не деятель в какой-нибудь *области* или *сфере*, а деятель *вообще*, над сферами и областями, деятель *в целом*. Как выяснится в главе «Кана Галилейская» — *деятель над всею землёю*. «Деятель» в языке той эпохи прежде всего значило «преобразователь». Итак, перед нами преобразователь/преобразитель земли.

Далее: «это человек странный, даже чудак. Но странность и чудачество скорее вредят, чем дают право на внимание, особенно когда все стремятся к тому, чтоб объединить частности и найти хоть какой-нибудь общий толк во всеобщей бестолочи. Чудак же в большинстве случаев частность и обособление. Не так ли? Вот если вы не согласитесь с этим последним тезисом, и ответите: “Не так” или “не всегда так”, то я пожалуй и ободрюсь духом на счёт значения героя моего Алексея Фёдоровича. Ибо не только чудак “не всегда” частность и обособление, а напротив бывает так, что *он-то пожалуй и носит в себе иной раз сердцевину целого*, а остальные люди его эпохи [уточнение «его эпохи» здесь, пожалуй, можно опустить, чтобы отчетливее увидеть цель этого описания — *Т. К.*] — все, каким-нибудь наплывным ветром, на время почему-то от него оторвались...» (14, 5) Собственно, перед нами довольно очевидное и адекватное описание Христа по отношению к людям в состоянии грехопадения: ибо Он есть тот, кто несёт в себе истинную человечность и истинную неповреждённую природу человека, «серцевину целого» — а все остальные люди «каким-то наплывным ветром на время от него оторвались» — и суть пришествия Христова именно в том, чтобы восстановить эту оборвавшуюся связь.

Таким образом, Достоевский отчётливо и почти прямолинейно настраивает нас в предисловии на восприятие героя как хриstopодобного, проходящего путём Христа.

Дальше нам сообщат, что Алёше 20 лет, а действие следующего, основного, романа должно произойти через 13 лет — то есть, когда герой достигнет возраста Христова Распятия.

Теперь вспомним, что же буквально сказал Достоевский Суворину, дневниковая запись которого послужила главным источником версии продолжения «Братьев Карамазовых», в которой Алёша становится цареубийцей.

Он, по воспоминаниям последнего, «сказал, что напишет роман, где героем будет Алёша Карамазов. Он хотел его провести через монастырь и сделать революционером. Он совершил бы *политическое* преступление. Его бы казнили. Он искал бы правду, и в этих поисках, естественно, стал бы революционером...»³

И вот на основании этой записи некоторые достоевисты почему-то приходят к выводу, что идея предполагавшегося второго романа Достоевского состояла в том, что Алёша совершит *государственное* преступление, причем Игорь Волгин⁴, а

---

³ Суворин А. С. Дневник. М.; Пг., 1923. — http://az.lib.ru/s/suworin_a/s/text_1907_dnevnik.shtml (Дата обращения: 17.09.2019).

⁴ См. Волгин И. Последний год Достоевского: Историч. записки. 4-е изд., испр. и доп. М., 2010. С. 30 и далее. Игорь Волгин приводит ещё заметку от 26 мая 1880 года в одесской газете «Новороссийский телеграф», о которой Достоевский, впрочем, скорее всего, вообще не знал: «...из кое-каких слухов о дальнейшем содержании романа («Братья Карамазовы». — И. В.), слухов, распространившихся в петербургских литературных кружках, я могу сказать... что Алексей делается со временем сельским учителем и под влиянием каких-то особых психических процессов, совершающихся в его душе, он доходит даже до идеи о цареубийстве» (Указ. изд. С. 30).

⁵ «Главным героем эпопеи «Братья Карамазовы» Достоевский мыслил Алёшу. Это был, видимо, жертвенный образ революционера-мученика. Страстный правдоискатель, он в юности прошёл через увлечение религией и личностью Христа. Но из монастыря он пошёл в мир, познал его страсти и страдания. Пережил бурный и мучительный роман с Лизой Хохлаковой. Душевно разбитый, он ищет смысла жизни в деятельности на пользу ближних. Ему нужны активность и подвиг. В общественной атмосфере конца 70-х годов он становится революционером. Его увлекает идея цареубийства как возбуждения всенародного восстания, в котором потонут все бедствия страны. Созерцательный инок становится активнейшим политическим деятелем. Он принимает участие в одном из покушений на Александра II. Он всходит на эшафот. Главный герой эпопеи о современной России раскрывает трагедию целой эпохи с её обречённой властью и жертвенным молодым поколением» (Гроссман Л. Достоевский (сер. «Жизнь замечательных людей»). Гл. XIX. Роман-синтез. — <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/bio/grossman-dostoevskij/glava-xix-roman-sintez.htm> (Дата обращения: 17.09.2019).

ранее — Леонид Гроссман⁵, договорились аж до цареубийства. При этом исследователи, придерживающиеся другой точки зрения на роман и героя, зачастую вообще склонны отвергать свидетельство Суворина, утверждая, что логика художественного развития героя и романа совершенно исключают возможность такого развития событий⁶.

И, однако, всё, что было сказано здесь ранее, даёт возможность с уверенностью заявить, что свидетельство Суворина абсолютно точно, логика текста и характера предполагает именно такое развитие событий, как описано у Суворина — но при этом ни в коем случае не такое, как предположено Волгиным.

Чтобы понять, в чём тут дело, нам нужно вспомнить, что Христос — это политический преступник, *казнённый именно как политический преступник*. Над Его головой прибывают табличку «Иисус Назарянин Царь Иудейский», что означает обвинение по политическому мотиву (посягательство на власть правящего императора) и казнь по политическому мотиву. Заметим, что, в то время, как упомянутые Достоевисты делают акцент на домысленном ими *убийстве*, совершённом или задуманном героем, сам Достоевский делает акцент на *казни героя*. Алеша должен умереть так же, как Тот умер на кресте.

Ошибка Гроссмана и Волгина, скорее всего, связана с неверным представлением о квалификации преступлений. Достоевский в записи Суворина говорит именно о *политическом* преступлении. Между тем цареубийство не квалифицировалось как политическое преступление. Оно квалифицировалось как преступление уголовное. В Российской Империи в период написания и действия романа им занимался верховный уголовный суд.

В международном праве с 1867 года (заметим — буквально с того года, которым Достоевский обозначает время действия в романе «Братьев Карамазовых») Россия принимает

---

⁶ См., например: Белов С. В. Загадка смерти Фёдора Достоевского, или Алёша Карамазов — цареубийца. — <https://saygotakamori.livejournal.com/3127.html> (Дата обращения: 17.09.2019).

бельгийскую формулу, к которой, после её принятия Бельгией в 1856 году, присоединились все европейские страны, кроме Швейцарии, Англии и Италии. Необходимость этой формулы в середине XIX века связана с тем, что в лишь конце XVIII столетия впервые был прямо поставлен принцип невыдачи политических преступников, хотя он и не соблюдался последовательно и неукоснительно. Известный русский правовед Н. С. Таганцев пишет: «В законе этом постановлялось, что не должно считаться политическим преступлением, ни деянием, ему сопредельным, посягательство на главу иностранного правительства и членов его фамилии, когда это деяние составляет предумышленное или непредумышленное убийство или отравление, а в мотивах к законопроекту было сказано: “Цареубийство во всех отношениях должно считаться равным с посягательством на жизнь частного лица. Жизнь иностранного монарха должна пользоваться покровительством наравне с жизнью всякого иностранца, не более, но и не менее. Сделать более — значило бы в самом деле возвести цареубийство в политическое преступление, дать ему печальное преимущество и в то же время допустить то, что все мы отвергаем, т. е. политическую выдачу. Сделать менее — значит исключить иностранного принца из общего права и узаконить несправедливость”»⁷.

Таким образом, цареубийство, то преступление, которое наиболее кажется нам невероятным и отторгается нашим сознанием при мысли об образе Алексея Фёдоровича Карамазова — и которое ему, возможно, именно поэтому: с тем, чтобы усилить шоковое воздействие этой информации на читателя, довести предполагаемое изменение образа до *nes plus ultra*, — пытались приписать Гроссман и Волгин, сами талантливые авторы, к тому же, в силу идеологических установок того времени, когда формировались их базовые представления, рассматривавшие цареубийство как политическое преступление по пре-

---

⁷ См.: Таганцев Н. С. Уголовное право (общая часть). Ч. 1. Б. м., 1902. § 91. Выдача виновных в политических преступлениях. — <http://www.pravoznavec.com.ua/books/36/2189/28/> (Дата обращения: 17.09.2019).

имуществу, — никак не могло иметься в виду Достоевским, говорившим Суворину о *политическом* преступлении героя в полном соответствии с законодательством своего времени, о котором он был хорошо осведомлен — и проблемы реформы которого (в области церковного суда) нашли прямое отражение в тексте «Братьев Карамазовых».

Говоря об Алёше как о политическом преступнике, Достоевский имел в виду не членов «Народной расправы» или «Народной воли» — а себя, боровшегося с несправедливостью именно политическими методами. Он за чтение и за недонесение о распространении преступного о религии и правительстве письма литератора Белинского был приговорён к расстрелу. Для него политическое преступление связано с собственной историей — и с историей Христа, наказанного *смертью за слова*. В понятие политического преступления для Достоевского непременно включалось представление о непаритетности взаимодействия сторон, о словесной проповеди иного, высшего, братского способа существования человечества с одной стороны — и защиты режима путем убийства проповедников с другой.

Кроме того, судя по ходу первого романа, по тому, как Алёша впитывает в себя все события, происходящие с каждым персонажем романа, которые/которых он должен соединить *всех в одно* в свои 33 года — в единую историю Христа на земле, проходящего через каждую человеческую судьбу; судя по Митиному приговору, осуждающему его страдать *за другого*; судя по главному принципу человеческого бытия, высказанному старцем Зосимой: «каждый перед всеми за всех и за всё виноват», — можно догадаться, что Алёша, скорее всего, тоже должен был взять на себя чью-то вину — как это сделал и Христос, умерев за грехи всех в человечестве. Разница с первым романом заключалась бы в том, что Митя берёт на себя чужую вину невольно — а Алёша взял бы её на себя вольно, повторив буквально последние дни пути Христа в новом времени.

Надо сказать, что Достоевский продумывал ситуацию казни Христа как именно политического преступника на протяжении долгих лет. Вот, например, записи, на протяжении 2 лет повторявшиеся в записных тетрадях к роману «Подросток», прямо предшествовавшему «Братьям Карамазовым»:

«В Англии судили Христа» (16, 41).

«Процесс Христа в Англии» (16, 277).

«Немец говорил о лодке в Англию и о процессе Христа и проч.» (16, 180).

«О том, как в Англии нарочно процесс Христа делали и решили, что достоин казни» (16, 184).

В окончательном тексте романа Версолов рассказывает эту историю как некий курьёз, из которого, однако, виден ход размышлений Достоевского над проблемой: «Представь, Петр Ипполитович вдруг сейчас стал там уверять этого другого рябого постояльца, что в английском парламенте, в прошлом столетии, нарочно назначена была комиссия из юристов, чтоб рассмотреть весь процесс Христа перед первосвященником и Пилатом, единственно чтоб узнать, как теперь это будет по нашим законам, и что всё было произведено со всею торжественностью, с адвокатами, прокурорами и с прочим... ну и что присяжные принуждены были вынести обвинительный приговор... Удивительно что такое!» (13, 222).

Таким образом, в этой будоражащей до сих пор умы записи Суворина о возможном продолжении «Братьев Карамазовых» не сказано ничего невозможного и неожиданного для того Достоевского, которого мы знаем, в ней выражено лишь намерение завершить, наконец, роман о Христе, проходящий единой линией через всё творчество Достоевского.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90023 / The reported study was funded by RFBR according to the research project № 18-012-90023.

Б. Н. Тихомиров

НЕТОЧКА НЕЗВАНОВА ИДЁТ В КОНСЕРВАТОРИЮ

(Литературно-музыкально-краеведческое
расследование)

Незавершённый роман «Неточка Незванова» — одно из наиболее значительных созданий Достоевского 1840-х гг. Уникальную черту его своеобразия составляет небывалое в творчестве писателя ни до, ни после этого произведения многообразное присутствие в «Неточке Незвановой» музыкальных тем и мотивов. «Музыка — основа „Неточки Незвановой“, — пишет автор специального исследования, — это атмосфера, в которой живут герои; она как бы определяет их судьбы»¹. Вся первая часть романа², композиция которого построена по кумулятивному принципу, посвящена трагической судьбе отчима Неточки — скрипача Егора Ефимова, одарённо-

---

¹ Гозенпуд А. А. Достоевский и музыкально-театральное искусство: Исследование. Л., 1981. С. 59.

² В журнальной публикации «Неточки Незвановой» членение на три части было подчеркнуто тем, что каждая из частей имела собственное название: «Часть первая. Детство», «Часть вторая. <...> Новая жизнь», «Часть третья. Тайна» (Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 35 т. 2-е изд., исправл. и доп. СПб., 2014. Т. 2. С. 561, 569, 582, варианты. Далее при цитатах в скобках указываются страницы этого тома; полужирные выделения в цитатах принадлежат автору статьи). Каждая из частей первоначально имела собственное членение на главы (I–III, I–II, I–II). В последующих изданиях романа названия были сняты и весь текст разделён на семь глав, получивших сквозную римскую нумерацию (I–VII). Однако содержательно композиционное членение на три части сохранилось.

го музыканта, погубившего свой талант³. История его жизни составляет в архитектонике «Неточки Незвановой» вполне самостоятельную повесть. Немаловажно отметить, что предысторию Ефимова заглавная героиня, которая является одновременно и повествовательницей-мемуаристкой, излагает со слов товарища своего отчима — скрипача Б. Этот персонаж особенно значимо присутствует в сюжете первой части «Неточки Незвановой», но вновь появляется также в части третьей, являясь другом Александры Михайловны, в семье которой живёт героиня. Во второй части Неточка попадает в дом князя X-го, атмосфера в котором вся пропитана музыкой. И не случайно исследователи предполагают, что в обрисовке этого дома отразились черты известного музыкального салона графа Мих. Ю. Виельгорского. Здесь героиня присутствует на потрясшем всё её существо выступлении гастролировавшего в Петербурге гениального скрипача С-ца. А в последней, третьей части музыкальная одарённость в шестнадцатилетнем возрасте проявляется уже у самой Неточки, у которой обнаружился «чудный голос» (330). И в этой связи не представляются столь уж беспочвенными предположения некоторых исследователей, что будущее заглавной героини в ненаписанной части романа виделось автору как становление выдающейся певицы⁴. Недаром, вспоминая «свои утренние путешествия в консерваторию»⁵, Неточка пишет: «мне так нравилась такая обстановка **начала моей артистической жизни**» (343).

Далее — по сюжету. Об этом открытии сообщили другу дома скрипачу Б. «Старик был обрадован, — воспомина-

³ О сопряжении в образе скрипача Ефимова проблемы ответственности художника перед своим талантом с нравственной проблемой допустимости жертвовать во имя таланта другими людьми, о пушкинских истоках этой проблематики в творчестве Достоевского см.: *Викторович В. А.* К поэтике сюжетного эксперимента: Пушкин и Достоевский // Болдинские чтения. Горький, 1981. С. 167–168.

⁴ См.: *Гроссман Л. П.* Достоевский. М., 1965. С. 126–127; *Фридлиндер Г. М.* Реализм Достоевского. М.; Л., 1964. С. 88; Terras V. The Young Dostoevsky. 1846–1849. A Critical study. The Hague; Paris, 1869. P. 49.

⁵ Цитирую по журнальной редакции; см. с. 588, варианты.

ет Неточка. — Он меня очень любил, вспомнил о моём отце (то есть отчине. — *Б. Т.*), о прошедшем, и когда я спела перед ним два-три раза, он с серьёзным, с озабоченным видом, даже с какою-то таинственностью, объявил, что средства есть несомненные, может быть даже и талант, и что не учить меня невозможно» (330–331). Его мнение разделяли и Александра Михайловна, и её муж Пётр Александрович. «Наконец в нашем семейном совете, — продолжает Неточка, — положено было пригласить мне учителя пения. Б. рекомендовал известного и наилучшего. На другой же день к нам приехал итальянец Д., выслушал меня, повторил мнение Б., своего приятеля, но тут же объявил, что мне будет гораздо более пользы ходить учиться к нему, вместе с другими его ученицами, что тут помогут развитию моего голоса и соревнование, и переимчивость, и богатство всех средств, которые будут у меня под руками» (331–332). Такова завязка интриги настоящего литературно-музыкально-краеведческого исследования. В чём же состоит интрига?

«Александра Михайловна согласилась, — завершает изложение данного эпизода Неточка; — и с этих пор я ровно по три раза в неделю отправлялась по утрам, в восемь часов, в сопровождении служанки **в консерваторию**» (332). Вот тут-то и заговоздка! Надо сказать, что комментаторы Полного собрания сочинений Достоевского просмотрели это загадочное место в повести «Неточка Незванова», и оно осталось без примечания как в 1-м (1972), так и во 2-м, исправленном и дополненном (2014) академических изданиях. Не прокомментировано данное место и в «альтернативном» петрозаводском издании «Канонических текстов» (1996)⁶. Обошли стороной этот казус и авторы-краеведы, разрабатывающие тему «Петербург Достоевского». А казус заключается в том, что в Северной столице (и вообще в России) 1840-х гг. *не существовало консерватории*.

---

⁶ См.: *Достоевский Ф. М.* Полное собр. соч.: Канонич. тексты. Петрозаводск, 1996. Т. 2. С. 738–740.

«Неточка Незванова» создавалась в 1846–1849 гг. А первая в Российской империи С.-Петербургская консерватория была открыта лишь 8 сентября 1862 г. Причем в высочайше утверждённом 17 октября 1861 г. Уставе она ещё именовалась Музыкальным училищем Русского музыкального общества. Поскольку, как объяснял позднее в «Автобиографических рассказах» один из главных инициаторов создания консерватории и её первый директор А. Г. Рубинштейн, в силу широкого распространения «веяния квасного патриотизма» надо было «избегать иностранных слов»⁷. И лишь в новом Уставе 1873 г. название «консерватория» стало официальным.

Правда, вопрос о необходимости «устройства театрального училища по образцу Парижской консерватории» обсуждался в обществе ещё в 1830–1840-е гг. В 1844 г. в прессе даже появилось сообщение, что Ш. Майер и М. Бернадт получили разрешение основать в Северной столице консерваторию⁸, однако она так и не была открыта. Но слово, как говорится, было на слуху. «Консерватории. Так называются публичные музыкальные школы, которые, в государстве или провинции, так точно развивают музыку, как университет совершенствует науку»⁹, — разъясняло в том же 1844 г. читателям специальное музыкальное издание.

Таким образом, казалось бы, можно заключить, что в тексте «Неточки Незвановой» слово «консерватория» употреблено с известной долей условности. Тем не менее это не отменяет вопроса: куда же три раза в неделю, по утрам, в сопровождении служанки, старухи Натальи, ходила заниматься пением героиня? В журнальной редакции «Неточки Незвановой», опубликованной в «Отечественных записках», слово «консерватория» было употреблено ещё один раз: «Я очень любила свои утрен-

---

⁷ Рубинштейн А. Г. Литературное наследие: В 3 т. М., 1983. Т. 1. С. 90.

⁸ См.: Петровская И. Ф. Музыкальный Петербург. 1801–1917: Энциклопедич. словарь-исслед.: В 2 кн. СПб., 2009. Кн. 1: А–Л. С. 401. («Музыкальный Петербург»). Энциклопедич. словарь. Т. 10).

⁹ Консерватории // Литературное прибавление к «Нувеллисту». 1844. № 5. С. 1.

ние путешествия **в нашу консерваторию**, — вспоминает героиня. — Так весело было проходить город, который к девятому часу уже совсем оживлялся и заботливо начинал обыденную жизнь. Мы обыкновенно проходили по самым живучим, по самым кропотливым улицам¹⁰, и мне так нравилась такая обстановка начала моей артистической жизни...» (343 и 588, варианты) Однако в последующих изданиях «Неточки Незвановой» Достоевский в этом фрагменте слово «консерватория» убрал, заменив вариантом: «Я очень любила свои утренние путешествия **к моему учителю**» (к данному обстоятельству я ещё вернусь).

Итак, куда же утренними «кропотливыми» петербургскими улицами ходила Неточка? Обращение к специальной литературе позволяет предположительно назвать три учреждения — наиболее вероятных кандидата на место учебы героини Достоевского: Императорское театральное училище, располагавшееся на Театральной улице, в здании Дирекции императорских театров (соврем. адрес: ул. Зодчего Росси, № 2); Женский Патриотический институт, находившийся на 10-й линии Васильевского острова (соврем. № 3) и, наконец, Императорская придворная певческая капелла, занимавшая целый комплекс зданий между набережной Мойки (соврем. № 20) и Большой Конюшенной улицей (соврем. № 11).

Ближе всего по типу к консерватории в 1840-е гг. подходило Императорское театральное училище (и в 1850-е гг. даже было намерение реорганизовать его, «образовав из оногo: для <...> вокальной и инструментальной музыки — консерваторию», однако и эти планы не были осуществлены)¹¹. Так что можно было бы предположить, что Неточка регулярно ходила заниматься пением в училище на Театральной улице.

Однако не будем торопиться: у этого вопроса есть и другая сторона, внимание к которой проливает новый, неожи-

---

¹⁰ Кропотливые улицы — здесь: суетливые или деловые.

¹² См.: *Петровская И. Ф.* Музыкальный Петербург. Кн 1: А–Л. С. 400–401; Кн. 2: М–Я. С. 376–379.

данный свет на ключевую проблему настоящего исследования. Естественно спросить: а вокальный педагог-итальянец Д., аттестованный Неточкой как «известнейший и наилучший» в Северной столице, — вымышленное ли это лицо, или для него можно попытаться установить реальный прототип? Надо сказать, что такие попытки имеют полное право на существование, и полученный в итоге результат — лучшее тому подтверждение.

В поисках прототипа для персонажа «Неточки Незвановой» первым моё внимание привлёк Джованни Давид (David; 1790–1864). Певец (лирический тенор) и сын певца, он сделал выдающуюся карьеру на родине, в Италии: с 1816 г. был солистом оперного театра в Неаполе, первым исполнителем ряда партий в операх Дж. Россини; гастролировал в Вене, Париже и Лондоне. С 1842 г. жил в Петербурге, где до 1851 г. являлся директором Итальянской оперы¹². Оставив по возрасту сцену, стал вокальным педагогом, которого столичная пресса 1840-х гг. аттестовала как «одного из лучших здешних преподавателей пения» (Северная пчела. 1846. 3 мая. № 98. С. 390). «У г-на» Давида, — писала та же газета по поводу концерта, данного в зале университета, — так много учениц, и между ними так много замечательных талантов, что в один вечер невозможно их переслушать» (Северная пчела. 1848. 23 апр. № 89. С. 354).

Конкурентом Дж. Давида, также имеющим основания претендовать на роль прототипа учителя пения Неточки Незвановой, стал Николай Джулиани (Giuliani; ок. 1778 — не ранее 1852)¹³ — брат знаменитого итальянского виртуоза-гитариста Мауро Джулиани, вокальный педагог, певец и композитор, живший в Петербурге с начала 1810-х гг. С 1827 по 1852 г. он служил «учителем итальянского пения» в Женском

¹² См.: Там же. Кн 1: А–Л. С. 269.

¹³ О том, что Никола Джулиани на три года старше своего брата Мауро, родившегося 27 июля 1781 г., мне сообщил итальянский славист Стефано Алоэ, за что я выношу ему сердечную благодарность.

¹⁴ См.: Долгушина М. Г. Джулиани (Giuliani) Николай // Три века Санкт-Петербурга: Энциклопедия: В 3 т. СПб., 2003. Т. 2: XIX в., кн. 2. С. 318–319;

патриотическом институте. Также давал частные уроки¹⁴. В 1847 г. он выпустил книгу «Вступление к своду законов гар-

INTRODUCTION
AU
CODE D'HARMONIE

PRATIQUE ET THÉORIQUE.

OU

NOUVEAU SYSTÈME DE BASSE FONDAMENTALE

DÉDIÉ À S. A. I. MONSIEUR

LE PRINCE D'OLDENBOURG

PAR

NICOLAS GIULIANI

MUSIQUE DE CHAMBRE

ATTACHÉ AU SÉCRÉTARIAT DE LA BIBLIOTHÈQUE IMPÉRIALE DE FRANCE.

SAINT-PÉTERSBOURG

J. HAUER ET C^o, LIBRAIRES DE LA BIBLIOTHÈQUE IMPÉRIALE

PARIS

HECTOR BOSSANGE, 21 BIS, QUAI VOLTAIRE.

1847

*Титульный лист трактата Н. Джулиани
«Вступление к своду законов гармонии»*

2) Петербургский музыкант Николай Джулиани // *Pietroburgo capitale della cultura Russa / Петербург столица русской культуры*: В 2 т. Salerno, 2004. Т. 1. С. 237–249. (Europa Orientalis. Vol. 5); 3) Николай Джулиани — вокальный педагог // *История музыкального образования: новые исследования: материалы междунар. семинара 3-й сессии Науч. совета по проблемам истории муз. образования. Великий Новгород; Пермь, 2012. С. 121–124.*

¹⁵ Introduction au Code d'harmonie pratique et theorique du nouveau systeme de basse fondamentale par Nicolas Giuliani. Paris: Hector Bossange & St. Petersburg: J. Hauer et Co, 1847. Довольно критический отзыв на эту книгу опубликовал В. В. Стасов (см.: *Внутренние известия // Отец. записки. 1847. Т. LI, № 4. Отд. VIII. Смесь. С. 227–228*).

монии»¹⁵. По воспоминаниям Ю. К. Арнольда, Н. Джулиани ещё в 1820-е гг. считался лучшим педагогом, наряду с К. А. Кавосом¹⁶. «Мн<огие> вокальные сочинения Д<жулиани> посвящены представительницам известных фамилий — Варваре Бахметевой, Анне и Софии Вяземским, Екатерине Гагариной, Анастасии Нарышкиной, Агриппине и Елизавете Трубецким. По-видимому, некоторые из них были ученицами Д<жулиани>»¹⁷. По словам современника, «было время, когда г<-н> Джулиани обучал в Петербурге по крайней мере половину поющих дам и знаменитейшие наши певицы-любительницы ему обязаны своим музыкальным образованием»¹⁸.

Впрочем, не может не броситься в глаза, что большая часть приведенных свидетельств о педагогической деятельности Н. Джулиани относится к 1820-м гг. Поэтому первоначально на роль прототипа мне предпочтительнее казалась фигура Дж. Давида. Однако обращение к периодике 1840-х гг., обнаружение в газетных публикациях новых важных свидетельств радикально изменило ситуацию.

11 марта 1844 г. обозреватель «Северной пчелы» сообщал: «В концерте, данном воспитанницами безвозмездной школы пения, учреждённой композитором и учителем пения г-м Джулиани, мы слышали девиц Вольбрюк и Козлову, которые за полтора года пред сим не знали ни одной ноты, а теперь преодолевают величайшие трудности. Обе девицы эти более нежели сироты — и девица Вольбрюк обязана всем добродушию г-на Джулиани, что делает ему честь. Не можем судить о девицах Вольбрюк и Козловой как о зрелых артистках, но как ученицы они приносят честь школе г-на Джулиани...» (№ 57. С. 226). Присмотримся к «безвозмездной школе пения» Николая Джулиани, как оказалось, активно функционирующей в 1840-е гг.

В начале 1840-х гг. Н. Джулиани объявил в печати «всем

---

¹⁶ См.: Арнольд Ю. К. Воспоминания: В 3 вып. М., 1892. Вып. 1. С. 25.

¹⁷ Долгушина М. Г. Джулиани (Giuliani) Николай. С. 318.

¹⁸ Там же.

семействам, лишенным необходимых средств», что он готов безвозмездно учить детей от 14 до 17 лет, в которых найдет «требуемые способности для выработывания в них таланта» (Северная пчела. 1841. 13 нояб. № 255. С. 1018). А через три года эта же газета поместила новое объявление о том, что капельмейстер Патриотического института г-н Джулиани, «основавший в нашей столице **безденежную консерваторию пения для девиц**», дополнительно открывает школу с платою по 10 руб. серебром в месяц, но сохраняет и бесплатные занятия, в частности: «по понедельникам и четвергам — уроки женской Школы пения, **или Консерватории**» (Северная пчела. 1844. 26 сент. № 218. С. 870).

Благодаря приведенным газетным публикациям, «туман» начал рассеиваться. В свете сделанных наблюдений можно со всей определённой уверенностью утверждать, что Неточка Незванова посещала *частную* «консерваторию» Николая Джулиани, которая в 1840-е гг. находилась по адресу, также указанному в газете: «за Казанским собором, **в доме Кохендорфера**, в квартире под № 10» (Там же). Занятия в ней, действительно, начинались с 9 часов утра¹⁹.

Теперь, кстати, становится понятным, почему в конце 1850-х гг., готовя «Неточку Незванову» к переизданию в составе двухтомника своих «Сочинений»²⁰, Достоевский исключил второе упоминание «консерватории» из текста повести. К этому времени «безденежная консерватория пения для девиц» Николая

¹⁹ См.: Долгушина М. Г. Петербургский музыкант Николай Джулиани. С. 242 (сн. 29). Впрочем, можно указать и на маленькую неточность: занятия в «безденежной консерватории» (равно как и на платных курсах) Джулиани проходили не три раза (как в повести Достоевского), а два раза в неделю.

²⁰ См.: Достоевский Ф. М. Сочинения / Издание Н. А. Основского: В 2 т. М., 1860.

²¹ В конце 1840-х — начале 1850-х гг. ситуация была существенно иной. «Знаете ли вы г-на Николая Джулиани? — писал обозреватель “С.-Петербургских ведомостей”. — Если вы живёте в Петербурге, то не можете не знать почтенного Николая Джулиани, который уже около сорока лет живёт среди нас и воспитал несколько поколений наших певцов и певиц» (1850. 15 июля. № 157. Библиография).

Джулиани была уже основательно забыта²¹, и её упоминание не могло не вызвать у читателей 1860-х гг. недоумения. Первое же упоминание консерватории, возможно по недосмотру, осталось и в обновлённом тексте произведения. Как на этот анахронизм реагировали читатели-современники, неизвестно. Но для сегодняшнего комментатора, как я пытался показать всем ходом своего расследования, данный казус составил весьма непростую проблему.

И ещё одно. Я выше уже упоминал, что замысел «Неточки Незвановой» возник у Достоевского в 1846 г., работу над нею он, судя по всему, начал осенью этого года (после завершения рассказа «Господин Прохарчин»). В декабрьской книжке «Отечественных записок» 1846 г. даже было сообщено, что в будущем году в журнале «помещены будут, между прочим, следующие статьи: <...> Неточка Незванова. Роман Ф. М. Достоевского»²². Писатель не сдержал слова, данного издателю «Отечественных записок» А. А. Краевскому: анонсированный роман начал печататься лишь с январской книжки 1849 г. Но о том, что замысел «Неточки Незвановой» (включая название произведения) существовал уже в конце 1846 г., мы имеем твёрдое свидетельство.

Что это даёт для предпринятого расследования? С сентября 1846 г., когда Достоевский начал вынашивать замысел «Неточки Незвановой», он жил по адресу: Большая Мещанская улица, угол Казанской площади (в двух шагах от Казанского собора), дом купца 3-й гильдии **Бернгардта (Бориса Ивановича) Кохендёрфера**, № 1/29²³, в квартире мадам Капдевилль, № 25²⁴. То есть буквально был соседом «безвозмездной школы пения» Николая Джулиани. Задуман ли был эпизод с учёбой Неточки в «безденежной консерватории» на Большой Мещанской ещё

²² Библиографические и журнальные известия // Отечеств. записки. 1846. Т. XLIX. № 12. Отд. VI. Библиографич. хроника. С. 119–120.

²³ Современный адрес: Казанская ул., № 2/1.

²⁴ См.: *Тихомиров Б. Н.* «А живу в доме Шиля...»: Адреса Ф. М. Достоевского в Петербурге, известные и неизвестные. 1837–1881: Исследование. СПб., 2017. С. 41–43.

тогда, когда писатель сам жил в доме купца Кохендёрфера, или возник в его творческой фантазии несколько позднее, установить уже невозможно. Но совпадение адресов автора и прототипа одного из персонажей его произведения оказывается дополнительным подтверждением того, что именно вокального педагога Николая Джулиани писатель вывел в своём произведении под именем «итальянца Д.», учителя пения Неточки Незвановой.

И в завершение. Остался непрояснённым лишь один вопрос. Если при первом упоминании учитель Неточки фигурирует в тексте как «итальянец Д.», то позднее героиня отзывается о нём иначе: «...мой учитель, полуитальянец, **полуфранцуз**, чудак, минутами настоящий энтузиаст, гораздо чаще педант и всего больше скряга» (343). Биография Николая Джулиани изучена очень плохо, и нет никаких данных, подтверждающих его происхождение как *полуфранцуза*. Однако, представляется, что это — принадлежащее ученице его «консерватории» Неточке — определение имеет не буквальный, а переносный смысл и отражает бросающиеся в глаза явные французские предпочтения в композиторском творчестве Джулиани. Он автор французских романсов — пяти тетрадей *Trois romances*, сборника *Six romances favorites* и вышедшего в отдельном издании *romance pour deux voix* «*La Sentinelle*». Поэтические тексты вокальных миниатюр Джулиани, как правило, взяты у французских поэтов: Шорона, Сент-Гера, Нотоньера, m-lleТъери и др. На стихи модного в Петербурге 1820-х гг. поэта де Мессанса написан романс *Penser à toi*. В оригинальном, изобретённом Джулиани жанре *chanson erotique* он предпринял попытку соединить элементы французской и итальянской музыкальной традиции. Причём все *chanson erotique* также написаны на французские тексты; при их сочинении Джулиани обращался как к классической (Буало, Дюфрени), так и к современной французской поэзии (Парни, Богарнэ, Сегюр)²⁵. Можно предположить, что

²⁵ Все факты заимствованы из статьи: Долгушина М. Г. Петербургский музыкант Николай Джулиани. С. 245–247.

именно такая устойчивая ориентация Николая Джулиани на французские музыкальные формы и могла обусловить появление под пером Достоевского характеристики учителя Неточки Незвановой как «полуфранцуза». Представляется, что никакого иного смысла, кроме дополнительного скрытого указания на прототип, это определение в тексте «Неточки Незвановой» не имеет.

М. А. Дубова

**КОНЦЕПТ «МЫСЛИТЕЛЬНАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ» КАК КОМПОНЕНТ
ХАРАКТЕРИСТИКИ
ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ПЕРСОНАЖА
(на материале рассказа Ф. М. Достоевского
«Маленький герой»)**

Важным открытием лингвистики последних десятилетий явилась тенденция к рассмотрению языка в новой, антропологической, парадигме с позиций его участия в познавательной деятельности человека. Язык «функционирует в личностном универсуме, или лингвоперсонологическом пространстве»¹, что, в свою очередь, актуализирует развитие в науке когнитивного направления, «объектом изучения которого является человеческий разум, мышление и те ментальные процессы и состояния, которые с ними связаны»².

Когнитивное направление в лингвистике исходит из понимания языка как основного средства выражения знаний о мире. Когнитивный мир человека изучается «по его поведению и деятельности, протекающих при активном участии языка, который образует речемыслительную основу любой человеческой деятельности»³. Одним словом, в результате когнитивной деятельности формируются представления человека о мире, составляющие основу концепта как некой ментальной сущности,

---

¹ Мельник Н. В. Текстовое моделирование языковой личности // Языковая личность: Моделирование, типология, проектирование. Сибирская лингвоперсонология. Ч.1 / Под ред. Н. Д. Голева и Н. Н. Шпильной. М., 2014. С. 35.

² Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику: Учеб. пособие. 5-е изд. М., 2011. С. 6.

³ Там же, с. 8.

«оперативной единицы памяти ментального лексикона, концептуальной системы мозга, всей картины мира, отражённой в человеческой психике»⁴.

Наш исследовательский интерес связан с выявлением и последующим анализом средств лексической репрезентации концепта «мыслительная деятельность» и особенностей его функционирования в рассказе Ф. М. Достоевского «Маленький герой (из неизвестных мемуаров)», созданном писателем в 1849 г.

Мыслительная деятельность является важным компонентом в характеристике языковой личности, поскольку именно мыслительный дискурс позволяет фиксировать и сохранять знания человека о мире, оценивать происходящие события на основе сложившейся системы ценностей. Наконец, мыслительный процесс отражает мировосприятие человека как фрагмент его языковой картины мира.

Сложность концепта «мыслительная деятельность» обусловлена наличием в его содержании концептов различного уровня, таких, как мышление, память, воображение, знание, понимание и т. д. Отсюда возникает набор лексически неоднородных средств, его реализующих. Репрезентативная структура концепта «мыслительная деятельность» представлена такими лексико-семантическими средствами как глаголы и глагольные выражения со значением интеллектуальной деятельности.

В центре рассказа Ф. М. Достоевского «Маленький герой», как свидетельствует само его заглавие, находится образ ребенка, 11-летнего мальчика, скромного, застенчивого и одинокого: *«Было мне тогда без малого одиннадцать лет... я всё ещё был то же маленькое, неопределённое существо... всегда робкий и стыдливый мальчик»*⁵, который попал в незнакомое ему общество и пытается найти своё место в нем, приспособившись

---

⁴ Кубрякова Е. С. и др. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М., 1996. С. 43.

⁵ Достоевский Ф. М. Собр. соч.: В 10 т. М., 1956–1958. Т. 2. Произведения 1848–1859 гг. 1956. С. 233. Далее рассказ цитируется по этому тому с указанием в тексте (в круглых скобках) только номера страницы.

к его законам. Оценочные определения, которые использует герой в самохарактеристике, по сути, акцентируют поведенческое и мировоззренческое своеобразие его личности. Сразу отметим, что мыслительная деятельность героя носит антропоцентрический характер, поскольку именно сам мальчик является производителем ментального действия.

Мыслительный дискурс персонажа, принимая во внимание подзаголовок рассказа «из неизвестных мемуаров», преимущественно раскрывается сквозь призму воспоминаний, поэтому в качестве лексической доминанты концепта «мыслительная деятельность» выступает глагол «**ПОМНИТЬ**» (14 словоупотреблений), который репрезентирует хранение информации и имеет значение «сохранять, удерживать в памяти, не забывать»⁶, и его дериваты «**ВСПОМНИТЬ**» (5 словоупотреблений) в значении «возобновить в своей памяти»⁷, «**ПРИПОМНИТЬ**» (1 словоупотребление) в значении «вспомнить, восстановить в памяти»⁸: *В июле отпустили меня гостить в подмосковную деревню, к моему родственнику, Т-ву, к которому в то время съехалось человек пятьдесят, а может быть, и больше гостей... не помню, не сосчитал (233); После уже кое-что пришлось вспомнить (234); ... и я уходил куда-нибудь, где бы не могли меня видеть, как будто для того, чтобы чтоб перевести дух и что-то припомнить, что-то такое, что до сих пор, казалось мне, я очень хорошо помнил и про что теперь вдруг позабыл (234); Помню, что на второй день моего приезда был устроен домашний театр (236); Соседка вдруг обернулась, и помню, что огневые глаза её так сверкнули на меня в полусумраке (239); Да и вправду, как пришлось теперь вспомнить, она уж чересчур позволяла себе с таким ребенком, как я (242); ... уж не помню, о чём мы с ней говорили, помню только, что я был в каком-то странном удивлении (249); сам уж не помню, как в один прыжок соскочил я с крыльца (257); Я себя не помнил (257); Действительно, как*

⁶ Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / Под ред. проф. Л. И. Скворцова. 26-е изд., перераб. и доп. М., 2008. С. 455.

⁷ Там же. С. 98.

⁸ Там же. С. 484.

пришлось теперь вспомнить, во всём этом было как будто и впрямь что-то рыцарское (261); я вспомнил вчерашнее (262); Уж не помню, сколько времени провёл я в созерцании (262) и т. д. Анализируя фрагменты внутренней речи героя, представляется возможным сделать вывод о том, что отличительными чертами его мыслительного дискурса являются неопределённость, неуверенность и постоянные сомнения в оценке своих действий, поступков и формируемого к ним отношения, что подчёркивается наличием языковых единиц с прономинальной семантикой (*припомнить что-то такое, кое-что вспомнить и под.*), а также употреблением при глагольных лексемах со значением памяти отрицательной частицы «не» (*сам уж не помню, себя не помнил, уж не помню*). С одной стороны, эти признаки объясняются возрастными особенностями мыслительного процесса подростка, с другой же — индивидуальными чертами его личности, как неоднократно подчёркивает сам герой, чрезмерно робкой и скромной.

Концепт «память» раскрывается как важный компонент мыслительного дискурса и мироощущения главного героя, который и выступает в качестве мыслящего субъекта. Что же является объектом его мыслительного процесса? Память одиннадцатилетнего мальчика, по сути, хранит одно значимое и важное для него событие — его первую влюблённость (*словом, я был влюблён*), которое детализируется мельчайшими подробностями его летнего пребывания на даче, встреч с разными людьми, а самое главное — описанием и анализом переживаемых чувств. В его памяти восстанавливается целая цепочка событий: первое знакомство с «коварной блондинкой», её забавы с ним, влюблённость в т-т М., наблюдения за предметом своих дум, короткие разговоры с ней, а самое главное — оценка своих эмоциональных переживаний. Все эти события с разной степенью детализации и составляют воспоминания героя.

Герой рассказа анализирует свои переживания, погружившие его в совершенно неведомый до сих пор мир, пытается постичь новые для него, приятные, волнующие и одновременно

пугающие его ощущения: *непонятное мне самому ощущение уже овладело мною (234); что-то шелестело уже по моему сердцу, до сих пор незнакомое и неведомое ему (234)*. Этим и объясняется появление глагольных лексем «знать» и «понимать» как средств репрезентации его мыслительного процесса. Герой на уровне своих возрастных возможностей (*я всё говорю про свои одиннадцать лет, и, конечно, я был ребенок, не более как ребенок; 234*) пытается осознать происходящее с ним, а вместе с тем и поступки других людей, оказавшихся, в силу обстоятельств, сопричастных важному для него периоду взросления. Примечательно, что герой на основе увиденного пытается делать обобщения и выводы, причём нередко очень точные, как, например, в оценке объекта своей любви (*...я слышал в стороне отрывочный разговор, из которого кое-как догадался, что бедной т-те М. не совсем хорошо...; 243*); в характеристике т-г М (*от них же поминутно слышишь, что им нечего делать вследствие каких-то очень запутанных, враждебных обстоятельств, которые утомляют их гений, и что на них поэтому грустно смотреть. Это уж у них такая пышная фраза..., их лозунг, их пароль, ...который они расточают... как отъявленное тартюфство; 244*) и т. п.

Так постепенно складываются основы его мироощущения — «отношения к окружающей действительности, которое реализуется в его настроениях, чувствах, действиях»⁹, призванных объединить в единое целое наиболее важные для него знания о мире.

Важное место в раскрытии мироощущения персонажа принадлежит глаголам мысли «знать» / «не знать» в значении «иметь / не иметь сведения о ком / чём-н.»¹⁰ и производным от них (20 словоупотреблений): *я был в ужаснейшем удивлении, недоумении, ужасе, узнав, что есть такие смешные и злые дамы (237); ...а я, как спартаец, решил выдерживать боль, боясь надеть криком суматоху, после которой уж не*

---

⁹ Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. С. 455.

¹⁰ Там же. С. 198.

знаю, что бы случилось со мною (237); Она не знала жалости, а я не знал — куда от неё деваться (238); ...редкий из нас знает, насколько может быть бесконечно терпеливой любви, сострадания и всепрощения в женском сердце (240); Теперь я и не знал, как глядеть на неё... (248); Наверно не знаю, но кажется, вся эта выходка была преднамеренная (250); Одного только я не знал до этой минуты (252); Теперь же, в мучениях и насильной тоске, узнал, что оно смешно и стыдно! (252); ...научил меня кто-нибудь в это мгновение средней истории, в которой я до сих пор не знал ни аза (257); ...уж не знаю, случился ли тогда весь этот вздор в голове моей... (259); я уж не знаю, что со мной сделалось, но, смущённый и испуганный собственным своим ощущением, я робко опустил глаза в землю (260); Уж не знаю, слышал ли я этого коня тотчас же, как подъехал (263) и т. п.

Какие же сведения имеет главный герой, что он знает и чего не знает? Что он называет «случившимся вздором», вызывающим одновременно смущение и испуг, после каких мыслей ему одновременно и смешно, и стыдно? Сразу отметим явное преобладание лексемы «не знаю», отрицающей наличие знаний, информации, что, безусловно, свидетельствует о неуверенности героя, его частых сомнениях в происходящем. А объяснение шквала этих противоречивых эмоций довольно простое — герой влюбился. Это новое состояние вызывает недоверие и испуг.

Неуверенность персонажа в его поступках и оценках подчёркивается автором и активным употреблением во фрагментах его внутренней речи глагольной лексемы «казаться» в значении «по-видимому», реализующемся в вводном слове: *казалось, это был праздник, который с тем и начался, чтобы никогда не кончиться (233); ...кажется, вся эта выходка была преднамеренная (236); Кажется, они торопились (237).*

Концепт «мыслительная деятельность» также раскрывается глаголами «понимать» / «не понимать» (5 словоупотреблений) в значении «обладать / не обладать пониманием (т. е.

способностью осмыслять, постигать содержание, смысл, значение чего-н.) кого-чего-н.»¹¹: ...вслушивался в разговор, в котором часто **не понимал** ни слова (241); Впрочем, я и сам еще **не понимал** ни своего стыда, ни волнения... (242); Я **понимал**, что, видно, я ей очень в тягость (242); Решительно **не понимаю**, что было в этом комическом любопытстве моём (249). Глаголы мысли этой семы выражают понимание, а чаще непонимание (4 лексемы из 5) героем своего положения в обществе молодых людей, среди которых он оказался, а преимущественно — отношения к нему лиц женского пола, несерьёзного и покровительственно-снисходительного.

Яркой особенностью мыслительного процесса персонажа рассказа является преобладание эмоциональной составляющей над рациональной в восприятии и оценке произошедшего с ним, что подтверждается обилием лексем, семантика которых акцентирует эмоционально-чувственную составляющую: я был в каком-то **странном удивлении** от всего, что привелось мне увидеть (250); но, **пораженный удивлением**, я... начал помаленьку заглядывать ей в лицо (250); закричал **прерывающимся от слёз и негодования голосом** (251); был до того **смущён, раздражён и испуган**, что, **полный слёз, тоски и отчаяния**, задыхаясь от стыда, ...ступил вперёд; я только **горел от стыда** за моей дверью (252); ... я был **разбит, уничтожен** (252); ...**моё сердце бесчеловечно, бесстыдно уязвлено**, и заливался **бессильными слезами**. Я был **раздражён**, во мне кипели **негодование и ненависть** (256).

Таким образом, мы видим разнообразную палитру чувств, от робкой, застенчивой улыбки до негодования и даже слёз бессильной ярости и ненависти, которые сопровождают мыслительный дискурс маленького героя, предстающего довольно цельной натурой, честным и неиспорченным ребенком, романтически настроенным и готовым на самопожертвование и подвиги.

Анализ глаголов мысли в рассказе Ф. М. Достоевского (45

¹¹ Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. С. 456.

словоупотреблений) позволяет сделать вывод о том, что они выполняют важную смыслообразующую роль в характеристике языковой личности героя. Проведённый анализ предоставил возможность установить и описать систему языковых средств, объективирующих концепт «мыслительная деятельность» и его характерные признаки. Мыслительный дискурс персонажа позволяет наблюдать особенности текстовой реализации индивидуального сознания 11-летнего ребёнка. Разнообразие реализуемых сем глаголов мысли свидетельствует об активном мыслительном процессе персонажа, его способности воспринимать окружающую действительность сквозь призму своего мыслительного дискурса.

В. А. Кошелев

«МУДРАЯ МЫСЛЬ» ДОСТОЕВСКОГО В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЛЬВА ТОЛСТОГО

В 1903 г. в Москве в издательстве «Посредник» вышел сборник «Мысли мудрых людей на каждый день. Собраны гр. Л. Н. Толстым». Издатели торопились успеть издать этот сборник к 28 августа — 75-му дню рождения составителя. Этот сборник был первым «наброском» к той книге, которую Лев Толстой в последние годы считал главной в своём творческом наследии — к «Кругу чтения».

Задачу организовать «круг чтения» своих современников Толстой поставил ещё в 1884 г., отметив в дневнике: «Надо себе составить Круг чтения: Эпиктет, Марк Аврелий, Лаоцы, Будда, Паскаль, Евангелие. Это и для всех бы нужно»¹ (запись от 15 марта 1884). Этот «Круг чтения» должен был стать действительно чем-то вроде магического «круга», внутри которого свет разума, побеждающий мрак духовного невежества.

Ту же идею Толстой выражал в 1885 г. в письме к В. Г. Черткову: «...я по себе знаю, какую это придаёт силу, спокойствие и счастье — входить в общение с такими душами, как Сократ, Эпиктет, Arnold, Паркер <...> Очень бы мне хотелось составить Круг чтения, т. е. ряд книг и выборки из них, кото-

---

¹ *Толстой Л. Н.* Полное собр. соч. (юбилейное): В 90 т. М., 1928–1958. Т. 49. С. 68. Далее ссылки на это собрание (с указанием тома и страницы) приводятся в тексте.

рые все говорят про то одно, что нужно человеку прежде всего, в чём его жизнь, его благо» (85, 218).

История создания этого труда изучена достаточно подробно — хотя бы в комментарии Н. Н. Гусева к 42-му тому «юбилейного» издания Толстого или — ещё раньше — в обстоятельном очерке К. С. Шохор-Троцкого². Для нас в этой разветвлённой истории важны два обстоятельства.

Во-первых, простая идея организовать «круг чтения» по «календарному» принципу, распределив «мысли мудрых людей» по дням календарного года, пришла к Толстому лишь во время тяжёлой болезни в декабре 1902 г., когда он сам поневоле оказался ограничен собственно «календарным» чтением. Интересующая нас книга — первая из цикла сочинений, определивших замысел Толстого — дать некоторый противовес «не невежеству, а “культурной” дикости, в которую погружено наше общество» (75, 169). В последующих вариациях этого же замысла: двух изданиях «Круга чтения», книги «На каждый день» и «Путь жизни» — Толстой только «совершенствовал» найденный принцип: расширял круг источников, добавлял «недельное чтение» (и, в замысле, «месячное чтение»), перераспределял отдельные «мысли» по названным темам, стремясь расположить их «не так случайно, как в той книге» — так, чтобы «общий смысл мыслей каждого дня вытекал из содержания мыслей предыдущих дней» (44, 393). То есть Толстой «улучшал» замысел, руководствуясь чисто «головными» мотивами. Самая же первая книга этого ряда примечательна именно своей непосредственностью.

Во-вторых, Толстой изначально провозгласил *свободу в обращении с источниками*. В предисловии к «Кругу чтения» он прямо указал, что часто «переводил авторов не с подлинни-

---

² Шохор-Троцкий К. С. «Круг чтения» Л. Н. Толстого и его краткая история // Толстой. Памятники творчества и жизни / Ред. В. И. Срезневский. М., 1920. С. 187–201. См. также: Азарова Н. И. Необходимое для всех: Л. Н. Толстой — составитель и автор «Круга чтения» // Толстой Л. Н. Круг чтения: В 2 т. М., 1991. Т. 1. С. I-XXII.

ков» и переводы его «не вполне верны», что он «должен был для ясности и цельности впечатления выпускать некоторые слова и предложения» и «заменять одни слова другими» (42, 470). А главное — цитированные Толстым авторы «мудрых мыслей» оказываются в толстовской одежде и излагают мысли самого составителя, а — точнее — автора. Он словно топором обтёсывает их по своей мерке. Современный исследователь замечает по поводу эволюции названных книг Толстого: «... бросается в глаза, что от изречений “мудрых людей” прошлых эпох Толстой всё больше переходил к своим собственным высказываниям <...> В книге “Путь жизни”, конечном этапе работы Толстого в этом жанре, <...> всего несколько изречений других писателей, а всё остальное принадлежит Толстому»³. С этой точки зрения первый опыт Толстого в этом жанре оказывается тоже наиболее интересным. «В этот сборник он включал, — заметил И. А. Бунин, — наиболее трогавшие его, наиболее отвечавшие его уму и сердцу “мысли мудрых людей” разных стран и народов, равно как и некоторые свои собственные»⁴. Собственных «мыслей» Толстого в книге всего 20 — но он полагал, что во все времена лучшие люди думали об одних и тех же проблемах. Поэтому и «мысли мудрых людей» так похожи на его собственные мысли. Книга открывалась небольшим предисловием «От издателей»:

«Во время тяжкой болезни Л. Н. Толстого в январе 1903 года, когда жизнь его висела на волоске и он не мог отдаваться привычной работе, он всё же находил силы прочитывать Евангелие и, по привычке, ежедневно отрывая находившийся в спальне календарь, прочитывал собранные там изречения различных великих людей. Но календарь прошлого года подошел к концу, и Льву Николаевичу, за неимением другого под руками, захотелось самому составить себе выдержки из разных

---

³ *Николюкин А.* «Эта радостная работа»: (Книга жизни великого рус. мыслителя) // Толстой Л. Н. Круг чтения. Т.1. С.12.

⁴ *Бунин И. А.* Освобождение Толстого // Бунин И. А. Собр. соч.: В 9 т. М., 1967. Т. 9. С. 33.

мыслителей на каждый день. Ежедневно, находясь в постели, насколько позволяли ему силы, он делал эти извлечения, и результатом этого труда явилась предлагаемая читателям книга.

Сюда вошли избранные мысли следующих писателей и мудрецов: Эпиктета, Диогена, Марка Аврелия, Сократа, Конфуция, Будды, Лао-Тсе, Аристотеля, Платона, св. Августина и более современных: Паскаля, Руссо, Спинозы, Лютера, Вовенарга, Канта, Шиллера, Бентама, Шопенгауэра, Вольтера, Клингера, Теккерея, Достоевского, Вильмена, Рёскина и др.»

Нетрудно заметить, что «предпочтения» Толстого относительно «мудрецов» не очень изменились за почти 20 лет: от дневниковой записи 1884 г. до «списка» 1903 г. Наиболее часто из древних источников приводятся китайские (а из китайцев — Лао-Цзы и Конфуций) — 103 «мысли». Далее по частоте упоминаний следуют Талмуд (96), античные мыслители (преимущественно Марк Аврелий, Эпиктет и Сократ — 95), буддийские изречения (59) и цитаты из Евангелия (53). Из новейших мыслителей абсолютное предпочтение отдается английскому публицисту и искусствоведу Джону Рёскину (127 высказываний); от него отстал даже любимый Толстым Паскаль (в сборнике он присутствует как «Влас Паскаль» — 42 «мысли»).

На этом фоне «присутствие» русских мыслителей в сборнике Толстого кажется до обидного маленьким: всего *два* высказывания; одно из Достоевского (приведенное под 24 февраля) и одно из Гончарова (26 февраля). Из последующих «переделок» этого замысла и Гончаров, и Достоевский «ушли»: в «Круге чтения» приведенные их «мысли» не повторились (в отличие, между прочим, от «соседних» с ними высказываний С. Даниэля и Рёскина, в «Круге чтения» повторённых).

Имя Достоевского, несмотря на весьма «небольшое» присутствие его в сборнике, вынесено издателями в перечень имён предисловия. Всё это позволяет предположить, что две русские цитаты включены явно из «патриотических» соображений на одном из последних этапов работы над книгой: издатели посоветовали составителю на отсутствие среди «мудрых людей»

деятелей русской культуры — и тот включил двух «мудрецов», что называется «ради приличия».

В «Круге чтения» место Достоевского и Гончарова заняли Гоголь и Герцен: из того и другого приведено по 6 высказываний. Современный исследователь отмечает: «...из общепризнанных русских писателей только Герцен и Гоголь цитировались Толстым в разделах мыслей на каждый день, причём, отрывки выбирались не из художественных произведений, а из писем и публицистики»⁵. Все остальные русские писатели-классики (Тургенев, Достоевский, Лесков, Чехов) оказались включены в «недельное чтение», куда попали, в основном, «художественные» отрывки. Толстой явно демонстрировал мнение о невысоком «мыслительном» потенциале русской литературы.

По свидетельству секретаря Толстого, в последний год жизни, работая над «усовершенствованием своей «сборной» книги (под заглавиями «На каждый день» и «Путь жизни»), Толстой намеревался расширить этот «русский» отдел и, в частности, ощущал некоторую «нехватку» высказываний Достоевского в своем собрании: «Хочу, чтобы был Достоевский!» — пожелал он. Секретарь выбрал ему несколько десятков «мыслей». И далее:

«Мысли Достоевского Лев Николаевич просмотрел, но они не особенно понравились ему.

— Не сильны, расплывчаты, — говорил он. — И потом какое-то мистическое отношение... Христос, Христос!..

После ещё Лев Николаевич говорил:

— У Достоевского нападки на революционеров нехороши: он судит о них как-то по внешности, не входя в их настроение.

Тем не менее, из шестидесяти четырёх отданных ему мною мыслей Достоевского он отметил для включения в свои книжки тридцать четыре»⁶.

---

⁵ Кукин М. Ю. Русские источники // Толстой Л. Н. Круг чтения. Т. 1. С. 73.

⁶ Булгаков В. Ф. Л. Н. Толстой в последний год его жизни: Дневник секретаря Л. Н. Толстого. М., 1957. С.168–169.

Но из этих 34-х изречений в позднейших книжках Толстого оказались использованы только два: они были включены в сборник «На каждый день» (под 24 и 25 ноября; 44, 310, 312) и повторены в «Пути жизни» (31-я книжка: «Жизнь — благо»).

В сборнике «Мысли мудрых людей» «мысль» Достоевского приведена под 24-м февраля. Весь этот «листок» выглядит следующим образом:

«Малые страдания выводят нас из самих себя, великие же возвращают нас самим себе. Треснувший колокол издаёт глухой звук: разбейте его на две части — он снова издаёт чистый звук.

(Жан Поль Рихтер)

Только в буре вполне высказывается искусство мореплавателя; только в поле сражения испытывается храбрость воина, мужество же человека познаётся только по тому, чем он является в затруднительных и опасных положениях жизни.

(Даниэль)

Страдание-то и есть жизнь. Без страдания какое было бы в ней удовольствие?

(Достоевский)»

Контекст последней из приведённых «мудрых мыслей», как она присутствует у Достоевского, крайне интересен:

«Если бы на земле было всё благоразумно, то ничего бы и не произошло. Без тебя не будет никаких происшествий, а надо, чтобы были происшествия. Вот и служу скрепя сердце, чтобы были происшествия, и творю неразумное по приказу. Люди принимают всю эту комедию за нечто серьезное, даже при всём своём бесспорном уме. В этом их и трагедия. Ну и страдают, конечно, но... всё же зато живут, живут реально, не фантастически; ибо *страдание-то и есть жизнь. Без страдания какое было бы в ней удовольствие* — всё обратилось бы в один бесконечный молебен: оно свято, но скучновато»⁷.

---

⁷ Достоевский Ф. М. Полное собр. соч.: В 30 т. Л., 1972–1990. Т. 15. Л., 1976. С. 77.

Ещё более интересен персонаж, произносящий эту «мысль». В романе Достоевского она присутствует отнюдь не в рассуждениях автора или даже сколько-нибудь симпатичного персонажа. Это — из «Братьев Карамазовых» (книга 11, глава 9). Приведённое рассуждение взято из речей *Чёрта*, который в романе выступает «кошмаром Ивана Федоровича».

Толстой не очень любил произведения Достоевского, а о «Братьях Карамазовых» в последний год жизни отзывался вообще уничтожающе:

«Как это нехудожественно! Прямо нехудожественно. Действующие лица делают как раз не то, что должны делать. Так что становится даже пошлым: читаешь и наперёд знаешь, что они будут делать как раз не то, что должны, чего ждешь. Удивительно нехудожественно! И все говорят одним и тем же языком... И это наименее драматично, наименее пригодно к сценической постановке. Есть отдельные места, хорошие. Как поучения этого старца Зосимы... Очень глубокие. Но неестественно, что кто-то об этом рассказывает. Ну и, конечно, великий инквизитор... Я читал только первый том, второго не читал»⁸.

Этот отзыв приведён в дневнике В. Ф. Булгакова. В дневнике самого Толстого за 1910 г. зафиксированы следующие оценки:

«12 октября <...> Читал Достоевского. Хороши описания, хотя какие-то шуточки, многословные и мало смешные, мешают. Разговоры же невозможны, совершенно неестественны.

18 октября. Читал Достоевского и удивлялся на его неряшливость, искусственность, выдуманность.

19 октября. Дочитал, пробежал 1-й том Карамазовых. Много есть хорошего, но так нескладно. Великий инквизитор и прощание Зосимы».

Между прочим, «Братья Карамазовы» Достоевского была последней книгой, которую Толстой перечитывал и о которой оставил свою оценку. Основная претензия его к Достоевскому заключалась, по свидетельству Д. П. Маковицкого, в отсутствии

---

⁸ Булгаков В. Ф. Л. Н. Толстой в последний год его жизни. С. 416.

у писателя «чувства меры»: «Он расшвыривает как попало самые серьёзные вопросы, перемешивая их с романтическими»⁹.

Подобное же ощущение Толстой испытал ещё в 1880-е гг., когда читал произведения Достоевского под впечатлением от его неожиданной смерти. В начале декабря 1883 г. он в письме к Н. Н. Страхову определил Достоевского как писателя «с заминкой»: «Мне кажется, вы были жертвою ложного, фальшивого отношения к Достоевскому, не вами, но всеми — преувеличения его значения и преувеличения по шаблону, возведения в пророки и святого, — человека, умершего в самом горячем процессе внутренней борьбы, добра и зла. Он трогателен, интересен, но поставить на памятник в поучение потомству нельзя человека, который весь борьба» (63, 142).

Это представление о «внутренней борьбе» как выражении творческой сущности Достоевского кратчайшим образом выразилось в отобранной Толстым «мудрой мысли», высказанной в «Братьях Карамазовых» «чёртом», который к тому же оказывается существующим не в самой реальной жизни, а в «кошмаре Ивана Федоровича». И именно изнутри этого «кошмара» исходит представление о жизни как «страдании» и о страдании как «удовольствии».

В романе Достоевского чёрт — «не сатана», а «просто чёрт, дрянной, мелкий чёрт» — является Ивану Карамазову «во сне». И вместе с тем — не во сне: «...это был не сон! Он был, он тут сидел, вон на том диване». При этом мотив «сна», который одновременно «не сон», в речах чёрта причудливо связывается с творческими исканиями самого Льва Толстого: «Слушай: в снах и особенно в кошмарах <...> иногда видит человек такие художественные сны, такую сложную и реальную действительность, такие события или даже целый мир событий, связанный такою интригой, с такими неожиданными подробностями, начиная с высших ваших проявлений до последней пуговицы на манишке, что, клянусь тебе, Лев Толстой не сочинит...»¹⁰

---

⁹ Лит. наследство. Т. 90: У Толстого. 1904–1910: Яснополянские записки Д. П. Маковицкого: В 4 кн. Кн. 4. М., 1981. С. 323.

¹⁰ *Достоевский Ф. М.* Полное собр. соч. Т. 15. С. 86, 74.

Чёрт несёт в своей «снотворческой» идеологии выражение злого начала в человеке — начала, основанного «на нелепостях», которым Иван изначально придавал исключительное значение: «На нелепостях мир стоит, и без них, может быть, в нём совсем ничего бы и не произошло» — заявлял он Алёше¹¹. Толстому чуждо подобное представление, и самого романа «Братья Карамазовы» он не принимал именно из-за чрезвычайной «оригинальности» персонажей, которые постоянно «делают как раз не то, что должны делать»: «...его лица поступают всё время оригинально, и в конце концов к этому привыкаешь, и оригинальность становится пошлостью...»¹²

Показательно, что носитель «мудрой» мысли, приведённой Толстым, оказывается в романе шутком, приживальщиком — и в этом смысле очень любит шутить. Именно эту особенность нечистого духа народной демонологии подчёркивал Ф. И. Буслаев: «Двуличный характер этого существа явствует из того, что областные наречия приписывают ему, с одной стороны, шутливость и забаву, а с другой — несчастья, болезни и смерть. Самые проказы нечистой силы выражаются глаголом шутить, в Архангельской, например: “Один не ходи в лес за реку — там леший шутит”»¹³. Подлинная шутка вызывает смех — но это может быть и истерический смех. А искушение «шутника» имеет целью убедить в несостоятельности очевидного — того, что безобразное не есть безобразное, а зло не есть зло, а страдание есть удовольствие...

Персонаж Достоевского к тому же еще и *афористичен*. Афоризм, как известно, имеет вид признанной «мудрой мысли». Он привлекает неожиданностью и рассчитан на удивление. Особенно если это «недействительный» афоризм, присутствующий в устах inferнального — и изначально «отрицательно-го» — персонажа. Такой вид «анти-афоризма» имеет в контексте

---

¹¹ Там же. Т. 14. С. 221.

¹² Лит. наследство. Т. 90. Кн. 4. С. 323.

¹³ Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1896. Т. 1. С. 196.

«Мыслей мудрых людей» изречение Достоевского, призванное демонстрировать ту невысокую оценку, которую давал его роману Лев Толстой.

Весьма интересна и дата, которую сопровождает высказывание Достоевского. *24 февраля* (9 марта по н. ст.) — этот день в православном календаре обозначен как день обретения главы Иоанна Предтечи. Точное название этого церковного поминовения — «первое и второе обретение честных главы Иоанна Предтечи». Дело в том, что, согласно преданию, «обретение» отрубленной по приказу Ирода (после танца Саломеи) главы Крестителя было сопряжено с целым рядом «превратностей»: то её «обрели» два инока, вскоре утратившие святыню из-за «маловерия и небрежения»; потом она оказалась в городе Емессе в Сирии, затем в Халкидоне, в Константинополе. Там, во времена иконоборчества, она была вторично утрачена, а в 850 г. — снова обретена (день третьего «обретения главы» — 25 мая) и разделена по частям между разными церквями и монастырями.

Иоанн Предтеча, или Креститель Господень, — особенная фигура Нового Завета. В христианских представлениях это последний в ряду пророков, провозвестников прихода мессии, и непосредственный предшественник Иисуса Христа. В толстовском изложении Евангелия этот персонаж предстаёт первым провозвестником христианского «закона любви»: «Он возвестил людям то, что есть: что царство Божие и было, и есть на земле. <...> Закон и пророки — всё это нужно было до Иоанна. А с Иоанна по сие время возвещается, что царство Божие на земле и что, кто делает усилие, тот и входит в него»¹⁴.

В обиходных православно-народных представлениях Иоанн Предтеча воспринимался характернейшим образцом *страдальца*. Рассказ о нём, сохранённый в канонических Евангелиях, напоминает позднейшие жития православных святых. В повествовании об Иоанне Крестителе находим все элементы житий-

---

¹⁴ Толстой Л. Н. Краткое изложение Евангелия // Евангелие Толстого: Избр. религ.-филос. произведения Л. Н. Толстого. М., 1992. С. 32.

ного канона. Тут и ряд чудес, пророчеств и обетов, связанных с его рождением (Лк, I, 1–80), и абсолютно праведнический образ жизни проповедника: «Сам же Иоанн имел одежду из верблюжьего волоса и пояс кожаный на чреслах своих; а пищею его были акриды и дикий мёд. Тогда Иерусалим и вся Иудея и вся окрестность Иорданская выходили к нему. И крестились от него в Иордане, исповедуя грехи свои» (Мф, 3, 4–6). Этот «страдалец» изначально проповедовал приход Того, кто затмит святостью его самого — и в этом смысле, как «святой», оказывался вполне бескорыстен: «...идёт за мною Сильнейший меня, у Которого я не достоин развязать ремень обуви Его» (Мр, 1, 7; Ин, 1, 27). Подобного рода физический и духовный подвиг увенчивался романтической историей гибели, довершавшей представление о благодетельности страдания.

Кроме всего прочего, с церковным праздником «Обретения» (24 февраля) связывались важные детали народного земледельческого календаря. Он приносил первые вести о приближении весны — и об «обретении» в связи с состоянием природы неких важных явлений: «На обретение птица гнездо обретает». Своевременный прилёт птиц сулил хороший урожай; синица запела — к теплу; выпавший на «Обретение» снег предвещал холодную пасху и т. п. Словом, день «Обретения» становился для православного человека знаком *обновления* пробуждающейся к весне жизни — Достоевский же своим неуместным «афоризмом» предлагал в качестве панацеи («удовольствия») не что-нибудь, а «страдание». И таким образом выдвигал «неряшливость, искусственность, выдуманность» в качестве некоей парадоксальной «панацеи».

Лев Толстой не любил Достоевского-мыслителя — и, приводя его «мудрую мысль», лишний раз продемонстрировал это.

ГАСТОН ЛУАГ — ФРАНЦУЗСКИЙ КОРРЕСПОНДЕНТ А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

Когда произносится имя А. Г. Достоевской (1846–1918), тотчас же вспоминается стихотворение Владимира Николаевича Корнилова (1928–2002) «Жена Достоевского» (1965):

...Сниткина Анна Григорьевна
Как при иконе свеча...

Ей было 34, когда в январе 1881 года она осталась одна с двумя маленькими детьми. А. Г. Достоевская ещё с трудом осознавала, *кого* она потеряла, но одно она знала точно: каждый прожитый ею день она будет оценивать по *его* меркам. И делом всей её жизни стала забота о сохранении памяти *о нём*¹. Это касалось рукописей Ф. М. Достоевского, издания его сочинений, составления библиографии, создания музея и т. д. Свеча при иконе, возможно, скоро и погасла, но любовь А. Г. Достоевской и её преданность никуда не ушли, они просто приняли другие формы.

«Письма Анны Григорьевны, написанные ею после смерти Достоевского, — поразительные документы её беспредельной любви к нему»². В полной мере это подтверждают письма 1881–1903 гг., сохранившиеся в личном архиве Алексея

---

¹ См.: *Труайя А.* Федор Достоевский / Пер. с фр. Н. Унанянц. СПб., 2013. С. 376.

² См.: *Белов С.* Жена писателя: Последняя любовь Ф. М. Достоевского. М., 1986. С. 157.

Сергеевича Суворина (1834/1912) в Российском государственном архиве литературы и искусства³ и опубликованные несколько лет назад⁴.

Внешне неброские и, как правило, лаконичные письма А. Г. Достоевской связаны с завершением очередного этапа её деятельности по увековечиванию памяти Ф. М. Достоевского. Однако один сюжет в той публикации был едва намечен. Новые документы позволяют вернуться к этой переписке и посмотреть на неё сквозь призму объекта обсуждения — нового корреспондента А. Г. Достоевской...

Пьер-Гастон Луаг (Lougue; род. в 1881 г.)⁵ в это время заканчивал курс наук на медицинском факультете в Лионе, которым руководил профессор Александр Лакассань (Lacassagne; 1843–1924)⁶, и стажировался в военном госпитале Валь-де-Грас в Париже⁷. Где и когда П.-Г. Луаг увлёкся русской лите-

---

³ См.: РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 1269. Л. 1–15. Автограф.

⁴ См.: В память о Достоевском: (Переписка А. Г. и Л. Ф. Достоевских с А. С. Сувориным) // Достоевский и мировая культура: Альманах. № 31. М., 2014. С. 395–444 (публ., вступ. статья и примеч. В. Абросимовой).

⁵ В некоторых изданиях его имя пишут иначе: Лойг. — См.: *Ефремов В. С.* Достоевский: психиатрия и литература. СПб., 2006. С. 197, 206–207, 210–213, 241.

⁶ Он прививал своим воспитанникам стремление доискиваться до причин болезни, не только телесных, но и душевных, ещё до того, как возникло понятие о судебной медицине и клинической антропологии. — См.: Lacassagne A. Des transformations du droit pénal et les progress de la médecine légale de 1810 à 1912 // Archives d'anthropologie criminelle de médecine légale et de psychologie normale et pathologique. Lyon, 1913. Т. 28. Р. 321–364 (<https://criminocorpus.org/fr/bibliotheque/page/21938/>; дата обращения: 7.12.2019). См. также: Renneville M. La criminology perdue d'Alexandre Lacassagne (1843–1924) // (<https://journals.openedition.org/criminocorpus/112>; дата обращения: 23.11.2019).

⁷ Госпиталь открылся в здании монастыря Val-de-Grâce, который длительное время служил королевской усыпальницей, а после Великой французской революции он стал одним из самых известных медицинских учреждений Франции. — См.: *Bouvet M.* Les origines de l'hôpital du Val-de-Grâce et ses premiers pharmaciens (de 1793 à 1815) // Revue d'histoire de la pharmacie. Paris, Septembre 1939. No. 41. P. 125–146 (https://www.persee.fr/doc/revph_1939__41_1_125-146).

ратурой, сказать трудно, но по его письмам А. С. Суворину⁸ и А. Г. Достоевской можно судить о том, что выбор темы его исследования не был ему навязан, а вытекал из глубокого интереса пишущего к личности и творчеству Ф. М. Достоевского.

Гастон Луаг — братьям Пантелеевым⁹

Лион, 10 января 1903

<издательский дом братьев Пантелеевых>

Господам братьям Пантелеевым

Так как еще не все произведения Достоевского переведены на французский язык¹⁰, я хотел бы получить его «Переписку» и

fr/doc/pharm_0035-2349_1939_num_27_107_10808); Ibid. Décembre 1939. No. 42. P. 227–228 (https://www.persee.fr/doc/pharm_0035-2349_1939_num_27_108_10319); (<http://blog.bnf.fr/gallica/index.php/2013/10/08/lhopital-militaire-du-val-de-grace/>); дата обращения: 23.11.2019); etc.

⁸ В архиве А. С. Суворина сохранились два письма П.-Г. Луага: от 30 января 1902 и 17 апреля 1903 гг. — РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 2401. Л. 1–3. Автограф на фр. языке.

⁹ Купцы 2-й гильдии, домовладельцы братья Пантелеевы были людьми просвещёнными, свободными и заинтересованными в приобщении сограждан к мировой культуре. Доход от типографии, конечно, не мог превысить дохода от магазина золотых и серебряных вещей в Гостином дворе, но братья Пантелеевы умели сочетать приятное с полезным. Типография братьев Пантелеевых располагалась в доме № 16 по Верейской улице, где Григорий Фомич Пантелеев (1847–1901) жил с матерью и сестрой. Пётр Фомич Пантелеев (1853–1905) пережил своего брата на несколько лет. Новая вывеска над домом № 34 по Подольской улице («Типография П. Ф. Пантелеева») не успела врезаться в сознание горожан и они, как и А. Г. Достоевская, по-прежнему воспринимали братьев Пантелеевых как одно целое. Они действительно много сделали для просвещения русского общества: издавали «Вестник иностранной литературы», выпустили серию собраний сочинений русских и иностранных писателей, в том числе и Ф. М. Достоевского (см. ниже).

¹⁰ Произведения Ф. М. Достоевского появились в переводе на французский язык в середине 80-х гг. XIX в. — См.: Булгакова Н. О. Творчество Достоевского в переводах на французский язык: К постановке проблемы // Коммуникативные аспекты языка и культуры: Сб. науч. статей и тезисов...: В 3 ч. Томск, 2014. Ч. 1. С. 333–339 (<http://earchive.tpu>.

«Записные книжки», которые вы, как я полагаю, уже издали¹¹.

Прошу вас уведомить меня, составляют ли эти произведения один или несколько томов этих произведений и какова их цена.

Не предпослан ли «Переписке» достаточно подробный биографический очерк? Наконец, не могли бы вы сообщить мне, какие исследования были проведены в отношении психологии вашего великого национального писателя и где я мог бы найти подробные сведения о его наследственности, биографии, среде, в которой он жил, и об условиях его существования.

Я изучаю в своей докторской диссертации психологию Достоевского, и я просил бы вас прислать мне все документы, которые могли бы мне в этом помочь.

Прошу вас не медлить с ответом, по получении которого я сделаю вам заказ, а также сообщить мне условия оплаты.

В ожидании, благоволите заранее принять мою благодар-
[gu/bitstream/11683/21540/1/conference_tru-2014-C77-V1-067.pdf](http://bitstream/11683/21540/1/conference_tru-2014-C77-V1-067.pdf); дата обращения: 23.11.2019); *Пантелей И.* Достоевский и его французские читатели // Достоевский и XX век: В 2 т. / Под ред. Т. А. Касаткиной. М., 2007. Т. 2. С. 250–272.

¹¹ При жизни Ф. М. Достоевского типография братьев Пантелеевых не так часто получала заказ на издание его произведений: в 1875 г. вышло 4-е издание «Записок из Мертвого дома»; в 1877 г. — 4-е издание романа «Преступление и наказание»; в 1879 г. — 2-е издание январского выпуска «Дневника писателя на 1876 год» и 5-е издание романа «Униженные и оскорбленные»; в 1880 г. — два издания единственного (августовского) выпуска «Дневника писателя на 1880 год» и роман «Братья Карамазовы». На протяжении первых двух лет после смерти Ф. М. Достоевского в типографии братьев Пантелеевых интенсивно печатались и перепечатывались отдельные его произведения, а начиная с 1883 г. — большинство томов «Полного собрания сочинений» Ф. М. Достоевского в 14-ти томах (Т. 2–3, 5–9, 11–14); 3-е издание «Собрания сочинений» в 12-ти томах (1888–1889). Участвовали братья Пантелеевы и в выпуске специальных изданий произведений Ф. М. Достоевского для детей. — См.: Библиографический указатель сочинений и произведений искусства, относящихся к жизни и деятельности Ф. М. Достоевского, собранных в «Музее памяти Ф. М. Достоевского» в Московском Историческом музее имени императора Александра III: 1846–1903 / Сост. А. Достоевская. СПб., 1906. Указатель отпечатан в типографии П. Ф. Пантелеева.

ность и уверение в совершенном почтении.

Адрес: г-н Гастон Луаг,
слушатель Военно-медицинской школы
Лион (Франция)

Прилагаю марку 0.2 F для ответного письма¹².

(пер. с фр. С. А. Савостиной)

П. Ф. Пантелеев переслал это письмо А. Г. Достоевской¹³. Пока она подбирала книги для молодого ученого, пришло письмо от А. С. Суворина, к которому как к издателю произведений Ф.М. Достоевского тоже обратился за помощью П.-Г. Луаг.

А. С. Суворин – А. Г. Достоевской

Многоуважаемая

Анна Григорьевна,

Я получил письмо из Лиона от Gaston Lougue¹⁴, который пишет этюд о Фед<оре> Мих<айловиче>. Он просит ему выслать его Письма, Дневник Писателя и какие есть о нем статьи. Если я ему вышлю все сочинения, то будет ли этого достаточно? Этюдов о Фед<оре> Мих<айловиче> я не знаю в книгах. Не знаете ли Вы? В каком издании была помещена его биография¹⁵? Будьте добры, уведоьте меня.

¹² В 1903 г. 1 франк = 2р. 67 к. О почтовых сборах см.: Весь Петербург на 1903 год: Адресная и справочная кн. г. С.-Петербурга. СПб., 1903. С. 5253.

¹³ Письмо сохранилось в архиве А. Г. Достоевской. — ОР РГБ. Ф. 93. II. 6.29. Л. 2–3. Автограф на фр. языке. Подготавливая документы к передаче в архив, А. Г. Достоевская на папке написала:

«К А. Г. Достоевской
(через типографию
бр<атьев> Пантелеевых)

Lougue Gaston,

Médecin, Ecrivain, написавший книгу: “Etude Médico-Psychologique sur Dostoïewsky, considérations sur les états morbides, liés au génie”. <...>» — Там же. Л. 1. Автограф.

¹⁴ Это письмо неизвестно.

¹⁵ Речь идёт об изд.: *Достоевский Ф. М.* Полное собр. соч.: В 14 т. СПб.: Изд. А. Г. Достоевской, 1882–1883. Один из томов посвящён био-

---

Искренно Вас уважающий
А. Суворин
23 янв<аря 1>903¹⁶

А. Г. Достоевская — А. С. Суворину

Глубокоуважаемый

Алексей Сергеевич!

Mr Gaston Lougue, должно быть, человек очень энергичный, так как одновременно с письмом к Вам он писал к Бр<атьям> Пантелеевым¹⁷ (где печатались мои книги)¹⁸, а те переслали письмо ко мне¹⁹. Я вчера послала в Лион Биографию (и письма) покойного мужа, написанную Н. Н. Страховым²⁰ графии писателя. — См.: Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского: С портретом Ф. М. Достоевского и прилож. СПб., 1883. Том состоял из нескольких частей с отдельной пагинацией. — См.: *Миллер О. Ф.* Материалы для жизнеописания Ф. М. Достоевского; Страхов Н. Н. Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском; Приложения: Письма Ф. М. Достоевского к разным лицам; Из записной книжки Ф. М. Достоевского.

Этот том вышел в свет 25 ноября 1883 г. Появление его завершило работу А. Г. Достоевской над изданием «Полного собрания сочинений» Ф. М. Достоевского. Несколько дней раньше в газете А. С. Суворина появилось уведомление об этом. — См.: Новое время. СПб., 1883. № 2775. 21 нояб./3 дек. С. 4. Это объявление было повторено в № 2782 от 25 нояб./7 дек. 1883 г. (С. 4).

¹⁶ОР РГБ. Ф. 93. П. 9. 34. Л. 3. Автограф. Подчёркнуто А. С. Сувориным. Ответ А. Г. Достоевской написан вечером того же дня (см. следующее письмо).

¹⁷ См. о них примеч. 9.

¹⁸ См. выше примеч. 11.

¹⁹ См. выше примеч. 13.

²⁰ Николай Николаевич Страхов (1828–1908) — философ и критик, корреспондент Ф. М. Достоевского, дружбу и многолетнее сотрудничество с которым он высоко ценил. А. Г. Достоевская предоставила Н. Н. Страхову все необходимые документы. 26 февраля 1883 г., получив часть воспоминаний Н. Н. Страхова, А. Г. Достоевская с благодарностью писала ему: «Нельзя было бы интереснее и живее изобразить то любопытное время, а также Федора Михайловича, как сделали это Вы в присланной главе...» — Цит. по кн.: *Андрианова И. С.* Анна Достоевская: призвание и признания. Петрозаводск, 2013. С. 39–40. Через много лет, в 1914 г., когда А. Г. Достоевской стало

и О. Ф. Миллером²¹, составлявшую первый том П<олного> С<обрания> Соч<инений> в 14<-ти> томах.

Под словом “Carnet d’un Écrivain” я поняла “Заметки из записной книжки”, помещенные в первом томе. Если Вы полагаете, что он разумел “Дневник Писателя”, то я пошлю ему и “Дневники” за два года. Остальные произведения <, > вероятно <, >, у него имеются.

Затрудняюсь сказать <, > что именно следует прочесть Mr Lougue, такая масса статей написана о Феодоре Михайловиче и о его произведениях. (Для Московского Музея памяти Феодора Михайловича я собрала более 1800 книг, журналов и газет, да и то, вероятно, многое пропустила)²². На отдельном листке прилагаю список книг, в которых о нем говорится целыми статьями или страницами. Список мой вышел несколько пестрым, но мне представляется, что Mr Lougue следовало бы прочесть статьи, освещающие разные стороны таланта Феодора Михайловича, как религиозного мыслителя, психопатолога и пр. Думаю, что из прилагаемого списка Вы найдете возможным указать ему более ценное и важное для понимания художественной деятельности покойного моего мужа.

Если б Вы знали, глубоко уважаемый Алексей Сергеевич, как мне приятно и дорого было видеть Вашу отзывчивость. известно письмо Н. Н. Страхова от 28 января 1883 г. Л. Н. Толстому с сомнительными фактами из жизни Ф. М. Достоевского, она по пунктам опровергла утверждения Н. Н. Страхова, назвав их клеветническими. — См.: *Достоевская А. Г.* Ответ Страхову // *Достоевская А. Г.* Воспоминания. М., 1971. С. 395–406, 478–479. См. также: *Достоевская А. Г.* Солнце моей жизни — Федор Достоевский: Воспоминания: 1846–1914: Первое полн. изд. М., 2015. С. 597–604, 760–762.

²¹ Орест Федорович Миллер (1833–1889) — историк литературы и критик, друг и почитатель творчества Ф. М. Достоевского, которого иногда упрекали за поклонение ему, как это сделал, например, Максим Алексеевич Антонович (1835–1918). — См.: Талантливый неудачник / М. А. // Дело. СПб., 1883, № 3. С. 301–324. См. также: *Масанов И. Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. М., 1957. Т. II. С. 138; Т. IV. С. 39.

²² В окончательном варианте в «Библиографический указатель сочинений и произведений искусства, относящихся к жизни и деятельности Ф. М. Достоевского...», вошло 4232 наименования.

У Вас так много дел, своих и чужих, а Вы все-таки находите время и желание помочь молодому ученому. Видно, что Ваше сердце горит к литературе, и как это хорошо!

Позвольте пожелать Вам всего доброго.

Искренно Вам преданная и уважающая

А. Достоевская.

23 Янв<аря>²³

1903.

<Список>

1). Сочинения Н. А. Добролюбова. Т. III. Изд. Надеина²⁴. 1876.

2). Три речи в память Достоевского. Вл. Соловьева²⁵. Москва. Унив. Тип. 1884.

---

²³ Обращаю внимание на эту дату: А. Г. Достоевская откликается мгновенно, в тот же день она отправляет подробный, исчерпывающий ответ А. С. Суворину.

²⁴ Посмертное третье издание «Сочинений» Николая Александровича Добролюбова (1836–1861) было выпущено без перемен по заказу владельца книжного магазина для иногородних Митрофана Петровича Надеина (1839–1916). Печаталось издание в типографии Н. А. Лебедева. Третий том завершался программной статьей «Забитые люди» (1861), с которой, собственно, и началась слава Ф. М. Достоевского. — См.: *Добролюбов Н. А.* Соч.: В 4 т. СПб., 1876. Т. III. С. 536–588. См. также: Библиографический указатель сочинений и произведений искусства, относящихся к жизни и деятельности Ф. М. Достоевского... С. 75, № 873. Ф. М. Достоевский был знаком с М. П. Надеиным, переписывался с ним и отдавал ему свои издания для бесплатной библиотеки при его магазине до тех пор, пока М. П. Надеин не разорился. — См.: *Достоевский Ф. М.* Полное собр. соч. и писем... Т. XXIX/2. С. 126–127, 266–267.

²⁵ А. Г. Достоевская особо отмечала ту заинтересованность, которую Ф. М. Достоевский проявлял к молодому философу, поэту, критику, публицисту Владимиру Сергеевичу Соловьеву (1853–1900). — См.: *Достоевская А. Г.* Солнце моей жизни — Федор Достоевский... С. 255, 308–309. См. также: *Соловьев В.* Три речи в память Достоевского: (1881–1883 гг.). М., 1884. См. также: Библиографический указатель сочинений и произведений искусства... С. 131, № 1547.

3). Достоевский как психопатолог. Проф. Вл. Чиж²⁶. Москва, Унив. Тип. 1885.

4). Историко-критический комментарий к сочинениям Ф. М. Достоевского. В. Зелинского²⁷. Части первая и вторая. Москва. 1885.

5). Историко-Критический комментарий В. Зелинского. 1886. Часть третья²⁸.

²⁶ Доктор медицины, известный петербургский клиницист-психиатр Владимир Фёдорович Чиж (1855–1922) считал, что Ф. М. Достоевскому удалось наиболее достоверно передать состояние больной души в романе «Братья Карамазовы». — См.: *Чиж В.* Достоевский как психопатолог: Очерк. М., 1885. См. также: Библиографический указатель сочинений и произведений искусства... С. 132, № 1557.

²⁷ Русский историк, педагог, просветитель Василий Аполлонович Зелинский (1853–1914) в предисловии к своему исследованию так объяснил смысл задуманного: «Цель настоящего “Историко-критического комментария” — разъяснить главный смысл произведений Ф. М. Достоевского путем объективного сопоставления различных критических о них отзывов» (Историко-критический комментарий к сочинениям Ф. М. Достоевского (Сб. критик); С портр. Ф. М. Достоевского / Сост. В. Зелинский. М., 1885–1886. Ч. 1. С. [III]).

Часть первая: [Анализ романа «Бедные люди», повестей и рассказов Ф. М. Достоевского]. 1885. — См.: Библиографический указатель сочинений и произведений искусства... С. 133, № 1561.

Часть вторая: [Анализ романов «Униженные и оскорбленные»; «Преступление и наказание» и «Идиот»; а также «Записок из Мертвого дома»]. 1885. — Там же. № 1562.

Часть третья (см. ниже след. примечание).

²⁸ На полях слева номера 4–5 объединены А. Г. Достоевской вертикальной чертой. Вероятно, А. Г. Достоевская посчитала нужным выделить 3-ю часть развёрнутого комментария В. А. Зелинского, посвящённую анализу нескольких романов Ф. М. Достоевского, а также включил суждения о писателе некоторых иностранных критиков. — См.: Историко-критический комментарий к сочинениям Ф. М. Достоевского... Часть третья: [Анализ романов «Бесы»; «Подранок» и «Братья Карамазовы»]. 1886. См. также: Библиографический указатель сочинений и произведений искусства... С. 137, № 1611.

Типо-литография Трофима Трофимовича *Малинского*, в которой печатались все три части издания, находилась на Волхонке в доходном доме вдовы подпоручика Юлии Адальбертовны Воейковой (урожд. Орда; 1836–1887)

---

6). Русские писатели после Гоголя. Ореста Миллера²⁹.
Издание Н. П. Карбасникова³⁰. 1886. Часть первая.

7–8). Сочинения Н. К. Михайловского³¹. Том 2й. 1881. Тип.

и её детей. — См.: Адрес-календарь города Москвы на 1885 г. М., 1885. С. 374, 666.

²⁹ Ф. М. Достоевский высоко ценил дарование О. Ф. Миллера (см. выше примеч. 21). Он читал исследование О. Ф. Миллера о гоголевском этапе русской литературы, в котором было уделено внимание и его собственному творчеству. — См.: *Достоевский Ф. М.* Полное собр. соч. и писем... Т. XXIX/1. С. 321–322, 530–531.

А. Г. Достоевская включила в список более позднее, расширенное издание труда известного исследователя. — См.: *Миллер О.* Русские писатели после Гоголя: Чтения, речи и статьи [: В 3 ч.]. 3-е изд., измененное и доп. СПб., 1886–1888. Ч. I: И. С. Тургенев — Ф. М. Достоевский. С. 117–390. См. также: Библиографический указатель сочинений и произведений искусства... С. 140, № 1643.

³⁰ Публичные лекции О. Ф. Миллера издавал владелец книжных магазинов в Петербурге, Москве, Варшаве и Вильно Николай Павлович Карбасников (1852–1921); печатались они в типографии Михаила Матвеевича Стасюлевича (1826–1911).

³¹ Несмотря на скептическое отношение Ф. М. Достоевского к Николаю Константиновичу Михайловскому (1842–1904), А. Г. Достоевская включила его «Сочинения» в свой список. Во второй том вошли размышления Н. К. Михайловского о «Дневнике писателя» и романе Ф. М. Достоевского «Бесы». — См.: *Михайловский Н. К.* Соч.: В 6 т. СПб., 1881–1885. Т. 2. С. 32–153. См. также: Библиографический указатель сочинений и произведений искусства... С. 117–118, № 1381.

Шестой том «Сочинений» Н. К. Михайловского состоял из статей «Писемский и Достоевский» и «Жестокий талант». — См.: *Михайловский Н. К.* Сочинения... Т. 6. С. 271–310. См. также: Библиографический указатель сочинений и произведений искусства... С. 136, № 1603.

Ф. Сущинского³² и Том 6й. Тип. <<Общественная> Польза”³³ 1885.

9). Критические этюды. В. П. Буренина³⁴. 1888.

---

³² Собственно с типографией Ф. С. Сущинского ни Ф. М. Достоевский, ни его вдова не сотрудничали. При жизни Ф. М. Достоевского вторая часть декабрьского выпуска «Дневника писателя на 1877 год», посвящённая смерти Н. А. Некрасова, была перепечатана в сборнике, составленном Александрой Николаевной Пешковой-Толливеровой (урожд. Сусоколова; 1842–1918) и отпечатанном в типографии Ф. С. Сущинского. — Ср.: *Достоевский Ф. М.* Полное собр. соч. и писем... Т. XXVI. С. 111–126; На память о Николае Алексеевиче Некрасове: Сб. СПб., 1878. С. 110–142 (http://www.fedorostoevsky.ru/around/Peshkova-Toliverova_A_N/; дата обращения: 23.11.2019).

³³ В начале 1860 г. в Петербурге возникло паевое товарищество с типографией «Общественная Польза». Его целью было издание общедоступных книг по разным отраслям “естествоведения” и чтение лекций на аналогичные темы.

³⁴ Виктор Петрович Буренин (1841–1926) был одним из немногих критиков, сочувственно откликавшихся на сочинения Ф. М. Достоевского, в том числе и роман «Бесы». — См.: *Достоевская А. Г.* Солнце моей жизни — Федор Достоевский... С. 304.

Вышедшему тому Полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского (см. о нем выше примеч. 15) В. П. Буренин посвятил большую статью, в которой он особо подчеркнул условия, в которых работал писатель и которые совсем не совпадали с теми, которые были у большинства его коллег, и волю Ф. М. Достоевского: «...какую нечеловеческую энергию, какую преданную любовь к искусству, какую великую потребность творчества надо было иметь, чтобы производить крупные художественные вещи в столь бедственных, поистине невозможных, условиях. ...Я не знаю в нашей литературе другого характера, более мощного и крепкого, более упорного в борьбе с жизненными невзгодами, более бодрого и неутомимого в служении делу литературного творчества...»

Завершая свой анализ опубликованных материалов, В. П. Буренин писал «о нравственной составляющей личности Достоевского, о его преданности мысли и творчеству.

Нет, не “антипатию” такие люди должны возбуждать, а удивление к их нравственной цельности и крепость: это образцовые, исключительные натуры, которые посылаются редко, которые служат выражением народного гения...» (*Буренин В.* Критические очерки: Биография и письма Достоевского // Новое время. СПб., 1884. № 2843. 27 янв./8 февр. С. 2–3;

10). Критические опыты. Е. Гаршина³⁵. Тип. Скороходова³⁶. 1888.

11). Литературные встречи и знакомства. А. Милюкова³⁷. 1890.

12). Русские писатели и артисты. Воспоминания А. Я. Головачевой-Панаевой. 1890. Изд. В. Губинского³⁸.

Там же. № 2850. 3/15 февр. С. 2). В сборник, названный А. Г. Достоевской, эта статья вошла практически без изменений. — См.: *Буренин В.* Биография и письма Ф. М. Достоевского // Буренин В. Критические этюды. СПб., 1888. С. 133–168. См. также: Библиографический указатель сочинений и произведений искусства... С. 143, № 1679.

³⁵ Евгений Михайлович *Гаршин* (1860–1931) запомнился А. Г. Достоевской рецензией на только что вышедший том Полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского (см. о нем выше примеч. 15). — См.: Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского / С портретом Ф. М. Достоевского и приложениями. СПб., 1883 /Е. Г. // Историч. вестник. СПб., 1884. Т. XV. № 1. Отд. II: Критика и библиогр. С. 201–203. Критик завершил рецензию обещанием дать объективный «обзор жизни и творчества покойного писателя, пользуясь для нашей цели матерьялами, предложенными его биографами», и уже в феврале 1884 г. выполнил его. — См.: *Гаршин Е.* Испорченная жизнь: (Биография и письма Ф. М. Достоевского. СПб., 1883 г.) // Гаршин Е. Критические опыты. СПб., 1888. С. 1–30. См. также: Библиографический указатель сочинений и произведений искусства... С. 143, № 1678.

³⁶ Типография почетного гражданина Ивана Николаевича Скороходова работала в доходном доме вдовы редактора-издателя журнала «Дело» Григория Евлампиевича Благовосветлова (1824–1880), Елизаветы Александровны (урожд. графини Гендриковой). — См.: Табель домов и улиц города С.-Петербурга. 4-е изд., пердел. и доп. СПб., 1888. С. 87.

³⁷ Александр Петрович Милюков (1817–1897) был знаком с Ф. М. Достоевским на протяжении многих лет и написал об этом вскоре после его смерти. — См.: *Милюков А. П.* Федор Михайлович Достоевский (К его биографии) // Рус. старина. СПб., 1881. Т. XXX, № 3. С. 691–708; Там же. Т. XXXI, № 5. С. 3352. Позднее эти воспоминания вошли в книгу, изданную А. С. Сувориным. — См.: *Милюков А.* Федор Михайлович Достоевский // Милюков А. Литературные встречи и знакомства. СПб., 1890. С. 167–249. См. также: Библиографический указатель сочинений и произведений искусства... С. 149, № 1751.

³⁸ В воспоминаниях Авдотьи Яковлевны Панаевой (урожд. Брянской; во втором браке Головачёвой; 1820–1893) Ф. М. Достоевскому уделено

---

13). История новейшей русской литературы. А. М. Скабичевского. Изд. Ф. Павленкова³⁹. 1891.

14). Литературные чтения С. А. Андреевского⁴⁰. 1891.

15). Ф. Достоевский, его жизнь и литературная деятель-

немного места, но этот фрагмент интересен тем, что молодой писатель появляется в обществе В. Г. Белинского и И. С. Тургенева и очень скоро покидает этот кружок. — См.: Головачева-Панаева А. Я. Русские писатели и артисты: 1824–1870: Воспоминания. СПб., 1890. С. 157–160. См. также: Библиографический указатель сочинений и произведений искусства... С. 150, № 1769. Первое издание воспоминаний напечатал книгоиздатель и продавец Василий Ильич Губинский (1847–1920).

³⁹ С автором этой книги, литературным критиком и историком литературы Александром Михайловичем Скабичевским (1838–1910), Ф. М. Достоевский спорил на страницах «Дневника писателя» и др. В список включён первый выпуск «Истории новейшей русской литературы (1848–1890)», изданной просветителем Флорентием Фёдоровичем Павленковым (1839–1900) в 1891 г. (4-е изд. — 1900). Ф. М. Достоевскому посвящена XI-я глава этого труда (С. 183–202). — См.: Библиографический указатель сочинений и произведений искусства... С. 151–152, № 1783.

⁴⁰ Поэт, критик и судебный оратор Сергей Аркадьевич Андреевский (1847–1918) в 1888 г. предложилиное прочтение романа «Братья Карамазовы», в котором присутствовало не только клинико-патологическое начало, но и в высшей степени духовное. Его вывод звучал так: «...Достоевский написал идейный, ярко-субъективный и в то же время высоко-художественный роман. ... Достоевский создал произведение, внутренняя поэзия которого почти сглаживает в нём колорит моды и клеймо времени, и мы даже не в состоянии представить себе эпохи, когда бы “Братья Карамазовы” утратили свой психологический и художественный интерес. Такова эта глубокая философско-драматическая поэма — как всего правильнее следовало бы назвать этот удивительный роман Достоевского» (*Андреевский С. А. “Братья Карамазовы” // Андреевский С. А. Литературные чтения: Баратынский — Достоевский — Гаршин — Некрасов — Лермонтов — Лев Толстой. 2-е изд. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1891. С. 124–125*). См. также: Библиографический указатель сочинений и произведений искусства... С. 152, № 1784.

ность. Е. Соловьева⁴¹. Изд. Ф. Павленкова. 1891⁴².

16). О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы. Д. С. Мережковского⁴³. 1893.

17). Энциклопедический Словарь. Издание Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Полутом 21. Статья А. Кирпичникова⁴⁴.

---

⁴¹ См.: Соловьев Е. Ф. Достоевский, его жизнь и литературная деятельность: Биогр. очерк. СПб., 1891 («Жизнь замечат. людей: Биогр. б-ка Ф. Павленкова»). См. также: Библиографический указатель сочинений и произведений искусства... С. 154, № 1817.

Книга Евгения Андреевича Соловьёва (1866–1905) печаталась в типографии Товарищества «Общественная польза» (см. о нем выше примеч. 33).

⁴² В автографе А. Г. Достоевская объединила №№ 1415.

⁴³ 15-летний Дмитрий Сергеевич Мережковский (1865–1941) встречался с Ф. М. Достоевским и позднее написал об этом. — См.: Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского: В 3 т. СПб., 1999. Т. 3. С. 523.

Размышляя о великой эпохе русских классиков, Д. С. Мережковский особо оценил творческое наследие Ф. М. Достоевского: «Лучшие страницы Достоевского, например в “Записках из мертвого дома”, проникнуты болезненно-жгучим состраданием к людям... Достоевский — пророк, еще небывалый в истории, новой *русской жалости*».

Но вместе с тем он — один из самых жестоких поэтов. Как все чувства, ненависть доходит в его душе до упоения, до сладострастия. ... Кто же он сам? Кто он, наш мучитель и друг, Достоевский? Ангел сумерек или ангел света? Где же сердце художника? В христианском смирении отца Зосимы или в гордости, доходящей до сумасшествия, нигилиста Кирилова, в целомудрии Алеши или в сладострастии Ставрогина, в жалости Идиота или в презрении к людям Великого Инквизитора?.. Где он? Ни там, ни здесь. А может быть, и там, и здесь! Страшно, что в сердце человеческом могут существовать такие смежные бездны добра и зла, такие невыносимые противоречия...» (*Мережковский Д. С. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы. СПб., 1893 [1-е изд. — 1889]. С. 51. Курсив Д. С. Мережковского*).

Д. С. Мережковский завершил свои размышления о текущем состоянии русской литературы статьей «О “Преступлении и Наказании” Достоевского». — Там же. С. 163–192. См. также: Библиографический указатель сочинений и произведений искусства... С. 160, № 1888.

⁴⁴ Александр Иванович Кирпичников (1845–1903) откликнулся на выступление Ф. М. Достоевского в «Дневнике писателя» так: «...у него есть наблюдательность, яркое и весьма часто очень меткое слово, искренность, чувство... Да, чувство. Достоевский особенно силен так называемой логи-

---

18). Критические разборы романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». В. Зелинского⁴⁵. Москва. 1894.

кой чувства. Она часто подкупает до такой степени, что не замечаешь ни логических скачков, ни парадоксов, ни противоречий...» (Литературные очерки / С. С. // Одесский вестник. 1876. № 116. 29 мая. С. 1–2).

Из сочинений Ф. М. Достоевского он выделил повесть «Кроткая»: «...этюд Достоевского является, по моему мнению, шедевром». — См.: Журнальные очерки / С. С. // Там же. 1876. № 277. 16 дек. С. 1–2 (см. также: Достоевский Ф. М. Полное собр. соч. и писем... Т. XXII. С. 301; Т. XXIV. С. 389; *Масанов И. Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей... Т. III. С. 62; Т. IV. С. 229).

Позднее его взвешенная, аналитическая статья задала тон посмертным критическим откликам. — См.: *Кирпичников А.* Федор Михайлович Достоевский // Энциклопедический словарь: В 86 т. / Под ред. К. К. Арсеньева и Ф. Ф. Петрушевского. СПб.: Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, 1893. Т. XI; Полугом 21. С. 7281 (<http://www.vehi.net/brokgauz/>; дата обращения: 6.12.2019). См. также: Библиографический указатель сочинений и произведений искусства... С. 162, № 1910.

⁴⁵ Переиздавая свою антологию, В. А. Зелинский (см. о нём выше примеч. 27–28) видоизменил её структуру. — См.: Критический комментарий к сочинениям Ф. М. Достоевского: Сб. критич. статей / Сост. В. Зелинский: В 3 ч. 2-е изд. М., 1894. Первые две части печатались без изменений. В 3-ю часть вошли материалы о романах «Идиот», «Подросток» и «Бесы», а также о Пушкинской речи Ф. М. Достоевского.

Анализ романа «Братья Карамазовы» В. А. Зелинский вынес в отдельный, дополнительный том, который и включила в свой список А. Г. Достоевская. — См.: *Зелинский В.* Критические разборы романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: Дополнение ко 2-му изд. «Критического комментария к сочинениям Ф. М. Достоевского». М., 1894. См. также: Библиографический указатель сочинений и произведений искусства... С. 163, № 1918.

- 19). Легенда о великом инквизиторе. В. В. Розанова⁴⁶. 1894⁴⁷.
- 20). Очерки по истории новой русской литературы. А. Кирпичникова. Издание Л. Ф. Пантелеева⁴⁸. 1896.
- 21). Русские критики. Литературные очерки А. Л. Волинского. Тип. М. Меркушева⁴⁹.

⁴⁶ Для первого отдельного издания своего исследования философ, публицист, критик Василий Васильевич Розанов (1856–1919) дополнил журнальный текст (см.: Рус. вестник. М., 1891. Т. 211–213) двумя статьями, посвящёнными Н. В. Гоголю, самому таинственному и глубокому, по его мнению, явлению русской литературы, без которого понять последний роман Ф. М. Достоевского невозможно. В. В. Розанов объяснил замысел художника так: «...между романом и “Легендою” есть связь внутренняя: именно “Легенда” составляет как бы душу всего произведения, которое только группируется около нея, как вариации около своей темы; в ней сохронена заветная мысль писателя, без которой не был бы написан не только этот роман, но и многие другие произведения его: по крайней мере не было бы в них самых лучших и высоких мест». — См.: *Розанов В.* Легенда о великом инквизиторе Ф. М. Достоевского: Опыт критич. комментария. СПб., 1894. С. 4. См. также: Библиографический указатель сочинений и произведений искусства... С. 163, № 1919.

⁴⁷ В автографе А. Г. Достоевская объединила №№ 18–19.

⁴⁸ Публичные лекции «Достоевский и Писемский (опыт сравнительной характеристики)», читанные в Одессе 14 и 17 марта 1893 г. и напечатанные отдельно (Одесса, 1894), А. И. Кирпичников (см. о нем выше примеч. 44) через год включил в книгу своих работ. — См.: *Кирпичников А.* Очерки по истории новой русской литературы. СПб., 1896. С. 258–340. См. также: Библиографический указатель сочинений и произведений искусства... С. 174, № 2051. Книга вышла в петербургском издательстве Лонгина Фёдоровича Пантелеева (1840–1919). — См.: *Рейсер С. А.* Л. Ф. Пантелеев // Пантелеев Л. Ф. Воспоминания. М., 1958. С. 15. См. также: Издания Л. Ф. Пантелеева, вышедшие в 1895–1907 гг. СПб., 1907. С. 5.

⁴⁹ Литературный критик Аким Львович Волинский (наст. имя — Хаим Лейбович Флексер; 1861–1926) рассматривал Ф. М. Достоевского как одного из самых масштабных художников мировой культуры, в творчестве которого «богофильство» и «богофобство» столкнулись в непримиримой борьбе. А. Г. Достоевская включила в свой список книгу, вышедшую в 1896 г. и составленную из «Литературных заметок», печатавшихся в журнале «Северный вестник» в 1890–1895 гг. В них подробно рассматривалось участие Ф. М. Достоевского в журналах «Время» и «Эпоха», где особо проявился его талант «агитатора и проповедника». (*Волинский А. Л.* Русские кри-

---

22). Вечные спутники. Д. С. Мережковского. 1897⁵⁰.

23). Двадцать биографий образцовых русских писателей. Виктора Острогорского. 1897⁵¹.

тики: Лит. очерки. СПб., 1896. С. 396–420. См. также: Библиографический указатель сочинений и произведений искусства... С. 174, № 2060).

Типография Михаила Логгиновича Меркушева находилась на Невском проспекте, в доме № 8.

⁵⁰ По словам Д. С. Мережковского (см. о нем выше примеч. 43), в этой книге был «собран ряд небольших очерков (появившихся в печати от 1888 до 1896 г.) — как бы галерея миниатюрных портретов великих писателей разных веков и народов». Таким образом, Ф. М. Достоевский оказался вписан в круг самых ярких художников мировой культуры. — См.: *Мережковский Д. С.* Вечные спутники: Портреты из всемирной литературы. СПб., 1897. С. 339–378. Отпечатана книга была в типографии М. Л. Меркушева. См. также: Библиографический указатель сочинений и произведений искусства... С. 176, № 2073.

Издатель — писатель, публицист и литературный критик Пётр Петрович Перцов (1868–1947) — параллельно с Д. С. Мережковским в том же 1897 г. размышлял о месте Ф. М. Достоевского в русской и мировой культуре. — См.: *Перцов П. П.* Литературные афоризмы / Публ., [вступ. статья и примеч.] Т. В. Померанской // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М., 1994. [Т. I. Раздел V: Достоевский.] С. 226–228 (<http://feb-web.ru/feb/rosarc/ra1/ra1-212-.htm>; дата обращения: 24.11.2019). См. также: *Перцов П. П.* Литературные воспоминания: 1890–1902 / Под ред. А. В. Лаврова. М., 2002. С. 167–168.

⁵¹ Преподаватель русской словесности Виктор Петрович Острогорский (1840–1902) много сделал для того, чтобы книги соотечественников вошли в каждый дом. Он ценил Ф. М. Достоевского как художника и публициста, имеющего на читателя особое влияние. — См.: *Достоевский Ф. М.* Полное собр. соч. и писем... Т. XXII. С. 309; *Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского...* Т. 3 (указ.).

В свой список А. Г. Достоевская включила 5-е издание книги «Двадцать биографий образцовых русских писателей: С портретами: Для чтения юношества», составленной В. П. Острогорским. Издание Ф. Ф. Павленкова впервые вышло в 1890 г. В лаконичном очерке о Ф. М. Достоевском (С. 149–156) есть, на мой взгляд, важная ссылка на предшественников: «Сочинения Достоевского для юношества изданы отдельной книгой, в выборе покойного В. Я. Стоюнина» (Там же. С. 155. См. также: Библиографический указатель сочинений и произведений искусства... С. 176, № 2074).

---

24). Русский роман и русское общество: К. Головина⁵². Тип. Пороховщикова⁵³. 1897.

---

⁵² Имя одного из самых известных идеологов отечественного консерватизма, экономиста, политического деятеля Константина Фёдоровича Головина (1843-1913) сегодня можно встретить в справочнике: Черная сотня: Ист. энциклопедия 1900–1917 / Сост. А. Д. Степанов, А. А. Иванов; Отв. ред. О. А. Платонов. М., 2008 (<http://legitimist.ru/sight/history/2011/sentyabr/konstantin-fedorovich-golovin-kak-obshhestvenno-po.html>). А он был ещё и успешным беллетристом, писавшим под псевдонимом «Орловский», и литературным критиком, влиявшим на разные слои русского общества. — См.: *Головин К.* Социализм как положительное учение. СПб., 1892; *Головин К.* Мужик без прогресса или прогресс без мужика (К вопросу об экономич. материализме). СПб., 1896; *Головин К.* Мои воспоминания: В 2 т. СПб., 1908–1910 (2-е изд.: Мои воспоминания за 35 лет: В 2 т. СПб., 1912) и др.

А. Г. Достоевская заметила и включила в свой список книгу К. Ф. Головина «Русский роман и русское общество» (СПб., 1897), хотя собственно Ф. М. Достоевскому в ней было уделено немного внимания. Но анализ его творчества в контексте социальных проблем трёх десятилетий XIX в., перенос центра тяжести на изучение городской среды в романах 40-х–70-х гг. показали ей важными и убедительными. Кроме того, К. Ф. Головин акцентировал внимание на близком родстве Ф. М. Достоевского со славянофилами и на его примиряющем слове всепрощения. Автор утверждал: «Достоевский, если можно так выразиться, любил русского человека, вопреки ему самому. Он не только не восторгался его жизнью, — он находил ее омерзительной. И такую он постоянно рисовал её в своих произведениях.

И тем не менее он преклонялся перед этим человеком, во всей его нравственной и физической грязи, любя в нем смиренную высоту духа, до которой грязь эта добрызнуть не могла. Всего лучше определил себя Достоевский сам на пушкинском юбилейном торжестве...

Достоевский по преимуществу художник мысли, а не характера...

Из всех великих русских писателей Достоевский, быть может, наиболее сложный, наименее поддающийся определению. Борьба в нем никогда не прекращалась, противоположные течения не приходили к равновесию. Как раз поэтому он и обладал такой способностью тревожить сердца, поднимая со дна их накопившийся там порочный ил, но зато и зажигая в них искру светлой человечности...» (С. 319–321, 328. См. также: Библиографический указатель сочинений и произведений искусства... С. 178, № 2104).

⁵³ Первое издание книги К. Ф. Головина было напечатано в

25). Космополис⁵⁴. № 9. Сентябрь 1898. Подлинный текст «показания» Ф. М. Достоевского в 1849⁵⁵. Продается у Цинзерлинга⁵⁶.

26). Религиозно-нравственные идеи и типы в произведениях Ф. М. Достоевского. Свящ. Н. Побединского⁵⁷. Москва. Тип.

типографии Александра Александровича Пороховщикова (1833–1918), которого Ф. М. Достоевский называл почитателем его таланта. — См.: *Достоевский Ф. М.* Полное собр. соч. и писем... Т. XXX/1, С. 34, 279, 437.

⁵⁴ В 1896–1898 гг. в Берлине, Лондоне, Париже издавался многоязычный литературный журнал «Cosmopolis: An international monthly review». С января 1897 г. в Петербурге выходило приложение на русском языке («Russian supplement»), которое начал редактировать Сергей Николаевич Сыромятников (Сигма; 1864–1933), с марта 1897 г. — Фёдор Дмитриевич Батюшков (1857–1920). (http://web.archive.org/web/20041120001440/http://www.clubi.ie/zoom/cosmopolis/supplements/russian_toc98.html; дата обращения: 27.11.2019)

⁵⁵ См.: Подлинный текст «Показания» Ф. М. Достоевского в 1849 г. // Космополис (Cosmopolis): Ежемес. междунар. журн.: Рус. отдел. А. Ф. Цинзерлинг, 1898. Т. XI. № 9. С. 193–212.

А. Г. Достоевская дважды включила его под №№ 117 и 130 во II-й и V-й Отделы своего «Библиографического указателя...» (<http://philolog.petsu.ru/agdost/bibl/bibl.htm>; дата обращения: 27.11.2019).

Протоиерей Георгий Васильевич Флоровский (1893–1979) в конце 30-х гг. прокомментировал «Показания» Ф. М. Достоевского так: «...очень остро поставлена тема уединения: “Сами мы бежим общения, дробимся на кружки, или черствуем в уединении” (с. 198)» (*Флоровский Г.* Пути русского богословия. М., 2009. С. 718).

⁵⁶ Владелец книжного магазина (Невский проспект, 20) Август Фёдорович Цинзерлинг (Zinserling; род. в 1849 г.) был одновременно издателем русского отдела журнала «Космополис».

⁵⁷ Николай Григорьевич Побединский (умер в 1901 г.) — выходец из семьи священника, настоятеля церкви Рождества св. Иоанна Предтечи на Варварке Григория Алексеевича Побединского (см.: Вся Москва: Адресная и справочная кн. на 1896 год. М., 1896. Отд. I. Стб. 505; Отд. III. С. 150; Там же ... на 1903 год. М., 1903. Отд. I. Стб. 56; Отд. III. С. 341).

В 1891 г., по окончании московской духовной академии кандидатом богословия (<http://www.petergen.com/bovkalov/duhov/mda.html>; дата обращения: 7.12.2019), Н. Г. Побединский служил законоучителем в мужском реальном училище и женской Петропавловской гимназии при Евангелическо-Лютеранской церкви, а также в Арнольдовском городском

Л. Лисснера⁵⁸. 1899.

27). Борьба за идеализм. Крит. статьи А. Л. Волинского⁵⁹. начальном училище для глухонемых детей, названном в честь создателя, Ивана (Эдуарда) Карловича Арнольда (1805-1891) (см.: *Вся Москва...* на 1896 год... Отд. I. Стб. 581; Отд. III. С. 130; Там же ... на 1901 год... Отд. I. Стб. 665, 706; Отд. III. С. 341).

Кроме того, Н. Г. Побединский занимался исследованием русской литературы с духовной точки зрения. 1 декабря 1898 г. он совершил публичное богословское чтение в зале Синодального училища на тему «Типы религиозно-нравственного состояния русского общества». Оно легло в основу большой статьи «Религиозно-нравственные идеи и типы в произведениях Ф. М. Достоевского», опубликованной в новом журнале «Вера и церковь» (М., 1899. Кн. 1. С. 112–128; Кн. 2. С. 278–301; см.: *Указатель к духовному, богословско-апологетическому журналу «Вера и Церковь» за первое десятилетие его (1899–1903 гг.)* / [Ред.-изд. протоиерей И. И. Соловьев]. М., 1904. С. 13).

В середине февраля 1899 г. был выпущен отдельный оттиск работы Н. Г. Побединского, который А. Г. Достоевская включила в свой «Библиографический указатель...» (С. 187, № 2204).

⁵⁸ Не совсем точно: книга Н. Г. Побединского была напечатана в типографии Генриха Лисснера и Артура Федоровича Гешеля, которая находилась в доме Г. Лисснера на Воздвиженке, в Крестовоздвиженском переулке.

⁵⁹ В авторском предисловии к новой книге статей А. Л. Волинский (см. о нем выше примеч. 49) писал: «Книгу мою я назвал “Борьба за идеализм”: я, как умел, отстаивал в моих статьях мысль, что только идеализм — созерцание жизни в идеях духа, в идеях божества и религии — может дать объяснение искусству, законам художественного творчества, и живой импульс ко всякому иному творчеству — практическому, нравственному» (*Волинский А. Л. Борьба за идеализм: Критич. статьи*. СПб., 1900. С. III). В этой схватке «личного и божеского начала» Ф. М. Достоевскому — прежде всего как автору романа «Идиот» — была отведена особая роль. Он упоминался в начале книги; ему был посвящен цикл из четырёх статей под общим названием «Великий безумец» (С. 493–542; см. также: *Библиографический указатель сочинений и произведений искусства...* С. 188, № 2219).

Книга А. Г. Волинского была напечатана в упоминавшейся выше типографии М. Л. Меркушева. Издал ее Николай Германович Молоствов (1871–1910), позднее разошедшийся с А. Л. Волинским во взглядах (см.: *Молоствов Н. Г. Борец за идеализм: (Слово правды о А. Л. Волинском)*. Рига, 1902 (2-е изд. — СПб., 1903); Молоствов Н. Г. Волинский и

1900.

28). Народные чтения⁶⁰. Ф. М. Достоевский⁶¹. Изд<ание> пост<оянной> ком<иссии> нар<одных> чтений⁶². Под ред <акцией> Вс. С. Соловьёва⁶³. 1900.

29). Общественное самосознание в русской литературе. Арс. И. Введенского⁶⁴. 1900.

новейшие идеалисты. СПб., 1905). Об отношении А. Л. Волынского к Ф. М. Достоевскому см. также: *Якубович И. Д.* Достоевский в религиозно-философских и эстетических воззрениях А. Л. Волынского // *Достоевский: Материалы и исследования...* Т. 15. С. 67–89; Письма А. Л. Волынского к А. Г. Достоевской / Публ., вступ. заметка и примеч. Н. Ф. Будановой // Там же. С. 463–464.

⁶⁰ Серия «Народные чтения» предполагала, что книжки будут распространяться через общедоступные книжные магазины, библиотеки и публичные чтения, которые сопровождалась литературно-драматическими вечерами и концертами. Чтения устраивались, главным образом, на пожертвования. Сбор с посетителей составлял от 2 до 40 коп.

⁶¹ Одной из книг, предназначенных для широких народных масс, была биография, напечатанная в типографии М. И. Акинфиева и И. В. Леонтьева в 1900 г. Составитель, скрывшийся под криптонимом, остался неизвестным. — См.: Федор Михайлович Достоевский: [Биогр. очерк] / Сост. К. П. М.; Под ред. Вс. С. Соловьёва. СПб., 1900. [38 с.]. (Народные чтения). См. также: Библиографический указатель сочинений и произведений искусства... С. 189, № 2234.

⁶² Книжек, разрешённых для народного чтения, было очень немного. В 1900 г. число их увеличилось на несколько биографий, часть которых была составлена К. П. М. — См.: Николай Михайлович Карамзин: [Биогр. очерк] / Под ред. Вс. С. Соловьёва. СПб., 1900. (Народные чтения); Николай Алексеевич Некрасов: [Биогр. очерк] / Сост. К. П. М.; Под ред. Вс. С. Соловьёва. СПб., 1900. (Народные чтения); Иван Сергеевич Тургенев: [Биогр. очерк] / Под ред. Вс. С. Соловьёва. СПб., 1900. (Народные чтения); Денис Иванович Фонвизин: [Биогр. очерк] / Сост. К. П. М.; Под ред. Вс. С. Соловьёва. СПб., 1900. (Народные чтения).

⁶³ Всеволод Сергеевич Соловьёв (1849–1903) был одним из инициаторов создания постоянной Петербургской комиссии народных чтений. — См.: *Васильева С. А.* Проблемы народного чтения в трактовке Вс. С. Соловьёва // *Вестник Челябинского гос. ун-та.* 2009, № 30 (168): Филология; Искусствоведение: Вып. 35. С. 167–172.

⁶⁴ Историк литературы, критик Арсений Иванович Введенский (1844–1909) при жизни Ф. М. Достоевского полемизировал с ним (см.:

---

30). Психология преступника по русской литературе о каторге. П. И. Ковалевского⁶⁵. 1900.

Достоевский Ф. М. Полное собр. соч. и писем... Т. XXVII. С. 293, 298, 304, 306). Это расхождение взглядов не помешало ему включить анализ основных романов писателя в своё исследование роли литературы в жизни общества. — См.: *Введенский Арс. И.* Ф. М. Достоевский // Введенский Арс. И. Общественное самосознание в русской литературе: Критич. очерки. СПб., 1900. С. 161–207. По словам автора, «...русская литература имела в нем талант беспримерный, которому суждено оставить в дальнейшем развитии русской литературной мысли глубочайшие следы...

Выводы, к которым приходил Достоевский, были далеко не светлого свойства и глубоко поражали его впечатлительную душу. Все его, особенно позднейшие, произведения носят на себе печать “великой грусти”, которую, по его собственному выражению, вложенному в уста Раскольникова, “должны ощущать великие люди”. Грусть эта имеет характер до такой степени острый, что многим не под силу поднимать её страшное бремя: есть люди, почти не могущие читать Достоевского» (Там же. С. 161, 166–167; см. также: Библиографический указатель сочинений и произведений искусства... С. 191, № 2260). Издал книгу А. И. Введенского владелец книжного магазина на углу Литейного и Невского проспектов Максим Павлович Мельников.

⁶⁵ Один из создателей отечественной психиатрии, историк-монархист, профессор Павел Иванович Ковалевский (1850–1931) в своем анализе клинического состояния человека, находящегося на грани преступления, не раз ссылался на произведения Ф. М. Достоевского: «Достоевский изучил душу преступного человека так тщательно, так точно, так подробно и так верно, что во многом он в своих описаниях дословно сходится с объективными учеными исследователями, приступившими к изучению преступника во всеоружии знания всевозможных уклонений в душевной жизни человека по клинике и массе научных работ. Нашему гениальному писателю и создателю книги бытия “мертвого дома” специальную подготовку и специальные знания заменяли гениальные дарования, необыкновенная наблюдательность и широкое общее образование.

...я поставил своей задачей в данном очерке представить те места из сочинений наших бытописателей тюремной жизни, коими типично обрисовывается жизнь преступного человека, и на основании этих описаний воссоздать ее в целом» (*Ковалевский П. И.* Психология преступника по русской литературе о каторге. СПб., 1900. С. 11–12). Из великих психологических наблюдений Достоевского в центре внимания исследователя оказались персонажи «Записок из мертвого дома». См. также: Библиографический указатель сочинений и произведений искусства... С. 191, № 2262.

---

31). Сто лет литературного развития. А. К. Бороздина⁶⁶. 1900.

32–33). Л. Толстой и Достоевский. Д. С. Мережковского⁶⁷. 2 тома.

34). Сочинения Валериана Н. Майкова⁶⁸. Нечто о русской литературе в 1846. 1901.

---

⁶⁶ Писатель, историк, педагог, приват-доцент Петербургского университета Александр Корнилиевич Бороздин (1863–1918) рассматривал творчество Ф. М. Достоевского в контексте историко-литературного процесса. Он был уверен: «...чем дальше мы отходим от жгучей эпохи, когда действовал Достоевский, тем ярче перед нами вырисовывается страдальческий образ этого искателя правды и печальника униженных и оскорбленных» (*Бороздин А. К.* Сто лет литературного развития: Характеристика рус. литературы XIX столетия. СПб., 1900. С. 67). Привыкшая читать всё, что касается личности и творчества её покойного мужа, А. Г. Достоевская в своем «Библиографическом указателе...» отметила страницы, относящиеся к Ф. М. Достоевскому (С. 194, № 2298).

⁶⁷ Продолжая размышлять о крайностях историко-философского, религиозного и эстетического развития русской литературы, Д. С. Мережковский (см. о нём выше примеч. 43) посвятил исследованию этого процесса цикл эссе, публиковавшихся в журнале «Мир искусства» в 1900–1901 гг. и составивших позднее двухтомное исследование «Л. Толстой и Достоевский» (СПб., 1902; 2-е изд. — 1903). В «Библиографическом указателе...» А. Г. Достоевская отметила страницы в каждом томе, относящиеся к Ф. М. Достоевскому (С. 197, 206, №№ 2333, 2451).

⁶⁸ Ф. М. Достоевский относился с симпатией к рано ушедшему из жизни талантливому критику и публицисту Валериану Николаевичу Майкову (1823–1847) (см.: *Достоевский Ф. М.* Полное собр. соч. и писем... Т. I. С. 476; Т. XVIII. С. 357–358; Т. XXVIII/1. С. 431, 435, 439). Статья «Нечто о русской литературе в 1846 году» строилась вокруг утверждения: «...Гоголь — поэт по преимуществу социальный, а г. Достоевский — по преимуществу психологический». — См.: *Майков В. Н.* Соч.: В 2 т. Киев, 1901. Т. 1. С. 205–224. См. также: Библиографический указатель сочинений и произведений искусства... С. 203, № 2417.

---

35). Волжский⁶⁹. Об Успенском и об Достоевском⁷⁰.

Публикация и комментарий В. Н. Абросимовой

---

⁶⁹ Религиозный мыслитель и историк литературы Волжский (псевд.; наст. имя Александр Сергеевич Глинка; 1878–1940) сделал предметом второй части своего исследования «философские воззрения Ф. М. Достоевского, его учение об ответственности, покаянии и свободе» на примере романа «Братья Карамазовы». А. Г. Достоевская в «Библиографическом указателе...» отметила только второй очерк из книги молодого автора (С. 204, № 2429). — См.: *Волжский*. Два очерка об Успенском и Достоевском: I. Г. И. Успенский; II. Кто виноват?: (Учение об ответственности у Ф. М. Достоевского). СПб., 1902. С. 131–192. См. также: *Глинка А. С. (Волжский)*. Собр. соч.: В 3 кн. М., 2005. Кн. 1. С. 117–162.

⁷⁰ РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 1269. Л. 11–14 об. Автограф.

А. Ю. Козлова

О НАЗВАНИЯХ РЕЧЕК, ПРОТЕКАВШИХ БЛИЗ ДАРОВОГО, МОНОГАРОВА И ЧЕРЕМОШНИ

Даровое, Моногарово и *Черемошня* городского округа Зарайск Московской области — малая родина Ф. М. Достоевского: здесь он в детстве бывал летом, знакомился с жизнью и языком русской деревни. Многие местные географические названия — топонимы, микротопонимы — попали на страницы его произведений, поэтому представляется очень важным реконструировать топонимическое пространство *Дарового* с окрестностями и понять его специфику.

В рамках данной статьи остановимся на вопросе о названиях малых речек, на берегах которых находятся или когда-то находились *Даровое, Моногарово* и *Черемошня*.

На первый взгляд никакой проблемы не существует: в деревне *Черемошне* нет ни реки, ни ручья, а в *Даровом* и *Моногарове* протекает, по словам местных жителей, река *Уйна*, которая на Яндекс-картах неточно почему-то названа *Кошейкой* (рис. 1). Яндексовская *Кошейка* впадает в селе *Верхнем Маслове* в реку *Незнанку*.

Однако при обращении к историческим источникам оказалось, что вопрос о гидронимах окрестностей *Дарового* не так уж и прост.

1. Начнём исследование с названия реки, протекавшей когда-то близ деревни *Черемошни*. В справочнике «Тульская губерния. Список населённых мест Российской империи по све-

Рис. 1

дениям 1859 г.» сообщается, что деревня *Черемошья* находится при пруде — ни речки, ни ручья в середине XIX в. там уже не было¹.

Но в 1578 г. (почти за 300 лет до этого) в писцовой книге Растовского стана Каширского уезда сообщаются другие сведения: «За *Борисом* за *Ивановым сыном Булатова* полов. дер. *Олферьева*, на рчк. на *Русыни*, а в ней пашни паханные добр. 50 четьи в поле, а в дву потому ж сена на старом селище и меж поль 75 коп., лесу пашеного во все три поля пол-осмы дес., а непашеного у присады и по врагам 15 дес. Да за ним же *пол. дер. Черемошны*, на рчк. на *Дмитровке*, а в ней пашни паханные добр. зем//ли 50 четьи, да пер. 50 четьи в поле, а в дву потому же, сена на старом селище и по рчк. по *Грустыне* 125 коп., лесу пашеного во все три поля полосмы дес., а непашеного *Большого* у присады и по врагам 15 дес. Да у него ж лесу *Большого* вместе с братом его с *Офонасьем* да с *Иваном с Григорьевым сыном Хотяинцова* круг *Озарова селища* и *Высокого холму* зад

¹ Списки населённых мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. СПб., 1861–1885. Вып. 44: Тульская губерния... по сведениям 1859 года / Обработ. В. Левшиным и ред. Е. Огородниковым. 1862. С. 125 (№ 2564).

Олферовы дер. по речке *Грустыне* вниз до того переезду до усть врага у *Резанского рубежу*, что меж поль, с *Хлоповскими* крестьяны, в длину верста, а поперег полверсты»².

Из этого описания следует, что, во-первых, в 1578 г. деревня *Черемошня* находилась на речке *Дмитровке*, во-вторых, около *Черемошни* и *Олферьево* (в современном правописании *Алферьево*) было какое-то старое селище. Согласно данным «Словаря русского языка XI–XVII вв.», *селищем* могли называть ‘место, где было селение, ценимое как хозяйственное угодие’³.

Название *деревня Черемошна на речке Дмитровке* является своеобразным нарушением топонимической модели. Очень часто в тексте Писцовой книги в описании Ростовского стана Каширского уезда гидроним и ойконим находятся в своеобразной корреляции, например: «За вдовою за Варварою за Яковлевою женою Леонтьева да за ее сыном за Петром, а Петр 7 лет, с. *Крытово* на рчк. *Крытовке*»⁴, а также *деревня Конановная на речке Конановке*, *деревня Малынь на речке Малыне*, *пустошь Руднево на Рудневском отвершку*, *деревня Жеравна на речке Жеравне* и т. д.

Следует отметить, что, с одной стороны, название *Черемошна* (*Черемошня*, *Черемошенка*) в Окско-Волжском междуречье чаще выступает как название речки или оврага, нежели селения. Например, в описании того же Ростовского стана: «За Иваном за Тимофеевым сыном Солцова, да у него ж мать вдова Окулина, да 3 сестры, да у него ж бабка Марья дер. *Новое Клемово*, на рчк. на *Черемошенке*, что перенесена из *Старого Клемова*»⁵. С другой стороны, *Дмитровка* — не-

---

² Писцовыя книги Московскаго государства / Под ред. Н. В. Калачова. СПб., 1872–1895. Ч. 1: Писцовыя книги XVI века. Отд-ние 2: Местности губерний: Ярославской, Тверской, Витебской, Смоленской, Калужской, Орловской, Тульской. 1877. С. 1335.

³ Словарь русского языка XI–XVII вв. / Отв. ред. С. Г. Бархударов. Вып. 24. М., 1975. С. 45.

⁴ Писцовыя книги Московскаго государства. Ч. 1. Отд-ние 2. С. 1335.

⁵ Там же. С. 1337.

обычный гидроним: названий рек с топоосновой, восходящей к христианскому антропониму, в описании Растовского стана фиксируется немного. Заметим, что скорее всего гидроним был мотивирован не личным именем собственным, а ойконимом, а тот уже был назван по имени первого владельца или первого поселенца.

В описании Растовского стана 1578 г. сразу обращает на себя внимание одна яркая деталь: в нём упоминается огромное количество мелких речек (около 200), которые в XIX веке или исчезли, или потеряли своё название.

Сравним описания Растовского стана 1578 г. и Списков населённых мест Тульской губернии по сведениям 1859 г.

Писцовые книги 1578 г.	Списки населённых мест 1859 г.
дер. Истоминская на р. Березуйке	дер. Истоминка при безымянном ручье
дер. Бровкина на р. Незнани	дер. Бровкина при пруде
дер. Срезнево при рчк. Девуровой	дер. Срезнево при оврагах

Эта особенность была связана с географическим положением данной территории. Л. П. Рупосова, характеризуя особенности гидронимии Зарайского района Московской области, отмечает: «Район располагается на северо-восточных склонах Среднерусской возвышенности и на крыле Московской впадины, переходящем в Воронежское поднятие. Эти географические условия определили ограниченное количество текущих вод региона, которые относятся к бассейнам р. *Осетра*, п. *Оки...*»⁶ Сказанное в полной мере относится и к интересующей нас территории Растовского стана Каширского уезда, находящейся на границе Каширского и Зарайского уездов. Речки XVI в. в этом крае были настолько малы и мелки, что к XIX в. в связи с изменениями климата могли полностью пересохнуть, но тем не менее их названия всё же сохранялись в виде названий оврагов.

⁶ Рупосова Л. П. Балто-славянские гидронимы Подмосковья (Зарайский район) — <http://nenuda.ru/балто-славянские-гидронимы-подмосковья-зарайский-район.html> (дата обращения: 5.12.2019).

Разгадку нарушения устойчивой топонимической модели мы можем найти в монографии Г. П. Смолицкой «Гидронимия бассейна Оки»⁷. Исследовательница описывает «бассейн» речки *Грустынки*, протекающей вдоль деревни *Алферьево* (населённый пункт, соседствующий с деревней *Черемошнёй*) следующим образом: *левый верх Анковой, верх Дмитриев, верх Суходол, отвершек Дмитриев, левый верх Черемошенской (д. Черемошня), левый верх Бобровской, правый проток Дмитриевской и вершина Шебановская*⁸. Можно предположить, помня указания о старом селище, что первоначально деревня *Черемошня* находилась на *верху Черемошенском*. Народный географический термин *верх* может иметь два основных значения: «...верхушка, вершина горы, холма; начало, исток реки. С противоположной семантикой в ряде областей Центральной России, а также в некоторых обл. Украины термин встречается в значениях: “овраг”, “низ”, “глубокая яма”, “балка”, “суходол”, “ущелье”. Иногда дополнительным признаком служит указание на наличие леса или кустарниковых зарослей по склонам этих образований...»⁹ В каком значении здесь употреблен термин *верх*, пока сказать трудно: вполне возможно, что в значении ‘овраг’. Сведения Г. П. Смолицкой помогают воссоздать обычную для этой местности модель номинации: деревня *Черемошня* на *верху Черемошенском*. Потом, по нашему предположению, поселение *Черемошня* было перенесено на другое место — на другой овраг, где находился *проток Дмитровской*, названный в Писцовой книге *речкой Дмитровкой*.

Отметим, что название деревни *Черемошня* было дано по названию оврага, а его название образовано от названия растения *черёмуха*. (Ср. с наименованием современного района

---

⁷ *Смолицкая Г. П.* Гидронимия бассейна Оки: (Список рек и озёр). М., 1976.

⁸ Там же. С. 155.

⁹ *Мурзаев Э. М.* Словарь народных географических терминов. М., 1984 — <http://literature-edu.ru/geografiya/178/index.html> (дата обращения: 5.12.2019).

Москвы *Черёмушки* в начале XVII в.: «пустошь Черемошь на Черемошском враге»¹⁰).

2. С идентификацией названия речки, протекающей около *Дарового* и *Моногарова*, возникают сложности. В настоящее время эта речка в разных источниках именуется двумя разными названиями: и как *Уйна*, и как *Кащейка*, причем каждое из них в свою очередь имеет множество вариантов.

Если всё же *Уйна* и *Кащейка* считаются двумя разными реками, то в этом случае нет единой точки зрения, какая река в какую впадает. Согласно В. И. Полянчеву, «*Уйна (Уйня, Уйма, Унка, Унца, Унна)* — речка, правый приток *р. Незнанка*, протекает возле *Дарового* и *Моногарова*; протяжённость 7,5 км»¹¹.

В «Акте государственной историко-культурной экспертизы научно-проектной документации по сохранению объекта культурного наследия федерального значения “Духосошестввенская церковь, связанная с семьёй Достоевских, и кладбище, где похоронен отец писателя”» от 11 ноября 2019 г. отмечается: «Усадебный комплекс был построен на левом высоком коренном берегу *реки Уйны* (приток *р. Кашейка*)».¹²

Для решения вопроса, какая же река в какую реку впадает, следует обратиться к географическим картам.

Как уже была упомянуто, современная Яндекс-карта речку в *Даровом* и *Моногарове* называет *Кошейкой*.

На «Топографической карте СССР N-37 (А) 1:100000. Московская область. Калужская и Тульская области» 1989 г. речки различаются: однако речка, на берегах которой нахо-

¹⁰ *Поспелов Е. М.* Географические названия Московской области: Топонимич. словарь... М., 2008. С. 595.

¹¹ *Полянчев В. И.* Зарайская энциклопедия. 2-е изд., испр. и доп. М., 2003 — <http://www.zaraysk.net/for-tourist/historyenc/206-historyencp180> (дата обращения: 3.12.2019).

¹² Акт государственной историко-культурной экспертизы научно-проектной документации по сохранению объекта культурного наследия федерального значения «Духосошестввенская церковь, связанная с семьёй Достоевских, и кладбище, где похоронен отец писателя» — <https://gukn.mosreg.ru/download/document/6678578> (дата обращения: 10.12.2019).

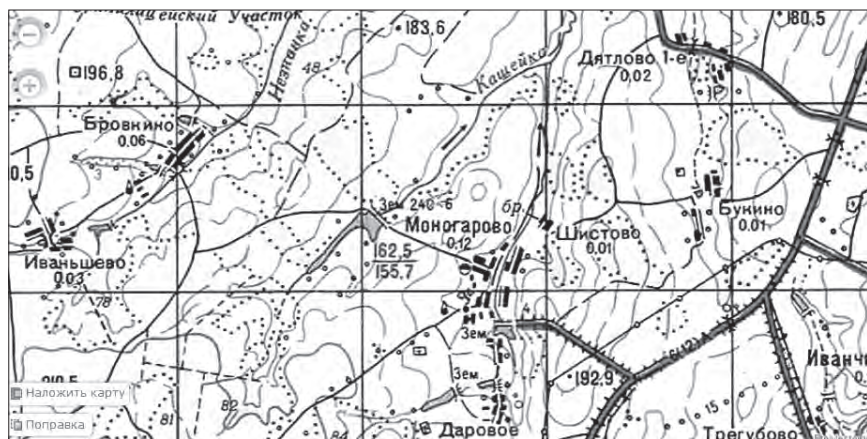

Рис. 2

дятся *Даровое* и *Моногарово*, остаётся без названия, а речка, протекающая в стороне от Дарового и Моногарова, названа *Кащейкой* (рис. 2).

Название *Уйна* обнаружилось на Топографическом межевом атласе Рязанской губернии А. И. Менде 1850 г. Граница между Рязанской и Тульской губерниями проходила близ этих населённых пунктов: село *Моногарово* относилось к Тульской губернии, а деревня *Шистово* — к Рязанской. На карте показано, что речка *Кащеевка* впадает в реку *Уйню* после населённых пунктов *Шистово* и *Пяткина*, в свою очередь *Уйна* впадает в реку *Незнань* (рис. 3).

По данным «Списков населённых мест Российской империи» (по сведениям 1859 г.) *сельцо Даровое* и *село Моногарово* расположены на *речке Уйне*¹³.

Обратимся опять к Писцовой книге Каширского уезда 1578 г. Согласно её сведениям, на реке *Кощейке* находились *деревня Треполь* и *селище Кощеевское*: «За Иваном за Григорьевым сыном *Хотяинцовым дер. Треполь*, на рчк. на *Кощейке*, а в ней пашни паханные добр. земли 33 чети с осм., да пер. 88 четьи с осм. в поле, а в дву потому ж сена по рчк по *Кощейки* по обе

¹³ Списки населённых мест Российской империи. Вып. 44. С. 125 (Моногарово — № 2562; Даровое — № 2563).

Рис. 3

стороны до *Резанского рубежа* и по заполью 200 коп., лесу пашеного 12 дес. Да за ним селище пусто *Коцеевское*; пашни пер. добр. земли 130 четьи в поле, а в дву потому ж, сена по рчк по *Коцйи* по обе стороны до *Рязанского рубежа* 350 коп., лесу пашеного 12 дес., а непашеной лес вопче с *Офонасием* да с *Борисом* с *Булатовыми* в селище в *Озарове* да в *Высоком холму* к *Резанскому рубежу* зад дер. *Олферова*, вниз по рчк по *Грустыне* до *Старого переезду* до *усть врага Дмитрова*....»¹⁴

Названия речки в *Даровом* и *Моногарове* даны по-разному: «За *Юрьем* за *Никитиным сыном Хотяинцова* дер. *Мангарова* на рчк на *Унце*, в ней пашни добр. земли 67 четьи, да пер. 67 четьи в поле, а в дву потому ж, сена по рчк. *Унце* и меж поль 50 коп, лесу пашеного у присады и по врагам 6 дес. во все три поля. Да ему ж придано в оклад против его *Остошские пуст. пуст. Харинская*, в ней 5 мест дворов; пашни пер. и сер. земли 100 четьи, сена 16- коп., лесу пашеного во все три поля 4 дес.»¹⁵

За *Сумароком* за *Григорьевым сыном Хотяинцова* дер. *Доровая*, на рчк. *Унне*...»¹⁶

¹⁴ Писцовые книги Московского государства. Ч. 1. Отд-ние 2. С. 1333.

¹⁵ Там же. С. 1334.

¹⁶ Там же. С. 1336.

Разнобой в написании гидронима *Уйна* в Писцовой книге 1578 г. обусловил предположительную форму подачи у Г. П. Смолицкой в монографии «Гидронимия бассейна Оки» — [Унца?]: р. Унка: р. Унка [Унца, Унец?] р. Унка [Унная?] с. Нечаево Уница, п. р. Синичка, Синцовка»¹⁷. Отдельно от [Унца?] дано описание Кошейки: «р. Кошейка: р. Кашеевка, Щеевка, левый верх Кашеев»¹⁸. У Г. П. Смолицкой эти реки между собой не связаны.

Можно предположить, что разнобой в передаче названия *Уйна* был связан с ошибками писцов: буквы *н* и *и* писались очень похоже, одна ошибка влекла и другую — путаницу букв *н* и *к*, *н* и *ц*.

Л. П. Рупосова предприняла попытку объяснить происхождение зарайских гидронимов *Уница* и *Уйна*: «Наименование р. *Уница* (*Уица*, *Уньца*, *Унцовка*) соотносится с др.-рус. УНЪ. В и.-е. языках — ‘молодой’, ср. лит. *jūnas*. Это — типичный антропологизм: перенос значения с возраста человека на возраст меандрирующей (меняющей русло) реки. Речка в другой местности под Зарайском носит название *Уйна* (*Уйна*, *Унка*, *Уйма*). Здесь скорее можно предположить фонетические трансформации корня, чем принять во внимание указанное В. Далем значение (костром.) «дремучий лес», т. к. Зарайский район является переходной зоной к лесостепи. Речка длиной 7,5 км не может ассоциироваться и со множеством (воды), хотя в соответствии с принципом энантиосемии можно допустить противоположное значение ‘недостаток’ (воды), известное в польском языке»¹⁹. Таким образом, Л. П. Рупосова считает происхождение названия реки славянским.

Нам кажется, что возможно выдвинуть и другие версии происхождения названия *Уйна*: обязательно надо посмотреть, а есть ли еще подобные названия на карте России или других

¹⁷ *Смолицкая Г. П.* Гидронимия бассейна Оки. С.155.

¹⁸ Там же. С. 155.

¹⁹ *Рупосова Л. П.* Балто-славянские гидронимы Подмосковья: (Зарайский район) — <http://nenuda.ru/балто-славянские-гидронимы-подмосковья-зарайский-район.html> (дата обращения: 5.12.2019).

стран. Гидроним *Уйна* часто встречается на Дальнем Востоке, на Урале: река *Уйна* Амурского бассейна, река *Уйна* в Перми.

Но заметим, что название реки *Уйна* зафиксировано и в европейской части России — на юге, около г. Сужды (сейчас этот город находится в Курской области). В «Описании ново-построенного города Суджи» 1665 г. обнаруживаются такие сведения: «Из-под той же татарской сакмы из-под верховья речки Олешенки и Локвы вышла *речка Уйна* и впала в речку Псел ниже города Суджи с сумской стороны от города в 5 верстах»²⁰. В этом описании перечисляются притоки рек *Суджи* и *Псела*. Удивительно, что сейчас в перечне притоков *Псела* нет реки *Уйны*: или она действительно была маловодной и пересохла или изменила к настоящему времени своё название.

Несмотря на то, что происхождение гидронима *Уйна* уже было предметом исследования, нельзя сказать, что этот вопрос окончательно решен. Нам кажется, что можно предположить и тюркскую этимологию. *Уен* по-татарски значит ‘игра’²¹. Если в описании Растовского стана Каширского уезда присутствуют такие гидронимы как *Гремушка*, *Вертелка*, то почему бы не быть речке *Игра*? Л. П. Рупосова упоминает, что «Г. П. Смолицкая уверенно говорит о тюркско-славянских языковых контактах на правобережье Оки, но, по нашим материалам, на Средней Оке они ограничены, хотя с XV в. здесь получали земли касимовцы, перешедшие на службу к московским правителям»²².

²⁰ Сборник Харьковского ист.-филолог. общества : Т. [1]–21. Харьков, 1886–1914. Т. [1]: Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства (Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губернии) в XVI–XVIII столетии, собр. в разных архивах и редактиров. Д. И. Багалеем. 1886. С. 48.

²¹ Татарско-русский большой словарь — <http://tatar.com.ru/dict/u.php> (дата обращения 5.12.2019).

²² Рупосова Л. П. Балто-славянские гидронимы Подмосковья: (Зарайский район) — <http://nenuda.ru/балто-славянские-гидронимы-подмосковья-зарайский-район.html> (дата обращения: 5.12.2019).

---

3. Теперь перейдем к рассмотрению истории бытования гидронима *Кащейка*. Он имеет ожидаемый вариант *Кащеевка* и немного необычный — *Кошейка*, который воспринимается как ошибочный в результате путаницы букв *щ/ш*.

Т. И. Кондратова зафиксировала народную этимологию этого названия: «речка *Кощейка* тоже названа не случайно (вода “синяя-синяя, холодная, мёртвая, кошеева”)²³. По-видимому, жители *Дарового* связывают гидроним с именем сказочного героя. Как уже было сказано, именно *Кощейкой* река названа в публикации 1877 г. Писцовой книги Каширского уезда 1578 г. Всё это вроде наталкивает на мысль, что вариант *Кошейка* появился из-за ошибки.

Но оказалось, что вариант *Кошейка* появился не в конце XX в. из-за небрежности работников Яндекса — его употребление имеет давнюю историю.

Территория, на которой находились *Даровое*, *Черемошня* и *Моногарово*, когда-то входила в состав Рязанского княжества.

А. В. Дедук подробно описал события, в результате которых земли Растовского стана перешли от Рязанского княжества к Московскому²⁴.

Московский князь Василий II (Василий Тёмный) был опекуном будущего рязанского князя Василия Ивановича. «Своеобразной расплатой за воспитание в Москве рязанского князя Василия Ивановича стала купля московским князем рязанских земель. Сама купля произошла между 1456–1462 гг., но впервые купля упоминается в московско-рязанском докончании 1483 г. <...> Таким образом, под рязанской куплей Василия Тёмного следует понимать передачу территориального массива

---

²³ Кондратова Т. И. Даровое: современные легенды и мифы // Летние чтения в Даровом: Материалы междунар. науч. конф. 27–29 авг. 2006 г. / Сост. В. А. Викторovich. Коломна, 2006. С. 133.

²⁴ Дедук А. В. «Рязанская» купля Василия Тёмного: Границы и территория, судьба в составе Моск. княжества во второй половине XV — начала XVI вв. // *Studia historica Europae orientalis* — Исследования по истории Восточной Европы: Науч. сб. Вып. 5. Минск, 2012. С. 143–170.

или городских центров от одного великого княжества другому (вероятно, за некую денежную сумму), повлекшую за собой отмежевание земель купли от остальной территории Рязанского княжества или же передачу права сбора налогов на данной территории с последующим её вхождением в Московское княжество»²⁵.

На рубеже XV–XVI вв. формируется Каширский уезд, в состав которого входил Растовский стан. А. В. Дедук проследил, как обозначается граница между Рязанским княжеством и Каширским уездом в разных документах в XVI–XVII вв.: «Межевая книга Каширского уезда 1673 г. <...> показывает нам следующую границу Каширского и Рязанского уезда: р. Ока — р. Смедва — р. Песочна — д. Иванышева — Шалычиный «боярак» — Козлов буерак — *Кашеев верх* — *р. Кошеевка* — Сорочий буерак — р. Унка — Шабалов буерак — р. Грустыня — Сушицкий проток — р. Сушица — Чёртов ручей — Медвежьев лес — р. Зувня — р. Лошатовка — р. Осётр — р. Бокша...

А вот какую восточную границу Зарайского уезда рисует Генеральный план 1790 г.: р. Большая Смедва (начало границы с Каширским уездом) — р. Песочня — овр. Шелычино — Казлов верх — *Кашеев верх* — *р. Кошеевка* — р. Грыстынка — р. Сушица (к северу от неё заканчивается граница с Каширским уездом, начинается граница с Венёвским) — Чёртов верх — Зувков верх (заканчивается граница с Венёвским уездом, начинается граница с Михайловским уездом) — р. Осётр. Таким образом, граница осталась та же, однако часть южных территорий Каширского уезда, скорее всего, отошла к Венёвскому уезду. Граница по «купле» совпадает с границами уездов XVII–XVIII вв.»²⁶

Итак, можно увидеть, что в двух документах зафиксировано четыре написания с буквой *ш*: *Кашеев верх*, *р. Кошеевка*, *Кашеев верх*, *Кошеевка*.

---

²⁵ Там же. С. 144

²⁶ Там же. С. 147–148.

Однако можно увидеть другое написание гидронима при обозначении той же границы: в 1915 г. в нескольких выпусках Рязанских епархиальных ведомостей была опубликована статья Н. Левицкого о границах Рязанской епархии в патриарший период²⁷. В данной статье граница со ссылкой на писцовые книги г. Переславля Рязанского за 1672–1674 гг. обозначена так: «Гораздо труднее теперь провести границу Рязанской епархии на западе с уездами Каширским и Венёвским Коломенской епархии. Эта граница шла по р. Смядве от её устья до р. Песочни (рязанская земля налево) по р. Песочне до её верховья, отсюда Шельгиным боераком у деревни Гремячевой (Зарайского уезда) к Козлову боераку, где стояли столб, дуб; отъ этого боерака к Сизмову ручью и ручьем этим до Незнани. Продолжением границы служили: суходол с вязом в реке *Кощейке*, р. *Уйна*, р. *Грустынка*, суходол к Осетру, река Осетр до устья р. Полосны»²⁸. Заметим, что название реки пропечатано плохо, но всё же это скорее *Кощейка*, нежели *Кошейка*. Но опять же название *Кощейка* присутствует в ссылке на средневековый источник в статье начале XX в.

Итак, на данном этапе исследования можно указать на вариативность названия — *Кощейка* / *Кошейка*, и пока вопрос о первоначальной его форме следует считать открытым.

Предварительно можно предположить, что форму *Кошейка* можно соотнести с такими названиями рек как *Большая* и *Малая Коша* в Тверской области, для второй части которых предполагают «финскую топооснову с неустановленной этимологией»²⁹.

---

²⁷ *Левитский Н.* Пределы Рязанской епархии в патриарший период // Рязанские епархиальные ведомости. 1915. № 18. С. 716–721; № 19. С. 752–756; № 20. С. 790–794; № 22. С. 854–859; № 23. С. 896–900.

²⁸ Там же. № 20. С. 791.

²⁹ *Воробьев В. М.* Тверской топонимический словарь: Названия населённых мест. М., 2005. С. 43.

Вариант гидронима *Кащейка*, возможно, был мотивирован ойконимом (*Кащеевское селище*), а ойконом назван по некалендарному имени собственному *Кащей*, которое было весьма обычно для ономастикона Древней Руси, встречается в новгородских берестяных грамотах³⁰.

4. И наконец, существует ещё один сюжет, связанный с ареалом *Дарового* и очередной пропавшей речкой.

В «Платёжной книге города Зарайска да станов Перевицкого, Ростиславского, Моржевского, Кобыльского, Пониского и Старорязанского по письму и мере Василия Яковлевича Волинского да Ивана Афанасьевича Нащокина 1594–1597 гг.» в описании Ростиславского стана можно прочесть следующее: «Города Николы Зараского за розсылщиками за Федькою да за Тимохою за Клементьевыми детьми Подобедова, да за Кондрашомъ за Никитинымъ сыном, да за Борискомъ за Степановым сыном, да за Кирилкомъ за Ивановым сыном Немитовского *д. Моногарева* живущая да в дву пустошах по жеребью, в живущем четвертные пашни 4 ч., а в пуге и с наезжею пашнею пол полчети и пол-пол-полтрети сохи, и не дошло 3 ч. съ третникомъ пашни»³¹.

Согласно «Словарю русского языка XI–XVII вв.», *рассылщик* — ‘должностное лицо, посылаемое с поручениями в отъезд’³² Эта должность появляется в XVI в. Как связаны *деревня Моногарово* на *речке Уйне*, принадлежащая Юрию Никитичу Хотяинцову, и *деревня Моногарева*, владельцами которой были рассылщики города Зарайска?

---

³⁰ *Поспелов Е. М.* Географические названия Московской области... С. 304: Ср. с упоминанием человека вел. кн. московского по имени Кощей (*Зализняк А. А.* Древне-Новгородский диалект. 2-е изд., перераб. М., 2004. С. 49, 205, 456, 674, 750).

³¹ Писцовыя книги Рязанскаго края. XVI век / Под ред. В. Н. Сторожева. Рязань, 1898–1904. Т. 1. Вып. 1. 1898. С. 194.

³² Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 22. 1975. С. 75.

³³ См.: *Антилогов Г. Н.* Рязанская приправочная писцовая книга конца XVI в. М., 1982.

Больше сведений о таинственной деревне и её владельцах можно найти в Рязанской приправочной писцовой книге 1594–1597 гг.³³, где имена николевских (микольских) россыльщиков упоминаются неоднократно: «Л. 319 об. Города Николы Зарайского за россыльщики за Федькою, да за Тимохою за Клементьем детьми Подобедова, да за Кондрашкою за Микитиным сыном, да за Бориском за Степановым сыном, что было за прежними россыльщики жеребий пустошь, что была *деревня Лазарево на речке на Селесне*, да в той же пустоши жеребий за Домашним за Крюковым...»³⁴

«Л. 320 Да за Федькою, да за Тимохою за Клементьем детьми Подобедова отца их поместья да за Борисом за Степановым сыном, что был за Федькой за Близнецовым да за Кондрашком за Никитиным сыном, что было за Степаном за Носовым, *деревня Моногирева на Селенских верхах*, а в ней пашни паханные добрые земли 4 чети да перелогом 30 чети в поле, а в дву потому ж сена меж поль и по врагам 25 копен, лесу непашеного присады 4 десятины, да лесу же непашеного по заполью 20 десятин»³⁵.

В данном тексте интересующая нас деревня названа несколько по-другому — *Моногирева*, но это явно вариант *Моногарова / Моногарева*. И здесь упоминается еще одна река — *Селесна*, и *деревня Моногирева* фиксируется на её верхах, т. е. на её истоке.

Какие ещё населённые пункты связаны с этой рекой? В этой же приправочной платежной книге обнаруживаем: «Л. 286 об. *Дер. Дятловы на речке на Селезне...*»³⁶; «Л. 300 За Шестаком за Васильевым сыном Чаплыгина жеребий *дер. Пяткины на речке на Селесне...*»³⁷

Если посмотреть на нынешнюю карту, то можно увидеть, что населённые пункты *Дятлово*, урочище *Лазарево* находятся

---

³⁴ Там же. С. 166.

³⁵ Там же. С. 166.

³⁶ Там же, С. 154.

³⁷ Там же, С. 159.

Рис. 4

в непосредственной близости к *Моногарову* (рис. 4).

Встаёт вопрос: что же это за таинственная деревня *Моногарева* Ростилавского стана Рязанского княжества, которая должна находиться буквально в нескольких сотнях метров от деревни *Моногарово* Растовского стана Каширского уезда?

Единственное, что мы сейчас можем сказать: она находилась на *Селенских верхах* — предположительно на истоке реки *Селесны*, которой сейчас нет.

Гидроним *Селесна* особый: это балтизм. Его происхождение было исследовано Л. П. Рупосовой: «Обращение к форме и семантике гидронимов Зарайского района показало ограниченное число “схождений” (термин В. Н. Топорова) финнизмов и индоевропеизмов, что является особенностью территории севернее Оки, когда народы из разных языковых семей связывали с фонетически подобными лексемами разные понятия (т. е. речь не идёт о заимствовании). Это могло быть результатом прихода нового населения на уже освоенные другими территории и восприятия чужого слова по аналогии со своим. “Схождения” Подмосковья в последние годы все чаще интерпретируются в гидронимике как балтизмы; ср. р. *Москва*, р. *Ока* и т. д. В на-

---

шем материале для имени р. *Селисна* можно предложить сравнения со слав. “сила”, с лит. *selėti* — “течь” (предпочтительно), р. *Selenelių* или лит. *šilas* — “сосновый лес” / р. *Silina*, но следует принять во внимание также мокш. *сяли/эрз. селей* — “вяз”, фин. *sala* — “остров”»³⁸.

Л. П. Рупосова отмечает, что чужое балтийское название *Селесна* в Зарайском районе подвергается народной этимологизации: «Чужое название *Селисна* переделано в *Селезенка* (через *Селесенка*)»³⁹.

Таким образом, где-то в окрестностях *Моногарово* следует искать следы ещё одной речки — *Селесны*, название которой имеет или балтийские или угро-финские корни, и следы ещё одного поселения — деревни *Моногаревой* зарайских рассыльщиков.

Итак, предварительное исследование особенностей гидронимии ареала *Дарового* показывает, что в XVI–XVIII вв. гидронимов было больше, чем сейчас (*речка Дмитровка*, *речка Селесна*); топоосновы восходят к разным языкам (*Селесна* — балтийского или угро-финского происхождения, *Дмитровка* — греческого); каждое название представлено в виде множества вариантов.

Сопоставление данных исторических источников и данных современных опросов местных жителей, новых карт показывает, что гидронимическая система окрестностей *Дарового* была подвержена изменениям; это привело к пересыханию и исчезновению речек, а затем и их названия ушли из активного употребления и из памяти жителей данной местности.

---

³⁸ Рупосова Л. П. Балто-славянские гидронимы Подмосковья (Зарайский район) — <http://nenuda.ru/балто-славянские-гидронимы-подмосковья-зарайский-район.html> (дата обращения: 5.12.2019).

³⁹ Там же.

II

В. С. Листов

ПОЛЬСКИЕ СТРАНИЦЫ «ИСТОРИИ ПЕТРА» А. С. ПУШКИНА

«История Петра» — самый длинный автограф Пушкина. Это конспект первых восьми с половиной томов многотомного труда И. И. Голикова «Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России...»¹, созданный Пушкиным в 1834–1835 гг. Конспект выполнен в русле работы поэта над официальным заданием, полученным в 1831 г. от Николая I: написать биографию первого российского императора. Этому конспекту посвящена обширная и полная противоречий литература, которая останется за пределами нашей работы. Отметим только, что в пушкинской конспективной «Истории Петра», по нашим подсчётам, около одной трети лексического состава текста отсутствует у Голикова и, следовательно, принадлежит Пушкину².

¹ *Пушкин А. С.* Полное собр. соч.: В 17 т. М.; Л., 1937–1959. Т. X. С. 1–297. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте в круглых скобках с указанием только номера тома и страницы.

² См.: *Листов В. С.* От составителя // Пушкин А. С. История Петра. М., 2000. С. 54. Далее ссылки на это издание приводятся в основном тексте в круглых скобках с обозначением И. П. и указанием номера страницы.

Это обстоятельство повышает статус конспекта, делает его отчасти произведением авторским, творческим.

Насколько нам известно, польские страницы пушкинской «Истории Петра» никогда и никем отдельно не рассматривались.

Вслед за Голиковым Пушкин не даёт связного очерка русско-польских отношений в первой четверти XVIII столетия. Это не его задача, не задача биографа Петра I. Однако, уже на первой странице «Введения» поэт-историограф подчёркивает, что к началу царствования будущего императора Россия «склонна к Польше, уже обессиленной, неприязненна к Швеции, усиливающейся год от года» (И. П., с. 57). Это один из основных мотивов Северной войны (1700–1721). Участие Польши в этой войне хотя и фрагментарно, но всё же прослеживается по пушкинским страницам.

В основном корпусе конспекта можно выделить три основных точки зрения, три основных аспекта обсуждения связанных с Польшей исторических событий и характеров.

1. Точка зрения главного героя документального повествования — Петра I. Она определяется историческими источниками, использованными Голиковым и Пушкиным.

2. Точка зрения Голикова, писавшего свой труд на исходе XVIII в., — во время и после разделов Польши.

3. Точка зрения Пушкина, конспектирующего труд Голикова после поражения восстания польских патриотов в 1831 г.

Понятно: это разделение условно, так как изложение взглядов Петра I и его апологета Голикова всё равно в данном случае принадлежит Пушкину.

I

На протяжении всего конспекта — а это свыше 30 печатных листов — Польша ни разу не названа *иностранной* державой, «чужими краями», «заграницей». Вряд ли это случайность. Традиция считать славян *своими* восходит ещё к Киевской Руси и, видоизменяясь, доживает до XVIII–XIX столетий.

Например, во времена наполеоновских войн русский полководец М. И. Кутузов не стеснялся называть поляков русскими, полагая, что он этим повышает статус западных соседей. Видимо, Пётр I, по Голикову и Пушкину, придерживался подобных же взглядов.

Единство судеб обоих народов без труда прослеживается на страницах конспекта. Роль союзников в Северной войне предопределена не только политическими интересами держав, но и глубокой культурно-исторической традицией. Скажем больше. Под пером Пушкина возникает любопытная симметрия исторических путей.

Начало XVII в. отмечено глубоким кризисом Московского царства, «Смутным временем», в котором польское вмешательство играет одну из основных ролей. Пушкин прекрасно знает — по Голикову и по другим авторам — что Россия времён «смуты» разделена на сторонников поляков и их противников. Сторонники поддерживают сначала самозванцев, а затем и прямо польского королевича Владислава как кандидата в русские цари. Польские войска оккупируют земли восточного соседа. Ровно век спустя ситуация в точности повторяется — только с переменной цветов. Глубокий политический кризис настигает теперь Польшу. В условиях Северной войны Пётр I вводит войска в её земли. Пушкин прослеживает глубокий раскол польского общества. Россию и Петра I поддерживают король Август II и Сандомирская конфедерация, а антирусскую позицию занимают Станислав Лещинский и Варшавская конфедерация. В разгар этого противостояния прорусская часть польского общества готова была признать польским королём русского царевича Алексея, сына Петра I. Вот конспективная запись Пушкина по этому поводу:

«Междуцарствие объявлено 11 июля <1707 г.>.

Тогда разнёсся слух, будто бы Пётр назначает сына своего в Польские Короли; Пётр тогда же отослал его в Москву» (И. П., 154).

Русский царевич так же не был коронован в Польше, как

веком раньше «венец и бармы Мономаха» не достались королевичу Владиславу.

Пушкин постоянно подчёркивает, что в Северной войне Пётр I не ставил перед собой задачи территориальных приобретений в Польше или изменения её политического устройства. Царь, по Пушкину, желал только выхода к Балтийскому морю: сами по себе внутренние дела славянских союзников его не слишком волновали. Среди распоряжений Петра I Пушкин приводит положение, принятое царём на случай, если его войскам придётся вторгнуться с польские пределы.

«Войску под смертной казнию запрещено жителей обижать» (И. П., 129).

На переломе войны, в 1715 г., Пётр I подтверждает эту свою позицию в письме к Б. П. Шереметеву: *«чтоб он Поляков старался как можно больше щадить, не приводя их в ожесточение»* (И. П., 250).

К середине 30-х годов XIX века, когда это было внесено в конспект, Пушкин не питает иллюзий по поводу какого-то особого гуманного отношения царя к полякам; поэт понимает, что монарх просто дорожит союзными отношениями с Речью Посполитой — потому и требует население дружественной страны не обижать.

Вместе с тем, Пушкин прослеживает и постоянное сомнение Петра I в союзнической верности поляков, в особенности в верности саксонского короля Августа II, сидящего на польском престоле. Под 1709 годом поэт помещает в свою рукопись блестящий психологический этюд. Август, изменивший русским и перешедший на сторону шведов, после Полтавской виктории россиян возвращается к прежнему союзнику, оставляет Карла XII и переходит снова к Петру I. Первая встреча царя и польского короля происходит под городом Торунь. Вот как она записана Пушкиным:

«Король при встрече с царём смутился и изменился в голосе и в лице. Пётр, поздравляя его, сказал ему, что прошедшего поминать не должно, что он знает, что за необходимость

заставила короля поступить вопреки собственной пользы; но между тем Пётр имел на себе ту самую шпагу, которую Август подарил Карлу XII» (И. П., 179).

Шпага Августа, ещё недавно обнажаемая Карлом против Петра I, становится пронзительной, едва ли не кинематографической деталью, образным эквивалентом отношений между тремя монархами. Заметим попутно, что словарный состав этого места пушкинского конспекта существенно (почти наполовину) отличается от лексики Голикова. По существу, перед нами оригинальный текст поэта.

Таких примеров именно на польском материале в пушкинской «Истории Петра» — немало

II

Мы уже говорили о том, что И. И. Голиков сочинял свой многотомник как раз в ту эпоху, которая была отмечена тремя разделами Польши и постепенной утратой польской независимости. Понимание этой перспективы европейской истории для времени Петра I в конечном счёте прочитывается в голиковских «Деяниях...» Историограф неустанно подчёркивает черты краха Речи Посполитой, противопоставляет ей «нормальные», с его точки зрения, монархические державы. Вслед за Голиковым этот же самый путь Польши к потере независимости прослеживает и Пушкин. Так, под 1715 годом он вносит в конспект следующую запись:

«В Польше вспыхнуло возмущение, коему поводом были утеснения, чинимые Августом, и самовольные сборы, им налагаемые для продовольствия Саксонских войск. Пётр спешил предупредить междуусобие, писал к <...> Августу, советуя ему умеренность etc.

*Пётр в сем случае заступился за **вольности и Конституцию Польши**, но междуусобия не прекратились» (И. П., с. 249).*

Простодушный Голиков, конечно, не замечает весьма парадоксальной ситуации: русский самодержец почему-то наста-

---

ивает на ограничении королевской власти и заинтересован в поддержании польских вольностей. С точки зрения Пушкина парадокс объясняется просто: царь видит в Польше военного союзника, а поэтому стремится избежать — уж во всяком случае на время войны — каких бы то ни было социальных потрясений, ослабляющих общий фронт борьбы против шведов.

С юных лет — в семье, в Лицее, в обществе — Пушкин привыкает к общему суждению: Польша погибла потому, что не управлялась спасительным самодержавием, а разрушалась противоречиями, свойственными аристократической республике. Однако, такой взгляд уже к середине 10-х годов не был всеобщим. Пушкин не разделял его вместе с либералами, будущими декабристами. Республиканские общественные ценности — в том числе и польские — несомненно волнуют душу молодого поэта. Да и как могло быть иначе, если Польша ещё в 1807 году провозгласила освобождение крестьян от крепостной зависимости, а русский император Александр I 27 ноября 1817 года подписал Конституцию Королевства Польского, формально гарантирующую парламент (сейм) и основные права личности? Следующие полтора десятилетия русские либералы дожидались от императорской власти распространения польских законов на Россию — от Смоленска до Аляски. Не дождались. Уже тогда на обоих языках звучала горькая шутка: «Польша есть развитая колония слаборазвитой страны».

Читая и перечитывая Голикова, Пушкин имел много случаев убедиться в цивилизационной роли Польши по отношению к России ещё на рубеже XVII и XVIII столетий. То сестра Петра царевна Софья намеревается бежать в Польшу от русского варварства (И. П., 76, 78); то Пётр I отправляет молодых русских дворян на учение в Польшу (И. П., 84–85); то на русскую службу принимаются польские мастера для суконных фабрик (И. П., 112). Таких примеров огромное множество.

С этими и подобными историческими впечатлениями Пушкин и подошёл к рубежу двадцатых–тридцатых годов.

III

Понятия о культурном лидерстве западного соседа были тогда достоянием немногих русских, в основном — просвещённой части дворянства. Простой народ относился к полякам с известным недоверием — тому способствовали их католическая вера и их участие в нашествии Наполеона на Россию. Глубокие исторические корни этого противостояния Пушкин находил и в фактах петровской эпохи. Под 1708 годом у Голикова поэт нашёл текст, посвященный восстанию Кондратия Булавина, и изложил его в конспекте следующим образом:

«Кондратий Булавин /.../ взбунтовал весь Дон...

Булавин издал возмутительное воззвание /.../ и, муча офицеров Кн. Долгорукова, сказывал, что идет в Москву и Польшу для побиения бояр и немцев. (И. П., 159).

В том, что бунтовщики-булавинцы видели всё зло в боярах и иноземцах, ничего удивительного не было. Особого внимания требуют только направления мужицкого похода — Москва и Польша. Тем самым народное сознание тоже отказывалось проводить границу между Московией и Польшей, между правящей европеизированной элитой обеих стран.

Пушкин начал заниматься историей Петра I в 1831 году, сразу после поражения восставших польских патриотов. Опыт событий 1830–1831 гг. неизбежно должен был присутствовать в сознании поэта, изучавшего события более чем столетней давности. Корни булавинского неразличения двух славянских племён следовало искать в пластах народного сознания, сложившихся ещё в глубине веков. Польско-литовская сторона издревле воспринималась как близкие, родственные пределы. Отсюда, например, в «Борисе Годунове» у Пушкина — реплика бродяги-чернеца Варлаама: «Литва ли, Русь ли, что гудок, что гусли: всё нам равно...» (VII, 28)

Это традиционное неразличение славянских земель Пушкин наблюдал и в разгар польско-русского противостояния. Восстание 1830–1831 гг. не замкнулось в границах Царства

Польского, а выплеснулось и в западные пределы империи. Здесь едва ли не полное повторение — только с обратным знаком — устремлений булавинцев, русских повстанцев в начале XVIII в. Здесь поэт мог оценить одну из граней актуальности своих исторических занятий.

Мысль Пушкина в этом направлении шла и дальше. Поэт-историограф отчётливо видел не только родственное сходство культур двух народов, но ещё и сходство тех исторических поворотов, которые совершила Россия Петра I и — век спустя — Россия Николая I. Как раз российско-польские отношения в 20-30-х годах XIX века в этом отношении весьма показательны.

Пушкин, как известно, стоял за то, чтобы выступление польских инсургентов было как можно скорее подавлено. Надо ли напоминать стихотворения «Клеветникам России», «Бородинская годовщина (оба — 1831), многочисленные анти-польские мотивы в переписке поэта, в его разговорах с друзьями и недругами? Всё это хорошо известно и нередко воспринимается как воинственный национализм. Пушкинская полемика с Петром Вяземским и Адамом Мицкевичем издавна удручала либералов и радовала реакционеров и шовинистов. Но, на наш взгляд, дело обстоит не так просто. И убеждает в этом — среди других аргументов — как раз обращение к историческим штудиям поэта. На рубеже 20-30-х годов Пушкин ещё питает вполне понятные иллюзии насчёт перспективы реформ, ожидаемых от молодого государя Николая Павловича, проводит кажущуюся ему верной параллель между реформами Петра I и преобразованиями царствующего императора. Во всяком случае, Пушкину хорошо известно, что 6 декабря 1826 г. царь специальным рескриптом на имя графа В. П. Кочубея повелел учредить секретный комитет. В задачу комитета входила подготовка проекта реорганизации государства Российского. Речь шла о решительных шагах к отмене крепостного права, к ограничению влияния бюрократии, к расширению прав представительных учреждений³.

---

³ Подробнее об этом см.: *Листов В. С.* Новое о Пушкине. М., 2000. С. 292–206.

К весне 1830 г. Комитет «6 декабря» завершил работу над проектом. На это событие Пушкин откликнулся в письме к П. А. Вяземскому от 18 марта 1830 г.: «Государь, уезжая, оставил в Москве проект новой организации, контр-революции Революции Петра. Вот тебе случай писать политический памфлет, и даже его напечатать, ибо правительство действует или намерено действовать в смысле Европейского просвещения. Ограждение дворянства, подавление чиновничества, новые права мещан и крепостных — вот великие предметы. Как ты? Я думаю пуститься в политическую прозу»⁴.

В следующем, 1831 году это желание содействовать реформам и приведёт Пушкина к возвращению в государственную службу, к занятиям официальной «Историей Петра». Поэт ожидал благих перемен и наивно полагал, будто его служба содействует «европейскому просвещению» в России.

Однако, Николай I оказался слабым, нестойким реформатором. Июльская революция во Франции, а особенно восстание в Польше, убедили его в том, что время для реформ ещё не пришло. Император потерял интерес к проекту «6 декабря», уже, было, им одобренному. Следя за событиями на политической сцене, Пушкин с ужасом видел: чем успешнее наступают польские инсургенты, тем меньше остаётся шансов для реформ, для государственных преобразований в России. В декабрьском (1830) письме к Элизе Хитрово он с горечью пишет: «Что за год, что за события! Известие о Польском восстании меня совершенно перевернуло... Начинаящаяся война будет войной до истребления — или по крайней мере должна быть такою. Всё это меня очень печалит <...>. Россия нуждается в покое»⁵.

Именно тогда Пушкиным и овладевает безумная идея: если быстро подавить польских патриотов, то реформы можно ещё спасти. Увы... Ход событий не оправдывает этих надежд. Вместе с взятием Варшавы коронными войсками дух реформ испаряется, император совершенно теряет вкус к каким бы то

---

⁴ Пушкин А. С. Письма / Под. Ред. Б Модзалевского. Т. 2. М., 1928. С. 77

⁵ Там же. С. 121–122.

ни было преобразованиям; Комитет «6 декабря» он тихо распускает уже в следующем, 1832 году⁶.

..Через два года, в 1834-м, придворный историограф Пушкин начнёт подробно изучать многотомник И. И. Голикова. В конспекте этого труда так или иначе отразились многие стороны жизненного опыта Пушкина — в том числе, конечно, и его трагические впечатления от недавнего польского восстания. Прослеживая сложные, противоречивые отношения России и Польши в начале XVIII в., поэт не мог не видеть ясной аналогии: и тогда, и теперь польские земли оккупировали не просто русские войска, но войска России, начинающей реформы. И это обстоятельство не могло быть нейтральным во взаимоотношениях двух стран. Трудности с Польшей, в конечном счёте, не помешали преобразованиям Петра I, но сделались непреодолимым препятствием для реформ Николая I.

Размышления Пушкина на эти темы оказались весьма существенными в пространстве русской общественной мысли. Именно поэту, а не историкам и социологам, удалось впервые поставить острый, пронзающий целые века вопрос: должен ли угнетённый народ браться за оружие, если угнетающая его держава уже вступила в пору реформ, в пору социальных и национальных преобразований? Или этот угнетённый народ только выиграет, если пройдёт медленный, но мирный путь эволюции вместе с державой, уже готовой в перспективе признать его свободу и независимость? Эта проблема, когда-то осознанная Пушкиным на материале истории Польши и России, не решена и до сих пор. Её черты отчётливо выступают у нас на Кавказе, в Молдавии, в других национальных регионах бывшей советской империи.

Как и полтора века назад, этот вопрос и сейчас не имеет ясного ответа.

---

⁶ См.: *Архипова Т. Г.* Секретный комитет 6 декабря 1826 г. // Труды Моск. гос. ист.-архив. ин-та. Т. 20. М., 1965. С. 236.

И. С. Юхнова

МОТИВ ОХОТЫ В ТВОРЧЕСТВЕ А. С. ПУШКИНА

Охота — одна из древнейших форм взаимодействия человека с природой. Исследователи, говоря об архетипической сути охоты, как это ни парадоксально, указывают на её альтруистическую сущность. Ведь главной задачей охотников было накормить племя, род, спасти его от голода. Также отмечается, что охота имела важное цивилизационное значение, так как именно охотники открывали новые территории, учились выживать в тяжёлых природных условиях, побеждать сильного, мощного зверя. А для этого — изобретали или усовершенствовали оружие, средства передвижения, придумывали технические приспособления для ловли животного. Попутно возникали и ритуалы, которые должны были «обеспечить» успешную охоту.

Занятие охотой, когда-то позволявшее человеку выжить, постепенно превратилось в развлечение, но от этого не утратило своей архаической сути, когда в противостоянии сходились охотник и его жертва и между ними шел напряжённый поединок¹. Всё это позволило А. Ф. Лосеву назвать охоту

---

¹ Постепенно понятие «охоты» стало приобретать метафорическое обозначение и переместилось в сферу межличностных (когда речь шла о любовном завоевании) или социальных отношений («охота на ведьм», «охота за головами» и пр.).

«символом всей человеческой жизни»². То, как подобные архаические глубинные смыслы охоты актуализируются в литературном произведении, показал С. Г. Бочаров, подробно разобравший смысл эпизода охоты в романе Л. Н. Толстого «Война и мир»³. В целом же, в русской литературе существует обширный пласт произведений об охоте и охотниках, но, как замечает В. А. Кошелев, это всё литература второй половины XIX века. Он пишет: «Кажется довольно странным: писатели предшествующего поколения были как будто далеки от этого увлечения. Нам трудно представить с ружьём за плечами или с удочкой в руках Жуковского или Батюшкова, Пушкина или князя Вяземского, Лермонтова или Гоголя»⁴. На самом деле, сведений об увлечении охотой Пушкина почти нет. Одно из немногих воспоминаний – свидетельство болдинского крестьянина Михея Сивохина: «Однажды Александр Сергеевич был на охоте в Кистенёвской роще...»⁵ При этом ни о каких охотничьих успехах в нём речь не идёт: у Пушкина сильно промёрзли ноги, Михей нагрел воды, Пушкин загадал загадку про попадью, произнёс реплику про ноги, которые по указке царя исходили все дороги, а теперь в Болдине оказались на свободе. Но какой была эта охота? На кого? Этому память Матвея Сивохина не сохранила.

Однако охота была частью повседневной дворянской усадебной культуры, а потому без эпизодов охоты в своих произведениях Пушкин обойтись не мог. И это действительно эпизоды, охота никогда не становится у него самостоятельным предметом изображения, центральным сюжетным событием. Но от этого её роль не менее существенна. В ряде произведений упоминание об охоте создаёт значимые подтексты, вторые

---

² Лосев А. Ф. Охота как символ платонического учения об идеях // Лосев А. Ф. История античной эстетики: Высокая классика. М., 2000. С. 295.

³ Бочаров С. Г. Роман Л. Толстого «Война и мир». М., 1987. С. 20–33.

⁴ Кошелев В. А. Эффект охотника в русской словесности середины XIX века // И. С. Тургенев: Исслед. и новые материалы. Вып. 1. СПб., 2009. С. 96.

⁵ Предания и песни Болдинской старины. Горький, 1980. С. 16.

планы, как бы подсвечивает основное событие, придавая ему дополнительные смыслы, выявляя его истинную подоплеку.

В каких произведениях Пушкина упоминается охота?

Безусловно, в тех, где изображается провинциальный дворянский быт: «Граф Нулин», «Барышня-крестьянка», «Дубровский». Там, где у помещика появляется досуг, возможность для праздного времяпрепровождения. Это жизнь не просто на «природе», но в соответствии с её ритмами и циклами.

Охоте с увлечением предаются помещики, осевшие в своих провинциальных имениях, выйдя в отставку. У таких героев-охотников Пушкина за плечами — военная служба. Поэтому охота для них — дань военному прошлому, реализация потребности еще раз пережить состояние «упоеания в бою».

Страстный любитель охоты — бывший гвардейский офицер Троекуров (в романе читаем: «ежедневно выезжал на охоту»). Он даже наделён теми чертами, которые массовое сознание закрепило за «типичным служакой»: у Кирилы Петровича «довольно ограниченный ум», он имел «необыкновенную силу физических способностей»; а привычка напевать «Гром победы раздавайся», «что всегда означало в нем необыкновенное волнение мыслей», конечно же, связана с его службой в гвардии. Не менее страстный охотник и Дубровский-старший — «отставной поручик гвардии». Иван Петрович Берестов также служил в гвардии. Алексей Берестов, любящий побродить по окрестным рощам с ружьём, «был воспитан в *** университете и намеревался вступить в военную службу, но отец не соглашался». Муж Натальи Павловны («Граф Нулин»), по мнению В. М. Сретенского, тоже имел военное прошлое и, скорее всего, служил на Кавказе, на что указывает его «экипировка»: чекмень и «турецкий нож за кушаком»⁶.

Кроме того, герои-охотники по сути своей являются «природными русаками», живут в соответствии с русскими традициями, являются приверженцами старины и правил, запо-

---

⁶ Сретенский В. М. Псевдолотман: Ист.-бытовой коммент. к поэме А. С. Пушкина «Граф Нулин». М., 2010. С. 10.

веданных отцами. Троекурова автор называет «старинным русским баринном», а Дубровский-отец себя — «старинным дворянином». Старшего Берестова отличает «ненависть к нововведениям», он «не мог равнодушно говорить об англomanии своего соседа». Ему принадлежит реплика: «Куда нам по-английски разоряться! Были бы мы по-русски сыты». «Русская» сущность Алексея Берестова проявляется, например, в том, как он играет в горелки с крестьянскими девушками.

Охота, кроме того что была развлечением, позволяла реализовать помещику еще одну попутную задачу: проинспектировать свои земли. Ведь одновременно с преследованием животного происходит объезд земель. Хозяйский взгляд не упускает из своего внимания неурядки.

Охота может превратиться и в акт возмездия и устрашения. Троекуров после ссоры с Дубровским совершает демонстративный поступок — «нарочно» проезжает «со всею своею охотой» по полям бывшего друга. А так как ссора происходит в начале осени, то это значит, что полям, уже подготовленным к зиме, нанесён ущерб. Так развлечение превращается в разорительное нашествие. Не случайно Пушкин охоту сравнивает с «опустошительным набегом». Естественным действием после этого демонстративного жеста Троекурова становится реальный захват им имения Дубровского, но теперь уже с помощью бюрократических ухищрений Шабашкина. Так в «развлечении» проступает его истинная суть — поединок, противостояние, конфликт, разрешением которого становится уничтожение жертвы.

Попутно заметим, что не все помещики, когда-то имевшие отношение к военной службе, со страстью отдаются охоте. Так, например, у смиренного Ивана Петровича Белкина нет тяги к этому занятию (но, как мы помним, и в службе он был не очень успешен).

Реальная военная служба также как бы исключает охоту из круга занятий, даже когда служба — спокойная и мирная жизнь в крепости, как это происходит в «Капитанской дочке».

Описывая свой досуг в Белогорской крепости, Гринёв рассказывает о вполне мирных занятиях: он бывает у Мироновых, читает немногочисленные книги, даже начинает писать, при этом не упоминает даже конных прогулок, не говоря уже об охотничьих забавах.

Характерно, что охота не входит в круг занятий и «естественных людей», где, казалось бы, она должна была сохранять свою суть — накормить семью, род, племя. В романтических поэмах Пушкина есть упоминания о набегах, о сражениях — мир естественных людей показан в состоянии противостояния, войны с миром цивилизации, а там, где идёт настоящая война, у Пушкина нет места для праздных увеселений, какой им и воспринимается охота.

Таким образом, само введение эпизодов охоты (несмотря на то, что она показывается как барская забава, как развлечение) позволяет Пушкину ввести мысль о неизбежном конфликте, противостоянии в жизни, на первый взгляд, мирной и спокойной. То, что начинается как забава, способно перерасти в настоящую войну, которая может закончиться гибелью, смертью и разорением («Дубровский»). Но есть и другой вариант — долгий конфликт в результате «случая на охоте» способен завершиться примирением («Барышня-крестьянка»).

Что характерно для деревенской охоты? Массовость, шум, атмосфера праздника. В этом отношении охота Алексея Берестова — одинокие странствия с ружьем и собакой по окрестным рощам — не типична для Пушкина⁷. Основная эмоция, которая сопровождает охоту, — «весёлость», торжественность. Это, действительно, событие, объединяющее многих

---

⁷ Вообще само сопоставление типов охоты «отцов» и «детей» характерно: «отцы» отдаются массовым шумным псовым охотам, «дети» — одинокому, уединённому общению с природой (их сопровождает только собака). Их охота больше похожа на прогулку. У «отцов» — это завоевание, подчинение. Дети отправляются на свою охоту тихо, отцы — шумно. Примечательно, что происходит смена образа охотника в живописи: в 1836 году К. Брюллов пишет портрет молодого графа А. К. Толстого, которого изображает охотником с собакой. У него есть охотничья сумка, ружьё взведено, но нет жертвы.

людей. В «Романе в письмах» в пятом письме, рассказывая о деревенском досуге зимой, героиня пишет: «У нас зима: в деревне [это целое событие]. Это вовсе переменяет образ жизни. Уединённые гуляния прекращаются, раздаются колокольчики, охотники выезжают с собаками, — всё делается светлее, веселее от первого снега. Я никак этого не ожидала...»

Торжественно-праздничную атмосферу сборов в отъезжее поле Пушкин передаёт и в «Графе Нулине»: «Пора, пора! рога трубят; // Псаря в охотничьих уборах // Чем свет уж на конях сидят, // Борзые прыгают на сворах...» Как известно, поэт сопроводил поэму рисунком псовой охоты, в которой «схватил самую суть единого движения коня и борзой. Тонкие линии передали стремительность бега животных. Поэт едва намечил очертания оврагов, кустов, как будто проносающихся перед глазами ловко сидящего в седле всадника»⁸.

Такой же массовой, шумной и многолюдной, должна была стать охота и в «Дубровском». Но ссора Троекурова со старым другом расстраивает её, не оправдывает охотничьих ожиданий: «Во весь день видели одного только зайца и того потравили». В. И. Даль так объясняет, что означает это действие: «Травить кого кем, напускать одно животное на другое для драки. Травить зайцев, ловить их борзыми или псовыми (не гончими)». Специальные словари дают ему такое толкование — преследовать с собаками. Таким образом, результат этой охоты нулевой, охотники возвращаются без добычи.

Это несоответствие посылы и результата, ожиданий и того, чем заканчивается охота, — повторяющийся мотив в пушкин-

---

⁸ Пономарёва Е., Руднева Л. «В отъезжие поля с охотою своей»: Охотничьи мотивы в произведениях А. С. Пушкина // Охота и охотничье хозяйство. 1987. № 6. С. 17.

⁹ По сути, начинается охота задолго до того, как назначен выезд. Она редко бывает спонтанным, внезапным событием, так как требует больших приготовлений. Так происходит, например, в «Дубровском»: «Накануне был отдан приказ псарям и стремянным быть готовыми к пяти часам утра. Палатка и кухня отправлены были вперёд на место, где Кирилла Петрович должен был обедать...»

ском изображении охоты.

На протяжении веков сформировался ритуал охоты, который имеет ряд этапов. Это и приготовление к охоте, сборы⁹ (как правило, главная эмоция, которая их сопровождает, — радостное ожидание, волнение, азарт); выезд; поиск зверя (что требует не столько везения, сколько знаний и наблюдательности, определённых поведенческих навыков, спокойствия); маскировка / ожидание; кульминация охоты — встреча с животным, преследование и поединок с ним; возвращение домой: как триумфатора или же как человека, упустившего удачу... Но этим охота не завершается, так как события охоты затем обретают форму охотничьих рассказов. Всё это легко соотносится с элементами сюжета литературного произведения.

Какие этапы охоты изображает Пушкин? У него всегда есть приготовление к охоте, отъезд. Как правило, нет преследования и поединка. И есть результат. Как правило, неудачный. Все пушкинские охоты заканчиваются потравленным зайцем (и в «Дубровском», и в «Графе Нулине»), или заяц, выскочивший из-под ног охотника, становится причиной её завершения («Барышня-крестьянка»).

Почему именно заяц имеет такое роковое значение для охоты? Ответ на этот вопрос, конечно же, стоит искать в пушкинском отношении к приметам, связанным с этим животным. Согласно народным поверьям, встреча с зайцем обещает неприятности, в сам заяц отпугивает удачу, особенно если он перебежал дорогу. Безусловно, вспоминаются обстоятельства неудачного бегства Пушкина из Михайловского, когда он узнаёт о восстании в Петербурге: дорогу ему перебежал заяц, и поэт повернул назад в Михайловское. Так что заяц — это не только ничтожный результат, но ещё и нехорошая примета. Охотник терпит неудачу как в отъезде поле, так и в житейских передрягах. Дома в его отсутствие происходят неприятные происшествия.

На охоте у Пушкина всё определяет случай — «бог изобретатель». Он кардинально меняет установившийся порядок: со-

---

рит друзей и мирит недругов.

В пушкинских произведениях, как правило, взаимоотражается несколько «охотничьих» историй, так как само понятие охоты многоаспектное, часто понимаемое метафорично. Так, например, в «Графе Нулине» находим как минимум три таких взаимоотражающихся «охоты»: это та реальная охота, на которую уезжает муж Натальи Павловны; это «любовная охота» графа Нулина, но это и «зарисовка из мира животных», которая возникает как сравнение, когда граф отправляется в спальню Натальи Павловны:

Так иногда лукавый кот,
Жеманный баловень служанки,
За мышью крадется с лежанки:
Украдкой, медленно идёт,
Полузажмурясь подступает,
Свернётся в ком, хвостом играет,
Разинет когти хитрых лап
И вдруг бедняжку цап-царап.

Так через это сравнение соотносятся человеческое и природное, выявляется некий универсальный алгоритм (граф напрямую уподоблен «жеманному коту»), однако это уподобление тут же и дискредитируется, так как граф Нулин демонстрирует лишь внешнюю повадку, а на самом деле оказывается фиктивным охотником, ибо сам становится жертвой той игры, которую исподволь ведёт героиня. Она-то и оказывается истинным манипулятором-охотником, заманившим в свою ловушку графа.

Сразу после выхода поэмы в свет критика отметила странность сюжета «Графа Нулина»: граф приехал и уехал, а между этим ничего не произошло. Вместе с тем, поэма начинается охотой — ею же и заканчивается. И заканчивается там, откуда и началась. Единственная добыча — «русак» — затравлен у огорода. Уезжая из дома за трофеем, добычей, барин не догадывается, что настоящее охотничье приключение развернётся

в стенах его усадьбы.

В «Барышне-крестьянке» обнаруживается аналогичная ситуация. С ружьём по рощам в сопровождении лишь верной собаки ходит Алексей Берестов. При таких обстоятельствах и оказывается возможной его встреча и общение с Лизой-Акулиной. Но и Алексей Берестов, по сути, становится фиктивным охотником. Лиза Муромская с Настей осуществляют настоящую «охоту» за соседским помещиком: разрабатывают стратегию, продумывают свой «военный» план, в котором есть и маскировка, и рекогносцировка, и вовлечение в ловушку. И одерживают победу.

Так получается, что в охоте на любовном поле более удачливыми у Пушкина оказываются женские персонажи, действующие исподволь, используя случай в своих целях.

Необходимо упомянуть ещё о двух вариантах охоты, которые встречаются в произведениях Пушкина.

В «Сказке о мертвой царевне» охота — это ежедневное будничное занятие удальцов-богатырей, аналогичное их военным забавам: «Перед утренней зарёю // Братья дружную толпою // Выезжают погулять, // Серых уток пострелять, // Руку правую потешить, // Сорочина в поле спешить, // Иль башку с широких плеч // У татарина отсечь, // Или вытравить из леса // Пятигорского черкеса...»

В «Сказке о царе Салтане...» охота иная — в ней реализуется изначальная цель этого действия: князь Гвидон отправляется на охоту, чтобы «накормить» себя и мать, когда они оказываются на острове Буяне. И эта «неудачная» охота, в которой герой выполняет функцию сказочного спасителя, помогает ему обрести волшебного помощника, а вместе с тем и жену.

Особое место в интерпретации темы охоты в творчестве Пушкина занимает «Сказка о медведихе». В ней натуралистично изображено, как мужик-крестьянин сажает медведицу на рогатку. И этот момент гибели животного показан как трагическое, но вместе с тем и обыденное событие. Замысел «Сказки о медведихе» возник в Болдино, недалеко от которого располо-

---

жен Сергач, с древних времен известный медвежьим промыслом. И, по сути, Пушкин показал «прозу» крестьянской охоты, когда природа воспринимается как среда обитания, с которой человек находится в сложном и суровом взаимодействии.

С. Н. Пяткин

**«УПРАЖНЕНИЯ В ГЕОГРАФИИ»
ПЕТРУШИ ГРИНЕВА:
РАБОТА НАД ОШИБКАМИ**

«Веселый заголовок» нашей работы, кажется, сам по себе обещает некоторую неординарную литературоведческую гипотезу, связанную с малоприметным и глобальным по своим последствиям географическим просчётом главного героя романа «Капитанская дочка». Поэтому сразу же оговоримся, речь пойдет всего лишь об одном простом предмете из вещного мира пушкинского произведения. И это будет не заношенный филологами «заячий тулупчик» Петруши Гринёва, а вполне себе обычная географическая карта, попытка превращения которой в воздушного змея круто изменила судьбу героя. Подобного же рода формулировка темы выступает своеобразным творческим заданием в формировании опрощённого, почти ученического дискурса предлагаемого исследования, способствующего решению не самых сложных задач. Для начала процитируем интересное нас место в произведении Пушкина:

«Батюшка пошёл в мою комнату. В это время Бопре спал на кровати сном невинности. Я был занят делом. Надобно знать, что для меня выписана была из Москвы географическая карта. Она висела на стене безо всякого употребления и давно соблазняла меня шириною и добротою бумаги. Я решился сделать из нее змей, и пользуясь сном Бопре, принялся за работу. Батюшка вошёл в то самое время, как я прилаживал мочальный хвост к Мысу Доброй Надежды. Увидя мои упражнения в географии,

---

батюшка дёрнул меня за ухо, потом подбежал к Бопре, разбудил его очень неосторожно, и стал осыпать укоризнами»¹.

Эта сцена из пушкинского романа, конечно же, всем памятна, как памятен и образ жизни недоросля Петруши Гринёва до вступления его во взрослую жизнь: «Я жил недорослем, гоня голубей и играя в чахарду с дворовыми мальчишками» (VIII, 280).

Стоит отметить, что эти «упражнения в географии» имеют вполне отчётливую связь с одним из фрагментов трагедии «Борис Годунов», где царь, как и Андрей Петрович Гринёв, становится свидетелем занятий своего сына с географической картой. Но если в трагедии Феодор посвящает себя настоящему и важному упражнению, составляя «чертёж земли Московской», то Петруша сам предмет «упражнения» превращает в детскую забаву. Причем такую, что, по сути, в форме каламбура перефразирует высокие слова наставленья Годунова-отца:

Как хорошо! вот сладкий плод ученья!
Как с облаков ты можешь обозреть
Всё царство вдруг: границы, грады, реки.
Учись, мой сын... (VII, с. 43).

Думается, что в «Капитанской дочке» Пушкин, сознательно травестируя сцену из «Бориса Годунова», стремится в теме «народной смуты» обозначить путь героя, который, не обладая ни «учённостью», ни житейской мудростью, «опыты быстротекущей жизни» постигает в практике живой действительности, постоянно испытывающей только ещё формирующую личность на нравственную цельность.

Вполне возможно, что в жизни героя-недоросля нашли своё отражение детские впечатления и события из жизни самого Пушкина. Племянник поэта, Лев Павлищев, со слов

---

¹ Пушкин А. С. Капитанская дочка // Пушкин А. С. Полное собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1937–1959. Т. 8. Кн. 1. Романы и повести. Путешествия. 1948. С. 280. Далее произведения Пушкина приводятся в тексте статьи по этому изданию с указанием тома (римской цифрой) и номера страницы (арабской цифрой) в круглых скобках после цитаты.

своей матери оставил такое свидетельство: «В этом семействе [Пушкиных] побывал легион иностранных гувернёров и гувернанток. Из них выбираю несносного, капризного самодура Русло да достойного его преемника Шеделя... Из них Русло нанёс оскорбление юному своему питомцу Александру Сергеевичу, расхохотавшись ему в глаза, когда ребёнок написал стихотворную шутку в подражание “Генриаде”. Изображая битву между карлами и карликами, Пушкин прочел гувернёру начальное четверостишие. Русло довёл Пушкина до слез, осмеяв безжалостно всякое слово этого четверостишия... Преемник Русло, Шедель, свободные от занятий с детьми досуги проводил в передней, играя с дворней в дурачки, за что, в конце концов, и получил отставку»².

Вполне вероятно, что не столько строгая, сколько предвзятая критика Русло отозвалась в эпизоде романа, где Швабрин «немилосердно разбирал каждый стих и каждое слово» любовной песни Петруши Гринёва, а простак Шидель стал одним из прототипов «доброе малого» мосье Бопре. В мемуарных источниках, повествующих о пребывании юного Пушкина в сельце Захарово, неоднократно говорится о его участии в играх и забавах крестьянских детей. И среди этих забав, быть может, было и «пускание» воздушного змея. Безусловно, всё это гипотезы и не более, имеющие пока лишь опосредованное значение для нашей темы. Сейчас же важнее сосредоточиться на том, а какого змея мастерит Петруша, пока мосье Бопре «спал на его кровати сном невинности», и, соответственно, с каким воздушным змеем, возможно, имел дело сам Пушкин.

Воздушный змей — самый древний летательный аппарат. Родиной воздушных змеев считается Китай, где они были главными героями маскарадов и карнавалов. Из Китая они распространились в другие страны Азии и Европы. В древности змеев запускали, чтобы отгонять злых духов, передавать послания

---

² *Вересаев В. В.* Пушкин в жизни: Систематич. свод подлинных свидетельств современников // *Вересаев В. В.* Соч.: В 4 т. Т. 2: Пушкин в жизни. М., 1990. С. 143.

из одного замка в другой, проводить метеорологические исследования и аэросъёмку местности. Первые упоминания о воздушных змеях встречаются ещё за два века до нашего летоисчисления. Змеев делали в форме рыб, птиц, бабочек, жуков и раскрашивали в яркие цвета. Наиболее распространён был змей-дракон, похожий на полукрокодила-полузмею. Возможно, название «воздушный змей» связано именно с этим образом.

Позже воздушные змеи стали делать в виде плоской рамы, обтянутой бумагой или тканью. Они уже ничем не напоминали сказочного дракона или змея, но название сохранилось до наших дней. До определённого момента знали только два типа змеев: одноплоскостные (с обязательным хвостом) и составные — подобия китайских, соединённые в гибкую систему.

Любопытны старинные записи о том, как в 906 году киевский князь Олег использовал воздушные змеи при взятии Царьграда. Летопись говорит, что над неприятелем в воздухе появились «кони и люди бумажны, вооружены и позлащены».

Запуская в воздух воздушных змеев, М. В. Ломоносов изучал верхние слои атмосферы и природу молнии. 26 июня 1753 года Ломоносов «при помощи змея извлёк молнию из облаков». Он запустил воздушный змей в грозу и по его бечёвке, используемой как проводник, извлёк разряд статистического электричества³.

Какого же воздушного змея мастерит Петруша?

Однозначно — одноплоскостного, потому что для создания составного змея у Петруши не хватило бы ни материалов, ни навыков. Это во-первых. Во-вторых, ещё в одном произведении Пушкина, «Истории села Горюхина», есть эпизод с воздушным змеем, из которого следует, что змей этот одноплоскостной и с конструкцией его Пушкин хорошо знаком:

«Сия любопытная рукопись отыскана мною у моего попа, женатого на дочери летописца. Первые листы были выдраны и употреблены детьми священника на так называемые змеи.

---

³ См.: *Пантюхин С. П.* Воздушные змеи. М., 1984. С. 12.

Один из таковых упал посреди моего двора. Я поднял его и хотел было возвратить детям, как заметил, что он был исписан. С первых строк увидел я, что змей составлен был из летописи [и] к счастью успел спасти остальное» (VIII, 134).

Плоскостной как единственный вариант конструкции воздушного змея зафиксирован и в словаре В. И. Даля:

«Змей — детская игрушка, приправленный к лучинкам лист бумаги, пускаемый по ветру на возжице (верёвке), с привешенным к нему хвостом»⁴.

Дадим более подробно описание такого змея.

Плоский змей — простейшая в изготовлении конструкция, чем объясняется её популярность. Состоит из трёх скреплённых между собой планок (две по диагоналям змея и одна — по его верхней стороне), приклеенных к листу плотной бумаги. Уздечка такого змея состоит из трёх нитей, две из них прикрепляются к концам верхней планки, третья — к центру змея. Длина верхней части уздечки такова, что её нити точно укладываются по диагональным планкам, длина третьей нити составляет половину высоты змея. Для обеспечения устойчивости следует слегка стянуть верхнюю планку нитью, придав ей форму дуги. Плоскому змею обязательно нужен *хвост*, который крепится *к краю плоскости*. Хвост, правильно прикреплённый к листу бумаги, — одно из главных условий, чтобы змей поднялся в небо и мог маневрировать в потоках воздуха⁵. А теперь обратимся к картам.

Наибольшее распространение в России во второй половине XVIII — начале XIX вв. получили карты, изданные в Гражданской типографии В. О. Киприянова; из зарубежных карт — A Monseigneur Mgr. Messire Luis Phelipeaux

---

⁴ *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. СПб., 1996–1997. Т. 1: А–З. 1996. С. 486.

⁵ См.: *Пантюхин С. П.* Воздушные змеи. С. 12–15.

---

de Pontchartrin (A Paris 1742); A Monseigneur le Comte de Maurepass Ministre et Secretaire d'Etat (A Paris 1744)⁶.

На всех этих картах, включая, кстати, и современные, Мыс Доброй Надежды, расположенный на самом юге африканского континента, находится практически *посередине географического полотна*, а не с краю.

Не может быть и речи о том, что Петруша Гринёв обрезал карту, поскольку именно её размер навёл героя на мысль использовать её не по назначению. Не верится, что Петруша впервые упражняется в изготовлении змея и, прилаживая хвост к его середине, обрекает на неудачу будущую забаву. Автору романа с помощью нарочитой ошибки важно вместе с героем выделить из сотен географических координат именно эту, пока ещё служащую маркером крепления мочального хвоста и символом непосредственности и юношеского легкомыслия недоросля Гринёва.

А что, собственно, мы знаем об этой географической координате?

Мыс Доброй Надежды расположен на южной оконечности Африки и представляет собой выступ вдающегося в море скалистого полуострова, у основания которого находится крупный африканский порт Кейптаун.

Мыс Доброй Надежды был открыт в 1488 году португальским мореплавателем Бартоломеу Диашем. Направляясь на поиски новых земель, португальцы несколько раз пытались обогнуть этот мыс, но им мешал сильный шторм. С большим трудом корабли прошли это гиблое место. На обратном пути к родным берегам португальцы в память о пережитом шторме назвали эту суровую землю Мысом Бурь.

Спустя некоторое время португальский король Хуан II переименовал его в Мыс Доброй Надежды, так как это открытие давало португальцам надежду достичь Индию морским

---

⁶ См.: *Багров Л.* История картографии. М., 2004. С. 106–154; *Браун Л. А.* История географических карт. М., 2006. — <https://e-libra.ru/read/439818-istoriya-geograficheskikh-kart.html> (дата обращения: 01.12.2019).

путём. Если бы название не было изменено, то оно как нельзя лучше характеризовало бы один из опасных для мореплавания районов на земном шаре. Бури у этого мыса не случайное явление. Западное побережье Южной Африки подвержено действию сильных ветров Атлантического океана, нередко переходящих в длительные и сильные штормы. В этом районе тёплое Игольное течение встречается с холодным Поперечным течением, в результате чего здесь, так же как и у острова Ньюфаундленд, образуются туманы, которые скрывают в своей пелене опасные для мореплавания скалистые берега южной оконечности Африки.

Со времени Диаша до появления паровых судов район Мыса Доброй Надежды считался исключительно опасным для мореплавания. На протяжении почти пяти столетий величавый скалистый Мыс Бурь не раз был немым свидетелем ужасных человеческих трагедий на море.

До середины XIX века на картах указывались два названия — Мыс Доброй Надежды и Мыс Бурь. Последнее, как правило, обозначалось в скобках, поскольку являлось не основным именованием⁷.

У Пушкина в романе говорится только о Мысе Доброй Надежды, но, как мы думаем, предполагается и другое его название — Мыс Бурь. Вряд ли это предположение стоит относить к разряду смелых и неожиданных, и требующих к тому же фактического подтверждения. Достаточно одного взгляда на карту, где, повторимся, присутствуют оба названия мыса. А для такого взгляда, наверно, довольно и того «малого прилежания при очень хороших успехах» в географии, которое Пушкин обнаружил в Лицее по аттестации адъюнкт-профессора Ивана Кузьмича Кайданова. Да и хорошо известно, что Пушкин высоко ценил творчество португальского поэта Камоэнса, автора

---

⁷ См.: *Скрягин Л. Н.* По следам морских катастроф. М., 1965. С. 84–86; *Словарь географических названий зарубежных стран / Отв. ред. А. М. Комков.* 3-е изд., перераб. и доп. М., 1986. С. 115; *Ehret C.* An African Classical Age. Charlottesville, VA: University of Virginia Press, 2001. P. 219.

национальной эпической поэмы «Лузиады»⁸. В этом общепризнанном шедевре мировой литературы есть эпизод, где мореплаватели, собирающиеся обогнуть африканский континент, встречаются на своем пути злобного гиганта Адамастора, выступающего олицетворением мыса Бурь:

Я страшный мыс, хранитель вечной тайны.
И Мысом Бурь меня вы окрестили.
О таинствах моих необычайных
Ни Плиний, ни Страбон не говорили.
И Африки полуденной окраин
Помпоний с Птолемеем не открыли.
Я Африку собою замыкаю
И к Антарктиде взоры обращаю.
Адамастор я, сын земли могучей...⁹

Вполне вероятно, что историю двойного названия самой южной точки африканского материка Пушкин мог почерпнуть в этом литературном памятнике.

Автор романа ведёт своих героев через Бури, страшные испытания; идёт война, «русский бунт, бессмысленный и беспощадный». Но на этом пути ни сам автор, ни его герои не теряют Надежды. Такой простой до банальности вывод исподволь связан в тексте романа с системой художественных значений, образующейся с помощью слов «надежда» и «буря».

Петруша Гринёв, узнав, что вместо Петербурга ему уготована дорога в Оренбургские степи, горько восклицает: «Все мои блестящие надежды рушились». Читатель прекрасно знает, каким именно надеждам героя не суждено сбыться. И здесь значение этого слова прямо соотносится с недавним «упражнением в географии» Петруши, актуализируя то, что эта надежда, как и прилаженный мочальный хвост к Мысу Доброй

---

⁸ Камознс // Путеводитель по Пушкину. М.; Л., 1931. С. 166–167.

⁹ Камознс, Луис де. Сонеты. Лузиады / Пер. с португ. «Лузиады», вступ. статья и коммент. О. Овчаренко; сост. раздела «Сонеты» Е. Голубевой, И. Хохловой; пер. с португ. В. Резниченко, В. Левика и др. М., 1988. С. 382.

Надежды — всего лишь забава!

Слово «надежда» затем как бы исчезает из жизни героя. Снова появится оно только в двух последних главах. Зато веско даст о себе знать слово «буря». Причем, практически все случаи его употребления наряду с родственным ему по смыслу и звучанию словом «буран» связаны с изображением природной стихии в главе «Вожатый». Стихией, которая соединит судьбы Петра Гринёва и Емельяна Пугачёва и которая выступит символическим предзнаменованием тех событий, что станут проверкой на духовную крепость вчерашнего недоросля.

Слово «надежда» вновь возникнет в романе тогда (главы «Арест» и «Суд»), когда от самих героев, словно бы попавших в капкан злой судьбы, мало что зависит, и им остаётся уповать на Высшую милость и Промысел Божий. Именно значения этих христианских понятий и отзываются в слове «надежда» и в речи Петра Гринёва («я не терял ни бодрости, ни надежды. Я прибегнул к утешению всех скорбящих и, впервые вкусив сладость молитвы, изливаемой из чистого, но растерзанного сердца, спокойно заснул, не заботясь о том, что со мною будет»; VIII, 366), и в речи Маши Мироновой, приехавшей в Петербург «просить милости» для своего жениха («Марья Ивановна возвратилась..., исполненная радостной надежды»; VIII, 373).

Примечательно, что такой семантический дискурс слова «надежда» задан эпиграфом к главе «Арест», который сочинён Пушкиным в стиле комедии Княжнина и приписан автором «Капитанской дочки» Княжнину:

Не гневайтесь, сударь: по долгу моему
Я должен сей же час отправить вас в тюрьму.
— Извольте, я готов; но я в такой надежде,
Что дело объяснить дозволите мне прежде (VIII, 360).

Собственно, в этом и состоит высший смысл обретения доброй Надежды героем романа, путь к которой открыло его «упражнение в географии», а работа над сделанными в ней ошибками доставила удовольствие автору настоящей статьи.

Впервые статья опубликована на английском языке: Sergey N. Pyatkin. Petrusha Grinyov's "geography exercises": correction work // Вестн. славян. культур. 2019. № 52. С.150–157.

М. В. Строганов

**ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ТРУБАДУР
И САТИРИК ПРОВИНЦИИ,
или МОЖЕТ ЛИ АДМИНИСТРАТОР БЫТЬ
ПОЭТОМ?**

**И. И. Лажечников между А. Е. Измайловым
и М. Е. Салтыковым**

И. И. Лажечников прожил довольно долгую жизнь: с 1790 по 1869 г. прошли неполные 80 лет. Вообще за 80 лет жизнь любого общества XIX–XXI вв. претерпевает очень существенные изменения. Поэтому человек, социализация которого началась в 1800-е гг., с большим трудом должен был приспосабливаться к формам жизни, положим, 1840–1850-х гг. Сравним с нашей недавней историей: человек, родившийся в конце 1930-х гг., не может адекватно воспринять современную жизнь, и отсюда проистекает его пресловутое «ретроградство». И точно так же грибоедовский Фамусов, призывающий молодых людей жить, «на старших глядя», никак не может понять, что так жить уже невозможно, жизнь изменилась.

Конфликт немолодого человека с текущей жизнью, с новыми формами жизни, которых он уже никогда адекватно воспринять не сможет, является поэтому естественным конфликтом. Осуждать самого человека за то, что он «не догоняет» время, нельзя, потому что такое осуждение оборачивается против самого судящего, обнажая его социальную узость и непрозорливость. Судящий человек забывает, что не за горами и его 80 лет, когда он и сам отстанет от своего времени.

Лажечников находился на государственной службе с 1820 по 1826 и с 1831 по 1837 г. — в министерстве просвеще-

---

ния (соответственно Пенза–Казань и Тверь); потом, с 1843 по 1854 г., — в министерстве внутренних дел (Тверь и Витебск); а в 1856–1858 гг. — в цензурном комитете (Петербург). Таким образом, за вычетом около одиннадцати лет (1827–1830, 1838–1842 и 1855), государственная служба Лажечникова продолжалась 24 года. Но если мы учтём, что он вступил в неё, имея уже 30 лет от роду, будучи вполне сформировавшимся и далеко не юным человеком, мы поймем сложность его положения и специфику его поведения как чиновника.

В. А. Викторovich справедливо пишет, что, будучи с декабря 1856 по апрель 1857 г. цензором журнала «Современник», Лажечников «проявлял неизменно свойственную ему терпимость к радикальным воззрениям»¹. Но мы должны объяснить эту «терпимость». Ее, конечно, можно интерпретировать либо как сознательную политическую установку, либо как старческое умиление проказами внуков. Однако в данном случае более адекватно видеть в ней проявление особых черт поведения человека на государственной службе, которые были свойственны эпохе в целом, вне зависимости от частных убеждений каждого из отдельно взятых служащих людей. Например, каждый командир полка держал у себя обеденный стол, за который ежедневно собирались офицеры полка вне зависимости от личных отношений. Это было нормой поведения командира, и если бы какой-либо полковой начальник не захотел поддерживать эту традицию, его просто не поняли бы и быстро сместили. И дело не в том, что офицеры хотели есть за чужой счет, они были бы оскорблены нарушением общественного этикета.

Манеру поведения Лажечникова во время нахождения на службе следует назвать чиновной домашностью — по аналогии с литературной домашностью, обе эти формы были свойственны 1810–1820-м гг. и ярко воплотились в бытовом и творческом поведении А. Е. Измайлова. Можно привести и

---

¹ Викторovich В. А. Лажечников И. И. // Русские писатели. 1800–1917. Биографич. словарь. М., 1994. Т. 3. С. 276. Здесь же см. документальные доказательства этого суждения.

иные примеры, но я остановлюсь на Измайлове, потому что он был, так же как и Лажечников, тверским вице-губернатором: с 5 ноября (прибыл на службу 26 декабря) 1826 г. по 31 марта 1828 г. (дата отъезда из Твери неизвестна). Сходство служебного положения, единство места и единство внеслужебных занятий дают основание для сравнений и сопоставлений. Третьим тверским вице-губернатором, с 24 июня 1860 г. по 19 апреля 1862 г., и одновременно писателем был, как известно, М. Е. Салтыков, который представляет совершенно иной социальный тип, абсолютно лишённый всякой литературной и чиновной домашности. Итак, между Измайловым с его ярко выраженной домашностью и Салтыковым, начисто лишённым этого качества, находится Лажечников, который был на одиннадцать лет моложе Измайлова и на тридцать шесть лет старше Салтыкова. Лажечников мог быть младшим братом Измайлова, но Салтыкову он годился в отцы. Практически всё канцелярское производство в провинции 1810–1820-х гг. было изустным, вследствие чего от этого времени сохранилось очень мало документов. Всё производство в 1860-е гг. стало письменным и оставило после себя горы документов. Можно привести и другие «признаки времени», но вопрос состоит в ином: имеем ли мы право объяснять всё только возрастом и социальными условиями, или нужны какие-то иные истолкования?²

² Не предполагая, что когда-то я поставлю вопрос именно таким образом, я уже описывал литературное и социальное поведение Измайлова в Твери: *Строганов М. В.* А. Е. Измайлов в Твери // Лажечников и Тверской край. Вып. 2: Литератор в провинции / Ред. А. Ю. Сорочан. Тверь, 2006. С. 39–77; Столичный литератор как провинциальный вице-губернатор: А. Е. Измайлов в Твери // Литературный быт пушкинской эпохи / Ред.: Н. И. Михайлова. М.; СПб., 2012. С. 217–258. Сравнение литературного и социального поведения Салтыкова в период гражданской службы в Твери с поведением Ф. Н. Глинки, литератора одного с Лажечниковым возраста и времени формирования (р. 1786), см.: *Строганов М. В.* М. Е. Салтыков-Щедрин и Ф. Н. Глинка // М. Е. Салтыков-Щедрин. Тверские страницы жизни / Ред.: Е. Н. Строганова. Тверь, 1996. С. 85–102; переработанную и исправленную версию см.: М. Е. Салтыков и Ф. Н. Глинка // Щедринский сборник. Вып. 3 / Ред.: Е. Н. Строганова. Тверь, 2009. С. 8–26.

Первое время жизни Измайлова в Твери отмечено просто-душной радостью знакомства, заботами о благоустройстве на новом месте и служебными хлопотами. Измайлов перевёз с собой в Тверь и самый характер привычных для себя отношений: служба стала для него домом, домашние отношения распространялись и на служащих. Губернаторшу Измайлов величал «маменькой», «родной матерью» и «татап», а заботу губернатора о себе интерпретировал как отеческую. Об этом он постоянно твердил в письмах к жене (7 января, 24 января, 25 января, 28 февраля 1827) и в стихотворениях «В. А. Борисову. Накануне нового 1827 года» (27–31 декабря 1826), «А. М. Борисовой. В день её ангела 18 марта 1827 г.».

Эта модель отношений распространяется не только вниз от губернатора, но и вверх. Губернатор опирается на верховную власть, потому что, «жалуя» губернатора, император транслирует ему всю полноту своей державной власти на месте, и вследствие этого губернатор становится заместителем самодержца. Согласно этой патриархальной модели все чиновники: хорошие и плохие, взяточбратели и неподкупные, усердные и нерадивые, картёжные игроки и интеллектуалы, — живут одним домом, где губернатор исполняет роль патрона, милующего, взыскающего, ободряющего и жалующего, а они — роли чад и домочадцев, которые в принципе — перед лицом этой верховной власти — все равны друг другу. Об этой «очень семейственной» жизни провинциального чиновничества исключительно точно писал Н. В. Гоголь в восьмой главе «Мертвых душ».

Измайлов не скрывает и не хочет скрывать близко-дружественных отношений со своим непосредственным начальником и даже готов похвастаться этим. Правда, в центре патриархальной модели мира в этом стихотворении находится не отец, а мать, что выглядит несколько непривычно, а маска сына перед матерью-губернаторшей производит комический эффект. Дело в том, что Измайлов родился в 1779 г., а В. А. Борисов в 1780 г.,

---

и супруга его, по нормам того времени, должна быть моложе своего мужа и моложе Измайлова. Кроме того, Измайлов имел шестерых детей, в связи с чем маска сына оказывалась тем более неуместной. Однако А. М. Борисова имела уже как минимум двух внуков, была бабушкой, что делало её социальный статус выше социального статуса Измайлова, который был только отцом.

Но вскоре эта гармония рушится. Последнее стихотворение, посвящённое губернаторше, написано 20 апреля 1827 г. («Письмецо к А. М. Б<орисо>вой»). Между губернаторской семьёй и вице-губернатором пока ещё тёплые отношения, но они вскоре кончатся, и больше Измайлов никогда не упомянет в своих стихах ни самого Борисова, ни его жену.

Осознавая своё положение в Твери в категориях литературной домашности, Измайлов переносил стереотипы поведения из столичной среды в провинциальную, не замечая, что они не вполне адекватны местным нравам и его собственному социальному положению. Хотя жизнь русского провинциального чиновничества имела семейный, домашний характер, она была достаточно далека от той литературной домашности, которая процветала в литературных салонах. Сам Измайлов в «Речи, произнесённой тверским вице-губернатором за обеденным столом у Н. А. Кафтырева перед шампанским в день именин тамошнего гражданского губернатора В. А. Б<орисова>» репрезентировал себя как поэт. В «Застольной песне», написанной перед отъездом из Петербурга, Измайлов зарекался, приехав в Тверь, «думать о стихах» и обещал «думать о делах», «позабыть и муз и дам, <...> Корректуре уж аминь». Но привычка — вторая натура, поэтическое амплуа кажется ему не только вполне совместимым, но и более престижным в сравнении с должностью администратора. Измайлов говорит от лица своих сотрапезников не потому, что он второе лицо в чиновничьей губернской иерархии, но потому, что он поэт. То же соотношение двух своих ипостасей Измайлов выражает и в

«Инструкции жене моей, тверской вице-губернаторше» (между 19 октября 1827 и 22 апреля 1828):

Виц-губернаторством пустым не возноися
И дамою себя *второю* не считай;
Учтиво, ласково со всеми обходися.
Хоть первый я в Тверской губернии поэт
И в храм бессмертия мной кончена дорога, —
Но я горжусь ли тем? — нет, нет!
Притом таланты все имеем мы от Бога,
Чины ж даёт сенат, не только государь³.

Измайлов со скромной гордостью утверждает, что он первый поэт в Тверской губернии. И на этом фоне поучение жене не считать себя второй дамой губернии выглядит достаточно забавно. Поэт победил в Измайлове администратора, и служебная карьера его пошла на убыль.

Лажечников в период жизни в Твери представляет нам несколько иную картину. В его отношениях с губернатором А. П. Бакуниным никакой домашности нет⁴, никаких стихотворений, посвященных губернаторской чете, тоже нет. В поведении Лажечникова вообще нет никакого сервиллизма, если не считать его позицию как автора стихотворения «Тверь и Москва»; однако в 1855 г. (публикация этого стихотворения) Лажечников состоял вне службы. Оду же Лажечникова на восшествие на престол Александра II⁵ следует объяснять тем, что именно в это время он находится под следствием. Вместе с тем, Лажечников пытается преодолеть сервильность текста, на что указывает название стихотворения, напоминающее о том,

---

³ Тверские поэты, современники Пушкина: Избр. стихотворения / Сост., ред. текстов и примеч.: М. В. Строганов. Тверь, 1999. С. 61.

⁴ См. об этих отношениях: *Сысоев Владимир*. Тверской губернатор Александр Павлович Бакунин. Тверь, 2004. С. 86–90, 239–241.

⁵ *Лажечников И. И.* Тверь и Москва // Моск. вестник. 1855. № 71. Лит. отдел. С. 285.

как великий князь цесаревич Александр Николаевич посетил Тверь 6 мая 1837 г. в числе других городов, когда совершал ознакомительную поездку по России⁶. Именно во время этого посещения писатель был представлен государю-наследнику, что и отразилось в стихотворении.

В период тверской службы Лажечников сочиняет немного стихотворений, среди которых особое место занимает гимн Осташковской пожарной команды, созданный в 1844 г. От этого гимна сохранился, к сожалению, лишь небольшой фрагмент (см. Приложение). Этот гимн можно рассматривать в рамках чиновной домашности, хотя и в редуцированном виде. Событие, по поводу которого написан этот гимн, имеет местное, домашнее, семейное значение. Вице-губернатор по должности обязан был, положим, присутствовать на мероприятиях при создании пожарной команды, обязан был произнести речь, но вовсе не обязан был сочинять гимн.

Написание гимна пожарной команды было у Лажечникова редуцией старых приёмов литературного поведения. Новое в литературном поведении его как администратора проявилось в продуктивности его творческой работы в период службы. Когда он был директором училищ⁷, он создал два первых романа: «Последний Новик» (начат ещё в Москве, 1831–1833), «Ледяной дом» (1835). В период отставки Лажечников напи-

---

⁶ См.: *Крылов Д.* Столетие Тверской мужской гимназии (1804 — 2 февраля — 1904): Историч. записка. Тверь, 1904. С. 154–155; В. А. Жуковский. 1831 // Тверь в записках путешественников. Вып. 2: Записки XVIII–XIX веков / Сост., вступит. статья, биографич. справки, подгот. текста и коммент. Е. Г. Милюгиной, М. В. Строганова. Тверь, 2013. С. 119–126.

⁷ О службе Лажечникова директором училищ Тверской губернии с 5 марта 1831 г. по 12 мая 1837 г. см.: *Крылов Д.* Столетие Тверской мужской гимназии. С. 104–107, 124–157. Инспектировавший в 1833 г. гимназию профессор Московского университета Н. И. Надеждин отметил «отличные способности и ревность ко благу вверенной ему дирекции» (Там же. С. 136). У Д. Крылова, впрочем, датой назначения Лажечникова директором названо 5 мая.

сал, по его собственным словам, роман «Басурман»⁸ (издан в 1838), безуспешно пытался написать роман из эпохи Петра I, от которого остался только фрагмент «Колдун на Сухаревой башне» (1840), и создал четыре драматических произведения: «Христиерн II и Густав Ваза» (1842), «Опричник» (1842, опубликован в 1859), «Дочь еврея» (позднее название «Вся беда от стыда», опубликована в 1849) и «Горбун» (опубликован в 1858)⁹. В должности вице-губернатора Лажечников находился, как известно, в 1843–1852 гг. Точно датировать этим временем мы можем только два произведения: оперетту «Новобранцы 12-го года» (1850)¹⁰ и полумемуарное повествование «Новобранец 1812 года» (1853)¹¹.

Понятно, что семилетняя служба директором тверских училищ была самым продуктивным периодом во всей тверской жизни Лажечникова. При этом во втором и третьем романах отразились тверские впечатления. В «Ледяном доме» всем памятно развёрнутое описание костюма девушки-новоторки, превосходящее по объёму все остальные описания костюмов в романе и имеющее значение этнографического документа¹². «Басурман» же, как известно, открывается замечательным

---

⁸ Ср.: «Вышедши в отставку в 1837 году, поселился в деревне под Старицей, на берегу Волги. Здесь я написал „Басурмана“» (*Лажечников И. <Две автобиографии>* / Подгот. текста и коммент. В. А. Викторovichа // Дом Лажечникова: Ист.-лит. сб. Вып. I / Ред. В. А. Викторovich. Коломна, 2004. С. 24). Учитывая объём этого романа и то, что он был опубликован в 1838 г. уже целиком, мы не можем признать это свидетельство вполне достоверным. Лажечников, как мы знаем, работал неспешно, поэтому естественно предположить, что «Басурман» был начат ещё в период службы в Твери.

⁹ *Лажечников И. <Две автобиографии>*. С. 24.

¹⁰ *Лажечников И. Новобранцы 12-го года* / Вступит. статья, подгот. текста и коммент. А. С. Бессоновой // Дом Лажечникова: Ист.-лит. сб. Вып. I. С. 25–70.

¹¹ Лажечникову приписывают и другие произведения, но основания представляются нам неубедительными: *Dubia* / Вступит. заметка, публ. и примеч. А. Ю. Сорочана // *Лажечников и Тверской край*. [Вып. 1]: Статьи и материалы / Ред. А. Ю. Сорочан. Тверь, 2005. С. 185–194.

описанием подъезда к Твери из Москвы со стороны Старицы, отличающимся географической конкретикой и личностным, прочувствованным отношением¹³. Пятилетняя отставка была также весьма продуктивна, но она отразила кризис творческого мышления писателя: неудача с очередным историческим романом и поиск путей в драме. Почти десятилетняя служба Лажечникова в должности тверского вице-губернатора была уже непродуктивна в литературном отношении. Несомненно, что служебные обязанности отвлекали писателя от его литературных забот.

Короче говоря, Лажечников нарушает ту модель поведения администратора как литератора, которой придерживался Измайлов. И если мы находим у Лажечникова некоторые черты сходства с Измайловым, то это не более чем рецидивы модели поведения, которая стала архаической за те пятнадцать лет, которые прошли с 1828 по 1843 г.

Дальнейшее развитие и преодоление этой модели мы находим у М. Е. Салтыкова. При первом подходе к вопросу может показаться, что у Салтыкова мы должны обнаружить еще большую, чем у Лажечникова, редукцию литературной активности в период государственной службы. Однако это вовсе не так. Период вице-губернаторской службы Салтыкова длился с 24 июня 1860 г., когда он приехал в Тверь, до 13 января 1862 г., когда он подал прошение о предоставлении 4-месячного отпуска и выехал из Твери в Петербург. Вернувшись в Тверь 20 января 1862 г., он подаёт прошение об отставке, 2 февраля она принята, 9 февраля последовал Высочайший указ об отставке, который 3 марта был напечатан в «Тверских губернских ведомостях», № 9¹⁴. Итак, за эти полтора года Салтыков пишет очерки «Литераторы-обыватели» (1860, опубликован 1861),

¹² См. об этом: Строганов М. В. Биографические и творческие документы И. И. Лажечникова в Тверском архиве // Лажечников и Тверской край. [Вып. 1]. С. 28–32.

¹³ Впервые об этом см.: Смирнов-Кутаческий А. М. В поисках художественной правды (И. И. Лажечников) // Писатели в Тверской губернии: Сб. статей. Калинин, 1941. С. 18.

«Клевета», «Наши глуповские дела» (1861), «К читателю» (1861, опубликован 1862), «Глупов и глуповцы. Общее обозрение», «Глуповское распутство», «Каплуны» (первая половина февраля 1862), статьи «Об ответственности мировых посредников», «К крестьянскому делу», «Ответ г. Ржевскому», «<Второй ответ Ржевскому>», «Несколько слов об истинном значении недоразумений по крестьянскому делу», «Где истинные интересы дворянства?» (1861), пьесы «Съезд» и «Погоня за счастьем» (1861, опубликованы 1862). Как видим, это очень немало и весьма продуктивно.

Тут Салтыков принципиально отличается от Лажечникова и сходится с Измайловым. И основанием для этого схождения оказывается откровенная публицистичность, которая свойственна обоим литераторам: и трубадуру, и сатирику. Но в отличие от Измайлова Салтыков не репрезентирует себя как литератора и максимально редуцирует все возможности такого восприятия. У нас практически нет фактов, свидетельствующих, что Салтыков выступал как писатель. Только один раз за всё время службы Салтыкова в Твери в губернских ведомостях появилось составленное П. И. Вейнбергом известие об издании журнала «Век» на 1861 г., в числе авторов которого назван М. Е. Салтыков (Щедрин).¹⁵ Литературная известность отразилась, видимо, и в предложении графини Е. В. Салиас де Турнемир принять участие в её журнале «Русская речь». В ответном письме от 28 октября 1860 г. Салтыков принял предложение, но его участие в журнале не состоялось. Это приглашение можно объяснять тем, что дочь графини Салиас была замужем за тверским помещиком генералом И. В. Гурко, и в тверском обществе знали о литературных склонностях вице-губернатора. Но самое прямое, непосредственное воспри-

---

¹⁴ Здесь и далее при описании тверской жизни Салтыкова мы опираемся на работу: М. Е. Салтыков и Тверской край. Материалы к летописи / Сост.: Е. Н. Строганова // Щедринский сборник. Вып. 3 / Ред. Е. Н. Строганова. Тверь, 2009. С. 235–315.

ятие Салтыкова как литератора мы видим только один раз. В письме к П. В. Анненкову от 3 декабря 1861 г. Салтыков со-общал, что в тверском обществе в ответ на публикацию им очерка «Клевета» — «рылокошения и спиноотворачивания во всем ходу»¹⁶.

Итак, Салтыков вышел в отставку 3 марта, но для себя он решил вопрос об отставке гораздо раньше: видимо, тогда, когда подал заявление об отпуске. Именно поэтому 15 января 1862 г., находясь в Петербурге, он начинает готовить литературное выступление в Твери, о чем свидетельствует письмо А. Н. Плещеева к А. Н. Островскому с приглашением встретиться 16 января¹⁷. Встреча Салтыкова с А. Н. Плещеевым, А. Н. Островским, И. С. Аксаковым, А. М. Жемчужниковым состоялась 16 января 1862 г., тогда же, возможно, начались и переговоры о предполагавшемся литературном вечере в Твери. Вследствие этого 17 марта в «Тверских губернских ведомостях» напечатано объявление о предстоящем литературном вечере «в пользу капитала для вспомоществования нуждающимся чиновникам г. Твери»¹⁸. Замысел этого литературного вечера каким-то образом, видимо, связан был у Салтыкова с замыслом журнала «Русская правда», который он задумал примерно в то же самое время. В марте губернатор Баранов подписывает «свидетельство о благонадежности» Салтыкова для подачи в Московский цензурный комитет прошения о дозволении издавать журнал. А 19 марта А. Н. Плещеев писал Ф. М. Достоевскому о затеянном журнале: «Кружок сгруппировался очень хороших людей — и совершенно враждебных московскому доктринёрству <...> Редактором будет Салтыков

¹⁵ Тверские губернские ведомости (далее ТвГВ). 1860. № 45. 5 нояб. Часть неофиц. С. 179.

¹⁶ *Салтыков-Щедрин М. Е.* Собр. соч.: В 20 т. М., 1965–1977. Т. 18 (1). 1975. С. 249.

¹⁷ *Макашин С.* Салтыков-Щедрин на рубеже 1850–1860-х годов: Биография. М., 1972. С. 403.

¹⁸ ТвГВ. 1862. № 11. 17 марта. Часть неофиц. С. 47.

(Щедрин)». А далее — о поездке в Тверь: «В четверг мы выедем отсюда целой ватагой в Тверь, где будем вечером читать в пользу неимущих чиновников. Островский, Берг, Садовский, Горбунов, Жемчужников и я, по приглашению Салтыкова»¹⁹.

Литературный вечер, организованный Салтыковым в пользу неимущих чиновников, состоялся 22 марта в зале Дворянского собрания²⁰. На вечере выступили приглашенные А. Н. Островский, А. Н. Плещеев, А. М. Жемчужников, И. Ф. Горбунов и один тверской литератор И. Ф. Львов. Наконец и сам Салтыков прочитал рассказ «Озорники» из «Губернских очерков»²¹. А 21 апреля в Московский цензурный комитет подана программа журнала «Русская правда», задуманного Салтыковым совместно с А. М. Унковским и А. А. Головачёвым. Цель издания журнала заключалась в «утверждении в народе деятельной веры в его нравственное достоинство и деятельного же сознания естественно проистекающих отсюда прав»²². И 19 апреля Салтыкова выехал из Твери.

Таким образом, Салтыков не стремился к литературной известности, пока был вице-губернатором. Но как только он вышел в отставку, литературная активность сразу проявилась в его поведении. Пока он был вице-губернатором, на страницах губернских ведомостей не появлялось никаких литературных и вообще культурных материалов, которые принадлежали бы его перу. Но стоило ему выйти в отставку, как прямой отклик на его литературное творчество — причём отклик сочувственный, понимающий — появился незамедлительно. 24 марта в

---

¹⁹ Там же. С. 481, 414.

²⁰ См. об этом подробнее: *Строганов М. В.* М. Е. Салтыков-Щедрин и Ф. Н. Глинка. В свое время я объяснял формирование этого вечера соревнованием с Глинкой. В настоящее время я считаю более важными внутренние мотивы — организацию своего журнала.

²¹ ТвГВ. 1862. № 14. 7 апр. Часть неофиц. С. 66–68; № 17. 28 апр. Часть неофиц. С. 73–74.

²² *Салтыков-Щедрин М. Е.* Собр. соч. Т. 18 (1). 1975. С. 256; 18 (2). 1976. С. 328–332.

«Тверских губернских ведомостях» была напечатана заметка о том, какими должны быть губернские ведомости. В числе необходимых условий их существования была названа «независимость редактора от всяких посторонних влияний, чтобы редактора не могли „пропустить сквозь строй жизненных обстоятельств“, как говорит Щедрин»²³. Скрыть от современников свою литературную деятельность Салтыков не мог, да это было едва ли возможно. Но он не хотел репрезентировать себя как литератора, и в этом отношении был прямым наследником традиции Лажечникова, который так же не стимулировал публикации в губернских ведомостях по вопросам культуры и искусства.

Таким образом, мы выявили две возможных парадигмы, актуальных для описания личности литератора-администратора: литературная активность и саморепрезентация. Литературная активность может зависеть от разных внешних, в том числе и бытовых, причин: творческие кризисы, болезни, нетворческое настроение снижают писательскую активность. Но саморепрезентация зависит непосредственно от желания самого человека выглядеть так или иначе, и внешние причины тут практически не оказывают никакого влияния.

Измайлов и много писал, и репрезентировал себя как поэта. Лажечников и писал значительно меньше, и представить себя крупнейшим русским романистом не стремился. Салтыков писал очень активно, причем его писания тверского времени были тесно связаны с актуальными современными вопросами, и в этом он похож на Измайлова. Но репрезентация себя как писателя ему была не свойственна так же, как и Лажечникову.

Пока (при таком количестве материала) это только модели возможного поведения администратора-литератора. Впрочем, некоторую прикреплённость их к тому или иному времени предположить можно уже и сейчас: Измайлов, Лажечников и

---

²³ ТвГВ. 1862. № 12. 24 марта. Часть неофиц. С. 52.

Салтыков — каждый из них манифестирует собой три этапа поведения государственного чиновника на службе в провинции. Но вполне верифицированные суждения о развитии таких моделей поведения в истории можно делать только тогда, когда будет накоплен большой сопоставительный материал.

Приложение

Несохранившийся гимн пожарной команде города Осташкова упоминается обычно на основании только одной публикации²⁴. Между тем, другая публикация даёт более полный и более исправный текст, который мы и приводим ниже, дополняя его фрагментами из текста «Тверских губернских ведомостей»:

«...А известный писатель Иван Иванович Лажечников написал стихотворение, прославляющее Осташковскую пожарную команду. Считаю вполне уместным поместить стихотворение И. И. Лажечникова, которое служит любимой песней осташевцев:

Славься, город наш Осташков,
Славься, город наш родной!
Славься не своим богатством,
Не торговлею своей,
А любовью, крепким братством
Ты своей семьи детей.
От конца в конец России
Ты отмечен уж молвой:
Из уездных городов России
Ты слывёшь передовой.
Славься, город наш Осташков,
Славься, город наш родной!

---

²⁴ ТвГВ. 1894. № 33. 20 авг. Часть неофиц. С. 3. См. прим. 11.
196

Лишь забьёт тревогу
Колокола звон,
Помоляся Богу,
Мы стремглав в огонь,
    Хор. Гей, дружина славная!
    Есть ли на Руси где равная?
    Дайте нам ответ!
    Нет! нет! нет!

Каменны ль палаты,
Иль в гнилушках хаты
Показался дым —
Мы равно туда летим.
    Хор. Гей, дружина и проч.»²⁵

О корысти мы не тужим,
Делу общему мы служим.
    Кончится гроза —
Нам одна отрада:
Ближнего спасибо,
    Бедного слеза!

---

²⁵ *Токмаков И. Ф.* Город Осташков Тверской губернии и его уезд: Сб. ист.-статистич. и археологич. сведений. М., 1906. С. 313. Куплет «Лишь забьёт тревогу» есть и в публикации губернских ведомостей. Куплет «О корысти мы не тужим» известен только в редакции губернских ведомостей; он написан в совершенно иной строфической и песенной форме. Вместе с тем и у Токмакова соединены два текста: гимн Осташкову («Славься, город наш Осташков...») и гимн пожарной команды («Лишь забьёт тревогу...»).

О. Л. Фетисенко

«...И ОЧИ В ПОТОЛОКИ»
Тургенев и Кохановская: взаимоотношения

И. С. Тургенев и Надежда Степановна Соханская (1823–1884), подписывавшая свои произведения псевдонимом «Кохановская», не были знакомы лично¹ (хотя имели много общих знакомых в обеих столицах), принадлежали к разным направлениям и находились в слишком разных «весовых категориях», если говорить о читательской и критической оценке², чтобы между ними могло возникнуть глубокое общение. Однако был один момент в конце 1850-х, когда Кохановская — с появлением её повестей «После обеда в гостях» и «Из провинциальной галереи портретов» — выдвинулась в первый ряд русских писателей; именно тогда у Тургенева возник интерес к её творчеству. Соханская же, со своей стороны, была давней его

---

¹ В одном из писем к И. С. Аксакову она сама отметила случившееся «разминовение»: Тургенев уехал из Петербурга незадолго до того, как Соханская впервые приехала туда в июне 1862 г. «Тургенев только недели две как уехал за границу. Он был всё время в деревне» (Семья Аксаковых и Н. С. Соханская (Кохановская): Переписка (1858–1884) / Сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. О. Л. Фетисенко. СПб., 2018. С. 193). Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием страницы в скобках.

² Да и о гонорах... Соханская понимала, что «Тургенев не Кохановская» (из её письма к М. В. Вальховской и А. В. Носовой от 20 февраля 1883 г. по поводу рассказа о том, какую издевательски низкую сумму, 100 руб., предложил ей М. О. Вольф за право переиздания её повестей; см.: ИРЛИ. Р. III. Оп. 1. Ед. хр. 1310. Л. 2).

читательницей, но никогда литературной ученицей (у неё мы не встретим ни «тургеневских девушек», ни «лишних людей»), а позднее она будет подчеркивать свою удалённость от современной литературы («ползущей по земле», по её выражению; с. 249), заверяя, что она читает и оценивает Тургенева как простая провинциалка («У нас, в провинции, между женщинами читающими и которые не боятся смель свое суждение иметь, Тургеневым вовсе не восторгаются»; с. 166). Это признание небесполезно учитывать при изучении литературной репутации классика.

Между тем, современный читатель впервые узнаёт о самом существовании Кохановской из романа «Дым». Потугин, высмеивая славянофилов, которые «живут буквой “буки”», то есть призывают потерпеть в ожидании, что «всё будет», так воспроизводит их аргументацию: «А почему будет, позвольте полюбопытствовать? А потому, что мы, мол, образованные люди, — дрянь; но народ... о, это великий народ! Видите этот армяк? вот откуда всё пойдёт. Все другие идола разрушены; будемте же верить в армяк. Ну, а коли армяк выдаст? Нет, он не выдаст, прочтите Кохановскую, и очи в потолоки!» (глава V). Если в этой сцене произведение, на которое (в версии Потугина) ссылаются славянофилы — «Рой-Феодосий Саввич на спокое», ведь именно там есть действительно несколько идеализированные образы крестьян — правда, крестьян середины XVIII в., — ещё не названо, то в следующей сцене с Потугиным (в гл. XIV) появляется и название повести, правда, в усечённой форме: «...и сколько бы меня не потчевали госпожой Кохановской и “Роем на спокое”, я этого triple extrait de moujik russe нюхать не стану <...>. Попытайтесь прочесть простолодину — настоящему — самые хлётские, самые “народные” места из “Роя”: он подумает, что вы ему сообщаете новый заговор от лихоманки или запоя».

Вдумчивый критик Н. Н. Страхов обратил внимание на одну хронологическую несообразность: герой романа в 1862 г. (время действия в произведении) ссылается на книгу, которой

ещё нет на самом деле, — повесть будет опубликована в газете «День» лишь в 1864 г.³ Думается, эта хронологическая оплошность⁴ Тургенева не смущала, ему был важен сам спор о «почве» и «цивилизации», а попутно — ниспровержение недавней литературной «моды» на Кохановскую.

«Очи в потолочки» возводят, восхваляя писательницу, славянофилы (Тургенев знал, что Кохановская для них — литературное знамя, представитель «положительного направления»)⁵, но в 1858–1860 гг. увлечены её творчеством были далеко не только славянофилы и приверженцы эстетической критики. Гораздо интереснее другая неточность Тургенева: малороссиянку Кохановскую едва ли можно отнести к изготовителям «тройного экстракта из русского мужика» (забавно, что К. С. Аксаков упрекал её в полном незнании великорусса и, главное, в отсутствии к нему интереса, а в глазах его брата фабрикантами подобных экстрактов были сам Тургенев — вероятно, в «Записках охотника»? — Григорович и отчасти Вл. Даль; см.: с. 29, 33). Предмет постоянного интереса в повестях Кохановской — не простонародье, а средний дворянский круг и — как в повести «Кирила Петров и Настасья Дмитрова» (1861) — бедные горожане. Что касается «Роя...», то и там запаха нагольных тулупов не наблюдается, и в идеализации тоже упрекнуть писательницу трудно, потому что рядом с почти райскими картинами есть страницы, рисующие самые чёрные стороны «старого быта».

Вот что писательница сообщала А. Ф. Тютчевой от 21 января 1864 г. по поводу своей новой повести (того самого «Роя...»):

Он слишком глубоко и многосторонне — скажу прямо: всеполно захватывает нашу старинную пред-Екатерининскую жизнь со всем её историческим злом и добром; с обычаями, с

---

³ Страхов Н. Н. Литературная критика: Сб. статей. СПб., 2000. С. 227.

⁴ Страхов считал, что «автор сделал» её «невольню, обмолвившись» (Там же).

⁵ См. работы В. А. Кошелева, Н. Н. Вихровой, Д. А. Кунильского и, конечно, статью досточтимого юбиляра (Викторович В. Уроки одной судьбы // Лит. обозрение. 1989. № 3. С. 110–112).

Верую и суеверием — с жизнью народа, состоянием Церкви, с их страшными нравственными уклонениями и со всею чистотою и высотой нашего просветительного начала. <...> Я села писать небольшой семейный рассказ из старинных преданий; а вышло писание с широкими эпическими приёмами представительных личностей народной жизни⁶.

Тема «Тургенев и Кохановская» поверхностно затронута в заметке Л. М. Александровой, где лишь перечислены отзывы Тургенева о писательнице⁷, в том числе и известное грубое высказывание из письма к Н. В. Щербаню от 13 (25) июня 1864 г.⁸ Нам же интересно рассмотреть именно *перекрестье* взаимооценок и ряд известных эпистолярных высказываний автора «Дыма» дополнить теми, что звучали в его разговорах с друзьями Кохановской и были зафиксированы ими.

Собственно, отзывов Тургенева о писательнице-славянофилке известно немного, и очевидно, что они быстро сдвигались в сторону тотального неприятия, в котором идеологические расхождения переплетались с эстетическими. Так, весной 1859 г. в Москве Тургенев беседовал с И. С. Аксаковым (тогда ещё знакомым с Соханской лишь по переписке) о повести «Из провинциальной галереи портретов» и сравнивал её с той, от которой год назад «был в совершенном восторге» («После обеда в гостях»). В новейшей повести он нашёл «слишком много лиризму, сказочных размеров», отметил, «что картины слишком шаржированы (*chargés*), краски слишком яркие и густы, наконец, что песен слишком много» (с. 37)⁹.

---

⁶ РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 1312. Л. 39 об.

⁷ Александрова Л. М. «...вещь удивительная и не раз тронула меня <...> до слёз»: И. С. Тургенев о Н. Кохановской // Тургеневский ежегодник 2010 г. Орёл, 2011. С. 94–97. Сведения, сообщаемые здесь о Кохановской, полны неточностей и сопровождаются рассуждениями о страданиях и «уничтожении своей личности».

⁸ См.: Тургенев И. С. Полное собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. М., 1989. Т. 6. С. 36.

⁹ Письмо Аксакова к Н. С. Соханской от 28 апреля 1859 г. Кохановская вспомнила об этом отзыве в июне 1863 г.: «Кажется, г. Тургенев говорил Вам, что в “Провинциальной Галерее” краски неестественно сильны, бьют в глаза...» (с. 208)

Именно эти черты (так непохожие на стиль самого Тургенева) будут вызывать его раздражение и в дальнейшем. Однако существуют и свидетельства о признании Тургеневым за Кохановской несомненного дарования. 18 мая 1864 г. Соханская сообщает Аксакову: «Из Парижа мне пишут¹⁰, что Тургенев, хотя очень страдает, что я пишу таким своеобразным языком, но, однако же, признаёт во мне огромный и *несомненный* талант — сл<едовательно>, до сих пор Тургенев — сомневался? И за то спасибо “Роя”, что победил сомнение...» (с. 226). Писательница при этом была осведомлена, что именно усложнённая манера письма в последней её повести высмеивалась Тургеневым: «elle ne parle pas, elle hurle» («она не говорит, она курлычит», с. 220), такой отзыв Аксаков сообщил Кохановской в письме от 23 апреля 1864 г.¹¹, и это выражение ей явно понравилось, потому что она передала его другим знакомым (А. Ф. Тютчевой, М. Ф. Де-Пуле, Е. И. Вельтман, могли цитироваться тургеневские слова и в утраченных письмах).

А. Ф. Тютчевой, например, она писала 12 мая 1864 г.: «Не Вы одне восстаёте на моего сударя¹²; у вас есть такие помощни-

¹⁰ Подразумевалось письмо А. В. Плетнёвой, которая встретила с Тургеневым в Париже.

¹¹ Ср.: «Каждое слово “Роя” словно в мурмолке ходит...» (*Тургенев И. С.* Полное собр. соч. и писем. Письма. Т. 6. С. 20; письмо к Н. В. Щербаню от 24 апр. (6 мая) 1864 г.).

¹² «Сударь-Рой» — постоянное именование главного героя повести. А. Ф. Тютчевой языковой строй произведения не пришёлся по душе (Аксаков писал, что она «мирится» только с двумя лучшими главами; с. 220). Предвидя это, 21 января 1864 г. Соханская писала ей: «...тут ещё язык такой, что мне самой кажется странным — а что же публике? — Язык старинной, очень часто рифмующейся прозы — язык нашей песни и сказки вместе, вполне отвечающий тому времени и свойству, и духу языка народной поэтической речи. — Но публика-то наша читающая, разве она близка со всем этим? И самая критика скажет, что это уродливость, подделка под народность и пр. и пр. Я заранее знаю всё, что она скажет. И Вы не пеняйте, что я не сделала уступки общественным требованиям, о которых я хорошо знала и пред-по-нимала. *Не могла*. Поймите силу этого внутреннего, непреодолимого, вла-стительного слова, которое владычествует над свободой и волею художника

ки, как сам Тургенев, корифей нашей литературы. Он, говорят, сказал прочитавши первую главу: “Mais c’est un hurlement! Elle ne parle pas — elle hurle <Но это курлыканье! Она говорит — она курлычит (*фр.*)>”, и это после первой главы, а что же он должен был сказать, прочитавши до конца!»¹³

Суждения *Кохановской* о Тургеневе остались вне поля исследовательского внимания, хотя их можно обнаружить даже в опубликованных текстах. Укажем три эпизода: развернутую оценку повести «Затишье» в письме к Г. П. Данилевскому от 27 октября 1854 г.¹⁴; отзыв о героях романа «Отцы и дети» в письме к Аксакову от 17 апреля 1862 г. и обмен мнениями с тем же корреспондентом о повести «Призраки» в июле 1864 г.

Вот фрагмент письма 1862 г.:

«Отцы и Дети» — это возбуждало любопытство, думалось о поэтическом освежении — и что же это такое? Отцы, как самые глупые дети; только ещё этой пошлости ни у самых глупых детей нет; Ноздрёв и Тентетников, пожалованные в нигилисты, и какой отвратительный пересолённый цинизм одного и всяческая — нравственная и литературная — ничтожность другого! И какие несообразности и психологические и этнографические на каждом шагу! Улыбаться «застенчиво» и вместе «откровенно», быть лицу в одно и то же время приятну и глупу; матери, встречающей долго не виденного сына, смотреть на него «*блаженными* и смешными глазами», и это говорит сам поэт, художник Тургенев, а не нравственный цинизм нигилиста его Базарова. А женщина? Эта Анна Сергеевна — видите ли, самостоятельная

и есть его предвидение, его сила — его дар! И вот поэтому-то именно дару невольного в своём создании художника, *я не могла*. <...> хотела писать так, а он писался иначе. Сколько я пережила с ним сомнений, томлений — сколько у меня было печали, уныния — сколько возни с этим страшным языком! <...> Но после всего этого тяжкого перебору и перелому внутри себя, я наконец увидела: что если я могу и хочу написать Роя, то именно только *так*, а не иначе» (РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 1312. Л. 39 об.–40).

¹³ Там же. Л. 46.

¹⁴ См.: *Данилевский М. Г.* Г. П. Данилевский по личным его письмам и литературной переписке. Харьков, 1893. С. 65–68. Ниже это письмо мы про-

203

русская барыня с достоинством и положением, с спокойной ясностью светлого взгляда... (с. 166)

Аксаков в ответном письме поддержал критический отзыв Кохановской. Он тоже считал новый тургеневский роман «уродливым произведением», а своего тёзку в то время оценивал как человека без морального стержня (см.: с. 168–169). «...В нём костей совсем нет, а всё хрящ» (с. 169).

Суждения о «Призраках» Соханская просит в письме от 6 июля 1864 г.: «...если бы Вы нашли минуту времени сказать мне: что это такое? Я едва грамматически понимаю — но уже ни психически, ни исторически в этой фантазии в толк не возьму. Вовсе не шутя, скажите, пожалуйста, что здесь за аллегория: потому что за действительность этого чего-то принять нельзя» (с. 229–230). Аксаков отвечал на это 18 июля: «*Призраки* Тургенева — болезненный бред, тяжёлый, не грациозный вообще, кошмар, давящий человека, тщетно искавшего удовлетворения вне Веры. Подходит старость, близится Смерть — он не запасся тем, что мирит с ними, и они являются ему только своими ужасными сторонами. Это произведение можно рассматривать только с психологической или вернее патологической точки зрения» (с. 231).

Подробнейший отзыв о повести «Затишье» в раннем письме к Данилевскому интересен сочетанием «задушевно выговоренных похвал и светлых, открытых благодарений, как бы маленьких благословений таланту г. Тургенева»¹⁵ и остроумных критических замечаний, причём замечаний, сделанных как бы *изнутри* художественного мира самой повести¹⁶. «Не знаю, как там, в вашем литературном мире, взглянули на него; но ведь это *наш* мир — деревенское затишье и мы в нём настоящие господа». Соханская подчёркивала, что писатель-реалист должен

цитируем по автографу (ОР РНБ. Ф. 236. Ед. хр. 146. Л. 5–7 об.).

¹⁵ По поводу одного из мест она восклицает: «...что за прелесть эти подробности».

¹⁶ Кохановская жила на степном хуторе в Изюмском уезде, но часто гостила и в богатых, и в мелкопоместных имениях. Отсюда её «придирчивость» к подробностям тургеневского повествования, действие которого

«*знать* условия и живые оттенки разнородных степеней нашего общества и родного быта, стараться зазирать не в одни только верхние и нижние слои, а именно не забывать золотой, той огромной середины, которая в русском обществе значится именем: *помещики*». А именно эту «середины», как выясняется, и знают хуже всего: даже Тургенев, «и тот делает такие промахи ни с чем несообразные, что явно высказывается его совершенное незнание общих, основных положений круга выводимых им лиц, хотя он и захватил там увлекательные частности...»

Соханская смеётся над несообразным поведением старика Ипатова, «за которым числилось всего не более девятисот душ», и при этом он на ночь глядя первым отправился знакомиться с приезжим.

Всего не более девятисот душ... Да разве это так мало? Может быть, точно в столице <...> оно и не много значит, или, Божию милостию, наш дорогой г. Тургенев сам так богат, что может девятьсот душ считать за малость; по крайней мере в провинции это большое прекрасное состояние, дающее в обществе немалый вес и силу <...> И как же выведен, как говорит этот человек? <...> Так и лакей у девятисотдушного барина не станет говорить вам; да впрочем, правда, у Михаила Николаевича Ипатова и лакея не было. <...> Слыхано ли, чтобы почти у тысячедушного русского барина не было лакея доложить, что кушать готово! <...> Стыдно делать такие промахи в отношении условий своего родного, исторически созданного быта!

Нелады Тургенева с цифрами Соханская усматривает и в образе главной героини:

...он был бы чудо, если бы была в нём какая-нибудь возможность истины при принятом положении. <...> эта Бобелина, как назвал её зять, и вдобавок ещё с красными руками без перчаток, была девушка-родственница, занимающая место хозяйки в барском девятисотдушном доме, выросшая в нём и которой ещё вверено попечение и даже, как видно, воспитание двух молоденьких племянниц, потому что гувернантки при них не было. Статочное ли это дело? — Вот таково-то незнание основных *чисел* нашего

общественного положения. Но поставь только г. Тургенев пятьдесят душ вместо девяти сот Ипатова, и всё мгновенно бы преобразилось, вошло в свои естественные настоящие условия: и визит, положим и вечерком, случился бы, естественно отсутствие фраков и присутствие ключницы... Марья Павловна явилась бы в полном блеске прямо русской, несколько дикой, степной красоты. И Бобелина бы чудесно шло к ней. Всё в портрете было бы истинно её: и хмурилась бы она, и держала свои большие темные глаза опущенными и этот досадный вопрос на неприветном молодом лице: чего смотрят на неё? надоели. В блеске своей мощной свежей красоты, ещё ярче выступавшей под влиянием чувства Марьи Павловны к Петру Алексеевичу, она именно так должна была повстречаться с мосье Астаховым: очень редким явлением в её степной глуши. Едва наклонив ему голову, дикая и слишком гордая, чтобы конфузиться, она платила ему суровостию и почти грубостию за визит, которым никаким образом не интересовалась и который разве только ещё надоел ей... Чудо что за славный портрет в этом виде! Я не помню, чтобы какое описание красоты так живо оставалось в моей памяти и предстало полно, во весь рост, хоть осяжи его — правда и черты крупны, русской породы.

«Степная барышня» и в речи главного героя обнаруживает странную фальшь:

...что касается собственно до самого г. Астахова, положительного молодого человека, то он никуда как плох. В нём положительности и тени нет. По тону его, по приёмам — по этому чутью, которым слышишь человека, является он жиденским таким; а уже в одном слове *положительность* слышна какая-то густота... *Le style c'est l'homme*¹⁷, а говорит-то он как! Его просят: Ах, прочтите, пожалуйста, стихи. — «Извольте-с». — Вы надолго сюда приехали? — *«Никак нет, я располагаю завтра же выехать отсюда. — Я никогда не испытывал сил своих на этом поприще»*, т. е. это значит: что он никогда не играл в маленьком

происходит в Малороссии.

домашнем театре. Неужели петербургские модные положительные люди ведут разговор так? Если бы только сказать: *на сем поприще*, то это был бы мудрый язык попovichа, ходившего до Риторики...

Соханская идёт в своём дерзновении ещё дальше: доказывает Данилевскому, что «Затишье» не отвечает жанру повести: «...это рассказ из золотых Записок Охотника», и его надо было бы прервать раньше.

Архив Соханской почти полностью утрачен (из-за алчности её наследников, всё искавших покупателя, чтобы продать его подороже и дождавшихся лихолетья XX в.), но ещё несколько любопытных упоминаний о Тургеневе в сохранившихся частях эпистолярия найти всё же удалось: это рассказ о том, что императрица Мария Александровна¹⁸ говорила «о Тургеневе в маленькой параллели» с ней (с. 181); сообщение в неизданном письме к А. В. Плётнёвой от 17 мая 1867 г.: «В Москве Тургенев читал что-то не совсем приличное для публичного чтения. Дамам и девицам нельзя было высидеть»¹⁹; благодарность в письме к М. В. Вальховской от 25 ноября 1876 г. за присланное стихотворение Тургенева (цитируется «Крокет в Виндзоре»)²⁰. Этот материал позволяет сделать вывод о постоянстве интереса «макаровской затворницы» (так друзья шутили называли Соханскую) к Тургеневу, дальнейшей же исследовательской задачей может стать поиск возможного скрытого влияния отдельных образов и художественных приёмов тургеневской прозы на её творчество.

---

¹⁷ Стиль — это человек (фр.); афоризм Бюффона.

¹⁸ Соханская была представлена ей в 1862 г. и даже получила приглашение преподавать младшим великим князьям русскую словесность (предложение это она не приняла).

¹⁹ ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 4. Ед. хр. 163. Л. 92, 91 об. Речь, конечно, идёт о чтении «Истории лейтенанта Ергунова». Соханской могла сообщить о вечере у кн. Е. А. Черкасской её постоянная эпистолярная собеседница О. Ф. Кошелёва.

²⁰ Рус. архив. 1900. № 1. С. 113.

Е. Г. Новикова

ПЕТРАШЕВЦЫ В «ВОСПОМИНАНИЯХ» Г. Н. ПОТАНИНА

Одним из направлений научной деятельности В. А. Викторovichа является изучение «коломенского» (регионального) текста русской литературы¹. «Коломна заговорила от лица российской провинции», — утверждает ученый².

В свою очередь, «от лица» Сибири в конце XIX — начале XX вв. говорил, прежде всего, один человек — её духовный лидер Григорий Николаевич Потанин (1835–1920). «Потанин пользовался по всей Сибири громадной популярностью, почти такой же, как Лев Толстой в России», — писал его современник известный сибирский писатель В. Я. Шишков³.

Великий сибирский энциклопедист⁴, известный путешественник, исследователь Монголии, Китая и Тибета, этнограф, фольклорист, писатель, литературный критик и публицист, видный общественный деятель Сибири второй половины XIX — начала XX вв. Г. Н. Потанин оставил свои «Воспоминания»⁵,

---

¹ *Викторovich В. А.* Коломенский текст русской литературы: к определению понятия // Коломна и Коломенская земля: история и культура: Сб. статей / Сост. А. Г. Мельник, С. В. Сазонов. Коломна, 2009. С. 336–345.

² Там же. С. 345.

³ *Шишков Вяч.* Мастерство литератора // Смена. 1956. № 19. С. 14.

⁴ См.: *Сагалаев А. М., Крюков В. М.* Потанин, последний энциклопедист Сибири: Опыт осмысления личности. Томск, 2004.

⁵ См.: *Потанин Г. Н.* Воспоминания // Лит. наследство Сибири. Т. 6 / Сост. Н. Н. Яновский. Новосибирск, 1983.

широко известные всем, кто изучает историю сибирской науки, культуры и литературы.

Неоднократно в своих «Воспоминаниях» Г. Н. Потанин обращается к петрашевцам, показывая, что именно они сыграли ключевую роль в формировании его мировоззрения; тем не менее, этот материал крайне редко вводится в специальный научный оборот.

Сразу же следует уточнить, что Ф. М. Достоевский появляется в «Воспоминаниях» Потанина только однажды, и это некая вполне комическая ситуация: «В Семипалатинске я встретился с Достоевским, но только на минуту; я входил в двери, а он выходил. Я остановился по одну сторону дверей, чтобы дать ему дорогу, он, оставаясь по другую сторону, предлагал мне первому перешагнуть порог. Произошло препирательство. Наконец он, улыбаясь, сказал: “Десять тысяч китайских церемоний!” Вот и всё, что я от него услышал»⁶. Отношение Потанина к Достоевскому — это особая тема, определяемая его достаточно специфическим восприятием творчества писателя, что также отразилось в «Воспоминаниях». Патриота Сибири Потанина по-настоящему волнует только «сибирская беллетристика»⁷, литература о Сибири. Поэтому в творчестве Достоевского он обращал внимание, прежде всего, на «Записки из Мёртвого дома», но и это произведение, с его точки зрения, проигрывало научным исследованиям сибирской тюрьмы и ссылки, подобным книге Н. М. Ядринцева «Русская община в тюрьме и ссылке»⁸. По мнению Потанина, Достоевский написал только «психологический трактат о жизни “мёртвого дома”»⁹, тогда как книга Ядринцева стала «первым сибирским памфлетом против ссылки»¹⁰. Отсюда, думается, — это вполне легкое, ни к чему не обязывающее описание семипалатинской встречи с писателем Достоевским.

---

⁶ Там же. С. 63.

⁷ Лит. наследство Сибири. Т. 7 / Сост. Н. Н. Яновский. 1986. С. 236.

⁸ См.: Ядринцев Н. М. Русская община в тюрьме и ссылке / Сост., автор предисл. и примеч. С. А. Иникова; Отв. ред. О. А. Платонов. М., 2015.

⁹ Потанин Г. Н. Воспоминания. С. 236.

¹⁰ Там же.

Совершенно иное дело — петрашевцы как явление российской политической жизни, «политики»¹¹. В середине 1850-х гг. молодой Потанин, родившийся и воспитанный в среде сибирского казачества, окончивший Сибирский кадетский корпус и уже послуживший в чине хорунжего и командира казачьей сотни, познакомился в Омске с С. Ф. Дуровым. Петрашевец Дуров проживёт в Омске с 1855 г. по 1857 г., когда ему будет разрешено покинуть Сибирь. Познакомил их Ч. Ч. Валиханов; вот как описывает это Потанин: «Однажды он свёл меня к петрашевцу Дурову, и тут я в первый раз узнал, что существует особая порода людей, которых в Сибири называют “политики”». До свидания с Дуровым я обожал императора Николая I <...> Я увидел в нём человека, всем своим существом протестовавшим против николаевского режима <...> Всё, что Дуров рассказывал мне о Николае, все мои представления об этом царе, составленные по рассказам поклонников императора, после рассказов Дурова оказались опрокинутыми вверх дном»¹².

Одна встреча с Дуровым превратила верноподданного сибирского казака Потанина в иного человека: «Дуров в один вечер совершил со мной метаморфозу: его речи были оглушительны, потому что происходили от человека, глубоко пострадавшего от николаевского режима. Мои взгляды совершенно перевернулись не только на Николая I, но и вообще на монархизм»¹³.

На Потанина также большое впечатление произвела рассказанная Дуровым история петрашевца Н. П. Григорьева. Вот она — в передаче Потанина: «Он мне рассказал историю Григорьева, своего товарища по несчастью. Григорьев в числе петрашевцев был приговорен к расстрелянию. Он стоял с завязанными глазами перед взводом с направленными на него ружьями, и в это время завязка спала с его глаз. Он увидел, что солдаты, которые должны были покончить с ними, взяты

¹¹ Там же. С. 119.

¹² Там же. С. 119–120.

¹³ Там же. С. 120.

из его роты, и между ними фельдфебель, которого он очень любил; любимый человек должен был отдать приказ палить. Приговор к смертной казни не был исполнен над петрашевцами. Григорьев, как и другие, объявленные главными виновниками, был отправлен в Сибирь на каторгу, но он был привезён туда помешанным. Картина, которую он увидел, когда спала с его глаз повязка, так на него подействовала, что он моментально сошёл с ума. Когда ему было разрешено выехать в Россию, Дуров увиделся с ним в Омске; Григорьев прожил в квартире сутки или более. Дуров рассказывал мне, что Григорьев был помешан на мести Николаю. Он брал в руки какое-нибудь острое оружие, упирал его в стену, сверлил ее и воображал, что сверлит сердце Николая. «Вот над этой самой стеной он производил эту операцию, — говорил мне Дуров, указывая на одну из стен»¹⁴.

Этот рассказ Дурова–Потанина представляется крайне интересным в нескольких аспектах, несмотря на то, что его правдоподобие, конечно, вызывает вопросы.

Как известно, Н. П. Григорьев, вместе с М. В. Петрашевским и Н. А. Момбелли, был в той первой тройке петрашевцев, которых поставили к перед солдатами с наведёнными на них ружьями: «Петрашевского, Момбелли и Григорьева повели, привязали к столбам и завязали глаза»¹⁵. Принято считать, что в этой смертельной ситуации скинул с себя смертный колпак М. В. Петрашевский. В «Воспоминаниях» же Потанина, во-первых, «завязка спала с его глаз» сама (хотя, конечно, на них как на смертниках были не простые «завязки») и, во-вторых, это был не Петрашевский, а Григорьев.

Более того, именно этой ситуацией далее объясняется то, что Григорьев прямо на эшафоте сошёл с ума. Из устного рассказа об этом Достоевского (записан Е. П. Летковой (Летковой-

---

¹⁴ Там же. С. 119–120.

¹⁵ *Львов Ф. Н.*, Буташевич-Петрашевский М. В. [Записка о деле петрашевцев] // Первые русские социалисты. Воспом. участников кружков петрашевцев в Петербурге. Л., 1984. С. 58.

Султановой) «зимой 1878–1879 года»¹⁶): «На эшафоте... Чей-то чужой, громкий голос: «Приговорены к смертной казни расстрелянием»... <...> Несчастный Григорьев сошёл с ума»¹⁷. В тексте Дурова–Потанина мгновенное сумасшествие Григорьева превращается в специальную развёрнутую историю: «и в это время завязка спала с его глаз. Он увидел, что солдаты, которые должны были покончить с ними, взяты из его роты, и между ними фельдфебель, которого он очень любил; любимый человек должен был отдать приказ палить <...> Картина, которую он увидел, когда спала с его глаз повязка, так на него подействовала, что он моментально сошёл с ума».

Следует заметить, что история Григорьева об увиденной им перед собой собственной роте и любимом фельдфебеле подтверждается, хотя бы отчасти, другим источником. Молодой барон А. Е. Врангель, учившийся в это время в Александровском лицее, выпускниками которого были М. В. Петрашевский, Н. А. Спешнев и другие петрашевцы (и позже в Семипалатинске ставший близким другом Достоевского) вспоминает о дне их казни: «В это время вошёл мой дядя Владимир Ермолаевич Врангель, младший брат отца, служивший в конно-гренадерах, и объяснил мне, что <...> везут на Семёновский плац петрашевцев, приговорённых к смертной казни, и что он пришёл со своим эскадром из Петергофа, так как один из офицеров эскадрона, Григорьев, замешанный в деле Петрашевского, также должен быть казнён»¹⁸. Эскадрон, в котором служил Григорьев, специально пришёл на казнь из Петергофа.

«Когда ему было разрешено выехать в Россию, Дуров увиделся с ним в Омске; Григорьев прожил в квартире сутки или более <...> “Вот над этой самой стеной он производил

¹⁶ *Леткова Е. П.* О Ф. М. Достоевском: Из воспоминаний // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: [В 2 т.] Т. 2. М., 1964. (Серия лит. мемуаров). С. 382.

¹⁷ Там же. С. 382–383.

¹⁸ *Врангель А. Е., бар.* Воспоминания о Ф. М. Достоевском в Сибири 1854–56 гг. СПб., 1912. С. 20.

эту операцию, — говорил мне Дуров, указывая на одну из стен”». Этот рассказ о возможной личной встрече Дурова и Григорьева в Омске также может быть подтверждён временными совпадениями. В 1849 г. Григорьев был отправлен в Нерчинскую каторгу, где его психическое заболевание обострилось, поэтому в 1856 г. он был выпущен на поселение, а в 1857 г. — отправлен под надзор семьи в Нижнем Новгороде как неизлечимо больной человек. В свою очередь, Дуров жил в Омске именно в 1855–1857 гг., когда Григорьеву «разрешено было выехать в Россию».

Однако в целом этот рассказ Дурова о Григорьеве интересен не только и не столько как некое историческое свидетельство, которое следует подтверждать (или опровергать) другими историческими фактами. Свои «Воспоминания» Потанин писал уже в начале XX в., поэтому истории и факты, прямо не связанные с его собственной жизнью и научными исследованиями, вполне могли быть, хотя бы отчасти, искажены и перепутаны.

Его текст о петрашевцах Дурове и Григорьеве, в сущности, это такой сибирский миф о петрашевцах, о их эшафоте, страдании, политических взглядах и политической борьбе. Самое главное для Потанина в этом творимом им самим мифе состоит в том, что именно петрашевцы, по его мнению, «совершили метаморфозу» рождения регионального «сибирского движения»¹⁹, сибирского областничества, лидером которого он был. «Мы были молоды, бескорыстны и <...> думали об общем деле»²⁰ политического и культурного развития Сибири. И образцом для молодых сибиряков здесь стали петрашевцы, миф о которых и сотворил благодарный им Потанин в своих поздних «Воспоминаниях».

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 18-012-90020\18.*

---

¹⁹ Потанин Г. Н. Воспоминания. С. 119.

²⁰ Там же.

ПЕРЕПИСКА Н. П. ГИЛЯРОВА-ПЛАТОНОВА с И. П. КОРНИЛОВЫМ (июль — сентябрь 1887 г.)

После Достоевского, творчество которого неизменно в центре исследовательских интересов Владимира Александровича, пожалуй, писателем, изучаемым им с наибольшей любовью, является Никита Петрович Гиляров-Платонов (1824–1887). И потому, что он земляк-коломенец, и потому (возможно), что он был журналистом по призванию, а это поприще в 1972–1979 гг., как известно, стало для юбиляра трамплином в науку; но, прежде всего, в связи с реальным масштабом личности Гилярова — писателя и мыслителя, — до сих пор остающегося «неопознанным гением»¹ для нас, его соотечественников. Начиная с июня 2004 г. в Коломне, по инициативе В. А. Викторovichа, проводятся гиляровские научные конференции; на одной из них решено было издать Полное собрание сочинений мыслителя, и юбиляр подготовил его проект, рассчитанный на 20 томов.

Настоящую публикацию писем Гилярова, относящихся к последним трём месяцам его жизни, предлагаю считать небольшим шагом к осуществлению грандиозного замысла.

Иван Петрович Корнилов (1811–1901) — видный государственный и общественный деятель, как принято было говорить в то время — «русского направления». Он был географ,

¹ См. одноименную книгу С. Ф. Шарапова, посвящённую Гилярову (М., 1903).

историк школьного образования в России; сразу после подавления Польского восстания, в 1864 г., — получил назначение попечителем Виленского учебного округа, а в 1868 г. — членом Совета министра народного просвещения; в 1872–1876 гг. состоял председателем С.-Петербургского отдела Славянского благотворительного комитета.

Гиляров был лично знаком и поддерживал приятельские отношения с Корниловым еще с конца 1850-х гг., когда тот был инспектором казённых училищ Московского учебного округа, — позднее высылал ему свою газету и другие издания. Так, их общий друг Н. Н. Новиков, служивший в Главном управлении по делам печати, 26 октября 1884 г. писал Гилярову: «Благодарю, очень благодарю за переданную мне И. П. Корниловым “Экскурсию” Вашу <...> Выдающиеся статьи и сообщения Вашей газеты аккуратно передаются мне пропагандирующим всё доброе Иваном Петровичем»². Тем не менее на сегодняшний день известны только четыре публикуемые ныне письма Гилярова к Корнилову. Ответные письма последнего не сохранились, за исключением скопированного самим Корниловым большого фрагмента одного из своих же писем, который также публикуется ниже.

В центре переписки — обсуждение жизненно важной для 63-летнего Гилярова возможности — стать преемником умершего М. Н. Каткова по редактированию «Московских ведомостей», которые не только являлись важной национальной трибуной, но и были обеспечены обязательными казёнными объявлениями, дававшими значительный доход издателю. Главным помощником Гилярова в этом деле и ходатаем за него в коридорах власти без раздумий соглашается стать Корнилов (отсюда, например, еврейская тема писем: Гиляров, далекий от

---

² Никита Петрович Гиляров-Платонов: Исслед. Материалы. Библиогр. Рецензии / Под общ. ред. А. П. Дмитриева. СПб., 2013. С. 465, 466. Далее ссылки на это издание даются сокращенно: *Гиляров. ИМБР*. Упомянут оттиск философско-лингвистического эссе Гилярова «Экскурсии в русскую грамматику» (М., 1883).

юдофобства, подсказывает аргументы, которые могли поспособствовать успешному предстательству за него среди власть предержащих). К Корнилову первому наносит визит Гиляров, приехав в Петербург 28 августа 1887 г.; Корнилов, наряду с молодым дипломатом И. А. Пашковым, был последним близким Гилярову человеком, которому довелось пообщаться с ним за считанные часы до его безвременной кончины 13 апреля того же года.

Заканчивая одну из последних своих больших статей — о Владимирском братстве Александра Невского, — Гиляров писал о его членах: «Видно, что в числе деятелей есть много сердечно одушевлённых, энтузиастов, идеалистов, отдавшихся своему делу душою, не только бескорыстно, но самоотверженно. Заключу словами поэта:

Сейте разумное, доброе, вечное.
Сейте! Спасибо вам
Скажет сердечное
Русский народ»³.

Эти вдохновенные слова Гилярова вполне можно приложить и к нему самому, и к его исследователю В. А. Викторовичу.

Любопытно, что письма Гилярова к Корнилову, как и воспоминания последнего о Гилярове, еще в 1893 г. планировал опубликовать ученик и биограф мыслителя кн. Н. В. Шаховской⁴, но задуманное издание не состоялось. Публикуемые ныне письма частично цитировались в наших комментариях к публикации писем Гилярова к сотруднице его газеты А. М. Гальперсон⁵, а также в статье историка А. Г. Юшко «За кулисами публицисти-

---

³ Соврем. известия. 1887. № 221. 13 авг. С. 2. Далее сокращенно: *СИ*.

⁴ См.: *Шаховской Н. В.* Проект матерьяла, который может войти в Сборник <памяти Н. П. Гилярова-Платонова> // *Гиляров. ИМБР*. С. 479, 480.

⁵ *Гиляров-Платонов Н. П.* Из пережитого: Автобиографич. воспоминания / Изд. подг.: А. П. Дмитриев, И. Г. Птушкина, Л. В. Дмитриева. СПб., 2009. Т. 2. С. 497–499, 502, 509, 525, 527. (Лит. памятники). В дальнейшем ссылки на это издание даются сокращенно: *Из пережитого*.

ки (Власти и «Московские ведомости» в 1887 году по смерти М. Н. Каткова)»⁶. Полностью публикуются впервые.

1

Н. П. Гиляров-Платонов — И. П. Корнилову

Автограф: ОР РНБ. Ф. 377. Ед. хр. 592. Л. 1–2 об. На бланке
газеты «Современные Известия».

Москва.

1887 г. Июля мес. 27 дня

Высокоуважаемый
Иван Петрович.

Вот, мы схоронили Каткова⁷; кто будет ему преемником? Разумею преемничество не влияния государственного, а преемничество по изданию «Московских Ведомостей». Здесь достоверно известно, что, ещё не дожидаясь срока контракту, которому истекает, говорят, конец в декабре, уже закидывают *евреи* виды на старейший в России орган печати⁸: Поляковы⁹ хотят взять «Ведомости» в руки, подставив *Мейна*¹⁰, бывшего

---

⁶ *Гиляров. ИМБР. С. 162–164.*

⁷ М. Н. Катков скончался 20 июля 1887 г. на 69-м году жизни.

⁸ «Московские ведомости» издавались начиная с 1756 г.; старейшей в России газетой, как известно, были петровские «Ведомости» (1702–1727).

⁹ Братья Поляковы: Яков (1832–1909), Самуил (1837–1888) и Лазарь (1842–1914) Соломоновичи — железнодорожные магнаты, предприниматели и банкиры; все трое стали потомственными дворянами и тайными советниками. С. С. Поляков оказал Каткову весомую финансовую поддержку при основании Лицея цесаревича Николая.

¹⁰ Александр Данилович Мейн (1836–1899) — публицист, сотрудник газет «Русские ведомости» и «Голос», заведующий неофициальной частью «Московских губернских ведомостей»; дед Марины Цветаевой по матери. 30 июля 1887 г. Гиляров писал Я. К. Гроту, поддержкой которого также хотел заручиться: «Братья Поляковы, подставляя Мейна в редакторы, — того Мейна, который, помните, на Пушкинском юбилее был виновником известной телеграммы “Голоса” и статьи, позорившей Каткова. Это было бы непростительным оскорблением памяти почившего публициста» (*Гиляров. ИМБР. С. 463*). Имеется в виду телеграмма Мейна о реакции делегатов Пушкинского праздника на речь Каткова, произнесённую им 6 июня 1880 г.

правителя дел канцелярии здешнего генерал-губернатора¹¹, недавно уволенного, говорят, по негласному Высочайшему повелению¹². Отношение Мейна к литературе определяется тем, что он управлял прежде московским отделением «Голоса»¹³. По-видимому, вероятностей мало, но чего не добьются евреи! Лазарь Поляков, говорят, нарочно вернулся для того из-за границы в Москву и отсюда поехал в Петербург *в одном поезде с Иваном Давыдовичем Деляновым*¹⁴. Нужно отдать честь умению вести дело.

По Вашему положению в Министерстве Вы можете узнать положение дела, и мне бы приятно было получить об этом от Вас весточку. Помимо общего интереса, в этом деле есть и мой личный. Многие советуют мне искать «Московских Ведомостей»¹⁵, и я бы не прочь; надеюсь, что не уроню их.

на торжественном обеде по поводу открытия памятника поэту. В своей корреспонденции Мейн утверждал, что Каткову была якобы устроена общая обструкция, и так описывал его: «Тяжёлое впечатление производит человек, переживающий свою казнь и думающий затрапезною речью искупить предательства двадцати лет!» (Голос. 1880. № 157. 7 июня. С. 4). Русские газеты единодушно осудили это лжесвидетельство, поскольку речь Каткова, призывавшего к примирению общественных сил, вызвала одобрение многих слушателей.

¹¹ Князь Владимир Андреевич Долгоруков (1810–1891) — генерал-адъютант, генерал от инфантерии; с 1865 г. московский генерал-губернатор.

¹² Ходили слухи, что под влиянием Мейна кн. Долгоруков благоволил к еврейским промышленникам и финансовым деятелям, что вызывало недовольство в верхах, выразившееся в отставке Мейна в 1887 г. Тот возглавил один из частных московских банков. См. об этом в статье А. Г. Юшко (Гиляров. ИМБР. С. 163).

¹³ «Голос» — петербургская ежедневная политическая и литературная газета, издававшаяся А. А. Краевским в 1863–1883 гг. Мейн помещал в ней обозрения московской жизни.

¹⁴ Граф Иван Давыдович Делянов (1818–1897) — министр народного просвещения (1882–1897), ранее — директор Публичной библиотеки (1861–1886), член Главного управления цензуры (с 1861 г.); товарищ министра народного просвещения (1866–1874); знакомый Гилярова с середины 1850-х гг.

¹⁵ В письме к Я. К. Гроту от 30 июля 1887 г. Гиляров писал о том же под-

---

А правительству, полагаю, не безразлично, каких дарований и какого направления человек будет заведывать столь важным органом.

Здесь, помимо Мейна, называют следующих кандидатов: Н. А. Любимова¹⁶, кн. Мещерского¹⁷, Цитовича¹⁸, Циона¹⁹ и Гр. П. Данилевского²⁰. В какой мере всё это верно и в какой мере могло бы моё искательство надеяться на успех? Будьте добры, уведомьте меня и научите, а кстати, и поспособствуйте с своей стороны в пределах, Вам возможных. Здесьний генерал-губернатор, сколько мне известно, за меня²¹; да и вообще, я

робнее: «На похоронах Каткова и после, с кем ни встречался я из серьезных людей образованного класса, я слышал одно: “Теперь вы одни остались, на вас надежда”. Объясняя себе, что дело идёт о представителях направления, я не оспаривал, что из публицистов с охранительным, но вместе независимым образом мыслей остался действительно я один. Но кроме того, очень многие обращались ко мне с советами заместить Каткова не в публицистике вообще, а прямо в издании “Московских Ведомостей”; другими словами, чтобы я вступил соискателем, когда кончится настоящий контракт по аренде этой газеты. Доходит до курьеза: некоторые сообщают о предстоящем переходе ко мне “Московских Ведомостей” как о решённом деле» (*Гиляров. ИМБР. С. 462–463*).

¹⁶ Николай Алексеевич Любимов (1830–1897) — ученый-физик, историк, публицист; профессор Московского университета (1865–1882), друг и биограф М. Н. Каткова.

¹⁷ Князь Владимир Петрович Мещерский (1839–1914) — публицист, прозаик, издатель-редактор изданий: «Гражданин» (1872–1877, 1883–1914), «Добро» (1881), «Воскресение» (1887–1894) и др.

¹⁸ Петр Павлович Цитович (1844–1913) — правовед, профессор Новороссийского (1873–1880), Киевского (с 1884 г.) и С.-Петербургского (с 1900 г.) университетов; публицист, редактор правительственного офицюза — газеты «Берег» (1880).

¹⁹ Илья Фаддеевич Цион (1842–1912) — профессор физиологии Медико-хирургической академии, агент Министерства финансов России во Франции, международный авантюрист, журналист, публицист.

²⁰ Григорий Петрович Данилевский (1829–1890) — прозаик, публицист, переводчик; помощник редактора (с 1870 г.), редактор (с 1881 г.) офицюза «Правительственный вестник»; знакомый Гилярова с конца 1850-х гг.

²¹ Кн. В. А. Долгоруков действительно обещал поддержать кандидатуру Гилярова. К решающему совещанию министров в октябре 1887 г. он собирал-

---

полагаю, нужен москвич.

Примите уверение в душевном почтении

Вашего усердного слуги

Н. Гилярова-Платонова.

Уведомьте, кстати, меня: получена ли Вами моя книга «Из пережитого» 1-я часть и 2-я?²²

2

Н. П. Гиляров-Платонов — И. П. Корнилову

Автограф: ОР РНБ. Ф. 377. Ед. хр. 592. Л. 3–3 об.

Москва, 6 августа 1887 г.

Душевно благодарен Вам, высокоуважаемый Иван Петрович, за Ваше доброе, участливое письмо. Но недоумеваю о заключительных его словах. Вы находите полезным, чтобы я «попытал счастья». Но какой способ? Какой путь? Я понимаю, если бы назначен был конкурс, торги. Но этого, без сомнения, не будет: инициатива последует от правительства, да иначе и невозможно. Поэтому обратиться мне к Делянову ли, к университету ли²³, или к кому другому совсем невозможно.

Получил подтверждение, что меня желает генерал-губернатор приехать в Петербург, прервав заграничный отпуск. Спустя неделю после смерти Гилярова кн. В. П. Мещерский писал: «Бедный Гиляров-Платонов, как известно, приезжал в Петербург просить о передаче ему “Московских Ведомостей”. Московский генерал-губернатор, князь Долгоруков, желал того же и, возвращаясь из-за границы по дороге из Вержболова до Вильны (где он остановился), встретившись с управляющим Морским министерством, сказал ему, что он между прочим спешит в Петербург хлопотать об отдаче “Московских Ведомостей” Гилярову-Платонову. Шестаков показывает ему на номер газеты, где имя претендента на “Московские Ведомости” было в *чёрной кайме!*» (Дневник. Вторник, 20 октября // Гражданин. 1887. № 21. 21 окт. С. 3).

²² Из пережитого: Автобиограф. воспоминания Н. Гилярова-Платонова: В 2 ч. М., 1886. [Ч. I]. 345 с.; 1887. Ч. II. 349 с. Вторая часть вышла в начале марта, и Гиляров подарил свою книгу многим друзьям и знакомым.

²³ «Московские ведомости» принадлежали Московскому университету (формально — до 1909 г.) и сдавались в аренду разным редакторам по согласованию с Министерством народного просвещения.

тор. Завтра отправлюсь к нему, не узнаю ли чего.

Слышу, что рекомендуют В. К. Саблера²⁴, и изумляюсь, чем можно это объяснить. Говорят, что эту кандидатуру отклоняет Толстой²⁵. Скажите: какое, или, точнее, сколь великое, влияние будет иметь Толстой на решение вопроса? Не откажитесь уведомить меня об этом.

Если Вышнеградский²⁶ будет, как носятся слухи, на ярмарке²⁷, то купечество намерено ходатайствовать пред ним о содействии моей кандидатуре. Так мне писали из Нижнего²⁸.

Вообразите: я полагал, что обе части моих Воспоминаний были Вам посланы. О первой части я был даже вполне уве-

---

²⁴ Владимир Карлович Саблер (1845–1929) в рассматриваемое время был управляющим Канцелярией Св. Синода.

²⁵ Министр внутренних дел граф Дмитрий Андреевич Толстой (1823–1889) находился в отпуске по болезни, жил в своем рязанском имении и не мог лично принять деятельное участие в решении вопроса о «Московских ведомостях».

²⁶ Иван Алексеевич Вышнеградский (1831–1895) — член Государственного совета (с 1882 г.), министр финансов (1888–1892); ранее, в 1875–1878 гг., директор Технологического института.

²⁷ Речь идет о Нижегородской ярмарке, где Вышнеградский побывал 12–15 июля 1887 г. (см.: *СИ*. 1887. № 221. 13 авг. С. 2). О Гилярове как желательном для купечества редакторе «Московских ведомостей» говорил министру такой авторитетный купец как А. Ф. Морокин. Сам Гиляров писал на ярмарку своему сотруднику Д. Н. Шубинскому (брату редактора «Исторического вестника»), присылавшему корреспонденции с Нижегородской ярмарки: «Так как дело, во всяком случае, не может состояться без совета с Вышнеградским, ибо касается казённой доходной статьи, то в силу этого-то самого я и просил ярмарочных купцов сказать обо мне. Мне передавали ответ Вышнеградского, что это не от него зависит. Да я и знаю это; не ходатайство его и нужно, а нужно было, чтобы он слышал имя моё произнесённым на ярмарке. Приятели мои, да и Вы, кажется, тоже, не поняли сущности моего поручения. Кандидатом в издатели “Моск<овских> Вед<омостей>” я уже значился ранее того, чем писал ярмарочным приятелям. Меня предложил генерал-губернатор; Делянов говорил обо мне некоторым лицам, как о серьёзнейшем из кандидатов» (*Из пережитого*. Т. 2. С. 522–523).

²⁸ См., например письмо А. Ф. Морокина: Там же. С. 535–536.

рен. Посылаю теперь их обе, прикладывая и свой автограф по Вашему любезному желанию.

Примите уверение в душевном уважении и преданности
Вашего покорного слуги
Н. Гилярова-Платонова.

3

И. П. Корнилов — Н. П. Гиляров-Платонову

Автокопия под названием: «Из письма Никите Петр.

Гилярову-Платонову. 18 авг. 1887»:

ОР РНБ. Ф. 377. Ед. хр. 347. Л. 1–1 об.

Благодарю за Ваш дружеский подарок (Из пережитого. Автобиографические воспоминания. 2 части. Москва, 1886). С живейшим интересом читаю Вашу исповедь. Какой богатый материал для бытовой нашей истории, так мало ещё разработанной. Глубокое Вам спасибо за высокое наслаждение, которое испытываю. Так и веет родной русской стариной, в которой столько прекрасного и доброго, несмотря на её иногда грубоватую, неказистую внешность. Как грустно, что в нашей неразборчивой погоне за Европою мы воспользовались главнейшим образом только её фраками, прическами и разговорными языками, но утратили многие свои положительные серьёзные качества и нравственно понизились и опошliliсь.

Великую и ответственную службу пред Богом и народом служит редактор большого периодического издания. Как рулевой или кормчий даёт направление кораблю, — так и редактор газеты даёт направление многим тысячам умов, послушных его слову и мыслям. Вполне сочувствую Вашему русскому и православному направлению и желаю от души успеха Вашей одушевлённой любви к России пропаганде.

Н. П. Гиляров-Платонов — И. П. Корнилову
Автограф: ОР РНБ. Ф. 377. Ед. хр. 592. Л. 4–7 об.

На бланке газеты «Современные Известия».

Москва.

1887 г. Августа мес. 20 дня

Да, Ваша великая правда, многоуважаемый Иван Петрович, о великом значении, какое предоставлено редактору большого периодического издания. Семь лет назад, когда меня вызвали в Петербург для обсуждения предполагаемых изменений в законах о книгопечатании²⁹, я в разговорах с Лорис-Меликовым³⁰ сказал: ничего не нужно, кроме одного, — нравственный и умственный ценз от редакторов. От мирового судьи, который судит пьяных баб и район власти которого простирается на десятки верст, требуется образовательный ценз³¹. Кафедра, с которой преподаётся наука, вручается только лицам высокого образовательного ценза. А трибуна, с которой гласят миллионам, — на неё вскакивает любой. Будь определён требуемый мною ценз (между прочим, он должен состоять в предшествующей литературной деятельности, которая свидетельствовала бы о знаниях, направлении, опытности), похерьте тогда весь цензурный устав; он не нужен. Серьезных людей не бойтесь, какого бы они ни были направления; страшны верхогляды, которые тем более страстны, чем менее вникали в дело,

²⁹ Это знаменательное совещание гр. М. Т. Лорис-Меликова с редакторами крупных российских газет состоялось 6 августа 1880 г., когда прекратила свою деятельность Верховная распорядительная комиссия, созданная в феврале 1880 г., после попытки С. Н. Халтурина совершить цареубийство. Лорис-Меликов сообщил о задуманных им преобразованиях: расширении прав земств, борьбе со случаями полицейского беззакония, расширении свободы печати и др.

³⁰ Граф Михаил Тариелович Лорис-Меликов (1825–1888) — генерал от кавалерии (1875); председатель Верховной распорядительной комиссии (1880), министр внутренних дел (1880–1881).

³¹ Мировые суды в России появились в ходе Судебной реформы 1864 г. Образовательный ценз судьи был ограничен требованием среднего образования.

и тем более опасны, чем менее поднимаются над толпой и её вкусами и похотями.

За известие Вас благодарю. Из Нижнего жду подробностей; Вышнеградскому говорено было обо мне несомненно. Он ответил, что может иметь значение в данном деле, но небольшое. Главное значение принадлежит, разумеется, Делянову, но еще главнейшее, по его словам, Константину Петровичу. Это и должно быть так, и это меня смущает. Победоносцев хотя и старый мой приятель и бывший всегдашний мой ходатай пред властями³², теперь имеет против меня зуб. Прошлым годом выходило было, что Нечаев-Мальцев³³ готов был принять материальное участие в моей газете. Но, не зная меня лично, он не вполне удостоверен был в моей политической благонадежности. Тогда посоветовали ему обратиться с запросом к Победоносцеву, а мне — предупредить об этом Победоносцева. Мой доверенный отправился с моим письмом³⁴ к Константину Петровичу, но тот принял его, по его выражению, «как собаку»: раскричался, что ни слова не скажет в мою пользу.

Раз газета моя была приостановлена именно по ходатайству Победоносцева. Это было, когда при покушении на ректора Тифлисской семинарии у меня была помещена корреспонденция, советовавшая обратить и на другую сторону внимание³⁵.

³² Константин Петрович Победоносцев (1827–1907) — в тот период сенатор (с 1868 г.), член Государственного совета (с 1872 г.), обер-прокурор Св. Синода (1880–1905) — сблизился с Гиляровым в 1860 г., их более четверти века связывала переписка. Победоносцев благодаря своим служебным возможностям и влиянию в правительственных сферах в 1870-х гг. регулярно помогал Гилярову: специально встречался с влиятельными петербургскими сановниками, дабы склонить их на его сторону, уберечь его издание от репрессий либо ослабить их действие.

³³ Юрий Степанович Нечаев-Мальцев (1834–1913) — известный меценат, обер-гофмейстер, вице-председатель Общества поощрения художеств.

³⁴ Опубликовано в изд.: Разумевающие верой: Переписка Н. П. Гилярова-Платонова и К. П. Победоносцева (1860–1887) / Изд. подг. А. П. Дмитриев. СПб., 2011. С. 237. Далее ссылки даются сокращенно: *Разумевающие верой*.

³⁵ 12 марта 1885 г. протоиерей П. И. Чудецкий был избит исключённым по ничтожному поводу из семинарии 24-летним Сильвестром Джибладзе,

---

Благоразумие совета оправдалось последствиями, как Вам известно: ректора потом и убили; но газету тогда всё-таки приостановили.

Моё ходатайство за сохранение чести Успенского собора возбудило также ярость моего друга и вызвало колкие письма от него ко мне³⁶. А на днях конфиденциальным внушением из Главного Управления по делам печати передано мне замечание Обер-прокурора Св. Синода, что газета моя якобы позволяет себе оскорбительные отзывы о духовных сановни-

впоследствии видным меньшевиком, партийным наставником Сталина. За публикацию корреспонденции об этой истории «Из Тифлиса» (*СИ*. 1885. № 88. 2 апр. С. 1; подп.: *К. К.*) «Современные известия» были приостановлены с 8 по 22 апреля 1885 г. (назначенная месячная кара была сокращена вдвое благодаря заступничеству Т. И. Филиппова). В корреспонденции рассказывалось о неоправданно жестоких, унижающих личное достоинство воспитанников, порядках в Тифлисской семинарии, приведших к тому, что доведенный до отчаяния семинарист Джибладзе напал на ректора и избил его. Общее сочувствие, по утверждению корреспондента, оказалось на стороне Джибладзе, несмотря на его «зверский» поступок. 3 апреля Победоносцев писал главе Цензурного ведомства Е. М. Феоктистову: «Рассудите, какой вред приносят подобные статьи, рассчитанные на возбуждение неповиновения начальству, и без того уже эпидемически распространившегося, особенно на Кавказе. Признаюсь, когда бы от меня зависело, я не задумался бы дать “Современным Известиям” предостережение за помещение такой статьи, хотя бы в остратку другим» (Лит. наследство. М., 1935. Т. 22/24. С. 517). Вскоре, 24 мая 1886 г., о. Павел Чудецкий был убит в своей квартире 19-тилетним грузинским юношей-сиротой Иосифом Лагиашвили, исключённым из семинарии незадолго до её окончания по случайному поводу — за чтение «Отечественных записок» (по другой версии — за найденные в его личных вещах дневник и какую-то книгу А. Ф. Писемского).

³⁶ В октябре 1886 г. амбициозный московский митрополит Иоанникий (Руднев), желая возвысить новопостроенный Храм Христа Спасителя, добился Синодального указа о подчинении кремлёвского Успенского собора Московской кафедре, а ещё ранее прекратил в нём торжественные архиерейские служения и хиротонии, что очень возмущало москвичей, высказывавшихся о своих недоумениях в газетах. Победоносцев, вопреки представляемым Гиляровым документальным подтверждениям, видел в сообщениях и корреспонденциях на эту тему, по сути, сфабрикованные в угоду бульварной публике «газетные утки». См.: *Разумевающие верой*. С. 238–250.

ках и противодействует миссионерству!³⁷ Вы удивляетесь? Меня это не только удивляет, но бесит. Я собирался писать Победоносцеву, уличить его в недобросовестной оценке; но раздумал. Раздумал именно по случаю кандидатуры моей в «Московские Ведомости». Только раздражишь ещё более этого слепца, не разбирающего, где враги и где друзья церкви. Тем не менее в духовно-учебных заведениях моя газета подвергается проскрипции³⁸. К газетам и журналам с полунигилистическим содержанием, к газетам-буфам, опереточного и грязного содержания, относятся снисходительно, а «Современные Известия» преследуются. Вот и пойдите!

Я буду на днях в Петербурге, многоуважаемый Иван Петрович; мне нужно там быть за документами по одному судебному делу³⁹. Придется быть и у Победоносцева (не явиться к

³⁷ Подоплёку этого «внушения», полученного от Победоносцева, Гиляров узнал, приехав в Царское Село 28 августа, от Ф. П. Еленева, члена Главного управления по делам печати (1868–1889), который «рассказал подробно историю последней конфиденциальной угрозы (как раз объявлена была через Еленева). Оказывается, что Победоносцев получил пасквильное письмо, на основании которого он и говорил Еленеву». Гиляров сообщал А. М. Гальперсон: «Очевидно, что Конст<антин> Петрович сам не читает. Передано было так, что я куплен раскольниками, а в редакции жиды, которые-де раскричались, когда принесена была статья, возражающая против корреспонденции о Крючкове. “Я, — продолжал Еленев, — прочитал инкриминируемую статью и возражал, что по самому содержанию её видно, что она писана не раскольником, а именно православным же миссионером, и притом в интересах миссионерства, а не в пользу раскола...”» (*Из пережитого*. Т. 2. С. 221). Выходные данные корреспонденции о Крючкове см. ниже в примеч. 42.

³⁸ Ведомственные синодальные инструкции не включали «Современные известия» в список изданий, рекомендованных к годовой подписке духовно-учебным заведениям.

³⁹ Гиляров находился в Петербурге с 28 августа по 3 сентября. О том, по какому судебному делу приехал он в столицу, можно получить некоторое представление по его письму к А. М. Гальперсон, в котором он рассказывал о встрече с И. А. Вышнеградским: «Дать удостоверительное свидетельство по делу Тугенгольда <отказался>, говоря, что только по требованию суда может быть выдано» (*Из пережитого*. Т. 2. С. 228). Тугенгольд — знакомый А. М. Гальперсон.

нему — оскорбить его). Но желательно было бы, чтобы проложена была до того времени к его сердцу дорога; чтобы кто-нибудь выразил ему удивление на недоброжелательство его ко мне. Переданное мною выше я уполномочиваю не скрывать. Напротив, мне именно желательно, чтобы до него дошли жалобы мои на несправедливое ко мне его отношение. Где же он нашел, что я противодействую миссионерству? Достойное хвалы и подражания возвеличиваю (как недавно о Владимирском братстве⁴⁰). Если же писано было против какого-нибудь Субботина⁴¹, то я, зная этого господина хорошо, нахожу, что писано ещё слабо. Вверившись этому гешефтмахеру-игноранту, Константин Петрович роняет дело православия. Или писано было об обманной хвастливости некоего Крючкова⁴², или о

---

⁴⁰ Г-в Н. [Гиляров-Платонов Н. П.]. Владимирское Православное Братство Александра Невского // *СИ*. 1887. № 221. 13 авг. С. 1–2. Статья представляет собой обзор «Отчета о деятельности Владимирского православного братства Св. благоверного великого князя Александра Невского за 1885/86 год» (М., 1886). См. также передовую статью Гилярова в том же номере газеты на с. 2.

⁴¹ Николай Иванович Субботин (1827–1905) — расколовед; ученик Гилярова по Московской духовной академии, с 1855 г. его преемник по кафедре герменевтики и учения о вероисповеданиях и расколах, профессор истории и обличения русского раскола (1870–1893), доктор богословия (1874). Оппонент и недоброжелатель Гилярова, с которым он неоднократно полемизировал в печати и нередко жаловался на него К. П. Победоносцеву (см.: *Марков В. С.* К истории раскола-старообрядчества второй половины XIX столетия: Переписка проф. Н. И. Субботина, преимущественно неизданная, как материал для истории раскола и отношений к нему правительства (1865–1904 гг.). М., 1914. С. 298, 366, 489).

⁴² Ксенофонт Никифорович Крючков — синодальный миссионер, бывший старообрядец поморского согласия. В «Современных известиях» время от времени публиковались материалы с неприязненными характеристиками этого церковного деятеля. См., например, неподписанную заметку: Миссионер Ксенофонт Крючков // *СИ*. 1887. № 33. 3 февр. С. 2. Здесь речь идёт о статье: Г. А. По поводу съезда миссионеров // *СИ*. 1887. № 187. 10 июля. С. 1–2. Автор (его имя установить не удалось), в частности, сообщал: «Есть, к сожалению, казённо-полицейские замашки у многих из миссионеров, и это наносит сильный вред миссионерскому делу. Пишущий эти строки

слепце Шашине⁴³, который служит посмешищем для раскольников: Обер-прокурор Св. Синода должен бы благодарить, что раскрывают глаза и что отрекаются за церковь в её высоком смысле от солидарности с такими проходимцами, хотя и пролезшими в милость.

Кстати: циркуляр об ограничении приёма в гимназии⁴⁴ меня смущает. Он основан, по моему мнению, на ложной точке зрения, и нахожу, что новые правила недолговечны. Удивительно, как одно ослепление сменяется другим. Первое ослепление было, что в классической школе видели панацею от всех зол⁴⁵; теперь школе приписывают зло, в котором она неповинна.

Классическая школа необходима и полезна, но не в том раз-
мере и не в том смысле, как проповедывал Катков.

имел случай беседовать с прославленным синодальным миссионером о. Ксенофонтом Крючковым. Почтенный миссионер рассказывал лично мне, как он в с. Поиме (Чембарского уезда, Пензенской губ.) наряжал полицейских урядников за старообрядческими начётчиками, которых насильно тащили на разглагольство с миссионером. История христианской проповеди не представляет подобных примеров и таких грубых приёмов со стороны благовествователей» (с. 1).

⁴³ Алексей Егорович Шашин — миссионер, слепой с рождения; жил в Спасо-Преображенском Гуслицком монастыре Богородского уезда Московской губернии. Автор 15 брошюр, вышедших в 1886–1910 гг. См. очерк некоего Н. Арского «Братство без братии» о Братстве св. Петра митрополита в Москве (*СИ*. 1887. № 157. 10 июня. С. 1–2), где дается довольно резкая оценка деятельности Шашина и его покровителя Н. И. Субботина.

⁴⁴ Циркуляр Министерства народного просвещения «О сокращении гимназического образования» (прозванный «циркуляром о кухаркиных детях») от 18 июня 1887 г. был призван ограничить приём в гимназии представителей низших слоёв общества, подверженных революционным настроениям. В газете Гилярова циркуляр был опубликован на первой полосе № 209 от 1 августа.

⁴⁵ Система классического образования в средней школе, основанная на изучении древних языков (латыни и древнегреческого) и литературы и призванная искоренить нигилистские взгляды в молодёжной среде, с середины 1860-х гг. стала преобладающей в России благодаря усилиям министра народного просвещения графа Д. А. Толстого и идейно поддерживавших его Каткова, Победоносцева и других консервативных деятелей.

Революционное направление молодёжи не от классической школы и не от школы вообще.

Достаточность состояния родителей не предохранит молодёжи от увлечений, и ограничение числа учащихся не прекратит недовольства, а, напротив, усилит.

Вот мои основные положения. Прибавлю к тому, что я вовсе не защитник дешёвого обучения. Наоборот; для некоторых заведений я бы ещё более повысил плату и тем не менее принял бы меры, чтобы бедные не были отогнаны.

В газете своей я почти не касаюсь этого вопроса. Требуется написать слишком много статей, ибо недоразумение слишком глубоко. Или же написать большую одну статью для помещения в каком-нибудь толстом журнале⁴⁶; а не то написать докладную записку Ивану Давыдовичу. Вопрос очень близок к сердцу моему; не знаю, как решу.

А что же это делает Министерство с Ярославским лицеем?⁴⁷ Оттуда идёт вопль; один образчик впечатления прилагаю⁴⁸. Думаю, что умолчание произошло от недоразумения; но удивляюсь, почему же Шпилевский⁴⁹ не обратился в Министерство: ясное ведь дело, что правительство не могло намеренно допустить такую непоследовательность и намеренно обидовливать

⁴⁶ Этот замысел не был осуществлён.

⁴⁷ Речь идёт о Демидовском юридическом лицее в Ярославле (назывался так в 1868–1918 гг.).

⁴⁸ Гиляров переслал Корнилову письмо, полученное им от Николая Николаевича Корсунского (1843–1899), преподавателя греческого языка в Ярославской духовной семинарии и редактора «Ярославских епархиальных ведомостей» (1871–1898). Оно отложилось в фонде Корнилова в ОР РНБ (Ф. 377. Ед. хр. 1450), датировано 15 августа 1887 г. Письмо содержит сетования антисемитского характера в связи с тем, что из-за «циркуляра о кухаркиных детях» «число прошений» от евреев «продолжает увеличиваться», — взволнованное «ярославское общество» решило не сдавать жильё будущим студентам-евреям, лицейскую церковь придётся закрыть за ненадобностью и прочие обывательские страхи.

⁴⁹ Сергей Михайлович Шпилевский (1833–1907) — русский юрист, краевед, археолог, заслуженный профессор (с 1886 г.) и директор Демидовского юридического лицея в 1885–1904 гг.

Ярославль.

Автор письма из Ярославля просит сохранить, как Вы видите, его имя incognito⁵⁰; уверен, что Вы его не обнаружите.

Душевно уважающий
Н. Гиляров-Платонов.

P. S. А как же быть с Константином Петровичем? Толстой хотя не будет за меня прямо, то не будет и против. А родные-то братья когда поссорятся, знаете — бывают злее чужих. Так и Победоносцев ко мне.

5

Н. П. Гиляров-Платонов — И. П. Корнилову

Автограф: ОР РНБ. Ф. 377. Ед. хр. 592. Л. 8–8 об.

Москва, 30 сентября 1887 г.

Смутило меня, многоуважаемый Иван Петрович, а вместе и подивило известие, напечатанное в газетах, что «Московские Ведомости» решено передать Петровскому⁵¹. Смутило понятно почему. Но удивило, что, должно быть, совершенно не понимают, кто такой Петровский, хотя официально и числящийся редактором. Он в газете не написал ни единой строчки буквально. Выдавая себя за «редакцию», теперешние сотрудники «Моск<овских> Вед<омостей>» морочат властей наглým и, как

⁵⁰ Имеется в виду постскрипtum Н. Н. Корсунского к письму: «Если Вам угодно будет настоящий факт подвергнуть обсуждению в своей газете, то имени моего прошу не опубликовывать» (ОР РНБ. Ф. 377. Ед. хр. 1450. Л. 2 об.). Интересно, что Гиляров на основании этого письма составил довольно дельную заметку «Ярославль. Наплыв евреев в лицей» (СИ. 1887. № 229. 21 авг. С. 3), сухо констатировавшую факт и пояснявшую, что лицеи не попадали под действие министерского циркуляра.

⁵¹ Сергей Александрович Петровский (1846–1917) — сотрудник (с 1880 г.) и редактор-издатель (1887–1896) «Московских ведомостей»; ранее, в 1873–1878 гг., преподаватель русского права Московского университета. На его кандидатуре как послушного исполнителя распоряжений начальства изначально остановился Феохтистов и сумел склонить на свою сторону Делянова, а через него — Победоносцева и гр. Д. А. Толстого; поэтому хлопоты Гилярова не могли увенчаться успехом, — см. об этом в статье А. Г. Юшко (*Гиляров. ИМБР*. С. 166–174).

видится, удачным образом. Известный Кочетов, пишущий под псевдонимом *Русского Странника*⁵², представил мне статью с формулярным списком своего рода о каждом из членов редакции⁵³. Коллекция замечательная по ничтожеству дарований и нравственной грязи. И не удивительно: Катков не терпел чужих мнений; он терпел только писцов в прямом и переносном смысле.

Поместить статью, по моему щекотливому отношению к данному вопросу, невозможно в «Современных Известиях». Но с позволения автора я пришлю Вам её экземпляр⁵⁴: она показывает хлестаковство теперешней «редакции» во всём его непривлекательном свете.

Примите уверение в душевном уважении

искренно преданного

Н. Гилярова-Платонова.

*Вступительная заметка, публикация
и комментарий А. П. Дмитриева*

-

---

⁵² Евгений Львович Кочетов (псевд.: Евгений Львов, Русский странник и др.; 1845–1905) — публицист, корреспондент газет «Московские ведомости» (с 1880 г.), «Новое время» (с 1884 г.) и других изданий; беллетрист.

⁵³ Имеется в виду предназначенная для «Современных известий» большая статья Е. Л. Кочетова о сотрудниках редакции «Московских ведомостей» 1880–1887 гг., призванная дискредитировать С. А. Петровского, дабы воспрепятствовать передаче ему этого издания. В архиве Гилярова сохранилась точная копия этой статьи, выполненная Гальперсон, с воспроизведением разными чернилами поправок автора и правки Гилярова, убравшего наиболее резкие фразы и отдельные язвительные определения (РО ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 61. [№ 1]. Л. 1–12 об.). Писарская копия статьи, а также подготовленные к печати её гранки хранятся также в ОПИ ГИМ (Ф. 83. Оп. 1. Ед. хр. 192. Л. 110–122 об.; Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 60. Л. 38–46).

⁵⁴ Текст статьи Кочетова был набран для «Современных известий», но 10 октября, за три дня до смерти, Гиляров велел снять статью, однако с её гранками знакомил И. П. Корнилова, гр. И. Д. Деянова и др. (см.: *Из пережитого*. Т. 2. С. 241, 244–246).

А. В. Индзинская

«КТО НАБЛЮДАТЬ СЕРДЦА ПРИВЫКНУЛ...»

Стихотворное посвящение Я. П. Полонского

Е. А. Штакеншнейдер

В. А. Викторовичу с сердечной благодарностью
за возможность быть причастной
к открытиям филологической науки

Елена Андреевна Штакенинейдер (1836–1897) вошла в историю отечественной литературы как автор воспоминаний о Ф. М. Достоевском, Я. П. Полонском, П. Л. Лаврове и других известных людях, посещавших её дом в разное время.

О раннем периоде жизни самой мемуаристки, совпавшем с основанием и деятельностью литературно-художественного салона её матери, М. Ф. Штакенинейдер, было известно очень немного. Основным биографическим источником стали дневники Е. А. Штакенинейдер, фрагменты которых начали публиковать при её жизни¹. В советское время было предпринято единственное издание дневников (Штакенинейдер Е. А. Дневник и записки (1854–1886). М.; Л.: Academia, 1934) со значительными сокращениями, в том числе за счёт ранних записей 1855–1856 годов.

---

¹ Публикация дневников Е. А. Штакенинейдер была начата при её жизни (Рус. архив. 1893. Т. 2) и продолжена после смерти: Стасов В. Надежда Васильевна Стасова. СПб., 1899; Рус. вестник. 1899. № 10; 1901. № 5–8, 10; Голос минувшего. 1915. № 11; 1916. № 4. После 1934 года дневники не переиздавались.

Ценным биографическим материалом, позволившим прикоснуться к жизни 19-летней мемуаристки, оказались найденные в архиве ИРЛИ поэтические тексты. Дополненные восстановленными частями её дневника, эти стихотворные свидетельства о жизни Штакеншнейдеров в период наивысшей популярности их салона помогли не только ввести в научный оборот новые документы, но и реконструировать ранее неизвестные факты и реалии жизни Е. А. Штакеншнейдер и её окружения. Ниже впервые публикуется и комментируется одно из посвящений, принадлежащее Я. П. Полонскому.

1854–1856 годы в жизни Штакеншнейдеров были счастливым временем. Глава семьи, Андрей Иванович, архитектор Императорского двора, 28 апреля 1854 года перевёз свою многочисленную семью — четырёх сыновей и четырёх дочерей (Елена Андреевна была старшей из них) — в собственный дом на Миллионной улице Санкт-Петербурга (ныне дом № 10). А 20 ноября, ко дню рождения жены, Марии Фёдоровны, был дан первый вечер, открывший череду знаменитых «суббот» — литературно-художественный салон Штакеншнейдеров. Посетителями журфиксов создавалась неповторимая творческая атмосфера: они «пели, играли, декламировали, говорили» (1855,4 октября)².

С детства Е. А. Штакеншнейдер страдала заболеванием суставов, и вынужденная малоподвижность развила в ней много способностей, одной из которых стало вдумчивое наблюдение за происходящим. Рано осознав своё одиночество («Теперь я вижу, как я мало похожа на других; мне ровни нет... Я стою вне жизни... И остаюсь я вечно чужая и дому, и звёздам... 14 лет я уже знала, что для меня в жизни доли не положено, и тогда уже решила ото всего отказаться заблаговременно, чтобы потом, с позором, не вырвали из рук» [1855, 5 ноября]), она много размышляла о смысле предстоящей жизни: «Вся жизнь моя так ни-

---

² Дневник Е. А. Штакеншнейдер 1855–1856 годов цитируется по документу РГАЛИ: Ф. 923. Оп. 2. Ед. хр. 1. В скобках указывается дата дневниковой записи.

чтожна. Читаю для себя, пишу для себя; вышиваю для препровождения времени, рисую для своего удовольствия... Другие трудятся для существования, а мне не надо пошевеливаться, и меня оденут с головы до ног. Я окружена всем удобством и всею роскошью светской жизни, между тем, ощущаю что-то похожее на голод и жажду; не знаю, что это такое и когда эти голод и жажда удовлетворятся. Жизнь мне обещает мало радости — горя много; но если она, с другой стороны так ничтожна и легка, то как жить? ...после молитвы всегда становится легче» (1855, 6 мая). Желание быть полезной, а также уникальный состав гостей салона («Едва ли я ещё когда-нибудь буду жить жизнью более богатой всякими впечатлениями; едва ли буду встречаться с людьми более замечательными и просиживать с ними и прислушиваться к ним целые вечера, а что выношу я от всего этого. Принимаю много, а отдаю — ничего!» [1856, 16 февраля]) побудили девушку к творчеству особого рода.

8 марта 1855 года Е. А. Штакеншнейдер начала вести дневник, в котором, помимо рефлексии («дневник мой единственный друг, который, хотя и молчит, но всё выслушивает» [1855, 24 мая]), старалась запечатлеть «подробности, которые будут интересны через несколько лет» (1856, 8 января).

Положение дочери хозяйки одного из крупнейших салонов Санкт-Петербурга, ухаживание за которой не рассматривалось всерьёз, давало ей возможность быть свидетельницей нарождающихся творческих замыслов, участвовать в «политических» спорах и пытаться всё записать: «Пока другие танцуют, играют и говорят и слушают давно затверженные речи, я сижу, не то что лишняя, но совсем не принадлежащая к ним; и тоже слушаю, но иные речи. Эти не затвержены, они впервые ещё раздаются, и в них шумная толпа моих однолеток не вслушивается. Ей не к чему; да и мне не к чему бы, да уши есть, а дела нет. Вот о чём хотелось бы писать, и — не умею, не поспеть. Да и боюсь неверно передать» (1856, 16 января).

Эти записи, впервые полностью расшифрованные лишь через 160 лет, отразили не только эпохальные события отече-

---

ственной истории (смерть Николая I, прекращение Крымской войны) и культуры (борьба «гоголевского» и «пушкинского» начал в литературе, распространение произведений Герцена, увлечение романами Чернышевского), но и позволили представить в деталях частную жизнь семьи архитектора и самой Е. А. Штакеншнейдер.

Своеобразной иллюстрацией — эпитафией — к раннему дневнику девушки стал стихотворный экспромт Я. П. Полонского, к середине 1850-х годов близкого знакомого её родителей. С ним впоследствии у Е. А. Штакеншнейдер сложились дружеские отношения, продлившиеся до конца жизни³. Неподдельная естественность («Он в самом деле оригинален, самобытен... Он никогда не рисуется и не играет никакой роли, а всегда является таким, каков он есть»), богатство внутреннего мира и одиночество («своими духовными очами он смотрит поверх толпы, он поэт» [1856, 23 апреля]), верно угаданные ею в Полонском, — черты самой Е. А. Штакеншнейдер. Не случайно, позже, для обращения друг к другу, они выбрали слова со значением родства — «дядя» и «тётка».

Е. А. Штакеншнейдер доверила Я. П. Полонскому секрет существования дневника. И он очень верно — в стихотворении, написанном от лица мемуаристки, — подметил «метод» ведения записей: предельная правдивость по отношению к себе и к другим часто прикрывалась иносказанием — на случай постороннего взгляда.

Ничья к страницам дневника,
Не прикасалась рука.
Не единой небылицы
Не веселит его страницы.
Его девчонки не поймут,
Его мальчишки изорвут;
Но тот в него бы верно вникнул

---

³ Я. П. Полонский (1819–1898) пережил Е. А. Штакеншнейдер всего на год. Его сын — Александр Яковлевич Полонский (1868–1934) — стал её крестником.

Кто наблюдать сердца привыкнул
Я описала много дам
И много разных кавалеров
Больших и маленьких размеров
И узнаю их по умам.
Я знаю много музыкантов
И рисовальщиков и франтов
И стихотворцев и певцов
И современных мудрецов,
Достойных часто обожанья
Но недостойных подражанья
О многом часто я молчу
Порой боюсь истолкованья
Не знаю чем я заключу
Мои вседневные признанья.
Не всем дается благодать
Гадая, верно отгадать.

Елена Штакеншнейдер
Экспромт Полонского им продиктованный⁴

Так Полонского можно считать первым, кто определил основные черты мемуарной прозы Е. А. Штакеншнейдер:

— отсутствие авторитетов («Ничья... не прикасалась рука»). Штакеншнейдер всегда описывала собственное ощущение от чего-либо; особенно важным для неё было указать на разницу между своим мнением и общепринятым;

— достоверность («Не единой небылицы...»). Даты, имена, названия приводились с особой тщательностью. В дневнике также остались подробные описания произведений искусства, реликвий, элементов интерьера;

— внимание к внутреннему миру человека («наблюдать сердца привыкнул»). Штакеншнейдер выработала свой способ создания портрета на письме: описание внешности всегда сопровождалось наблюдением над характером и манерами «пор-

⁴ ИРЛИ. Р. III. Оп. 2. № 2146. Авторская пунктуация сохранена.

третируемого», попыткой объяснить его поведение свойствами природы и духовного состояния;

— обилие упоминаемых в дневниках лиц («знаю много...»). В 1850-е, особенно поначалу, девушке казалось важным называть всех, с кем не только пришлось встретиться за день самой, но и о ком говорили, упоминали и т. д.;

— признание ограниченности собственных возможностей («Не всем даётся...»). На страницах ранних дневников осталось много сетований мемуаристки на неумение отразить в полноте всё то, чему свидетельницей она становилась.

Стихотворение Я. П. Полонского, записанное Е. А. Штакеншнейдер, было воспроизведено без даты. Однако признание в дневнике 1856 года позволяет датировать экспромт серединой 1850-х годов: «Написала про домашних, про папа, про мама, про детей... и вырвала четыре листа из этой тетради. Не хочу писать про них. Не ровен час, могу умереть, не успев уничтожить дневник. Я и про знакомых много боюсь писать, что даже, может быть, очень интересно, так как большинство знакомых моих люди исторические. Оттого дневник и сух. Он был бы гораздо интереснее, если бы я не стеснялась» (1856, 5 мая).

Дневник, который Е. А. Штакеншнейдер в 1855–1856 годы вела почти ежедневно, делая в нём записи иногда по несколько раз в сутки, не только помогал преодолевать одиночество. Он выработал у своей хозяйки навык наблюдения, отточил мастерство создания запоминающихся характеристик и в итоге послужил материалом для ряда биографических (о П. Л. Лаврове, Ф. М. Достоевском) и исторических («О возникновении и преждевременном конце Общества поощрения женского труда», «Как взяты были Ишутин, Ермолов и прочие», «Студенческие волнения 1861 года») очерков, ставших лучшими образцами отечественной мемуарной прозы второй половины XIX века.

Е. Н. Строганова

**«...И НА ДЕЛЕ ЛЕВ ТОЛСТОЙ»:
ИПОСТАСИ ОБРАЗА ТОЛСТОГО В
СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ
(по материалам 2010–2014 гг.)**

Вокруг имени известного человека всегда творятся мифы и создаются стереотипы, которые закрепляются в культуре, преломляются в общественном сознании и воздействуют на индивидуальное восприятие.

Для своих современников Толстой был величиной огромного масштаба. Его тексты будоражили умы, порождали жаркие споры, изменяли отношение людей к жизни. Его общественная репутация, прижизненная и посмертная, была чрезвычайно высока. Несмотря на то, что «властителями дум» в России всегда были писатели, ситуация Толстого уникальна. Его признавали самым влиятельным человеком в мире. По поводу места Толстого в сознании соотечественников очень точную формулу дал А. С. Суворин: «Два царя у нас: Николай второй и Лев Толстой. Кто из них сильнее? Николай II ничего не может сделать с Толстым, не может поколебать его трон, тогда как Толстой несомненно колеблет трон Николая и его династии»¹. Это реноме Толстого существовало независимо от отношения к его идеям и его творчеству отдельных лиц или целых общественных групп. Замечательна подпись под одним из шаржей: «Знаменитый писатель земли русской, великий старик, титан

---

¹ Дневник Алексея Сергеевича Суворина / Текстолог. расшифровка Н. Роскиной. Подготовка текста Д. Рейфилда, О. Макаровой: Л., М., 2000. С. 417.

человеческой мысли, автор гениальных незабываемых мировых произведений, мощный проповедник мира и незлобия во вселенной»². Но этико-философские и социальные идеи Толстого зиждились на отрицании принятых установлений и форм жизни, за что он и подвергся церковному наказанию. 20–22 февраля 1901 г. Святейший синод принял постановление, где говорилось об «отпадении» Толстого от церкви³. Сам Толстой по этому поводу писал: «...такое заявление не может иметь никакой другой цели, как только ту, чтобы, не будучи в сущности отлучением, оно бы казалось таковым, что собственно и случилось, потому что оно так и было понято»⁴. Часть об-

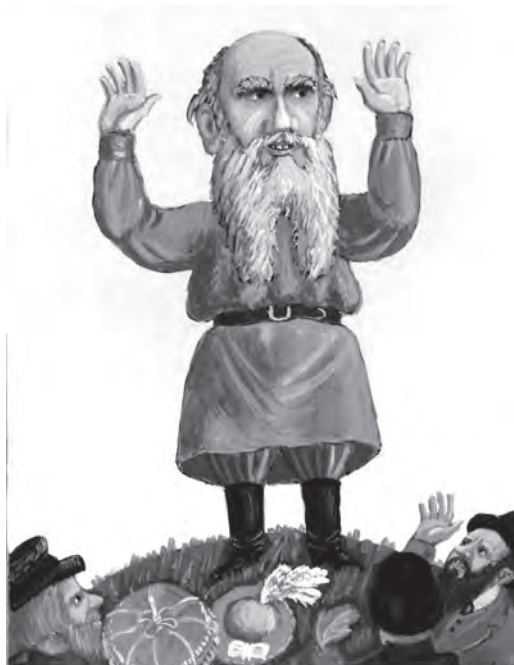

Рис. 1.

² Описание изобразительных материалов Пушкинского Дома. III: Л. Н. Толстой. М.; Л., 1954. С. 236 («Граф Л. Н. Толстой». Н. В. Ремизов. <1908>).

³ <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/document/opredelenie-svyatejshego-sinoda.htm> (дата обращения: 12.12.2019).

⁴ Толстой Л. Н. Полное собр. соч.: В 90 т. Юб. изд. М., 1952. Т. 34. С. 246.

щества одобряла постановление Синода, воспринятое как отлучение Толстого от церкви, но гораздо более мощной оказалась волна возмущения и выражения поддержки писателю. Реноме опасного вольнодумца не разрушало в глазах современников репутацию Толстого как великого писателя, мудреца, учителя жизни (см. рис. 1).

Какова же ситуация в России XXI века? Интересно проследить тенденции, которые проявляются не только в особенностях читательской рецепции Толстого, но и в том образе писателя, который создаётся официальной идеологией.

Некоторое представление о современной читательской рецепции Толстого могут дать ответы молодых людей на вопрос: *Какие ассоциации вызывает имя Толстого?* Участниками опроса были 26 человек в возрасте до 25 лет, многие из них студенты, в том числе филологи. Результаты таковы: *классик* (в разных вариантах: классика, классическое чтение, классик русской литературы) — 6, *писатель* — 4, *мудрость* — 2, *великий старец* — 1, *великий писатель* — 2, причем один из них в вопросительной конструкции (может ли быть великим писателем человек...). Наряду с этим: *борода* — 9, *Ясная Поляна* — 6, *крестьянская атрибутика* (лапти, рубаха, валенки) — 5, *объёмное чтение* (разные варианты) — 5. Замечу кстати, что по поводу объёмов чтения существует немало анекдотов, к примеру:

Рис. 2.
240

Лев Толстой писал свои романы тушью от Max Factor, и от этого они приобретали дополнительный объем, длину и выразительность.

— Ненавижу Льва Толстого! «Войну и мир» написал — четыре тома! — Ты что, читал? — Ксерил!⁵

Обременительность чтения «Войны и мира» для современного читателя наглядно иллюстрируют рисунки (например, рис. 2):

Возвращаясь к результатам опроса, надо сказать, что при всей ограниченности информационной базы ответы свидетельствуют о стереотипности и внешнем восприятии образа Толстого, что в определённой степени провоцировалось самой постановкой вопроса.

О клишированности современного восприятия образа Толстого может свидетельствовать и популярная поговорка, которая в цензурном варианте выглядит так: *На словах ты Лев Толстой, в на деле хрен пустой*⁶. На сайте «lurkmore» обнаружено 26 её вариантов⁷, но этот список далеко не полон⁸. Приведу одно из высказываний, относящихся к дизайнеру Артемию Лебедеву, сыну писательницы Татьяны Толстой: *На словах ты Лев Толстой, а на деле — сын Толстой*⁹. Существует

---

⁵ <http://top.rbc.ru/society/18/10/2012/674850.shtml> (дата обращения: 12.12.2019).

⁶ Определяется как ироническое высказывание «о пустослове, много обещающем, но ничего не делающем человеке» (http://gramota.ru/slovari/argo/53_7865; дата обращения: 12.12.2019), часто также о человеке, безосновательно весомо позиционирующем себя.

⁷ https://lurkmore.to/На_словах_ты_Лев_Толстой (дата обращения: 12.12.2019).

⁸ В 2017 г. появилась статья, в которой интересующее нас речение рассматривается в ряду других фразеологизмов, содержащих имя писателя (*Архангельская Ю. В.* Стереотипные представления о Л. Н. Толстом и их отражение в современной русской фразеологии // Филологич. науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 11. Ч. 3. С. 58).

⁹ Эта поговорка обыгрывается в названии одной из газетных статей: «На словах ты Лев Толстой, а на деле... Особенности дизайна Артемия

также множество рисунков, иллюстрирующих поговорку, в основном однотипных, но на общем фоне встречаются оригинальные (см. рис. 3, 4, 5).

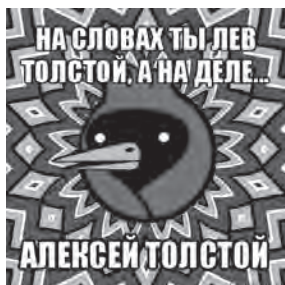

Рис. 3.

Рис. 4.

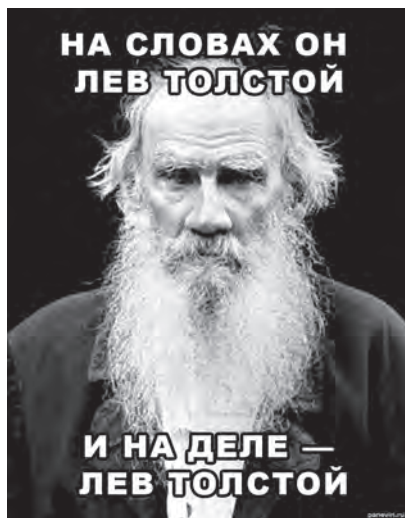

Рис. 5.

Пользователями Интернета было высказано предположение, что эта поговорка могла возникнуть по существовавшей уже модели, в цензурном варианте: *На словах ты волк морской, а на деле кок простой*. Но надо заметить, что производная формула оказалась гораздо употребительнее, чем первоисточник.

Лебедева», где речь идет о созданном его студией логотипе московского метрополитена — горящая красная буква «М»: мэрия не подтвердила, что он принят в качестве официального логотипа (*Эпштейн Д.* На словах ты Лев Толстой, а на деле... Особенности дизайна Артемия Лебедева. — <http://www.ridus.ru/news/167208> (дата обращения: 7.12.2019).

Почему могло появиться имя Толстого в этой поговорке? Ответ внешне очевиден: *Толстой* рифмуется со словом *простой*. Но, думаю, этим дело не исчерпывается, и свою роль, конечно, сыграла закрепившаяся репутация писателя. Таким образом, поговорка на стереотипном уровне утверждает авторитет Толстого как некой неоспоримой величины. Его имя выступает как маркер высокого значения, весомости, авторитета.

К такому выводу приводит и знакомство с самодеятельными стихами, посвящёнными писателю или упоминающими его имя.

Он недоступен, больше,
чем кто-либо!..
Монументален,
Точно
Каменная глыба...
В которой сложно
Что-нибудь отсечь!..
Всё неотъемлемо...
И статью,
И ум, и речь!!!¹⁰

Есть и стихи другого плана: шуточные или с претензией на философствование, но они также транслируют некую стереотипность в восприятии фигуры Толстого¹¹:

Лев Толстой
Служил 3 года в стройбате.

---

¹⁰ Константинов В. Лев Толстой. — <https://www.stihi.ru/2019/06/24/1645> (дата обращения: 10.12.2019). В одном из встреченных вариантов во втором стихе вместо «бесформен» было «монументален».

¹¹ О стереотипности представлений о Толстом может свидетельствовать и фольклоризация образов его персонажей, в частности Анны Карениной. См.: Стrogанова Е. Н. «Нам не дано предугадать...»: (Героиня романа «Анна Каренина» в современном бытовании) // Материалы Толстовский чтений 2013 г. и Гороховских чтений 2013 г. в Государственном музее Л. Н. Толстого / Отв. ред. Л. В. Гладкова; сост. Л. Г. Гладких, Ю. В. Прокопчук. М., 2014. С. 104–120.

На гауптвахте играл в Counter-Strike,
Женился на Анне Карениной...¹²

Наряду с таким восприятием имени Толстого, основанным на обязательном его изучении, для значительной части публики писатель существует как живое явление. Об этом свидетельствуют многочисленные толстовские группы в социальных сетях. По сведениям Л. Борусяк, а 2015 г. в социальной сети «ВКонтакте» насчитывалось 22 толстовских сообщества¹³. Сопоставительный анализ сообществ, посвящённых художественным произведениям Толстого и Достоевского, приводит исследовательницу к выводу о том, что Достоевский воспринимается как «учитель духа», а Толстой (и это касается в основном девушек) «позволяет проанализировать некоторые ситуации, важные для собственной жизни — бытовой, семейной, личной»¹⁴. Вместе с тем в некоторых группах, в частности, в группе «Лев Николаевич Толстой» (в настоящее время включает 97280 подписчиков), основное место уделено публицистическим высказываниям Толстого, при этом «большинство участников толстовских сообществ не рассматривают писателя как религиозного мыслителя, те проблемы, которые он ставит, воспринимаются в большей мере как морально-нравственные»¹⁵, однако, замечу, что в группе поднимаются и острые социальные вопросы. Например, 18 ноября 2014 г. под эпитафией из Толстого «Война не любезность, а самое гадкое дело в жизни» записано обращение, видимо, создателя группы к ополченцам Донбасса с призывом прекратить войну¹⁶. Таким образом, для части наших современников Толстой оказывается важен как учитель жизни. Можно сказать, что в каком-то смысле осу-

---

¹² Автор выступает под именем «Аг-Рэссия Сна». —

<http://www.stihi.ru/2013/09/08/9062> (дата обращения: 1.12.2019).

¹³ Борусяк Л. Молодёжь обсуждает литературу: Анализ массовых лит. сообществ ВКонтакте // Вестник обществ. мнения. 2015. № 3–4 (121). Июль — дек. С. 133.

¹⁴ Там же. С. 142.

¹⁵ Там же. С. 141.

¹⁶ https://vk.com/tolstoy_group (дата обращения: 5.12.2019).

ществляется желание писателя, чтобы получило распространение не художественное его творчество, а нравственное учение.

В официальной культуре, если судить по внешним параметрам, Толстой репрезентирован вполне весомо. Многочисленны факты повсеместной мемориализации: музеи, памятники, названия улиц, библиотек. Всё это осталось от недавнего прошлого, но и в новой реальности есть факты, как будто свидетельствующие о признании. К 100-летию со дня смерти Толстого был открыт музейный комплекс на станции Астапово¹⁷, в декабре 2015 г. на протяжении четырёх дней страна всенародно читала «Войну и мир»¹⁸. Это чтение было приурочено к завершению объявленного в России года литературы, но — заметим — происходило в период войны с Украиной, а «Война и мир» — одно из тех произведений, которые в годы Великой Отечественной войны использовались для укрепления чувства патриотизма.

Вместе с тем, названные факты официального признания Толстого не представляют в полной мере сегодняшние реалии, веяния и повороты. Репрезентативны в этом плане два события — реализация патриотического проекта «Имя России» и 100-летие со дня смерти Толстого, которые оказались связаны между собой.

В 2008 г. телеканал «Россия» инициировал проект по возбуждению патриотических чувств граждан: выбор личности, символизирующей нацию¹⁹. В первоначальном списке было 500 имен, потом 50, наконец — 12. В первом списке Толстой

¹⁷ <https://tolstoymuseum.ru/about/museum-and-branches/astapovo/> (дата обращения: 25.12.2019).

¹⁸ *Кострова В.* Все желающие смогут стать участниками отбора для всенародного чтения романа-эпопеи «Война и мир». — <http://www.ug.ru/news/16441>; Калужане присоединись к всероссийской акции «Война и мир. Читаем роман». — <http://gtrk-kaluga.ru/news/kultura/news-719> (дата обращения: 7.12.2019); *Минаков С.* «Война и мир»: соборное чтение. — http://www.stoletie.ru/russkiy_proekt/vojna_i_mir_sobornoje_chtenije_701.htm (дата обращения: 8.12.2019) и мн. др.

¹⁹ Аналог английского «100 величайших британцев» и украинского «Великие украинцы».

значился, но в число 12-ти фаворитов не попал и на последнем этапе его имя не фигурировало. Как верно заметил публицист В. Можегов, имя Толстого «оказалось вычеркнуто из списка национальных “икон”»²⁰. Продолжением этого проекта стал сайт, на котором декларировалось, что «“Имя России” — открытый проект для всех, кому не безразлична история, традиция, вера и будущее своего Отечества»²¹. Знаменателен представленный здесь рейтинг литературных персон и их репрезентация. В 2009 г. на первом месте был некто В. Н. Мегре — «писатель, предприниматель». За ним следовал «писатель, поэт» А. С. Пушкин. 3-ю позицию занимал «великий русский писатель» Ф. М. Достоевский. «Великими русскими» оказались немногие: А. А. Блок, А. И. Солженицын, Н. С. Лесков, иже с ними: С. Г. Писахов, В. А. Никифоров-Волгин и др. Толстой — просто «писатель» — не великий и не русский, занимает 6-ую позицию. Рейтинг образовался в ходе читательских откликов, и Толстого на две позиции опередил М. Н. Задорнов, однако ярлыки «великий» и «русский» присваивались создателями сайта, поэтому репрезентация Толстого просто как «писателя» оказывается результатом идеологических установок.

Известно, что в 1910 г. прощание России с Толстым приобрело грандиозные масштабы. Сохранились кадры кинохроники, которые позволяют и сегодня ощутить глубину этой утраты для современников. Казалось бы, о 100-летию смерти такого писателя надо было напомнить весомо. Но, по замечанию газеты «Частный корреспондент», «столетие со дня смерти проходит в молчании. Ни государство, ни общество (университеты) словно не хотят привлекать внимание к фигуре этого титана»²².

---

²⁰ *Можегов В.* Второе отлучение Льва Толстого: Почему замалчивается столетие со дня смерти писателя. — <https://www.proza.ru/2011/02/22/1205> (дата обращения: 4.12.2019).

²¹ <https://web.archive.org/web/20120923065315/http://nameofrussia.org/> (дата обращения: 30.11.2019).

²² *Калачинский А.* Лев или прав?: Россия выбрала Чехова и Толстого замалчивает // Частный корреспондент. 2010. 11 нояб. — http://www.chaskor.ru/article/lev_ili_prav_20887 (дата обращения: 27.11.2019).

Произошло официальное замалчивание этой даты, названное «вторым отлучением»²³. О причинах этого недвусмысленно высказался одиозный публицист М. Соколов, поставив вопрос: «Как отмечать годовщину со дня смерти великого ересиарха?» Он же и ответил на него: «...смерть на ст. Астапово невозможно не назвать лютой. Лютой не в смысле вражеских гонений, но в смысле, что люта смерть грешника. <...> Когда умирающий ещё при жизни видит издевательскую усмешку дьявола и ложь своих учений <...> И как прикажете это дело торжественно юбилействовать»²⁴.

В условиях усиления официального православия проблема отлучения Толстого от церкви оказалась для российского общества одной из самых актуальных. В 2001 г., в связи со 100-летием постановления Синода, праправнук писателя В. И. Толстой обратился к патриарху с письмом, призывавшим «заново осмыслить происшедшее и поискать примирение в своих душах»²⁵. Спустя 9 лет, в год 100-летия смерти Толстого, глава счётной палаты и президент Российского книжного союза С. В. Степашин адресовался к патриарху с просьбой разъяснить позицию церкви. В ответе прозвучали комплименты Толстому как художнику и было сказано, что «ни анафемы, ни проклятий» церковь ему не посылала, что Толстой «сам отлучил себя от Церкви»²⁶. Это соответствует действительности. Справедлива мысль Льва Аннинского о том, что как таковой проблемы прощения не существует: «Не за что его прощать. Он не обещал им единомыслия. Не был таким уж богобоязненным. Он был безбоязненный человек, Толстой. И сейчас не

---

²³ *Можегов В.* Второе отлучение Льва Толстого: Почему замалчивается столетие со дня смерти писателя. — <https://www.proza.ru/2011/02/22/1205> (дата обращения: 12.12.2019).

²⁴ *Соколов М.* 100 и 90 // Взгляд. 2010, 22 нояб. — <https://vz.ru/columns/2010/11/22/449114.html> (дата обращения: 15.12.2019).

²⁵ Цит. по: <http://www.zavet.ru/news/news-s010222.htm> (дата обращения: 3.12.2019).

²⁶ Ответ на письмо С. В. Степашина о Л. Н. Толстом. — <https://pravoslavie.ru/42885.html> (дата обращения: 10.12.2019).

надо из церкви делать проблему “не прощает”. А он и не просил прощения»²⁷. С тех же позиций блогер Владимир Рослов пишет, что «Толстой никогда бы не одобрил своего восстановления в Церкви», и объясняет это тем, что, «сливаясь друг с другом на основе ограничения гражданских прав, государство и церковь препятствуют гуманизации политической и общественной жизни в нашей стране» — поэтому «пути гуманиста Толстого, государства и Церкви обречены на несогласованное существование»²⁸.

Позиция представителей современной интеллигенции, существующих вне лона РПЦ, воспринимается церковью как возрождение толстовства. Проректор Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета священник Георгий Ореханов находит «моду» на толстовство «в выступлениях политиков или актеров, вообще представителей интеллигенции, которые говорят, что в христианстве важна не мистико-догматическая сторона, а сторона моральная — не делать зла другим, исполнять заповеди, и так далее»²⁹. Таким образом, нравственная основа христианства отстывает перед необходимостью следовать догмам официального учения и признавать «мистико-догматическую сторону» религии.

Официальная пропаганда создает негативные коннотации

---

²⁷ Цит. по: *Болотникова С.* Толстой и церковь не прощают друг друга // NewsInfo. 2010. 19 нояб. — <http://www.newsinfo.ru/articles/2010-11-19/743412/> (дата обращения: 16.12.2019).

²⁸ *Рослов В.* Отлучение Льва Толстого от церкви в зеркале современной России («...ключ к сближению нравственных позиций Толстого и современного российского государства лежит в иной плоскости. Не в формальных шагах по снятию с Толстого нелепых обвинений, не в фимиаме признания и превознесения его отдельных заслуг перед Родиной, а в том, насколько само государство следует заветам величайшего гуманиста. И уж точно Толстой никогда бы не одобрил своего восстановления в Церкви, погрязшей в тех же, если ещё не более жутких, пороках, которые он смело бичевал в своё время». — <http://www.ateism.ru/article.htm?no=2126> (дата обращения: 10.12.2019).

²⁹ Церковь скорбит о Толстом // Фома. 2012. 25 апр. — <https://www.pravmir.ru/cerkov-skorbit-o-lve-tolstom/> (дата обращения: 12.12.2019).

вокруг имени Толстого, ставя его в положение персоны нон-грата. На какую-то часть общества это оказывает воздействие. Вместе с тем, в целом образ Толстого в общественном сознании не помрачён, однако происходят определённые трансформации, при этом актуализируется фигура Толстого-мыслителя и его публицистическое наследие. В настоящее время чрезвычайно востребованной оказалась ленинская формула о Льве Толстом как зеркале, но в современном контексте она обросла всевозможными вариантами: «Лев Толстой как зеркало современной свободы», «Лев Толстой как зеркало богоборчества», «Лев Толстой как зеркало блогосферы», «Лев Толстой как зеркало российского либерализма», «Лев Толстой как зеркало

Рис. 6.

Рис.7.

Рис. 8.

русского Интернета», «Лев Толстой как зеркало русского ма- сонства», «Лев Толстой как зеркало русского общества», «Лев Толстой как зеркало русского ужаса» и т. д. Оппозиционность Толстого по отношению к церкви и современным государ- ственным институтам создает ему и сегодня репутацию оп- позиционера, чье авторитетное слово оказывается уместным в разных ситуациях, в том числе, например, в оценке прави- тельственной политики по отношению к науке и образованию. Не случайно на плакатах в защиту образования цитировались слова Толстого: «Сила правительства держится на невежестве народа, и оно знает это и потому всегда будет бороться против просвещения»³⁰ (см. рис. 6).

Фигура Толстого-оппозиционера репрезентативна и для движений контркультурного порядка, о чём свидетельствуют современные арт-проекты и темы их обсуждений: сошлюсь на акцию А. Плущера-Сарно «Л. Н. Толстой и современное искус- ство», а также на темы обсуждений, состоявшихся в 2013–2014 гг.: «Толстой и современный арт-протест»³¹ и «Лев Толстой как

³⁰ Толстой Л. Н. Полное собр. соч. Т. 69. С. 128.

³¹ <https://republic.ru/posts/1/948771> (дата обращения: 30.11.2019).

символ контркультуры»³². (см. рис. 7).

И уж совсем человеком XXI века предстаёт Толстой в ситуациях, когда его идеи, как это ни парадоксально, подвергаются судебным разбирательствам. В связи со 100-летием смерти писателя газета «The Moscow News» провела дебаты на тему «Культурное наследие Льва Толстого». Несколько ранее, 18 ноября 2010 г., в газете была опубликована статья под названием «Lev Tolstoy — A blogger of our time?», где утверждалось, что в наше время Толстой за свои убеждения был бы объявлен экстремистом³³ (см. рис. 8).

Однако к тому времени это был уже совершившийся факт: в XXI веке Толстого дважды объявляли причастным к подрывной идеологической деятельности. В 2009 г. имя и текст Толстого фигурировали в судебном процессе в Ростовской области по гражданскому делу «о ликвидации местной религиозной организации Свидетели Иеговы “Таганрог”». В числе прочего, экспертами по религиоведению было признано, что одно из высказываний «противника русского православия» Толстого, помещённое в журнале «Пробудитесь!» (2000, 23 февраля, с. 23), формирует «негативное отношение к Русской Православной Церкви»³⁴. История повторилась в 2010 г. в Екатеринбурге: судебным порядком Толстой был признан экстремистом за «прямые призывы к разжиганию межрелигиозной розни, направленные против православной церкви» в «Предисловии» к листовкам, обращённым к военным, — «Солдатская памятка» и «Офицерская памятка» (1902)³⁵. Нелепая по своей сути ситуа-

³² <https://republic.ru/posts/l/941241> (дата обращения: 2.12.2019).

³³ Хорькова М. Кем был бы Толстой в современной России: К 100-летию смерти писателя. — <http://www.taday.ru/text/755937.html> (дата обращения: 8.12.2019).

³⁴ В другом месте сказано: «Подрывает уважение к Русской православной церкви». Полный текст многостраничной экспертизы см.: [https://lurkmore.to/На_словах_ты_Лев_Толстой_\(через:_http://xeno.sova-center.ru/files/xepo/jw-expert-rostov-090715.doc](https://lurkmore.to/На_словах_ты_Лев_Толстой_(через:_http://xeno.sova-center.ru/files/xepo/jw-expert-rostov-090715.doc); дата обращения: 7.12.2019).

³⁵ Заключение эксперта по экстремизму Павла Суслонова: «В листовках Льва Толстого “Предисловие к *Солдатской памятке* и *Офицерской памятке*”, направленных к солдатам, фельдфебелям и офицерскому

ция породила множество публикаций в СМИ под однотипными заголовками («трижды экстремист») и бурно обсуждалась в блогах. Всё это дает основание говорить не только о том, что в условиях остаточного плюрализма для определённой части общества оказались актуальны социально-этические идеи Толстого, но и что в новых исторических условиях противостояние Толстого и государства продолжается. Можно согласиться с мнением Михаила Угарова: «государство продолжает сводить счёты со Львом Толстым»³⁶.

Тема впервые была заявлена в докладе «“И на деле Лев Толстой”: Толстой и современная Россия», прочитанном в 2016 г. в Ясной Поляне на международной научной конференции «Лев Толстой и мировая литература». В статье были учтены и некоторые факты, относящиеся к более позднему времени.

составу, содержатся прямые призывы к разжиганию межрелигиозной розни, направленные против православной церкви» (Лев Толстой — трижды экстремист. — <https://www.kramola.info/vesti/religija/lev-tolstoj-trizhdy-jekstremist>; дата обращения: 9.12.2019).

³⁶ Грани.Ру: Толстой как экстремист. — <https://grani-ru-org.appspot.com> (дата обращения: 12.12.2019).

III

Виктор Мельников

ВИКТОРОВИЧ И АЛЬМАНАХ

С первых же номеров «Коломенский альманах» был теснейшим образом связан с научным сообществом города. Можно сказать, что преподаватели КГПИ (ныне — ГСГУ) были в числе отцов-основателей нашего ежегодника. Разве удивительно, что особое место в этом списке занимает профессор Викторович? И то, что этот человек награждён муниципальной медалью имени И. И. Лажечникова, — не случайность, а закономерность.

Владимир Александрович, говоря откровенно, имеет совершенно исключительные заслуги перед городом. Фактически он вернул Коломне Лажечникова. Это не значит, что раньше мы не знали о славном земляке. В своё время даже мемориальную доску повесили на его усадьбе. Но формальное отношение к памяти писателя — это одно. А вот ощущение его близости, живые детали, делающие человека знакомым и даже родным — это совершенно другое.

Взять хотя бы классическую статью «Сердечно Вас уважающий Пушкин». Портрет Ивана Ивановича неожиданно обогатился новыми штрихами, приобрёл объёмность и осязаемость. Мы ощутили, с какой деликатностью и уважением Пушкин общался со своим старшим коллегой, и почувствовали, что Лажечников имел право говорить с великим поэтом на равных, по крайней мере — в ту пору.

Личность первейшего поэта России, естественно, никого до сих пор не может оставить равнодушным. И уже в следующем, третьем, номере, посвящённом 200-летию гения, Викторovich поделился своими размышлениями в статье «Из Онегинской энциклопедии».

Но внимание к Лажечникову и его трудам никогда не ослабевало. Редколлегия альманаха может гордиться тем, что на наших страницах именитый земляк вернулся в свой город. Известные его произведения увиделись под иным углом, более глубоко и ясно. А те очерки Лажечникова, которые не пользовались достойным вниманием или вообще были забыты, снова обрели своего благодарного читателя.

Более того, фигура нашего доброго Ивана Ивановича предстала не только сама по себе, а в контексте тогдашнего литературного процесса. Викторovich блестяще показал это в очерке «Щедрин до Щедрина, или уездный “Временник” Ивана Лажечникова». Мало кто задумывался над тем, что «История города Глупова» имела предшественника. И в «Беленьких, чёрненьких и сереньких» выведена колоритнейшая галерея «холодненских» градоначальников, так что великому сатирику было чем вдохновляться.

Не напрасно в альманахе были опубликованы три фрагмента из «Беленьких, чёрненьких и сереньких» с комментариями Владимира Александровича. Исквозь ироническую «Холодную» снова раскрылась во всей красе уютная провинциальная Коломна, и начали вырисовываться контуры удивительного художественного явления — «коломенского текста».

Невозможно переоценить эту идею — Коломенский текст!

Она заставила глубоко и масштабно взглянуть на всю нашу литературную историю, от Средних веков до нынешних времён! И наши литераторы восприняли эту мысль о таинственной Душе города. Взять хотя бы Романа Славацкого, талантливейшего поэта и прозаика, который осознанно воспринимает своё творчество именно как часть Коломенского текста. Этой идеей проникнуты и его «Коломенская трилогия», и цикл рассказов «Подземелье», и его стихи. Невозможно понять произведения этого писателя, не учитывая мистической идеи — Души города.

Но кто стоял у истоков того удивительного явления, когда Коломенский текст начал восприниматься как духовный феномен? Профессор Викторович! И надо заметить, что его творческий диапазон не ограничивается одним лишь нашим городом. Он втягивает сюда и окрестности! Незаметно частью Коломенского текста стали и путь из Москвы в Коломну, и уездные сёла Воскресенское и Кривякино (Красное сельцо с роскошной загородной усадьбой Лажечниковых), и дорога в Зарайск, связанная с Коломной ещё со средних веков, и навсегда закреплённая именем Достоевского (под Зарайском расположено Даровое — семейная вотчина Достоевских, усадьба, которая восстанавливается героическими усилиями Викторовича и его студентов).

Скажем больше. В известном смысле Коломенский текст прорастает и за границы нашего Отечества. В. А. Викторович опубликовал в альманахе «Походные записки русского офицера» Лажечникова со своим послесловием, включив в коломенскую хронику события Заграничного похода 1813–1814 годов.

Любопытно, что лажечниковский след есть даже в творчестве Михаила Лермонтова! Гениальный поэт под впечатлением от «Последнего Новика» написал стихотворение от лица одного из героев романа — Иоганна Паткуля. Это имя вынесено даже в название произведения: «Из Паткуля». До сих пор никто не задумывался об источнике этих строк. Кому-то это покажется «мелочью». Но эта, с позволения сказать «мелочь» внесла в

облик поэта важный акцент, характеризующий круг его чтения и участие в российском литературном процессе.

Учёный снова и снова обращается к первому роману нашего славного земляка. И, кстати, его интерес не ограничивается только альманахом. Он подготовил два сборника с характерным названием «Дом Лажечникова», наладил творческие связи с литературоведами из других городов, в частности — из Твери, провёл Лажечниковские чтения в Коломне. Именно с его лёгкой руки статьи о нашем земляке, написанные в самых разных городах, были опубликованы в альманахе.

Владимир Александрович обратил внимание и на такую малоизвестную страницу творчества Достоевского как его ранние стихи. Впрочем, коломенский исследователь не ограничивался только произведениями признанных классиков. В 22-м номере нашего ежегодника опубликована его статья, посвящённая творчеству почти забытой писательницы Надежды Кохановской.

Но венцом нашего сотрудничества стала книга, опубликованная в литературном приложении к альманаху — «Коломенском книгочее». Даже само название её характерно: «Коломенский текст». Объём этого произведения невелик, но значение его для коломенской литературной истории громадно! Именно поэтому В.А. Викторovich отмечен **ЗОЛОТЫМ ДИПЛОМОМ** им. И. И. ЛАЖЕЧНИКОВА и соответствующей премией. Так редколлегия альманаха традиционно награждает за лучшее произведение года.

Большие достижения свершены В. А. Викторovichем на Коломенском пути... Ждём продолжения!

УСАДЬБА ЛАЖЕЧНИКОВА

Посвящается Владимиру Викторовичу

Вскрикнул трамвай по-птичьи и от зимы умчался.
Белой Колодной бродит сонная тишина.
Медленный снег ложится в тихие такты вальса;
Жаль, что музыка эта нам уже не слышна...

Точно кино немое, шорохом, в стиле ретро —
Как на экране ветхом — Старого града вид.
Белую пряжей крыши кроют витые ветры,
Словно седой дворецкий — век на тебя глядит.

Мчат экипажи... Кони! Это, похоже, свадьба:
Розы на шали свахи жарким горят огнём.
Сани летят сквозь вечность... Обок лежит Усадьба.
Где же её хозяин? — Гости грустят о нём.

Двигутся в окнах тени. Светится дом приветно.
Печи, ковры, шандалы — всё как при нём почти.
С лаской глядит писатель, точно сойдя с портрета,
Словно бы привечая, тех, кто его почитит.

Пышный покой разбужен звонкими голосами.
Святочный бал и маски — праздника пёстрый лёт.
Видится: плен Парижа, и боевое знамя,
И Ледяного дома призрачный обиход...

Кружится над фарфором дух травяного чая,
Старых часов настенных здесь остановлен бег...
...А за окном кружится, века не замечая,
В звуках старинных вальса медленный белый снег.

МИСТИКА ТЕКСТА

Много книг было написано о Коломне, ещё больше — упоминаний о ней в отечественной литературе. Но до сих пор большинство из нас воспринимали всё это просто как груды томов, никак между собою не связанных. Так пылятся книги в забытом шкафу или тёмном чулане, откуда их извлекают случайно или по мере надобности.

Но вот явился в Городе человек, который осознал удивительную истину. Оказывается, всё, написанное о наших краях, представляет собой некую *цельность*!

Более того: это литературное единство обладает особой духовной мощью, способной оказывать прямое и ощутимое воздействие на так называемую реальность. Это не просто «*пресуществование материальной реальности в духовные ценности*» (В. Н. Топоров). Это, скорее некая совокупность ментальных признаков, которую В. А. Викторovich назвал Душой Города.

Вне зависимости от того, воспринимать ли её как метафору или действительно существующую энергию, Душа Города оказывает прямое воздействие на современную нашу жизнь. За примерами недалеко ходить.

В самом деле: проект «Коломенский Арбат» вышел «из литературы»; так появился настоящий музей под открытым небом. Феномен Коломенской пастилы возник из «коломенского текста». Знаю, о чём говорю: мне довелось быть непосредствен-

---

ным свидетелем возрождения и развития данного феномена. И, заметим, что Владимир Александрович имел прямое отношение к его появлению.

Несть числа музеев, музеефицированным промыслам и торговым объектам, галереям и мемориалам, заполонившим Коломну, стоило только чуть ослабнуть бюрократической цензуре. Я уж не говорю о книжном буме; о поэзии, прозе. Каждый год появляется, по меньшей мере, одна монументальная историческая монография (а то и две, и три!), где рассказывается о том или ином периоде нашего прошлого.

И чем дальше, тем более становится очевидным, что *«Коломна — место памяти»*. Причём памяти словесной, запечатлённой в художественных образах! Сразу приходит на ум цитата из монографии В. А. Викторovichа «Коломенский текст»:

«Давно замечено, что слово несёт в себе творящее, конструктивное начало (хотя может нести и деструктивное). Так, словесное описание местности, служащее формированию её смысла, способно со временем стать как бы частью этой местности в глазах последующих поколений».

Есть какая-то необъяснимая тайна в поразительном постоянстве, с которым внимание совершенно разных писателей концентрируется в отдельных местах Коломны! Взять хотя бы тот же сквер «Блюдечко». О нём говорили Лажечников, Чайнов, Соколов-Микитов, Пильняк и другие литераторы, несходные друг с другом по времени или социальному происхождению. Но в результате более чем столетней художественной работы сложился не просто объёмный звуковой образ этой части Коломенского кремля, но целый «миф Блюдечка». А ведь есть ещё сходные с ним мифы Маринкиной башни, Собора, Воздвиженской площади, Коломенского Посада, и так далее...

И вот что любопытно: у ведущих писателей, составляющих основу литературной истории города, отделённых друг от друга десятками лет, встречаются фрагменты, как будто сочинённые одним и тем же человеком. Новиков, Лажечников, Гиляров-Платонов, Пильняк, даже наш современник —

Валерий Королёв — у любого из них найдутся отрывки, поразительно схожие по стилистике и языку!

Как же объясняет сущность нашего феномена В. А. Викторovich?

«Коломенский текст — это некий сверттекст, проявляющий себя достаточно независимо от индивидуальных особенностей творящих его художников. Через них (хотя и не за них) Коломна заговорила от лица российской провинции. Отсюда и родилось то ощущение, которое точно выразил Борис Пильняк: «я ... мерил мир Коломной».

Невольно вглядываюсь в себя, и начинаю понимать, откуда взялись мои поэтические книжки, посвящённые Египту, Античности, средневековой Европе, откуда взялась «Коломенская трилогия»... Может быть, тоже оттого, что «я мерил мир Коломной»?

Да и не во мне дело! Суть в том, что со второй половины 90-х, когда профессор Викторovich совершил своё открытие, художественное пространство города изменилось, оно постепенно стало восприниматься и развиваться по-новому. Причём это происходит не искусственно, а как бы «само собой». Отличный пример этого естественного развития — «Коломенский альманах». Он издаётся с 1997 года, и за это время (без малого четверть века!) на его страницах вместились невероятное количество сочинений классиков, исторических и литературоведческих исследований, не говоря уж о современной поэзии и прозе! Всё это посвящено Коломне, всё это живёт и направляет нынешнее творчество! Через коломенский текст Город, словно в магическое зеркало, вглядывается сам в себя!

Владимир Александрович не просто открыл коломенский текст, он проследил его генезис, отметил основные вехи этого удивительного духовного пространства. В число таких вершин входит, прежде всего, Лажечников, генетически связанный с очень древней предшествующей коломенской традицией. Его продолжает «неопознанный гений» России, Н. П. Гиляров-Платонов, благодаря которому мы получили настоящую «эн-

---

циклопедию быта» Старой Коломны, и прежде всего — её Посада. И, наконец, Борис Пильняк, который не только создал свой грандиозный образ Города. Он синтезировал темы, легенды и мифы, открытые его предшественниками ещё на заре XIX века. Он завершил формирование ядра коломенского текста, к которому стягиваются творения многих других прозаиков и поэтов, его современников и продолжателей.

Что это за темы? В. А. Викторович выделяет, например, *миф о «сонной провинции»*, который принимает сатирический оттенок у Лажечникова и Гилярова. Он кажется милым в пильняковском очерке о Лажечникове («сон давних дней») или обращается тягостным бредом «Волги...» того же Пильняка. Это тема *Памяти*, упорного сопротивления внешней аннигиляции, сопротивления, которое очень чувствуется у Гилярова и прикровенно выражено у Бориса Пильняка в нарочито сниженных образах (Непомнящий из «Машин и волков» или тот же Скудрин из «Волги...»). Это и «*провинциальная эсхатология*», которую мы слышим в легендах о «провалившемся храме» (Иванчин-Писарев, Ольга Булич), в зловещих столах «подземного зверя», который пугал маленького Ваню Лажечникова в старинной Запрудной слободе. И во всём страшном величии этот образ разворачивается в мрачной пророческой картине уходящей под воду Коломны (снова та же «Волга...»). Характерно, что эта «эсхатология» бытует и сегодня. Она может отразиться в прозе («Звон» Валерия Ярхо) и в церковных преданиях. И нынче бытуют рассказы о подземной Литургии, которая будет продолжаться до Страшного Суда в той самой «провалившейся церкви», или в мрачноватом пророчестве о том, что когда-нибудь рухнет и провалится пресловутый Конькобежный центр, не к месту выстроенный у священного кремля в старом русле Коломенки.

В известном смысле и сам Владимир Александрович — воплощение коломенского текста. Будучи человеком «приезжим», он стал для Города совершенно родным, явив собою ярчайший пример «*коломенского транзита*». Коломна нашла

себя в его высокой, чуть сутуловатой фигуре, в его мудрых карих очах, в красивой седине вьющихся волос, в его сердце, наконец... Мало кто из коренных коломенцев (не путать с «коломчанами»!) сделал для своей малой родины больше, чем этот «приезжий».

Возьму на себя смелость сказать, что всё, свершённое им — настоящий научный подвиг! Прежде всего, благодаря ему ожила милая тень Лажечникова, и добрый Иван Иванович вернулся к своим пенатам. Благодаря ему возвращаются в коломенский текст окрестности города, отрезанные механическим административным делением советской эпохи. Как тут не вспомнить памятное лажечниковское Кривякино! И даже Зарайск и Даровое, возрождаемое героическими усилиями энтузиастов, тоже всё ощутимее становятся частью «нашей» истории!

Стараниями В. А. Викторovichа и тайным содействием Судьбы, дорогой для нас прах матери великого Достоевского, Марии Фёдоровны, возвращён в Зарайск, благоустраивается территория Свято-Духовской церкви в Моногарове — семейного храма Достоевских...

Наверное, невозможно до конца постичь мистику коломенского текста. Но В. А. Викторovich уж во всяком случае прикоснулся к Душе Города, он открыл само существование нашей Тайны. И после его открытий литературная жизнь Коломны никогда не станет прежней, она обрела совершенно новую стезю. Не только я, а многие и многие коломенские литераторы бесконечно обязаны славному учёному.

Многая лета Вам, Владимир Александрович!

Храни Вас Бог!

ВИКТОРОВИЧУ

Вечерний чай... Коломенского текста
текучий и темнеющий коньяк.
Сидят в трактире, весело и тесно:
Лажечников, Гиляров и Пильняк.

Смотри: струится зыбь неровным слоем
над чаем и воздушной пастилою...

И движется неспешная беседа
и тянется загадочный туман;
и кажется: Коломне заповедан
ещё не продиктованный роман.

Но кто его узнает и расслышит,
раскроет заколдованный ларец?
...Ну разве что знаток сокрытых шифров,
давно забытых отзвуков ловец!

А. Кулагин

«ОН МЕЖ ПЕЧАТНЫМИ СТРОКАМИ ЧИТАЛ ДУХОВНЫМИ ГЛАЗАМИ...»

Научная серия «Монографии участников “Болдинских чтений”», начатая в 2009 году усилиями одного из постоянных «болдинцев», Сергея Николаевича Пяткина, пополнилась недавно книгой учёного, юбилею которого посвящён этот сборник¹. Владимир Александрович впервые приехал на Болдинские чтения в 1976 году — и с тех пор с Болдином не расстаётся. Книга — итог его, длящегося уже почти полвека, филологического романа с «Евгением Онегиным». В основу её легли, во-первых, созданные на основе болдинских докладов статьи (в ежегодных «Болдинских чтениях» же впервые и публиковавшиеся), а во-вторых — развёрнутые статьи, написанные для «Онегинской энциклопедии»; В. А. — один из самых активных авторов этого необычного справочника, по объёму в десятки раз превосходящего текст самого романа. То есть — книга сочетает в себе собственно научное и научно-популярное начала.

По условию редколлегии болдинской серии, книга должна была быть не сборником статей, а именно монографией. И она, безусловно, воспринимается как монография (хотя

---

¹ См.: *Викторович В. А.* «Евгений Онегин»: Роман читателя: Монография. Ниж. Новгород: Изд-во Нижегород. ун-та, 2017. Далее ссылаться на книгу мы будем прямо в тексте, с указанием (в круглых скобках) только номера страницы.

сегодня сплошь и рядом монографиями «притворяются» сборники статей), ибо выстроена вокруг большой проблемы — *пушкинский роман и его читатель*. Проблема оказывается при этом многослойной и разветвлённой, чему главная причина, конечно — сам роман, уникальный и по своему историко-литературному генезису, и по своей внутренней природе, и по своему «внешнему» резонансу в русской культуре. И уникальность его, как показано в книге, во многом обусловлена категорией читателя.

Во-первых, читатель здесь — сам автор «Онегина». Роман представляет собой насыщенный диалог поэта с предшественниками. Об этом написано уже очень много, но В. А. — как и сам Пушкин — не повторяет предшественников и тоже вступает с ними в диалог (книга, кстати сказать, — целая энциклопедия «онегиноведения», компас в обширнейшей литературе о романе). Энциклопедическое «происхождение» некоторых глав монографии позволяет аналитически систематизировать круг литературных источников «Онегина», но автор книги — не регистратор давно открытых фактов, а увлечённый поиском исследователь, открывающий в «Онегине» новые, до времени скрытые, смысловые пласты. Таков, например, фрагмент, в котором соотнесены Шатобриан и Жанлис как представители двух противоположных концепций природы человека («Он иногда читает Оле // Нравоучительный роман, // В котором автор знает боле // Природу, чем Шатобриан»; см.: 64–72). Полемический смысл пушкинских строк был наверняка замечен образованному читателю пушкинской эпохи, но ускользает от читателя нынешнего. Теперь, после подробного объяснения учёного, — уже не ускользнёт. Или отметим сформулированное в книге, тоже коренящееся в проблеме автора-читателя, соотношение героя романа в стихах с героями популярных романов пушкинской и предпушкинской эпохи (Грандисоном, Чайльд-Гарольдом и другими; сравнение с ними в целом является, как мы помним, лейтмотивом

произведения): «Онегин шире и многозначнее каждого из своих предшественников и потому неуловим для традиционных мерок» (90).

Во-вторых, читают герои романа. Здесь тоже таятся свои неочевидные нюансы — вроде эволюции состава библиотеки Онегина от черновых вариантов пушкинского текста к окончательному. Если поначалу список книг отсылал читателя романа к философскому наследию скептического восемнадцатого века: Вольтер, Гельвеций, Дидро, — то уже в следующем, тоже пока черновом, варианте восстанавливается пропущенное поначалу «опосредующее между ними (Онегиным и просветителями — *А. К.*) звено романтизма» (46): «Мельмот, Рене, Адольф Констана». И наконец, в списке появляется «ключевое, магическое имя Байрона» («Творец негодного Жуана»), закреплённое в окончательном варианте: «Певца Гяура и Жуана...» Такие наблюдения приоткрывают внутреннюю жизнь романа, динамику его создания.

В-третьих, героями книги становятся также три особых читателя, сыгравших исключительную роль в истории восприятия романа, выразивших три ключевые концепции в его истолковании. В главах на эту тему проступает ключевая для книги литературоведческая методология — историко-функциональный подход (хотя он здесь не единственный, ибо совмещается и с имманентным, мотивным анализом романа, и со сравнительно-историческим). Первые два читателя — Белинский и Достоевский. Если один представляет «социологизирующую», по слову автора книги, трактовку, при которой груз ответственности за судьбы героев возлагается на среду, то второй — «морализирующую»: условно говоря, *исправь себя сам*. Исторический и культурный опыт двух миновавших со времени написания романа столетий позволяет сегодняшнему исследователю увидеть здесь не столько противостояние (как это ощущали читатели девятнадцатого, а во многом и двадцатого века), сколько диалог: «Ныне обе трактов-

---

ки... вошли в культурную память романа, определяя горизонт мыслящего читателя как горизонт выбора между ними исходя из потребностей времени и личности» (235).

Кстати, именно с соотнесения трактовок Белинского и Достоевского онегинские штудии автора книги и начинались: доклад на эту тему он сделал в Болдине на Чтениях 1981 года. Да и предыдущие его болдинские выступления хотя и не касались «Онегина», но были тоже связаны с Достоевским, с пушкинскими мотивами в его произведениях («Бесы», «Идиот», «Неточка Незванова»...). Может быть, наш коллега ещё вернётся к этим сюжетам и выпустит книгу под названием «Достоевский и Пушкин»?..

Третий «знаковый» читатель романа — Набоков (набоковская глава написана учёным в соавторстве с А. С. Бессоновой). Среди литературных фигур ушедшего столетия Набоков, пожалуй, фигура самая пушкинская (хотя «пушкинских» фигур — от Блока до Высоцкого — в этом столетии хватает). Во всяком случае — самая «онегинская». Роман в стихах, читаем в книге, «может быть рассмотрен как изначальный миф всего творчества Набокова» (255). Дело не только в обилии онегинских аллюзий в художественных произведениях классика-эмигранта (они в главе выявлены и обстоятельно проанализированы), но и в его английском переводе «Онегина» и в уникальном комментарии к роману, балансирующем на грани между наукой и художественным творчеством. К двум магистральным концепциям романа, «белинской» и «достоевской», Набоков добавил свою — «эстетизирующую»: «Прочтение Набокова — рецептивный акт расширения речевого пространства романа в стихах до пределов мировой литературы, из лона которой в своё время и явилось пушкинское творение» (262).

В-четвёртых, героем (и одновременно адресатом) книги является современный читатель «Онегина», то есть мы с вами; в этот необозримый читательский круг автор монографии включает и себя. Именно так нужно понимать не раз

повторяющуюся в тексте фразу: «Роман читает нас». Впрочем, слово «современный» здесь не вполне корректно, ибо слишком узко для того главного смысла, который несёт в себе эта фраза. Речь идёт о бесконечном читательском потоке, каждая новая волна которого открывает в романе нечто своё (и, само собой, открывает нечто своё каждый конкретный читатель). Самосознание очередного поколения и самосознание отдельно взятого читателя осуществляется в свете пушкинского романа. Здесь поневоле срабатывает автохарактеристика произведения: «даль свободного романа», в которой проявляет себя не только «жанровая генетика» (62) произведения, но и его способность к производству новых смыслов, чему подтверждение — двухвековая история читательского восприятия «Онегина».

Но за всем этим разноуровневым читательским миром произведения стоит, в-пятых, ещё один читатель — сам автор монографии. Будучи, повторим, «одним из нас», он при этом твёрдо ведёт в книге свою «первую партию». Главная суть его прочтения «Онегина» заключается в том, что роман видится ему живым организмом, лишённым всякой статичности, тем более уж окаменелости. Об этом романе, о его сюжете, героях и общем смысле если и скажешь пушкинской фразой «ужели слово найдено?», то непременно с обязательной пушкинской же вопросительной интонацией.

Между тем, *слово* как ключевая категория поэтического языка и поэтического мира (по Пастернаку: «И образ мира, в слове явленный») — лейтмотив написанного В. А. «романа с романом». Слово — инструмент, с помощью которого поэт называет всё, что окружает его и его читателя, то есть реализует «уровень “атомарный”, собственно словесный» (80). Здесь поневоле вспоминается рассказ Юрия Нагибина (кстати, однажды — в том же 81-м году — тоже побывавшего на Болдинских чтениях и, помнится, со знанием дела участвовавшего в обсуждении докладов) «Царскосельское утро», героем которого является Пушкин-лицеист, как бы впервые *называющий*

мир, слышащий голоса деревьев, трав и птиц: «Назови нас... Наши имена забыты...» Так вот, часть книги В. А. содержит развёрнутые этюды — одновременно и лингвистические, и культурологические — о таких сквозных для пушкинского текста концептах как *хандра*, *тоска*, *скука*, *любовь*, *страсть*, *разврат*, *нега*, *счастье*, *блаженство*, *радость*, *покой*... Каждое из этих «эластических слов» (удачная поневоле формула Писарева, как раз к онегинскому тексту относящаяся, в книге В. А. тоже идёт в дело) не только систематизирует поэтический материал романа, но и даёт исторический экскурс в область того или иного понятия, открывает историко-культурный генезис и фон его. Например, концепт «страсть» влечёт за собой обращение к наследию европейского и русского Просвещения (Декарт, Кантемир, Сумароков, Руссо...) и подводит автора книги — и нас вместе с ним — вплотную к эпохе рубежа веков, к произведениям Карамзина как ближайшего пушкинского предтечи. В этюде о «покое» литературных имён меньше (Шиллер, Николай Львов), зато сам этот «разветвлённый мотив» (168) погружён в сферу русского национального сознания (как не вспомнить тут Обломова или, скажем, финал «Отцов и детей») и включён в «идиллический строй пушкинского романа». Здесь В. А. ссылается на работу ещё одного активного участника Болдинских чтений, своего товарища по учёбе в Горьковском университете и почти ровесника, Евгения Хаева². Их жаркие болдинские дискуссии — и на научных заседаниях, и в кулуарах, в болдинском полубарачном Доме колхозника, служившем пушкинистам гостиницей, — у нас на памяти.

При чтении монографии вспоминаются ещё несколько «болдинских» фигур, в ту пору уже более маститых (впрочем, безвременно ушедший из жизни Хаев стать маститым просто не успел). Будучи старшими по возрасту, они задавали тон Болдинским чтениям и превратили их, несмотря на

---

² См.: Хаев Е. С. Идиллические мотивы в «Евгении Онегине» // Хаев Е. С. Болдинское чтение: Статьи, заметки, воспоминания / Сост. Г. Л. Гумённая, В. С. Листов. Ниж. Новгород, 2001. С. 59–79.

географическую удалённость от Нижнего (внутриобластной рейсовый автобус шёл шесть с половиной часов, или можно было долететь за час с небольшим тоже рейсовым «кукурузником») и от других научных центров, в конференцию первого класса уровня. В Болдино съезжались замечательные филологи. Помимо тех, о ком мы хотим сказать отдельно, это ещё В. С. Листов, В. М. Маркович, Л. С. Сидяков, Н. Д. Тармарченко, А. Е. Тархов, С. А. Фомичёв, Н. М. Фортунатов, А. П. Чудаков... Мы не производили подсчёт, но и без подсчёта видно, что едва ли не чаще всего В. А. ссылается в своей книге на работы Юрия Николаевича Чумакова (книга и начинается с цитаты из его «Стихотворной поэтики Пушкина», вобравшей в себя, помимо прочего, работы по «Онегину»³). Чумаков, ездивший в Болдино поначалу из Великого Новгорода (тогда — просто Новгорода), а затем из Новосибирска, куда он перебрался в начале восьмидесятых, — читал роман в стихах с точки зрения его внутренней структуры (например, значения авторских примечаний к тексту или отдельных сцен). Но это был не структурализм (хотя Чумаков дружил с Лотманом), а выявление смысловой архитектоники произведения с опорой на архетипические мотивы. Не случайно В. А. начал свой болдинский доклад 98-го года о теме смерти в романе с упоминания о значимой для неё (темы) хронологической вехе — двадцатилетней годовщине публикации в «Болдинских чтениях» статьи Чумакова «Поэтическое и универсальное в «Евгении Онегине»». Общение Ю. Н. и В. А. было, несмотря на почти четвертьвековую разницу в возрасте, дружеским: оно продолжалось, кстати, и в Коломне, куда Чумаков дважды (в 1987 и 1991 годах) приезжал и где выступал с докладами на онегинские темы.

Другое имя — Всеволод Алексеевич Грехнёв, один из университетских наставников В. А. и тоже постоянный участник Чтений. Грехнёва роднило с Чумаковым искусство

---

³ См.: *Чумаков Ю. Н.* Стихотворная поэтика Пушкина. СПб., 1999.

имманентного анализа произведения, но ощущение философского контекста и философского наполнения пушкинского творчества (принципиальное, как мы уже видели, и для монографии В. А.) было у него, как нам кажется, заметнее. Его научный почерк, кстати, вспомнился нам при чтении главы «Поэзия как процесс»⁴, где речь идёт о пушкинском понимании поэзии как самодостаточной эстетической ценности и где разбирается, в частности, лирическая миниатюра «Царскосельская статуя»: «Метасюжетом (сюжет стихотворения плюс сюжет читателя) стало явление вечного искусства из преходящего материала» (10). Кстати, сам Грехнёв в одной из своих работ, опубликованной в первом болдинском сборнике, «Царскосельскую статую» (и другие три «анфологические эпиграммы» поэта) тоже анализировал. «Анализ», «разбор» — эти наши слова не очень «эластические» и плохо подходят для таких штудий, иногда сближающихся с искусством, словно адекватных самой поэзии. «Совершилось, — писал Грехнёв о «Царскосельской статуе», — чудо одухотворения. Жизненный миг преобразился, наполнился смыслом и. одухотворённый, перестал быть мгновением, сделался причастным вечности»⁵. Не правда ли, это одна научная школа (хотя младший, конечно, не повторяет старшего)? Грехнёв писал и об «Онегине», и его статья 1979 года о диалоге с читателем в романе⁶ — одна из опорных в монографии, о которой мы здесь пишем.

⁴ Статья, на основе которой написана эта глава, в середине 80-х, на излёте советской эпохи, когда лишённые догматизма труды, не опирающиеся на «партийность», «народность» и проч., не приветствовались свыше, была предложена В. А. в редакцию «Вопросов литературы», но публиковать её там не стали по причине «несвоевременности» (см. в монографии сноску на с. 18). Сейчас это воспринимается почти как анекдот, но тогда было, конечно, не до смеха. Публикация статьи состоялась в «Литературной учёбе» в начале «перестройки» (1987, № 1).

⁵ Грехнёв В. А. «Анфологические эпиграммы» А. С. Пушкина // Болдинские чтения. Горький, 1976. С. 41.

⁶ См.: Грехнёв В. А. Диалог с читателем в романе Пушкина «Евгений Онегин» // Пушкин: Исслед. и материалы. Т. IX. Л., 1979. С. 100–109.

Мы сказали о научной школе — и, значит, пора назвать имя ещё одного человека, из школы которого оба В. А. (и Грехнёв, и Викторovich) вышли; да с него можно было бы и начать. Это Георгий Васильевич Краснов, профессор сначала Горьковского университета, а затем Коломенского пединститута; отъезд его из Горького был вынужденным, на независимого учёного давил местный КГБ. В Коломне он начал преподавать в 76-м, а в 79-м «переманил» сюда из Горького своего подававшего большие надежды ученика. От наставника ученик перенял импровизационность научной манеры (само переключение материала энциклопедического жанра в *чтение* — уже своего рода импровизация), способность удачно включать в монолог (письменный ли, устный) какие-то ответвления, размышления по поводу. Г. В. любил (особенно в лекциях) «окказионально» сослаться на какую-нибудь совсем свежую, порой газетную, публикацию, обыграть какое-нибудь актуальное событие — одним словом, неожиданно связать эпохи. В. А. в этом смысле строже, академичнее, но красновская школа чувствуется и тут. Так, размышляя о судьбе жанра романа в стихах в последующей русской литературе, от Лермонтова до Пастернака, В. А. вполне по-красновски, «пружинно», умеет прочертить её в нескольких, но исчерпывающих, словах: «...происходило неизбежное рассеяние жанровой формы, т. к. не могла повториться эпоха, вызвавшая к жизни “Евгения Онегина”. Пружина разжалась и уже не сожмётся до такой степени» (78; кстати, жанровая традиция романа в стихах — чумаковская тема). Или: «нынешняя агрессия масскульта...» (64)⁷

Здесь проступает ещё одна особенность «горьковской» школы, для Краснова, пожалуй, и не самая характерная, но очень

---

⁷ Нам, кстати, думается, что две «болдинские» книги Г. В. Краснова (см.: *Краснов Г. В.* Пушкин. Болдинские страницы. Горький, 1984; Болдино. Пушкинские сюжеты. Ниж. Новгород, 2004) поневоле послужили прообразом типа издания, представленного в серии «Монографии участников Болдинских чтений».

характерная для Грехнёва и Викторovichа, а до них для Чумакова, хотя он в Горьком никогда и не работал (да в географии ли дело?). Это — повышенная метафоричность научного языка, опять-таки сближающая науку с искусством. Таков уж наш предмет: в исследовании его одно как бы переплетается с другим. Цитаты о «пружине» и об «агрессии масскульты» мы только что привели. А вот ещё — наугад, при пролистывании книги: «Вовлечённость читателя набирает обороты...»; «Читатель, втянутый в эту воронку автором...»; «семантический спектр Татьяны»; «Пульсирующими вспышками даны определения, между которыми колеблется фигура главного героя»; «система лексических ячеек, образовавших в текстуре романа некую сеть для уловления читателя и подключения его к большому полилогу смыслов» (в последней фразе как минимум шесть метафор)... Даём, для сравнения, по одной (ради экономии читательского внимания), тоже навскидку, цитате из трудов учителей, как раз на онегинскую тему: «Привычки изолирующей абстракции, рассудочные перегородки, иерархическая классификация, отвердевающие концепции... порой обрывают художественные связи» (Чумаков); «Сюжет своей лирически конденсированной энергией постоянно плавит фабульную цепь, сообщая ей редкую свободу сцеплений» (Грехнёв). Не сам ли роман, с его «дьявольской разницей» и подвижной структурой (и у нас метафора!), провоцирует метафоричность научной мысли?

Нам, впрочем, думается, что на стиль работ В. А. повлияла школа не только научная, но и журналистская. До переезда в Коломну он работал в горьковской молодёжной газете «Ленинская смена», и газета по-своему тоже учила его формулировать мысли внятно и образно, порой с лёгким изяществом — например: «праонегинский (то есть предвосхитивший многие мотивы пушкинского романа — А. К.) “Первый снег” Вяземского» (150), или: «“Евгений Онегин” представляет собой симпозион трёх героев на тему о свободе»

---

(185). В этом же оживляющем монографию словесном ряду — современные слова вроде «дайджест» в соседстве с нарочито архаичным местоимением «сей» (это о пушкинской программе «романа на старый лад» в третьей главе «Онегина») или «комплекс неудачника». Почему бы и нет? Но ещё здесь сказывается, конечно, и сорокалетний педагогический опыт, умение говорить с молодой аудиторией на учёные темы без скуки. Кстати, было время, когда В. А. вёл семинар по «Онегину»; вообще, пушкинский роман в том или ином качестве присутствует в его учебной работе постоянно. Наверняка будут и новые статьи.

Одним словом, В. А. продолжает читать роман, который продолжает читать и нас, и его самого.

Г. Гумённая

Много лет тому назад мы с коллегами по кафедре русской литературы нижегородского иныа сочинили торжественные стихи в честь Володи Викторovichа и возглавляемой им в те годы кафедры:

ОДА
на юбилей родной нам по духу кафедры
литературы
Коломенского педагогического института
Сочинение нижегородской Беседы любителей русского слова

Что вижу я? Исток вод дивных,
Что встарь был славен и красив?
Но се — коллеги, се, Владимир,
Тобой водимый коллектив!
И где кремлёвских башен своды?
Где волжские¹ игривы воды?
Не вы ль стремите к высотам?
Не воды льются там, не реки:
Чувствительные человеки
Питают жар к искусствам там!
О, ваши дни благословенны!
Дерзайте ныне ободренны
Раченьем вашим показать,

---

¹ Здесь одописец прозрачно намекает на нижегородское происхождение корифеев означенной кафедры. В процессе коллективного творчества обсуждался следующий вариант: «И где Оки игривы воды?» Стих дорог авторам своим классическим «трудным звучанием», а также тем, что с точностью указывает на место нынешнего пребывания бывших нижегородцев.

Что может собственных Жирмунских,
И Эйхенбаумов, и Шкловских²
Коломенска земля рождать!
О вы, птенцы гнезда Краснова!
Грядите выспрь дорогой новой!

Сейчас, по прошествии времени, шутливо-торжественный тон сменился на элегически-торжественный, как это случается в процессе жанровой эволюции, и вот явились новые строки, обращённые к тому же адресату:

У Музы есть различные пристрастья,
Дары её даются не равно,
Блажен, кто знал знакомства с нею счастье,
Но ты — ты подружился с ней давно.

Она тебя водила по архивам,
И ты из тьмы забвения извлекал
Ценнейший матерьял — так это было,
И сам Фридлендер про него не знал.

Не только Достоевского касалось
То, что очам учёных предлагалось,
Но Пушкин, и Лажечников, другие
Писатели вдруг снова как ожили
Твоих трудов благодаря стараньям,
Твоих — совместно с Музой — изысканьям.

---

² Коллеги-юбиляры имеют право продолжить этот ряд или заменить любое имя на милое сердцу. Наш выбор был определён источником вдохновения (сиречь плагиата), а именно: одой Ю. Н. Тынянова в честь второй годовщины факультета истории словесных искусств ГИИИ. И очередной «трудный стих»! О Ломоносове скромно умалчиваем.

Ты с Музою, птенец гнезда Краснова,
Стремишь филологический полёт,
И вижу я, что в поле Дарового
Не только Чтенья, но Музей растёт.

Мы знаем, что с годами лишь сильнее
И крепче сок от виноградных лоз.
Таков и ты. Хочу, чтоб, не слабя,
А только становясь ещё сильнее,
Свободней, —

вдохновение лилось.

IV

Владимир Александрович Викторovich

Материалы к библиографии

В списке использованы материалы издания : К пятидесятилетию профессора Владимира Александровича Викторovichа : библиогр. науч. тр. / Колом. пед. ин-т ; сост. И. А. Аминова. – Коломна, 2000. – 9 с.

КНИГИ

1986

1. Викторovich, Владимир Александрович. Методические рекомендации к практическим занятиям по курсу «История русской литературы 19 века» / А. П. Ауэр, В. А. Викторovich, Г. В. Краснов ; Колом. пед. ин-т, Каф. ист. рус. и зарубеж. лит. – Коломна, 1986. – 21 с.

2013

2. Викторovich, Владимир Александрович. Лекции по истории русской литературной критики от XVIII до начала XX века : учеб. пособие / В. А. Викторovich ; М-во образования Моск. обл., Гос. образов. учреждение высш. проф. образования «Московский государственный областной социально-гуманитарный институт». – Коломна : МГОСГИ, 2013. – 288 с.

278

2017

3. Викторovich, Владимир Александрович. «Евгений Онегин». Роман читателя : монография / В. А. Викторovich ; Национ. исслед. Нижегор. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского, Гос. лит.-мемориал. и природный музей-заповедник А. С. Пушкина «Болдино». – Н. Новгород : Изд-во ННГУ, 2017. – 268 с.

2018

4. Викторovich, Владимир Александрович. Коломенский текст. Сюжеты и портреты / В. А. Викторovich. – Коломна : Коломенский альманах, 2018. – 143 с. – (Коломенский книгочей) (Библиотека «Коломенского альманаха»).

2019

5. Викторovich, Владимир Александрович. Достоевский. Писатель, заглянувший в бездну : 15 лекций для проекта «Магистерия» / Владимир Викторovich. – М. : Rosebud Publishing, 2019. – 452 с.

БРОШЮРЫ

1978

6. Викторovich, Владимир Александрович. Проблема повествования в творчестве Ф. М. Достоевского 60-х годов : «Преступление и наказание», «Идиот» : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Викторovich Владимир Александрович ; Томск. гос. ун-т. – Томск, 1978. – 16 с.

1994

7. Викторovich, Владимир Александрович. Творчество Ф. М. Достоевского и русская литература XIX века (проблема генезиса) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук.: 10.01.01 / Викторovich Владимир Александрович ; Рос. акад. наук, Ин-т

рус. лит. (Пушкинский Дом). – СПб., 1994. – 28 с.

2006

8. [Викторович, В. А.]. Спасти храм Достоевских / [Колом. гос. пед. ин-т ; В. А. Викторович ; фот. У. Брумфилда]. – М. : Виарт+, 2006. – 16 с. : ил. См. 222, 319.

Изд. выполнено в рамках проекта Рос. гуманитар. науч. фонда «Храм Сошествия Святого Духа в Моногарове как символ возрождающейся России».

РУКОПИСИ

1978

9. Викторович, Владимир Александрович. Проблема повествования в творчестве Ф. М. Достоевского 60-х годов : «Преступление и наказание», «Идиот» : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Викторович Владимир Александрович ; Томск. гос. ун-т. – Горький, 1978. – 169 с.
10. Викторович, Владимир Александрович. Творчество Ф. М. Достоевского и русская литература XIX века (проблема генезиса) : дис. ... д-ра филол. наук. : 10.01.01 / Викторович Владимир Александрович ; Рос. акад. наук, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). – Коломна, 1994. – 310 с.

СТАТЬИ

1975

11. Викторович, Владимир Александрович. Сюжетная оппозиция повествователя и героя в романе Достоевского «Преступление и наказание» / В. А. Викторович // Русская литература XIX века : Вопросы сюжета и композиции : межвуз. сб. / М-во высш. и сред. спец. образования РСФСР, Горьк. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского

280

; [редкол.: В. А. Грехнев и др.]. – Горький, 1975. – [Вып.] 2. – С. 75–82.

1976

12. Викторovich, Владимир Александрович. Сюжетная ситуация прозрения – воскресения в «Войне и мире» и «Преступлении и наказании» : (К композиционной характеристике «части» и «целого») / В. А. Викторovich // Лев Толстой и русская литература : межвуз. сб. / М-во высш. и сред. спец. образования РСФСР, Горьк. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского ; [редкол.: Г. В. Краснов (отв. ред.) и др.]. – Горький, 1975. – [Вып.] 2. – Горький, 1976. – С. 45–53.

1977

13. Викторovich, Владимир Александрович. Литературная судьба «Бесов» : Пушкин и Достоевский / В. А. Викторovich, Н. В. Живолупова // Болдинские чтения / Музей-заповедник А. С. Пушкина (Б. Болдино), Горьк. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского; [редкол.: М. П. Алексеев и др.]. – Горький, 1977. – С. 119–134.

1979

14. Викторovich, Владимир Александрович. Грани характера / Владимир Викторovich // Литературная учёба. – 1979. – № 5. – С. 84–86.

1980

15. Викторovich, Владимир Александрович. Пушкинский мотив в «Идиоте» Ф. М. Достоевского / В. А. Викторovich // Болдинские чтения / Болдин. музей-заповедник А. С. Пушкина, Горьков. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского ; [редкол.: М. П. Алексеев, Н. А. Борисова, В. А. Грехнёв и др.]. – Горький, 1980. – С. 126–136.

1981

16. Викторovich, Владимир Александрович. Жанр записок у Толстого и Достоевского / В. А. Викторovich // Лев Толстой и русская литература : межвуз. сб. / М-во высш. и сред. спец. образо-

---

вания РСФСР, Горьк. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского ; [редкол.: Г. В. Москвичева (отв. ред.) и др.]. – Горький, 1981. – С. 18–25.

17. Викторovich, Владимир Александрович. К поэтике сюжетного эксперимента. Пушкин и Достоевский / В. А. Викторovich // Болдинские чтения / Музей-заповедник А. С. Пушкина в с. Б. Болдино, Горьк. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского ; [редкол.: М. П. Алексеев, Н. А. Борисова, В. А. Грехнёв и др.]. – Горький, 1981. – С. 166–177.
18. То же // «Моцарт и Сальери», трагедия Пушкина : Движение во времени : Антология трактовок и концепций от Белинского до наших дней / Рос. акад. наук, Ин-т мир. лит. им. М. Горького, Пушк. комис. ; [сост. и коммент. В. С. Непомнящего ; ред. В. А. Кожевников]. – М., 1997. – С. 649–654.
19. Викторovich, Владимир Александрович. «Что пользы в нём?» / В. Викторovich // Литература в школе. – 1981. – № 7. – С. 9–10. – Участие в дискуссии «Чувство нового в современной критике».

1982

20. Викторovich, Владимир Александрович. Безымянные герои Достоевского / Вл. Викторovich // Литературная учёба. – 1982. – № 1. – С. 230–234.
21. Викторovich, Владимир Александрович. Две интерпретации «Евгения Онегина» в русской критике / В. А. Викторovich // Болдинские чтения / Музей-заповедник А. С. Пушкина в с. Б. Болдине, Горьк. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского ; [редкол.: Н. А. Борисова, В. А. Грехнёв, Г. И. Золотухин и др.]. – Горький, 1982. – С. 81–90.
22. Викторovich, Владимир Александрович. Диалектика художественной мысли : (Пушкинские речи Достоевского и Блока) / В. А. Викторovich // Типологический анализ литературного произведения / М-во высш. и сред. спец. образования РСФСР, Кемер.

гос. ун-т ; [Н. Д. Тамарченко (отв. ред.) и др.] – Кемерово, 1982. – С. 43–52.

23. Викторovich, Владимир Александрович. «Доколе не забудется русский язык» / В. А. Викторovich // Коломенская правда. – 1982. – 28 авг.

Об успехе романа «Ледяной дом». К 190-летию со дня рождения И. И. Лажечникова.

1983

24. Викторovich, Владимир Александрович. Сюжет и повествование в романе Достоевского / В. А. Викторovich // Сюжет и художественная система произведения : межвуз. сб. науч. тр. / М-во высш. и сред. спец. образования Латв. ССР ; [редкол.: Л. М. Цилевич (отв. ред.) и др.]. – Даугавпилс, 1983. – С. 56–64.

25. Викторovich, Владимир Александрович. Уроки совести / В. Викторovich // Коломенская правда. – 1983. – 17 июня.

О постановке Народным театром пьесы Л. Петрушевской «Уроки музыки».

1984

26. Викторovich, Владимир Александрович. Кто написал «Ответ на протест»? / В. А. Викторovich // Вопросы литературы. – 1984. – № 9. – С. 178–184.

1985

27. Викторovich, Владимир Александрович. Как стать литературным героем, или Житие графомана : [о лит. судьбе И. П. Бочарова] / Вл. Викторovich // Литературная учёба. – 1985. – № 2. – С. 211–214.

28. Викторovich, Владимир Александрович. О двух историко-публицистических замыслах Достоевского / В. А. Викторovich // Достоевский. Материалы и исследования / Акад. наук СССР, Ин-т рус лит. (Пушкинский Дом). – Л., 1985. – Т. 6 / [ред.

Г. М. Фридендер]. – С. 137–153.

29. Викторovich, Владимир Александрович. Русские классики в серии «Жизнь замечательных людей» / В. А. Викторovich, Г. В. Краснов // Русская литература. – 1985. – № 2. – С. 228–233.

1986

30. Викторovich, Владимир Александрович. К проблеме художественно-философского единства «Евгения Онегина» / В. А. Викторovich // Болдинские чтения / Музей-заповедник А. С. Пушкина в с. Б. Болдино ; Горьков. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского ; [редкол.: Н. А. Борисова, В. А. Грехнёв, Г. И. Золотухин и др.]. – Горький, 1986. – С. 15–24.
31. Викторovich, Владимир Александрович. Н. А. Некрасов и Я. П. Полонский / В. А. Викторovich // Некрасовские чтения : тез. выступлений / Ярослав. гос. пед. ин-т. – Ярославль, 1986. – С. 11.
32. Викторovich, Владимир Александрович. Нигилист на рубеже 60-х годов как социальный и литературный тип / Г. В. Краснов, В. А. Викторovich // Революционная ситуация в России в середине XIX века : Деятели и историки / Акад. наук СССР ; Ин-т ист. СССР ; редкол.: М. В. Нечкина (отв. ред.) [и др.]. – М., 1986. – С. 22–38.

1987

33. Викторovich, Владимир Александрович. К истории одного объявления в «Гражданине» 1873 г. / В. А. Викторovich // Достоевский. Материалы и исследования / Акад. наук СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). – Л., 1987. – [Вып.] 7 / [ред. Г. М. Фридендер]. – С. 197–200.
34. Викторovich, Владимир Александрович. «Мы рождены для вдохновения» : (Пушкин и смысл поэзии) / В. А. Викторovich // Литературная учёба. – 1987. – № 1. – С. 176–183.
35. Викторovich, Владимир Александрович. Неизвестный Достоевский / В. А. Викторovich // Литературное обозрение. –

1987. – № 10. – С. 110–112.

36. Викторovich, Владимир Александрович. Перечитывая «Моцарта и Сальери» / В. Викторovich // Горьковский рабочий. – 1987. – 1 июня.

37. Викторovich, Владимир Александрович. «Сердечно вас уважающий Пушкин» / В. А. Викторovich // Коломенская правда. – 1987. – 11, 13, 17, 20, 21, 24 февр.

О взаимоотношениях Лажечникова и Пушкина.

38. То же // Грань. – 1998. – 9, 15 февр.

39. То же // Коломенский альманах : лит. ежегодник / [гл. ред. В. С. Мельников]. – 1998. – Вып. 2. – С. 189–200.

40. Викторovich, Владимир Александрович. Фестиваль и мы : [о XV Московском междунар. кинофестивале] / В. А. Викторovich // Коломенская правда. – 1987. – 25 июля.

41. Викторovich, Владимир Александрович. «Я люблю Вас, но живого, а не мумию...» / В. А. Викторovich // Коломенская правда. – 1987. – 13 окт. – О науч. конф. «Маяковский и современность».

1988

42. [Викторovich, Владимир Александрович.] Анализ новеллы / [В. А. Викторovich] // Методические рекомендации по анализу литературного произведения для студентов филологического факультета Коломенского педагогического института / Колом. пед. ин-т ; [сост.: Г. В. Краснов и др. ; науч. ред. Г. В. Краснов]. – Коломна, 1988. – С. 18–23. – Ф. М. Достоевский «Кроткая».

43. Викторovich, Владимир Александрович. Гоголь и Лажечников. Пути русской исторической прозы (вопросы типологии) / В. А. Викторovich // Наследие Н. В. Гоголя и современность : тез. докл. и сообщ. науч.-практ. Гоголевской конф. (24–26 мая 1988 года) : в 2 ч. / Нежин. гос. пед. ин-т ; [редкол.: Г. В. Самойленко (отв. ред.) и др.] – Нежин, 1988. – Ч. 1. – С. 33. – В надзаг.: Черниг. обл. фил. Союза писателей Украины, Черниг. обл. организация

о-ва «Знание», Неж. гос. пед. ин-т им. Н. В. Гоголя.

44. Викторovich, Владимир Александрович. Добролюбов и Достоевский: диалог о русской литературе / В. А. Викторovich // Н. А. Добролюбов и русская литературная критика / Акад. наук СССР, Ин-т мировой лит. им. А. М. Герцена ; отв. ред. Г. Г. Елизаветина. – М., 1988. – С. 95–113. – Данная ст. с некоторыми сокращениями была перепечатана почему-то под другой фамилией : Бозоров, Р. Дж. Диалог о русской литературе: Добролюбов и Достоевский // Писатели как критики. – Душанбе, 1990.
45. Викторovich, Владимир Александрович. Достоевский и В. П. Мещерский : (к вопросу об отношениях писателя с охранительным лагерем) / В. А. Викторovich // Русская литература. – 1988.– № 1. – С. 205–216.
46. Викторovich, Владимир Александрович. Достоевский и Некрасов в 1870-е годы (по новым материалам) / В. А. Викторovich // Достоевский и современность : тез. выступлений на «Старорусских чтениях» / Новгород. гос. об-ние музей-заповедник, Дом-музей Ф. М. Достоевского ; [ред. Л. И. Николаева]. – Новгород, 1988. – С. 34–35.
47. Викторovich, Владимир Александрович. И. И. Лажечников и Коломна / В. А. Викторovich // Литературное и лингвистическое краеведение : тез. докл. к науч. конф. / Колом. пед. ин-т ; [редкол.: А. П. Ауэр (отв. ред.) и др.]. – Коломна, 1988. – С. 5–8.
48. Викторovich, Владимир Александрович. Мотив покаяния у Некрасова и Достоевского / В. А. Викторovich // III Некрасовские чтения : тез. выступлений / Упр. культуры Ярослав. обл.исполкома, Ярослав. отд-ние Всерос. о-ва охраны памятников ист. и культуры Ярослав. гос. пед. ин-т им. К. Д. Ушинского ; [сост. Н. Н. Пайков ; ред. Г. В. Краснов и др. ; отв. за вып. Д. Н. Горшков, Т. П. Баталова]. – Ярославль, 1988. – С. 54.

-
49. Викторovich, Владимир Александрович. Надо ли приносить жертву? / В. А. Викторovich // Коломенская правда. – 1988. – 25 мая.

О музее в доме И. И. Лажечникова (к постановке проблемы).

50. Викторovich, Владимир Александрович. По силам ли ноша : «Увековечить память И. И. Лажечникова» / В. А. Викторovich // Там же. – 1988. – 2 нояб.

О памятнике И. И. Лажечникову в Коломне.

51. Викторovich, Владимир Александрович. Сюжет и повествование в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» / В. А. Викторovich // Вопросы сюжета и композиции : межвуз. сб. / М-во высш. и сред. спец. образования РСФСР, Горьк. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского ; [редкол.: В. А. Ковалев ; Г. В. Москвичева (отв. ред.) и др.]. – Горький, 1988. – С. 63–71.

1989

52. Викторovich, Владимир Александрович. Азиатская тема в «Гражданине» Ф. М. Достоевского / В. А. Викторovich // Тезисы докладов Достоевских чтений, окт. 1989 г. / Семипалат. обл. ком. по культуре ; Семипалат. обл. лит.-мемориал. музей Ф. М. Достоевского. – Семипалатинск, 1989. – С. 37.

53. Викторovich, Владимир Александрович. Бабилов Константин Иванович / В. А. Викторovich // Русские писатели, 1800 – 1917 : биограф. слов. / гл. ред. П. А. Николаев. – М., 1989. – Т. 1 : А – Г. – С. 135.

54. Викторovich, Владимир Александрович. Белов Евгений Александрович / В. А. Викторovich // Там же. – С. 219.

55. Викторovich, Владимир Александрович. Бочаров Иван Петрович / В. А. Викторovich // Там же. – С. 321–322.

-
56. Викторovich, Владимир Александрович. Вещество существования : (Конспект лекции об Андрее Платонове) : к 90-летию со дня рождения А. Платонова / В. Викторovich // Народный Учитель. – 1989. – № 7, 14 сент.
57. Викторovich, Владимир Александрович. Вл. Соловьев о Достоевском / В. А. Викторovich // Литературная учёба. – 1989. – № 5. – С. 132–134.
58. Викторovich, Владимир Александрович. Горский Пётр Никитич / В. А. Викторovich // Русские писатели, 1800–1917 : биогр. слов. / гл. ред. П. А. Николаев. – М., 1989. – Т. 1 : А – Г. – С. 643–644.
59. Викторovich, Владимир Александрович. «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского и новые формы публицистики в русской литературе XIX века / В. А. Викторovich // Историко-литературный процесс : методол. аспекты : науч.-информ. сообщ. : в 2 [вып.] / Латв. гос. ун-т им. П. Стучки, Филол. фак., Каф. рус. лит. ; [редкол.: Л. Я. Бергман и др. ; ред. Л. Сидяков, Н. Терентьева]. – Рига, 1989. – [Вып.] II : Русская литература XI – начала XX вв. – С. 53–55.
60. Викторovich, Владимир Александрович. Достоевский и антиингилистический роман / В. А. Викторovich // Достоевский и современность : тез. выступлений на «Старорусских чтениях» / Новгород. гос. об-ние музей-заповедник, Дом-музей Ф. М. Достоевского. – Новгород, 1989. – С. 24–25.
61. Викторovich, Владимир Александрович. Уроки одной судьбы [Н. Кохановская] / В. А. Викторovich // Литературное обозрение. – 1989. – № 3. – С. 110–112.

1990

62. Вершинин, В. Ледяной дом – уже не символ? : Дни И. И. Лажечникова в Коломне : Писателю исполнилось 200 лет / В. Вершинин // Коломенская правда. – 1990. – 4 дек.

-
63. Викторovich, Владимир Александрович. В стихах Эдуарда Тараканова... / В. Викторovich // Народный Учитель. – 1990. – № 18 (35), 28 июня.
64. Викторovich, Владимир Александрович. Всеволод Крестовский. Легенды и факты / В. А. Викторovich // Русская литература. – 1990. – № 2. – С. 44–58.
65. Викторovich, Владимир Александрович. Когда родился И. И. Лажечников, или Утраченный юбилей? / В. А. Викторovich // Коломенская правда. – 1990. – 16 нояб.
66. Викторovich, В. Она – за город сад! / В. Викторovich // Народный учитель. – 1990. – № 7 (24), 2 марта.

1991

67. Викторovich, Владимир Александрович. «Брошенное семя возрастёт» : Ещё раз о «завещании» Достоевского / В. А. Викторovich // Вопросы литературы. – 1991. – № 3. – С. 142–168.
68. Викторovich, В. А. Введение / В. А. Викторovich // Сюжет и время : сб. науч. тр. к 70-летию Г. В. Краснова / М-во образования РСФСР, Колом. пед. ин-т; [редкол.: В. А. Викторovich (отв. ред.), В. Н. Абросимова, А. В. Кулагин]. – Коломна, 1991. – С. 5–6.
69. Викторovich, Владимир Александрович. Достоевский и Крестовский / В. А. Викторovich // Достоевский. Материалы и исследования / Акад. наук СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). – Л., 1991. – Т. 9 / [отв. ред. Г. М. Фридлиндер]. – С. 92–116.
70. Викторovich, Владимир Александрович. Некрасов и Достоевский: диалог о революции / В. А. Викторovich // XXVI Некрасовская конференция : тез. докл. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом), Гос. лит.-мемориал. музей-заповедник Н. А. Некрасова, Ярослав. гос. пед. ин-т им. К. Д. Ушинского [и др.] ; [сост. О. Б. Алексеева ; ред. Б. В. Мельгунов]. – Ярославль, 1991. – С. 5–6.

-
71. Викторovich, Владимир Александрович. Первое слово Вл. Соловьёва о Достоевском / В. А. Викторovich // Достоевский и современность : тез. выступлений на «Старорусских чтениях» : к 170-летию со дня рождения Ф. М. Достоевского : в 2 ч. / Новгород. гос. об-ние музей-заповедник, Дом-музей Ф. М. Достоевского. – Новгород, 1991. – Ч. 1. – С. 33–34.
72. Викторovich, Владимир Александрович. Дм. Писарев о «Стихотворениях Н. Некрасова» 1861 года / В. А. Викторovich // Карабиха : ист.-лит. сб. / [редкол.: С. А. Котов, Б. В. Мельгунов]. – Ярославль, 1991. – [Вып. 1]. – С. 72–76.
73. Викторovich, Владимир Александрович. Сегодня – 201-й год со дня рождения писателя И. И. Лажечникова / В. А. Викторovich // Коломенская правда. – 1991. – 25 сент.
74. Викторovich, Владимир Александрович. Юбилейный калейдоскоп / А. Ингер, А. Кулагин, В. Викторovich [и др.] // Народный учитель. – 1991. – № 3 (47), 31 янв.
К 70-летию Г. В. Краснова.

1992

75. Викторovich, Владимир Александрович. Дарский Дмитрий Сергеевич / В. А. Викторovich // Русские писатели, 1800 – 1917 : биогр. слов. / гл. ред. П. А. Николаев. – М., 1992. – Т. 2 : Г – К. – С. 87–89.
76. Викторovich, Владимир Александрович. Зарубин Пётр Алексеевич / В. А. Викторovich // Там же. – С. 327.
77. Викторovich, Владимир Александрович. Зотов Владимир Рафаилович / В. А. Викторovich // Там же. – С. 643–644.
78. Викторovich, Владимир Александрович. Ключников Виктор Петрович / В. А. Викторovich // Там же. – С. 562–564.
79. Викторovich, Владимир Александрович. Новобранец 1812 года : [И. И. Лажечников – мемуарист и хроникёр Отечественной войны 1812 года] / В. А. Викторovich // Коломенская правда. – 1992. – 25 сент.

290

-
80. Викторovich, Владимир Александрович. Традиция как диалог в творчестве Достоевского / В. А. Викторovich // Традиции в контексте русской культуры : материалы к науч. конф. / М-во образования РСФСР, Череповец. гос. пед. ин-т им. А. В. Луначарского ; [отв. ред. В. А. Кошелев]. – Череповец, 1992. – С. 11–12.
81. Викторovich, Владимир Александрович. Утраченный юбилей : Лажечников тоже скрывал свой возраст / Владимир Викторovich // Независимая газета. – 1992. – 25 сент.

1993

82. Викторovich, Владимир Александрович. Вздохмаченный Достоевский, или Злоключения мемуарного жанра / В. А. Викторovich // Литературная газета. – 1993. – 24 февр.
83. Викторovich, Владимир Александрович. Достоевский и Вл. Соловьёв / В. А. Викторovich // Достоевский и мировая культура : альманах / О-во Достоевского, Лит.-мемориал. музей Ф. М. Достоевского в С.-Петербур. ; [сост. К. Степанян, В. Этов ; ред. К. Степанян]. – СПб., 1993. – № 1, ч. 2. – С. 5–31.
84. То же // Достоевский в конце XX века : [сб. ст.] / О-во Достоевского ; сост. и ред. К. Степанян. – М., 1996. – С. 432–461.
85. Викторovich, Владимир Александрович. К проблеме генезиса творчества Ф. М. Достоевского (повесть «Хозяйка») / В. А. Викторovich // Русская культура и мир : тез. докл. междунар. науч. конф. / Нижегор. пед. ин-т иностранных яз. им. Н. А. Добролюбова, Нижегор. консерватория им. М. И. Глинки ; [редкол.: К. З. Акопян и др.]. – Н. Новгород, 1993. – С. 182–184.
86. Викторovich, Владимир Александрович. Некрасов, прочитанный Достоевским / В. А. Викторovich // Карабиха : ист.-лит. сб. / Гос. лит.-мемориал. музей-заповедник Н. А. Некрасова «Карабиха» ; [сост. Б. В. Мельгунов]. – Ярославль, 1993. – Вып. 2. – С. 115–138.

1994

87. Викторovich, Владимир Александрович. Кохановская Надежда Степановна / В. А. Викторovich // Русские писатели, 1800 – 1917 : биогр. слов. / гл. ред. П. А. Николаев. – М., 1994. – Т. 3 : К – М. – С. 112–113.
88. Викторovich, Владимир Александрович. Крестовский Всеволод Владимирович / В. А. Викторovich // Там же. – С. 146–149.
89. Викторovich, Владимир Александрович. Лажечников Иван Иванович / В. А. Викторovich // Там же. – С. 273–277.
90. Викторovich, Владимир Александрович. Марков Евгений Львович / В. А. Викторovich // Там же. – С. 526 – 528.
91. Викторovich, Владимир Александрович. Литератор-невидимка : Из цикла «Спутники Достоевского» / В. А. Викторovich // Лица : биогр. альманах / Биогр. ин-т ; ред.-сост. Н. И. Осьмакова. – М. ; СПб., 1994. – Т. 4. – С. 72–94.
92. Викторovich, Владимир Александрович. 1873–1874 / В. А. Викторovich // Летопись жизни и творчества Достоевского : в 3 т. / Рос. акад. наук, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). – СПб., 1994. – Т. 2 : 1865–1874 / сост.: И. А. Битюгова, В. А. Викторovich, Е. И. Кийко, Т. И. Орнатская ; ред. Н. Ф. Буданова, Г. М. Фридендер. – С. 328–529.
93. То же // СПб., 1999. – С. 328–529.

1995

- 94-95. Викторovich, Владимир Александрович. Достоевский – редактор «Гражданина» : [тезисы] / В. А. Викторovich // IX Internationales Dostoevskij Symposium, 30 Juli – 6 August, Kartause Gaming. – Gaming, 1995. – P. 113.

1996

96. Викторovich, Владимир Александрович. Надо провозглашать открыто и смело (В. В. Розанов и Д. С. Дарский) / В. А. Викторovich

---

// Литературоведение и литературоведы : сб. науч. тр. к 75-летию Г. В. Краснова / Колом. пед. ин-т ; редкол.: В. А. Викторovich (отв. ред.), Т. И. Кондратова. – Коломна, 1996. – С. 115–130.

97. Викторovich, Владимир Александрович. [О подготовке к печати неизвестных статей Ф. М. Достоевского] : на яп. яз. : [интервью] / В. А. Викторovich ; Кадзуя Ито // Хоккайдо Симбун. – 1996. – 27 авг.
98. Викторovich, Владимир Александрович. Пушкин и Достоевский : Некоторые итоги изучения проблемы / В. А. Викторovich // Пушкин и русская литература : междунар. конф., Новгород, 26–29 мая 1996 г. – СПб. ; Новгород, 1996. – С. 132–134.
99. Викторovich, Владимир Александрович. Славянофильство Достоевского: три обращения / Владимир Викторovich // Волга. – 1996. – № 8/9. – С. 113–130.

1997

100. Викторovich, Владимир Александрович. Гоголь в творческом сознании Достоевского / В. А. Викторovich // Достоевский. Материалы и исследования / Акад. наук СССР, Ин-т рус лит. (Пушкинский Дом). – СПб., 1997. – [Т.] 14 / [отв. ред. Н. Ф. Буданова, И. Д. Якубович]. – С. 216–233.
101. Викторovich, Владимир Александрович. Гуманность / В. А. Викторovich // Достоевский. Эстетика и поэтика : слов.-справ. / Челяб. гос. ун-т ; науч. ред. Г. К. Щенников. – Челябинск, 1997. – С. 14–15.
102. Викторovich, Владимир Александрович. Достоевский и Вл. Соловьёв / В. А. Викторovich // Достоевский и мировая культура / О-во Достоевского, Лит.-мемориал. музей Ф. М. Достоевского в С.-Петербур. ; [сост. К. Степанян, В. Этов ; ред. К. Степанян]. – 1997. – № 9. – С. 272.
103. Викторovich, Владимир Александрович. Достоевский – Крестовский – Некрасов, или Плоды кружковщины /

В. А. Викторovich // Карабиха : ист.-лит. сб.: 175-летию со дня рождения поэта посвящ. / Гос. лит.-мемориал. музей-заповедник Н. А. Некрасова «Карабиха» ; [сост. Б. В. Мельгунов]. – Ярославль, 1997. – Вып. 3. – С. 139–143.

1998

104. Викторovich, Владимир Александрович. Об одном письме Некрасова / В. А. Викторovich // Некрасовский сборник / Рос. акад. наук, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом) ; редкол.: О. Б. Алексеева, Б. В. Мельгунов, Н. Н. Мостовская (отв. ред.). – СПб., 1998. – [Вып.]. 11/12. – С. 192–193.

1999

105. Викторovich, Владимир Александрович. Архив пушкиниста Д. С. Дарского в Российском государственном архиве литературы и искусства / В. А. Викторovich // Пушкинские материалы в архивах России : к 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина : материалы науч.-практ. конф., 16 февр. 1999 г. / Федер. арх. служба России, Гос. музей А. С. Пушкина ; [сост. Т. Г. Занина (отв. сост.), А. Г. Виноградов ; предисл. Т. Г. Заниной]. – М., 1999. – С. 111–119.
106. Викторovich, Владимир Александрович. Бес / В. А. Викторovich // Онегинская энциклопедия : в 2 т. / под общ. ред. Н. И. Михайловой. – М., 1999. – Т. 1 : А – К. – С. 110–111.
107. Викторovich, Владимир Александрович. Бог / В. А. Викторovich // Там же. – С. 125–126.
108. Викторovich, Владимир Александрович. Богиня / В. А. Викторovich // Там же. – С. 129–130.
109. Викторovich, Владимир Александрович. Брат, братец, братья / В. А. Викторovich // Там же. – С. 135–136.
110. Викторovich, Владимир Александрович. Гордость, гордец / В. А. Викторovich // Там же. – С. 306–307.

-
111. Викторovich, Владимир Александрович. Грех, грешник / В. А. Викторovich // Там же. – С. 317.
112. Викторovich, Владимир Александрович. Добро и зло / В. А. Викторovich // Там же. – С. 361–362.
113. Викторovich, Владимир Александрович. Зарецкий / В. А. Викторovich // Там же. – С. 439–442.
114. Викторovich, Владимир Александрович. Искуситель / В. А. Викторovich // Там же. – С. 468–469.
115. Викторovich, Владимир Александрович. Исповедь / В. А. Викторovich // Там же. – С. 472–473.
116. Викторovich, Владимир Александрович. Из «Онегинской энциклопедии» : Любовь / В. А. Викторovich // Коломенский альманах'99. – М., 1999. – Вып. 3. – С. 207–213. – См. 150.
117. Викторovich, Владимир Александрович. К истории вопроса «Кто выше : Пушкин или Некрасов?» / В. А. Викторovich // Н. А. Некрасов в контексте русской культуры : тез. докл. / Гос. лит.-мемориал. музей заповедник Н. А. Некрасова «Карабиха», Ярослав. гос. пед. ун-т им. К. Д. Ушинского, Ярослав. гос. ун-т им. П. Г. Демидова ; [отв. ред. Н. Н. Пайков]. – Ярославль, 1999. – С. 9–10.
118. Викторovich, Владимир Александрович. Мещерский Владимир Петрович / В. А. Викторovich // Русские писатели, 1800 – 1917 : биограф. слов. / гл. ред. П. А. Николаев. – М., 1999. – Т. 4. : М – П. – С. 44–46.
119. Викторovich, В. А. Недолин Мартын Акимович / В. А. Викторovich // Там же. – С. 263.
120. Викторovich, Владимир Александрович. Набоков – интерпретатор «Евгения Онегина» / В. А. Викторovich, А. С. Бессонова // А. С. Пушкин и В. В. Набоков : сб. докл. междунар. конф., 15–18 апр. 1999 г. / Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом) Рос. акад. наук,

---

Набоков. фонд ; [ред. совет : А. Ю. Арьев и др. ; отв. ред. и сост. В. П. Старк]. – СПб., 1999. – С. 279–289.

121. Викторovich, Владимир Александрович. Тема смерти в «Евгении Онегине» / В. А. Викторovich // Болдинские чтения / Музей-заповедник А. С. Пушкина ; Нижегород. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского ; [под ред. Н. М. Фортунатова]. – Н. Новгород, 1999. – С. 49–57.

2000

122. Викторovich, Владимир Александрович. XXI век глазами Достоевского: три вопроса / В. А. Викторovich ; [беседу вела] Н. Паночина // Вопрос – Ответ. – 2000. – 1 нояб.
123. Викторovich, Владимир Александрович. Лажечников беленький, черненький, серенький / В. А. Викторovich // Коломенский альманах' 2000 : лит.-худож. изд. / [гл. ред. В. С. Мельников]. – 2000. – Вып. 4. – С. 123–137.
124. Викторovich, Владимир Александрович. О парадоксе свободы у Пушкина / В. А. Викторovich // Литературный текст : проблемы и методы исследования : к 60-летию Натана Давидовича Тмарченко : сб. науч. тр. / М-во образования Рос. Федерации, Рос. гос. гуманит. ун-т, Каф. теорет. и ист. поэтики, Твер. гос. ун-т, Каф. теории лит. – М. ; Тверь, 2000. – Вып. 6 : Аспекты теоретической поэтики. – С. 41–46.
125. Victorovich, Vladimir. 'Vsechelovechnost' as "FANTASY" and "INDICATION" / Vladimir Victorovich // The International Conference in Dostoevsky 2000 "The Twen First Century through Dostoevsky's eyes : the prospect for humanity", Chiba University, 22 – 25 August, 2000 : abstracts / Japanese Dostoevsky Society, Graduate School of Social Sciences and Humanities, Faculty of Letters of Chiba University. – Chiba-ken (Japan), [2000]. – P. 34.

2001

126. [Викторovich, Владимир Александрович]. Введение / В. В.

// Литературные мелочи прошлого тысячелетия : к 80-летию Г. В. Краснова : сб. науч. ст. / М-во образования Рос. Федерации, Колом. гос. пед. ин-т ; [редкол.: В. А. Викторovich (отв. ред.), В. Н. Абросимова, Т. И. Кондратова ; фот. Ю. Л. Имханицкого] – Коломна, 2001. – С. 3–4.

127. Викторovich, Владимир Александрович. Достоевский и Коломна / В. А. Викторovich // Благовестник. – 2001. – № 11, нояб.
128. Викторovich, Владимир Александрович. Достоевский о Белинском: «непечатное» / В. А. Викторovich // Литературные мелочи прошлого тысячелетия : к 80-летию Г. В. Краснова : сб. науч. ст. / М-во образования Рос. Федерации, Колом. гос. пед. ин-т ; [редкол.: В. А. Викторovich (отв. ред.), В. Н. Абросимова, Т. И. Кондратова ; фот. Ю. Л. Имханицкого] – Коломна, 2001. – С. 132–137.
129. Викторovich, Владимир Александрович. Достоевский – приносящий страдание / В. А. Викторovich ; [беседу вела] О. Владимирова // Арт-информ. – 2001. – №12, дек. – С. 5.
130. Викторovich, Владимир Александрович. Красновская академия: исполнилось 80 лет профессору Г. В. Краснову / В. А. Викторovich // Коломенская правда. – 2001. – 10 янв.
131. Викторovich, Владимир Александрович. Отмеченная Достоевским / Владимир Викторovich // Коломенский альманах : лит-худож. изд. / [гл. ред. В. С. Мельников]. – 2001. – Вып. 5. – С. 333–334.
132. Викторovich, Владимир Александрович. Щедрин до Щедрина, или Уездный «Временник» Ивана Лажечникова / Владимир Викторovich // Там же. – С. 297–306.
133. Viktorovic, V. The “Adolescent” : Mirages and Ideals / Vladimir Viktorovic // Dostojewskij und Deutschland : Unter Berücksichtigung seiner internationalen Bedeutung : (XI. Symposium der internationalen Dostojewskij – Gesellschaft), Baden-Baden, 4–8 Oktober, 2001 : [тезисы]. – Baden-Baden, 2001. – С. 51.

134. Викторovich, Владимир Александрович. «Всечеловечность» как «фантазия» и «указание» / Владимир Викторovich // XXI век глазами Достоевского : Перспективы человечества : материалы междунар. конф., Тиба (Япония), 22–25 авг. 2000 г. / О-во Достоевского в России, Моск. отд-ние, О-во Достоевского в Японии, Комис. по изучению творчества Ф. М. Достоевского инта мир. лит. им. А. М. Горького Рос. акад. наук ; сост. Т. Киносита ; ред. К. Степанян. – М., 2002. – С. 37–45.
135. Викторovich, В. А. И провинция может быть разной : [о науч. конф. «Имя в истории Коломны : Филарет, Лажечников, Пильняк»] / О. Владимирова, В. Викторovich // Народный Учитель. – 2002. – 3 окт.
*Содержит тезисы доклада В. А. Викторovichа.
«Коломенский текст»*
136. Викторovich, Владимир Александрович. «И стал я разглядывать...» / В. А. Викторovich // Н. В. Гоголь: загадка третьего тысячелетия : Первые Гоголевские чтения : сб. докл. / Правительство Москвы, Ком. по культуре Москвы, Гор. б-ка № 2 им. Н. В. Гоголя ; [под общ. ред. В. П. Викуловой]. – М., 2002. – С. 34–48. – 150-летию памяти Н. В. Гоголя.
137. Викторovich, Владимир Александрович. Образы Коломны / В. А. Викторovich // Коломенский альманах : лит. ежегодник / [гл. ред. В. С. Мельников]. – 2002. – Вып. 6. – С. 263–269.
138. Викторovich, Владимир Александрович. «Старый муж», или Читал ли Достоевский «Евгения Онегина» // Время и текст : ист.-лит. сб. / [науч. ред. Н. В. Серебряков]. – СПб., 2002. – С. 205–213.
139. Викторovich, Владимир Александрович. «Ужели слово найдено?» : Лексикография Онегина / В. А. Викторovich // Болдинские чтения / гос. лит.-мемориал. и природный музей-заповедник А. С. Пушкина «Болдино» ; [редкол.: Н. М. Фортунатов (отв. ред.) и др.]. – Саранск, 2002. – С. 76–85.

-
140. Викторovich, Владимир Александрович. Усадьба – библиотека – улица : Музейно-культурный комплекс Лажечникова в Коломне / В. А. Викторovich, А. М. Дымова, В. Л. Аникеева // Арт-информ. – 2002. – № 8 (20), авг. – С. 2. См. 191.
141. То же // Дом Лажечникова : ист.-лит. сб. / Адм. г. Коломны, Колом. гос. пед. ин-т, Колом. краевед. музей ; [ред.-сост. В. А. Викторovich]. – Коломна, 2004. – Вып. 1. – С. 218–219.
142. Викторovich, Владимир Александрович. Усадьба... музейные мечтания / Владимир Викторovich // Арт-информ. – 2002. – № 8 (20), авг. – С. 3.
В ст. использован эскизный проект реставрации архитектора С. П. Орловского. Об усадьбе семьи Лажечниковых. О предметной иллюстрации и реальном комментарии к роману «Ледяной дом».
143. То же // Дом Лажечникова : ист.- лит. сб. / Адм. г. Коломны, Колом. гос. пед. ин-т, Колом. краевед. музей ; [ред.-сост. В. А. Викторovich]. – Коломна, 2004. – Вып. 1. – С. 220–233.

2003

144. [Викторovich, Владимир Александрович]. Время «Подростка» / [В. А. Викторovich] // Роман Ф. М. Достоевского «Подросток»: возможности прочтения : [сб. статей] / М-во образования Моск. обл., Колом. гос. пед. ин-т ; [ред.-сост. В. А. Викторovich]. – Коломна, 2003. – С. 5–7. – (Педагогический потенциал русской литературы).
145. [Викторovich, Владимир Александрович]. От редактора / [В. А. Викторovich] // Педагогические идеи русской литературы : материалы конф., 20–22 авг. 2003 г. / М-во образования Моск. обл., Колом. гос. пед. ин-т ; [ред.-сост. В. А. Викторovich]. – Коломна, 2003. – С. 5–6. – (Педагогический потенциал русской литературы).
146. [Викторovich, Владимир Александрович]. От редактора / [В. А. Викторovich] // «Педагогия» Ф. М. Достоевского : [сб.

статей] / Колом. гос. пед. ин-т ; [ред.-сост. В. А. Викторovich]. – Коломна, 2003. – С. 5–6. – (Педагогический потенциал русской литературы).

147. Викторovich, Владимир Александрович. Педагогические идеи русской литературы / В. А. Викторovich ; [беседу вела] О. Викторова ; фот. А. Климовича // Народный учитель. – 2003. – № 7 (207), 5 сент.
148. Викторovich, Владимир Александрович. Повесть Ф. М. Достоевского об учителе: реконструкция замысла / В. А. Викторovich // «Педагогия» Ф. М. Достоевского : [сб. статей] / Колом. гос. пед. ин-т ; [ред.-сост. В. А. Викторovich]. – Коломна, 2003. – С. 119–149. – (Педагогический потенциал русской литературы).
149. Викторovich, Владимир Александрович. Роман познания и веры / В. А. Викторovich // Роман Ф. М. Достоевского «Подросток»: возможности прочтения : [сб. статей] / М-во образования Моск. обл., Колом. гос. пед. ин-т ; [ред.-сост. В. А. Викторovich]. – Коломна, 2003. – С. 17–27. – (Педагогический потенциал русской литературы).

2004

150. Викторovich, Владимир Александрович. Достоевский в Обществе любителей духовного просвещения / В. А. Викторovich // Достоевский и мировая культура : альманах / О-во Достоевского, Лит.-мемориал. музей Ф. М. Достоевского в С.-Петербур. ; гл. ред. К. Степанян ; ред. совет: Н. Т. Ашимбаева, В. И. Богданова, В. А. Викторovich [и др.]. – М.; СПб., 2004. – № 20. – С. 9–39.
151. Викторovich, Владимир Александрович. Коломенские сюжеты Ивана Лажечникова / В. А. Викторovich // Дом Лажечникова : ист.-лит. сб. / Адм. г. Коломны, Колом. гос. пед. ин-т, Колом. краевед. музей ; [ред.-сост. В. А. Викторovich]. – Коломна, 2004. – Вып. 1. – С. 78–136.

300

-
152. Викторovich, Владимир Александрович. Любовник, любовница / В. А. Викторovich // Онегинская энциклопедия / под общ. ред. Н. И. Михайловой ; [сост. Н. И. Михайлова, В. А. Кошелев, М. В. Строганов]. – М., 2004. – Т. 2 : Л – Я ; А – Z. – С. 64.
153. Викторovich, Владимир Александрович. Любовь / В. А. Викторovich // Там же. – С. 64–65. См. 114.
154. Викторovich, Владимир Александрович. Мода / В. А. Викторovich // Там же. – С. 119–121.
155. Викторovich, Владимир Александрович. Мораль / В. А. Викторovich // Там же. – С. 128–129.
156. Викторovich, Владимир Александрович. Не стыдиться быть гражданином : [статья] / В. А. Викторovich // Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений : в 18 т. / Ф. М. Достоевский. – М., 2004. – Т. 11. – С. 609–622.
157. То же : (в сокращении) // Труд – 7. – 2005. – 3 февр.
158. Викторovich, Владимир Александрович. Нега / В. А. Викторovich // Онегинская энциклопедия / под общ. ред. Н. И. Михайловой ; [сост. Н. И. Михайлова, В. А. Кошелев, М. В. Строганов]. – М., 2004. – Т. 2 : Л – Я, А – Z. – С. 166.
159. Викторovich, Владимир Александрович. Нелюдим / В. А. Викторovich // Там же. – С. 171–172.
160. Викторovich, Владимир Александрович. Правоучительный роман / В. А. Викторovich // Там же. – С. 183–186.
161. [Викторovich, Владимир Александрович.] От редактора / [В. А. Викторovich] // Дом Лажечникова : ист.-лит. сб. / Адм. г. Коломны, Колом. гос. пед. ин-т, Колом. краевед. музей; [ред.-сост. В. А. Викторovich]. – Коломна, 2004. – Вып. 1. – С. 3–4.
162. Викторovich, Владимир Александрович. Певец / В. А. Викторovich // Онегинская энциклопедия / под общ. ред. Н. И. Михайловой ; [сост. Н. И. Михайлова, В. А. Кошелев, М. В. Строганов]. – М., 2004. – Т. 2 : Л – Я, А – Z. – С. 255–256.

-
163. Викторovich, Владимир Александрович. Песня (песнь)
/ В. А. Викторovich // Там же. – С. 267–269.
164. Викторovich, Владимир Александрович. Печаль
/ В. А. Викторovich // Там же. – С. 282–284.
165. Викторovich, Владимир Александрович. Плоды наук
/ В. А. Викторovich // Там же. – С. 296–298.
166. Викторovich, Владимир Александрович. Подражанье
/ В. А. Викторovich // Там же. – С. 303–305.
167. Викторovich, Владимир Александрович. Покой
/ В. А. Викторovich // Там же. – С. 308–310.
168. Викторovich, Владимир Александрович. Праздник
/ В. А. Викторovich // Там же. – С. 337–339.
169. Викторovich, Владимир Александрович. Праздность /
В. А. Викторovich // Там же. – С. 339–341.
170. Викторovich, Владимир Александрович. Прародительница
Эва / В. А. Викторovich // Там же. – С. 341–342.
171. Викторovich, Владимир Александрович. Приношенье
/ В. А. Викторovich // Там же. – С. 361–362.
172. Викторovich, Владимир Александрович. Природа
/ В. А. Викторovich // Там же. – С. 362–366.
173. Викторovich, Владимир Александрович. Простота
/ В. А. Викторovich // Там же. – С. 375–377.
174. Викторovich, Владимир Александрович. Путешествие
/ В. А. Викторovich // Там же. – С. 383–385.
175. Викторovich, Владимир Александрович. Радость
/ В. А. Викторovich // Там же. – С. 394–395.
176. Викторovich, Владимир Александрович. Разврат
/ В. А. Викторovich // Там же. – С. 396–398.

-
177. Викторovich, Владимир Александрович. Ревность / В. А. Викторovich // Там же. – С. 411–413.
178. Викторovich, Владимир Александрович. Речь богов / В. А. Викторovich // Там же. – С. 415–416.
179. Викторovich, Владимир Александрович. Роман / В. А. Викторovich // Там же. – С. 433–436.
180. Викторovich, Владимир Александрович. Роман в стихах / В. А. Викторovich // Там же. – С. 436–438.
181. Викторovich, Владимир Александрович. Романтизм / В. А. Викторovich // Там же. – С. 438–440.
182. Викторovich, Владимир Александрович. Свет / В. А. Викторovich // Там же. – С. 470–475.
183. Викторovich, Владимир Александрович. Свобода (вольность) / В. А. Викторovich // Там же. – С. 478–481.
184. Викторovich, Владимир Александрович. Скука / В. А. Викторovich // Там же. – С. 507–508.
185. Викторovich, Владимир Александрович. Смерть / В. А. Викторovich // Там же. – С. 511–513.
186. Викторovich, Владимир Александрович. Сон Татьяны / В. А. Викторovich // Там же. – С. 519–521.
187. Викторovich, Владимир Александрович. Старина и новизна / В. А. Викторovich // Там же. – С. 528–531.
188. Викторovich, Владимир Александрович. Страсть / В. А. Викторovich // Там же. – С. 547–551.
189. Викторovich, Владимир Александрович. Судьба / В. А. Викторovich // Там же. – С. 555–558.
190. Викторovich, Владимир Александрович. Счастье / блаженство / В. А. Викторovich // Там же. – С. 564–566.

-
191. Викторovich, В. А. Тишина (тишь) / В. А. Викторovich // Там же. – С. 588–590.
192. Викторovich, Владимир Александрович. Тоска / В. А. Викторovich // Там же. – С. 595–597.
193. Викторovich, Владимир Александрович. Усадьба – библиотека – улица: Музейно – культурный комплекс Лажечникова в Коломне / В. А. Викторovich // Дом Лажечникова : ист.-лит. сб. / Адм. г. Коломны, Колом. гос. пед. ин-т, Колом. краевед. музей ; [ред.-сост. В. А. Викторovich]. – Коломна, 2004. – Коломна, 2004, – Вып. 1. – С. 218–219. См. 137.
194. Викторovich, Владимир Александрович. Усадьба... (музейные мечтания) / В. А. Викторovich // Дом Лажечникова : ист.-лит. сб. / Адм. г. Коломны, Колом. гос. пед. ин-т, Колом. краевед. музей ; [ред.-сост. В. А. Викторovich]. – Коломна, 2004. – Коломна, 2004, – Вып. 1. – С. 220–233.
195. Викторovich, Владимир Александрович. Честь / В. А. Викторovich // Онегинская энциклопедия / под общ. ред. Н. И. Михайловой ; [сост. Н. И. Михайлова, В. А. Кошелев, М. В. Строганов]. – М., 2004. – Т. 2 : Л – Я, А – Z. – С. 694–695.
196. Викторovich, Владимир Александрович. Чтение (чтение) / В. А. Викторovich // Там же. – С. 702–706.
197. Викторovich, Владимир Александрович. Чудак / В. А. Викторovich // Там же. – С. 710–711.
198. Викторovich, Владимир Александрович. Шут печальный / В. А. Викторovich // Там же. – С. 741.
199. Викторovich, Владимир Александрович. Эгоизм / В. А. Викторovich // Там же. – С. 749–751.
200. Викторovich, Владимир Александрович. Vanite / В. А. Викторovich // Там же. – С. 796–797.
201. Викторovich, Владимир Александрович. Проблема «реализма в высшем смысле» в творчестве Достоевского : «Круглый стол» /

Ком. по изучению творчества Достоевского, 26 дек. 2002 г. ; Ин-т мир. лит. им. А. М. Горького Рос. акад. наук ; участники : К. А. Степанян, В. Н. Захаров, В. А. Викторovich [и др.] // Достоевский и мировая культура : альманах / О-во Достоевского, Лит. мемориал. музей Ф. М. Достоевского в С.-Петербур. ; гл. ред. К. Степанян ; ред. совет: Н. Т. Ашимбаева, В. И. Богданова, В. А. Викторovich [и др.]. – СПб.; М., 2004. – № 20. – С. 43 – 96.

202. То же : отдельный оттиск. – 53 с.

203. Viktorovich, V. A. Paideia : От Достоевского до русской эмиграции : тез. / Vladimir Aleksandrovich Viktorovich // XII Symposium of the International Dostoevski, 1–5 septembre, 2004, Universite de Geneve / вступ. ст.: У. Шмид, Ж. Ф. Жаккар. – Geneve, 2004. – С. 250–251.

2005

204. Викторovich, Владимир Александрович. Возрождаем Даровое / В. Викторovich // Ежедневные Новости. Подмосковье. – 2005. – 10 авг.

О работе науч.-реставрац. экспедиции в усадьбе Даровое.

205. Викторovich, Владимир Александрович. Восстанавливая память : Отец писателя похоронен в Моногарове / В. Викторovich ; материал подгот. И. Сорокина ; фот. Э. Елисеева // За новую жизнь. – 2005. – 28 июля.

Об экспедиции КГПИ в Даровое.

206. Викторovich, Владимир Александрович. Вре́мён связующая нить / В. Викторovich // Народный учитель. – 2005. – № 7 (223), июнь/июль.

Об экспедиции КГПИ в Даровое.

207. Викторovich, Владимир Александрович. Достоевский и наука его времени (материалы к изучению темы) / В. А. Викторovich // Достоевский. Дополнения к комментарию / Рос. акад. наук, Ин-т мир. лит. им. А. М. Горького, Комис. По изучению твор-

-
- чества Ф. М. Достоевского ; под ред. Т. А. Касаткиной ; [редкол.: В. А. Викторovich и др.]. – М., 2005. – С. 27 – 48.
208. Викторovich, Владимир Александрович. Луховицы и «Братья Карамазовы» / В. Викторovich // Диаскановец. – 2005. – Июль.
Об экспедиции КГПИ в Даровое.
209. Викторovich, Владимир Александрович. Открытое письмо губернатору Московской области Б. В. Громову / В. А. Туниманов, Д. А. Достоевский, В. А. Викторovich [и др.] // Литературная газета. – 2005. – 14/20 сент.
210. Викторovich, Владимир Александрович. Парадоксы А. Г. (несколько слов о переводчике и комментаторе этой книги) / В. А. Викторovich // Бертон, Р. Анатомия меланхолии / Роберт Бертон ; пер. [с англ.], ст. и коммент. А. Г. Ингера ; [отв. ред. В. М. Быченков]. – М., 2005. – С. 11–14.
211. То же // Айзик Ингер: Судьба ко мне благоволила... : Воспоминания. Статьи. Материалы / Федер. агентство по образованию, М-во образования Моск. обл., Гос. образоват. учреждение высш. проф. образования Моск. обл. «Коломенский государственный педагогический институт» ; ред.-сост. Т. И. Кондратова. – Коломна, 2006. – С. 44–47.
212. Викторovich, Владимир Александрович. «Учительство – не выучка, учительство – апостолат» : (Достоевский и русские педагоги) / В. А. Викторovich // Филологические записки : Вестник литературоведения и языкознания / Воронеж. гос. ун-т ; [редкол.: А. А. Фаустов (гл. ред.)]. – Воронеж, 2005. – Вып. 23. – С. 219–225. или 239.
213. Викторovich, Владимир Александрович. Ценить Даровое / В. Викторovich ; материал подгот. И. Сорокина ; фот. Э. Елисеева // За новую жизнь. – 2005. – 28 июля.
Об экспедиции КГПИ в Даровое.

-
214. Викторovich, Владимир Александрович. Ценить Даровое / В. Викторovich // Литературная газета. – 2005. – 12–18 окт.
Об экспедиции КГПИ в Даровое. Статья не повторяет № 210.
215. Викторovich, Владимир Александрович. Четыре вопроса к Пушкинской речи / В. А. Викторovich // Достоевский. Материалы и исследования / Рос. акад. наук, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). – СПб., 2005. – Т. 17 / отв. ред. Н. Ф. Буданова, И. Д. Якубович. – С. 275–301.

2006

216. Викторovich, Владимир Александрович. Вместо предисловия / В. А. Викторovich // Из истории филологии : сб. ст. и материалов к 85-летию Г. В. Краснова / Колом. гос. пед. ин-т ; ред.-сост. В. А. Викторovich. – Коломна, 2006. – С. 5–6.
217. Викторovich Владимир Александрович. «Даровое» – земля детства Ф. М. Достоевского // Народный Учитель. – 2006. – № 5 (231), апр.
218. Викторovich, Владимир Александрович. Земля писателя уходит? : 2006-й – год 500-летия рода Достоевских / Владимир Викторovich // Литературная газета. – 2006. – 31 окт.
219. Викторovich, Владимир Александрович. Летние чтения в Даровом / В. А. Викторovich // Вестник Коломенского государственного педагогического института : науч.-метод. журнал / Федер. агентство по образованию, М-во образования Моск. обл., Гос. образов. учреждение высш. проф. образования Моск. обл. «Коломенский государственный институт». – Коломна, 2006. – № 1 : Гуманитарные науки. – С. 233–235.
220. Викторovich, Владимир Александрович. Литературное образование в поисках смысла, или Лучше меньше да лучше / В. А. Викторovich // Зачем литература в школе? : материалы се-

-
- минара вузов. и школ. преподавателей, 26–27 авг. 2006 г. / Колом. гос. пед. ин-т ; ред.-сост. В. А. Викторovich.– Коломна, 2006. – С. 9–20. – (Педагогический потенциал русской литературы).
221. Викторovich, Владимир Александрович. Нечто о «болдинском духе» / В. А. Викторovich // Болдинский сборник / Гос. лит.-мемориал. и природ. музей-заповедник А. С. Пушкина «Болдино» ; сост. Т. Н. Кезина. – Болдино ; Саранск, 2006. – С. 101–106. – К 75-летию директора музея-заповедника «Болдино» Г. И. Золотухина.
222. Викторovich, Владимир Александрович. От редактора / В. А. Викторovich // Зачем литература в школе? : материалы семинара вуз. и шк. преподавателей, 26–27 авг. 2006 г. / Колом. гос. пед. ин-т ; ред.-сост. В. А. Викторovich. – Коломна, 2006. – С. 5–26. – (Педагогический потенциал русской литературы).
223. Викторovich, Владимир Александрович. PAIDEIA от Достоевского / В. А. Викторovich // Летние чтения в Даровом : материалы междунар. конф., 27–29 авг. 2006 г. / М-во образования Моск. обл., Колом. гос. пед. ин-т, Музей «Зарайский Кремль» ; [сост. В. А. Викторovich]. – Коломна, 2006. – С. 5–9.
224. То же // Sub specie tolerantiae : Памяти В. А. Туниманова / Рос. акад. наук, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом) ; [отв. ред. А. Г. Гродецкая]. – СПб., 2008. – С. 103–109.
225. Викторovich, Владимир Александрович. Спасти храм Достоевских / В. А. Викторovich // Благовестник. – 2006. – Окт. См. 319, 400.
226. Викторovich, Владимир Александрович. «Там жили другие люди, непохожие на здешних» : музей-заповедник / Владимир Викторovich // Культура. – 2006. – 21/27 сент. – С. 4.
Об экспедиции КГПИ в Даровое.

---

227. Викторovich, Владимир Александрович. Трудная дорога к храму / В. А. Викторovich ; фот. авт. // Ежедневные Новости. Подмоскoвье. – 2006. – 11 нояб.

О реставрации Свято-Духовской церкви в Моногарове.

228. Викторovich, Владимир Александрович. Экспедиция в Даровое (2005) / В. А. Викторovich // Летние чтения в Даровом : материалы междунар. науч. конф., 27–29 авг. 2006 г. / М-во образования Моск. обл., Колом. гос. пед. ин-т ; Музей «Зарайский кремль» ; сост. В. А. Викторovich. – Коломна, 2006. – С. 101–106.

229. То же // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – 2006. – №1 (42). – С. 205–213.

Об экспедиции КГПИ в Даровое (по гранту РГНФ).

2007

230. Викторovich, Владимир Александрович. Блаженны отставшие... / В. А. Викторovich // Возвращение Н. П. Гилярова-Платонова : сб. ст. и материалов / М-во образования Моск. обл., Колом. гос. пед. ин-т ; редкол.: А. А. Алексеев, В. А. Викторovich, Г. С. Прохоров. – Коломна, 2007. – С. 16–30.

231. Викторovich, В. А. «Выяснение» славянофильства : от Хомякова к Достоевскому / В. А. Викторovich // А. С. Хомяков – мыслитель, поэт, публицист : сб. ст. : по материалам междунар. науч. конф., состоявшейся 14–17 апр., 2004 г., г. Москва : в 2 т. / отв. ред. Б. Н. Тарасов. – М., 2007. – Т. 1. – С. 137–152.

232. Викторovich, Владимир Александрович. Коломенский текст / В. А. Викторovich, Р. Славацкий // Слово о Коломне : кн.-альбом / Адм. г. Коломны ; [ред.-сост. Г. Матвеева, Г. Горчакова ; авт. ст. О. Антропова [и др.] ; худож. П. Зеленецкий]. – Коломна, 2007. – С. 86–95.

233. Викторovich, Владимир Александрович. Онегин глазами Достоевского (1861–1863) / В. А. Викторovich // Литература и человек : (Писатели, читатели, филологи) : сб., посвящ. 55-летию

проф. М. В. Строганова / Федер. агентство по образованию, Гос. образов. учреждение высш. проф. образования «Тверской государственный университет», Каф. ист. рус. лит. ; [редкол.: С. А. Васильева, А. Ю. Сорочан (отв. ред.), Е. Н. Строганова]. – Тверь, 2007. – С. 162–166.

234. Викторovich, Владимир Александрович. Порецкий А. У. / В. А. Викторovich ; И. А. Битюгова // Русские писатели, 1800–1917 : биогр. слов. / гл. ред. П. А. Николаев. – М., 2007. – Т. 5 : П – С / редкол.: Б. Л. Бессонов, Н. А. Богомолов, С. Г. Бочаров, В. Э. Вацуру, В. А. Викторovich [и др.].– С. 92–94.
235. Викторovich, Владимир Александрович. Пуцыкович В. Ф. / В. А. Викторovich // Там же. – С. 183–185.
236. Викторovich, Владимир Александрович. Салиас де Турнемир Е. А. / В. А. Викторovich, Л. В. Манькова, Е. Н. Пенская // Там же. – С. 456–461.
237. Викторovich, Владимир Александрович. Соколовский Н. М. / В. А. Викторovich // Там же. – С. 719–721.
238. Викторovich, Владимир Александрович. Соловьёв Вс. С. / В. А. Викторovich, О. Е. Голосова // Там же. – С. 741–744.
239. Viktorovich, V. A. Феноменологическая трилогия Достоевского : («Двойник» – «Записки из подполья» – «Подросток») : тезисы / Vladimir A. Viktorovich // 13 th Symposium of the International Dostoevsky Society, July 3–8, 2007, Budapest : F. M. Dostoevsky in the Context of Cultural Dialogues / [editors Katalin Kroo, Geza S. Horvath]. – Budapest, 2007. – С. 176–177.

2008

240. Викторovich, Владимир Александрович. Вас приглашает Лажечников, или Святки по-коломенски / В. А. Викторovich // Коломенская правда. – 2008. – 9 янв.
241. Викторovich, Владимир Александрович. Дневник писателя за 1873 г. / В. А. Викторovich // Достоевский : сочинения, пись-

-
- ма, документы : слов.-справ. / Рос. акад. наук, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом) ; науч. ред. Г. К. Щенников, Б. Н. Тихомиров. – СПб., 2008. – С. 258–263.
242. Викторovich, Владимир Александрович. Дневник писателя. Ежемесячное издание. Год III. Единственный выпуск на 1880. Август / В. А. Викторovich // Там же. – С. 272–276.
243. Викторovich, Владимир Александрович. Подросток / В. А. Викторovich // Там же. – С. 132–139.
244. Викторovich, Владимир Александрович. Достоевский – критик : [фрагмент кн.] / В. А. Викторovich // Достоевский и мировая культура : альманах : Памяти Владимира Артёмовича Туниманова / О-во Достоевского, Лит.-мемориал. музей Ф. М. Достоевского в С.-Петербур. ; гл. ред. К. А. Степанян ; ред. совет : Н. Т. Ашимбаева, В. И. Богданова, В. А. Викторovich [и др.]. – СПб., 2008. – № 24 / сост., отв. ред. Н. Т. Ашимбаева, Б. Н. Тихомиров. – С. 25–31. – См. 2.
245. Викторovich, Владимир Александрович. Из истории достоевсковедения / В. А. Викторovich // А. Л. Бем и гуманитарные проекты русского зарубежья : междунар. конф., посвящ. 120-летию со дня рождения, 16–18 нояб. 2006 г. / сост., науч. ред. М. А. Васильевой. – М., 2008. – С. 54–75. – (Библиотека-фонд «Русское Зарубежье» : материалы и исследования ; вып. 9).
246. [Викторovich, Владимир Александрович]. От составителей / [В. А. Викторovich, А. Б. Мазуров] // Россия и славянский мир : История, язык, культура : сб. науч. тр. / [ред.-сост. В. А. Викторovich, А. Б. Мазуров]. – М., 2008. – С. 7–8.
247. Викторovich, Владимир Александрович. Славянский проект Ф. М. Достоевского / В. А. Викторovich // Там же. – С. 11–41.

248. Викторovich, Владимир Александрович. Выход из кризиса непонимания по-достоевски / Владимир Александрович Викторovich // Коломенская правда. – 2009. – 19 авг.
О Междунар. конф. «Ф. М. Достоевский в диалоге культур», которая пройдёт 26–29 авг. в Коломне и Зарайске.
249. Викторovich, Владимир Александрович. Гоголь ветхозаветный / Владимир Викторovich ; беседует Г. Горчакова // Коломенская правда. – 2009. – № 25 (19421), 3 апр.
К 200-летию со дня рождения Н. В. Гоголя.
250. Викторovich, Владимир Александрович. «Голос истинной критики» / В. А. Викторovich // Болдинские чтения / Департамент культуры Нижегород. обл., Гос. лит.-мемориал. и природ. музей-заповедник А. С. Пушкина «Болдино», Нижегород. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского ; [редкол.: Н. М. Фортунатов (гл. ред.) и др.]. – Н. Новгород, 2009. – С. 44–53.
251. Викторovich, Владимир Александрович. К себе домой. За океан : [беседа] / Владимир Викторovich ; беседу вела Г. Шубина ; фот. Ю. Имханицкого // Коломенская правда. – 2009. – № 51 (19447), 10 июля.
Об Уильяме Брумфилде.
252. Викторovich, Владимир Александрович. Коломенский текст русской литературы: к определению понятия / В. А. Викторovich // Коломна и Коломенская земля : История и культура : [сб. ст.] / Благот. фонд поддержки культуры и сохранения ист. наследия «Коломенский кремль» ; [сост. А. Г. Мельник, С. В. Сазонов]. – Коломна, 2009. – С. 336–345.
253. Викторovich, Владимир Александрович. Обаяние счастливой личности / В. А. Викторovich // Ять. – 2009. – № 21, 2 июня. – С. 10.
О Г. В. Краснове.

-
254. Викторovich, Владимир Александрович. Туристы уже сейчас могут приезжать в Коломну «за Достоевским» : [интервью] / В. А. Викторovich ; текст А. Штраус ; фот. А. Климовича // Деловой разговор. События и ЛЮДИ. – 2009. – № 6 (окт./нояб). – С. 54–55.
255. Викторovich, Владимир Александрович. Экспедиции КГПИ в Даровое: итоги и перспективы / В. А. Викторovich // Ф. М. Достоевский в диалоге культур : материалы междунар. конф., 25–29 авг. 2009 : Коломна – Зарайск – Даровое / Междунар. о-во Достоевского, Колом. гос. пед. ин-т ; сост. В. А. Викторovich. – Коломна, 2009. – С. 191–195.

2010

256. Викторovich, Владимир Александрович. Душа Коломны / В. А. Викторovich // Лажечников, И. И. Беленькие, черненькие и серенькие / И. И. Лажечников ; [авт. вступ. ст. В. А. Викторovich ; подгот. текста А. С. Бессоновой ; коммент.: В. А. Викторovichа, А. С. Бессоновой]. – Коломна, 2010. – С. 5–20.
257. Викторovich, Владимир Александрович. «Мне кажется, я только начинаю» / Владимир Викторovich ; беседовала А. Малышкина ; фот. из личного архива В. А. Викторovichа // Ять. – 2010. – № 13 (885), 6 апр.
258. Викторovich, Владимир Александрович. Начало коломенского текста / В. А. Викторovich // Коломенский альманах : лит. ежегод. : Орган творч. об-ния писателей Коломны / Ком. по культуре гор. окр. Коломна ; гл. ред. В. С. Мельников. – 2010. – Вып. 14. – С. 11–28.
259. Викторovich, В. А. От Никиты до Николы... : (Посадские люди Н. П. Гиляров-Платонов и Б. Пильняк / А. В. Викторovich // Коломенский Посад : Концептуальные основы развития : сб. ст. / Колом. центр развития познавательного туризма «Город-Музей»,

---

Центр музейных технологий «Новый музей» при поддержке Колом. краевед. музея ; [сост. Е. Н. Дмитриева, Н. Г. Никитина]. – Коломна, 2010. – С. 85–100.

260. Викторovich, Владимир Александрович. От Никиты до Николы ... : (Посадские люди Н. П. Гиляров-Платонов и Б. Пильняк) / В. А. Викторovich // Околоколомна : журн. о-ва любителей вольных прогулок. – 2010. – Вып. 1. – С. 28–30.
261. Викторovich, Владимир Александрович. От Никиты до Николы ... : (Посадские люди Н. П. Гиляров-Платонов и Б. Пильняк) / В. А. Викторovich // Никита Петрович Гиляров – Платонов : Исследования. Материалы. Библиография. Рецензии / Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом), Рос. акад. наук, Центр по изучению традиционалистских направлений в рус. лит. Нового времени, Моск. гос. обл. соц.-гуманит. ин-т ; под общ. ред. А. П. Дмитриева. – СПб., 2013. – С. 182–196. – (Славянский архив ; кн. 3).
262. Викторovich, Владимир Александрович. Романтическая история / В. А. Викторovich // Околоколомна : журнал общества любителей вольных прогулок. – 2010. – Вып. 2. – С. 13–16.
263. Викторovich, В. Честное имя старого романтика : [интервью] с д-ром филол. наук проф. Моск. гос. обл. соц.-гуманит. ин-та Владимиром Викторovichем / страницу подгот. Г. Горчакова // Коломенская правда. – 2010. – 22 сент.

2011

264. Викторovich, Владимир Александрович. Достоевский. Годы ученичества / В. А. Викторovich // Коломенский альманах : лит. ежегод. : Орган творч. об-ния писателей Коломны / Ком. по культуре гор. окр. Коломна ; гл. ред. В. С. Мельников. – 2011. – Вып. 15. – С. 171–188.
265. Викторovich, В. А. Коломенский текст и пейзажи Абакумова (миф города-сада) / В. А. Викторovich // Первые открытые Абакумовские чтения : сб. ст. науч.-творч. конф.

/ [сост. Г. В. Дроздова]. – Коломна, 2011. – С. 20–32. – Фот. В. А. Викторovichа. – С. 83.

266. Викторovich, В. А. Критика / В. А. Викторovich // Литературоведческие термины : материалы к словарю / М-во образования и науки Рос. Федерации, М-во образования Моск. обл., Гос. образов. учреждение высш. проф. образования «Московский государственный областной социально-гуманитарный институт» ; [редкол.: Г. С. Прохоров, В. А. Викторovich, Г. В. Краснов]. – Коломна, 2011. – Вып. 3 : Интерпретация / [под ред. В. А. Викторovichа, Г. В. Краснова, Г. С. Прохорова]. – С. 58–64.
267. Викторovich, Владимир Александрович. Открыл выставку в Даровом / Владимир Викторovich // Ять. – 2011. – 6 сент. – С. 2.
268. Викторovich, Владимир Александрович. «Учителей сейчас не наделаете» / В. А. Викторovich // «Потрясение или просвещение»: статьи из «Гражданина» Ф. М. Достоевского / Моск. гос. обл. соц.-гуманит. ин-т ; ред.-сост. В. А. Викторovich. – Коломна, 2011. – С. 5–17. – (Педагогический потенциал русской литературы).

2012

269. Викторovich, Владимир Александрович. В. В. Розанов – критик / В. А. Викторovich // Человек пишущий, человек читающий : к 60-летию М. В. Строганова / ред. Е. Г. Милюгина, Е. Н. Строганова. – Тверь, 2012. – С. 85–95.
270. Викторovich, Владимир Александрович. Возрождаем Даровое / В. А. Викторovich // Планета МГОСГИ. – 2012. – № 9 (294), нояб.
271. Викторovich, Владимир Александрович. Вяч. Иванов и филология как искусство / В. А. Викторovich // В направлении смысла : Междунар. сб. статей памяти проф. Натальи Васильевны Живолуповой / Нижегор. гос. ун-т им. Н. А. Добролюбова ; отв. ред. А. Н. Кочетков. – Н. Новгород, 2012.

-
272. Викторovich, В. А. Достоевский и визуальная философия Андрея Тарковского / В. А. Викторovich // Достоевский и мировая культура : альманах / О-во Достоевского, Лит.-мемориал. музей Ф. М. Достоевского в Санкт-Петербурге / [гл. ред. К. А. Степанян ; ред. совет.: Н. Т. Ашимбаева, В. И. Богданова, В. А. Викторovich и др.]. – 2012. – № 29 : Памяти Натальи Васильевны Живолуповой и Риты Яковлевны Клейман / [сост., отв. ред. номера Н. Т. Ашимбаева, Б. Н. Тихомиров]. – С. 228–237.
273. Викторovich, В. А. Жизнестроительство в поэтике и публицистике Ф. М. Достоевского / Владимир А. Викторovich // *Su Fëdor Dostoevskij Visione filosofica e sguardo di scrittore* / a cura di Stefano Aloe. – Napoli, 2012. – С. 365–375.
274. Викторovich, Владимир Александрович. Коломенский текст и творчество Бориса Пильняка / В. А. Викторovich // Н. П. Анциферов. Филология прошлого и будущего : по материалам междунар. науч. конф. «Первые московские Анциферовские чтения» (25–27 сент. 2012 г.) / Рос. акад. наук, Ин-т мир. лит. им. А. М. Горького, Гос. лит. музей ; [редкол.: Н. В. Корниенко (ИМЛИ), А. А. Кутейникова (ИМЛИ), Е. Д. Михайлова (ГЛМ) и др. ; отв. ред.-сост. Д. С. Московская]. – М., 2012. – С. 364–368.

2013

275. Викторovich, Владимир Александрович. Дорога памяти / В. А. Викторovich // Третьи открытые Абакумовские чтения : сб. материалов науч.-теорет. конф. / Ком. по культуре Адм. гор. окр. Коломна, Союз художников России, Союз русских художников [и др.; сост. Г. В. Дроздова]. – Коломна, 2013. – С. 31–43.
276. Викторovich, Владимир Александрович. Между «Бесами» и «Подростком»: журнализм как творчество / Владимир Викторovich // Достоевский и журнализм / под ред. В. Захарова, К. Степаняна, Б. Тихомирова. – СПб, 2013. – С. 129–142. – (Dostoevsky Monographs ; вып. 4).

277. Викторovich, Владимир Александрович. Наше Даровое / В. А. Викторovich // В начале было слово...: Коломенский фил-

316

-
- фак вчера и сегодня / М-во образования Моск. обл., Гос. автоном. образов. учреждение высш. проф. образования «Московский государственный областной социально-гуманитарный институт» ; [ред.-сост. И. Н. Политова, А. В. Кулагин]. – Коломна, 2013. – С. 88–97.
278. Викторovich, Владимир Александрович. О «сакральном» музееведении / В. А. Викторovich // III Летние чтения в Даровом : материалы науч. конф., 26–28 авг. 2013 г. / Моск. гос. обл. соц.-гуманит. ин-т ; Неком. партнерство «Заповедное Даровое» ; ред.-сост. В. А. Викторovich. – Коломна, 2013. – С. 217–230. – К 90-летию музея Достоевского в Даровом. К 10-летию экспедиции МГОСГИ в Даровом.
279. Викторovich, Владимир Александрович. От редактора / В. А. Викторovich // Там же. – Коломна, 2013. – С. 3–4.
280. Викторovich, Владимир Александрович. Перепутья русского консерватизма (Ф. М. Достоевский и Н. П. Гиляров-Платонов) / В. А. Викторovich // Никита Петрович Гиляров-Платонов : Исследования. Материалы. Библиография. Рецензии / Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом), Рос. акад. наук, Центр по изучению традиционалистских направлений в рус. лит. Нового времени, Моск. гос. обл. соц.-гуманит. ин-т ; под общ. ред. А. П. Дмитриева. – Спб., 2013. – С. 47–95.
281. Викторovich, Владимир Александрович. Тайна «незамечательного места» / В. А. Викторovich // III Летние чтения в Даровом : материалы науч. конф., 26–28 авг. 2013 г. / Моск. гос. обл. соц.-гуман. ин-т ; Некоммер. партнерство «Заповедное Даровое» ; ред.-сост. В. А. Викторovich. – Коломна, 2013. – С. 7–14. – К 90-летию музея Достоевского в Даровом. К 10-летию экспедиции МГОСГИ в Даровом.
282. То же // Ф. М. Достоевский и философская культура русской классики : сб. статей / Омск. гуманит. академия, Омск. гос. ун-т им. Ф. М. Достоевского, Омский гос. пед. ун-т ; сост.:

Е. А. Акелькина, А. Д. Емелина ; отв. ред. Е. А. Акелькина. – Омск, 2018. – С. 55–63.

283. Викторovich, Владимир Александрович. Умереть в России / В. А. Викторovich // III Летние чтения в Даровом : материалы науч. конф., 26–28 авг. 2013 г. / Моск. гос. обл. соц.-гуман. ин-т ; Некоммер. партнерство «Заповедное Даровое» ; ред.-сост. В. А. Викторovich. – Коломна, 2013. – С. 133–146.

О драматической судьбе захоронений близких родственников Ф. М. Достоевского.

2014

284. Викторovich, Владимир Александрович. Воин-сочинитель Лажечников: были и небыли / Владимир Александрович Викторovich // Четвертые открытые Абакумовские чтения : сб. материалов науч.-практ. конф. / Ком. по культуре Адм. гор. окр. Коломна, Всерос. творч. общ. организация «Союз художников России», Колом. отд.-ние Всерос. творч. общ. организации «Союз художников России» [и др.] ; [сост. Г. В. Дроздова]. – Коломна, 2014. – С. 13–22.

285. Викторovich, Владимир Александрович. Дело о жестоким таланте. Из истории борьбы критики с литературой / В. Викторovich // Русская словесность в мировом культурном контексте : IX Междунар. симпозиум, 14–18 дек. 2012 г., г. Москва / [Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова, Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом) и др.] ; Оргкомитет : И. Л. Волгин (пред.), А. Б. Куделин, А. М. Молдован и др.]. – М., 2014. – С. 467–473.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект проведения научных исследований № 13-04-00282 «История русской критики 1830-х – 1890-х гг. в контексте национальной и мировой культуры».

286. Викторovich, Владимир Александрович. Загадки одного стихотворения: (литературный диалог Лермонтова и Лажечникова)

: литературоведческое исследование / Владимир Викторович // Коломенский альманах : лит. ежегодник : Орган творч. об-ния гор. окр. Коломны ; гл. ред. В. Мельников. – Коломна, 2014. – С. 295–298.

287. Викторович, Владимир Александрович. «Ледяной дом» русской истории и культуры / В. А. Викторович // Роман И. И. Лажечникова в русской культуре : библиогр. указ. / М-во образования Моск. обл., Гос. автоном. образов. учреждение высш. проф. образования «Московский государственный областной социально-гуманитарный институт» ; [сост.: Н. И. Катенёва, В. А. Мокрова ; науч. ред. и авт. вступ. ст. В. А. Викторович]. – Коломна, 2014. – С. 3.
288. Викторович, Владимир Александрович. Лермонтов как проблема русской критики / В. А. Викторович // Лермонтов и история : сб. науч. ст. / Рос. гуманитар. науч. фонд, Новгород. гос. ун-т им. Я. Мудрого, Каф. рус. и зарубеж. лит. ; [отв. ред. В. А. Кошелев]. – В. Новгород ; Тверь, 2014. – С. 223–231.
289. Викторович, Владимир Александрович. О подлинном / Владимир Викторович, Альбина Бессонова // Достоевский и мировая культура : альманах / О-во Достоевского, Моск. отд-ние / [гл. ред. К. А. Степанян ; ред. совет.: Н. Т. Ашимбаева, В. И. Богданова, В. А. Викторович и др. ; худож. А. В. Кинзбургский]. – 2014. – № 31. – С. 314–328.
290. Викторович, Владимир Александрович. Развилка философской критики: Н. Бердяев и С. Булгаков. «Духовные дети Достоевского» / В. А. Викторович // Достоевский и мировая культура : альманах / О-во Достоевского, Лит.-мемориал. музей Ф. М. Достоевского в Санкт-Петербурге / [гл. ред. К. А. Степанян ; ред. совет.: Н. Т. Ашимбаева, В. И. Богданова, В. А. Викторович и др.]. – 2014. – № 32 / [сост., отв. ред. номера Н. Т. Ашимбаева, Б. Н. Тихомиров]. – С. 143–160.

Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 13-04-00282 «История русской критики 1830-х – 1890-х гг. в контексте национальной и мировой культуры».

291. Викторovich, Владимир Александрович. Академический Достоевский: проблемы и перспективы / Владимир Викторovich // Вопросы литературы. – 2015. – № 5. – С. 343–381.
292. Викторovich, Владимир Александрович. Анненков Павел Васильевич (1813–1887) / В. А. Викторovich // Русские критики, 1800–1917 : материалы к словарю / [Гос. образов. учреждение высш. образования Моск. обл. «Государственный социально-гуманитарный университет» ; ред.-сост. В. А. Викторovich]. – Коломна, 2015. – С. 13–21.
293. Викторovich, Владимир Александрович. Белинский Виссарион Григорьевич (1811–1848) / В. А. Викторovich // Там же. – Коломна, 2015. – С. 26–43.
294. Викторovich, Владимир Александрович. Бухарев Александр Матвеевич (1824–1871) / В. А. Викторovich // Там же. – Коломна, 2015. – С. 50–53.
295. Викторovich, Владимир Александрович. Возвращение в Коломну / Вл. Викторovich // Коломенский альманах : лит. ежегод. / Орган твор. объединения писателей Коломны, Ком. по культуре гор. окр. Коломна [гл. ред. В. С. Мельников]. – 2015. – Вып. 19. – С. 7–20.
О «Ледяном доме». – С. 9, 10, 16, 17, 19.
296. Викторovich, Владимир Александрович. Волинский Аким Львович (настоящее имя Хаим Лейбович Флексер, 1861–1926) / В. А. Викторovich // Русские критики, 1800–1917 : материалы к словарю / [Гос. образов. учреждение высш. образования Моск. обл. «Государственный социально-гуманитарный университет» ; ред.-сост. В. А. Викторovich]. – Коломна, 2015. – С. 53–61.
297. Викторovich, Владимир Александрович. Григорьев Аполлон Александрович (1822–1864) // Там же. – Коломна, 2015. – С. 61–74.
298. Викторovich, Владимир Александрович. Дружинин

Александр Васильевич (1824–1864) / В. А. Викторovich // Там же.
– С. 74–79.

299. Викторovich, Владимир Александрович. Злоключения романа, или Какой «Ледяной дом» мы читаем? / В. А. Викторovich // Дом Лажечникова : ист.-лит. сб. / Ком. по культуре адм. гор. окр. Коломна, Гос. соц.-гуманит. ун-т, Ист.-культ. Музей-заповедник «Коломенский кремль» ; ред.-сост. В. А. Викторovich, вступ. заметка, подгот. текста и коммент. В. А. Викторovichа. – Коломна, 2015. – Вып. II. – С. 83–104.
300. Викторovich, Владимир Александрович. Коловоращения коломенского текста Б. А. Пильняка / В. А. Викторovich // Б. А. Пильняк : Исследования и материалы : сб. науч. тр. / М-во образования Моск. обл., Гос. автоном. образоват. учреждение высш. проф. образования «Московский государственный областной социально-гуманитарный институт» ; [отв. ред. А. П. Ауэр ; худож. А. Фёдоров]. – Коломна, 2015. – Вып. VII. – С. 111–119.
301. Викторovich, Владимир Александрович. Коломенский транзит / В. Викторovich // Езда в Коломну / [авт. и рук. проекта «Коломенский текст» В. А. Викторovich ; подгот. текста и коммент. В. Викторovichа, Н. Ватника, Е. Ломако, А. Мазурова ; худож. П. Зеленецкий]. – Коломна, 2015. – С. 5–24. – (Серия «Коломенский текст»).
302. Викторovich, Владимир Александрович. Леонтьев, Константин Николаевич (1831–1891) / В. А. Викторovich // Русские критики, 1800–1917 : материалы к словарю / [Гос. образов. учреждение высш. образования Моск. обл. «Государственный социально-гуманитарный университет» ; ред.-сост. В. А. Викторovich]. – Коломна, 2015. – С. 84–90.
303. Викторovich, Владимир Александрович. Михайловский Николай Константинович (1842–1904) / В. А. Викторovich // Там же. – Коломна, 2015. – С. 107–111.

-
304. [Викторович, Владимир Александрович]. От редактора / [В. А. Викторович] // Дом Лажечникова : ист.-лит. сб. / Ком. по культуре адм. гор. окр. Коломна, Гос. соц.-гуманит. ун-т, Ист.-культ. Музей-заповедник «Коломенский кремль» ; ред.-сост. В. А. Викторович, вступ. заметка, подгот. текста и коммент. В. А. Викторовича. – Коломна, 2015. – Вып. II. – С. 3–4.
305. Викторович, Владимир Александрович. Писарев Дмитрий Иванович (1840–1868) / В. А. Викторович // Там же. – Коломна, 2015. – С. 111–121.
306. Викторович, Владимир Александрович. Первый роман «Русского Вальтера Скотта» : На книжной полке : литературоведческий очерк / Владимир Викторович // Коломенский альманах : лит. ежегод. : Орган творч. об-ния писателей Коломны / Ком. по культуре гор. окр. Коломна ; [гл. ред. В. С. Мельников]. – 2015. – Вып. 19. – С. 269–291.
307. Викторович, Владимир Александрович. Понять Акима Волынского. 1. Чернышевский наоборот / В. А. Викторович // Достоевский и современность : Материалы XXIX Старорусских чтений 2014 года / Новгород. музей-заповедник, Дом-музей Ф. М. Достоевского ; [сост. Н. А. Костина]. – В. Новгород, 2015. – С. 46–56.
- Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 13-04-00282 «История русской критики 1830-х – 1890-х гг. в контексте национальной и мировой культуры».*
308. Викторович, Владимир Александрович. Пушкин Александр Сергеевич (1799–1837) / В. А. Викторович // Русские критики, 1800–1917 : материалы к словарю / [Гос. образов. учреждение высш. образования Моск. обл. «Государственный социально-гуманитарный университет» ; ред.-сост. В. А. Викторович]. – Коломна, 2015. – С. 121–127.
309. Викторович, Владимир Александрович. Секрет «Ледяного дома» / В. А. Викторович // Дом Лажечникова : ист.-лит. сб. / Ком. по культуре адм. гор. окр. Коломна, Гос. соц.-гуманит. ун-

---

т, Ист.-культ. Музей-заповедник «Коломенский кремль» ; ред.-сост. В. А. Викторovich, вступ. заметка, подгот. текста и коммент. В. А. Викторovichа. – Коломна, 2015. – Вып. II. – С. 49–66.

310. Викторovich, Владимир Александрович. Соловьев Владимир Сергеевич (1853–1900) / В. А. Викторovich // Русские критики, 1800–1917 : материалы к словарю / [Гос. образов. учреждение высш. образования Моск. обл. «Государственный социально-гуманитарный университет» ; ред.-сост. В. А. Викторovich]. – Коломна, 2015. – С. 138–145.
311. Викторovich, Владимир Александрович. Толстой Лев Николаевич (1828–1910) / В. А. Викторovich // Там же. – Коломна, 2015. – С. 145–150.
312. Викторovich, Владимир Александрович. Чернышевский Николай Гаврилович (1828–1889) // Там же. – Коломна, 2015. – С. 158–167.

2016

313. Викторovich, Владимир Александрович. Достоевский: от политических стихов к политической прозе : эссе / Владимир Викторovich // Коломенский альманах : лит. ежегодник : Орган творч. об-ния писателей Коломны / Ком. по культуре гор. окр. Коломна ; [гл. ред В. С. Мельников]. – 2016. – Вып. 20. – С. 305–330.
Памятник Ф. М. Достоевскому в селе Даровое. Усадебный дом в имени Достоевского, Даровом. Фот. А. Дудкина, 2015 г.
314. Викторovich, Владимир Александрович. Казус Мозглякова (Повесть Ф. М. Достоевского «Дядюшкин сон» в литературном и биографическом контексте) / В. А. Викторovich // Острова любви БорФеда : сб. к 90-летию Бориса Фёдоровича Егорова / Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом), Санкт-Петерб. ин-т истории, Рос. акад. наук, Союз писателей Санкт-Петербурга ; [ред.-сост. : А. Дмитриев и П. Глушаков]. – СПб., 2016. – С. 223–229.
315. Викторovich, Владимир Александрович. Какую «книжку»

-
- читал Макар Девушкин? / В. А. Викторovich // Достоевский и мировая культура : альманах / О-во Достоевского, Лит.-мемориал. музей Ф. М. Достоевского в Санкт-Петербурге ; [гл. ред. К. А. Степанян ; ред. совет: Н. Т. Ашинбаева, В. И. Богданова, В. А. Викторovich и др.]. – 2016. – № 34. – С. 257–264.
316. Викторovich, Владимир Александрович. Неизвестное выступление Ф. М. Достоевского и церковный вопрос / В. А. Викторovich // IV Летние чтения в Даровом : [материалы науч. конф., 16–17 сент. 2013 г.] / Гос. соц.-гуманит. ун-т, Колом. дух. семинария, Неком. партнерство «Заповедное Даровое» ; ред.-сост. В. А. Викторovich ; фот.: Ю. Л. Имханицкий, А. С. Бессонова, Е. Ветриченко, П. Зеленецкий. – Коломна, 2016. – С. 10–29.
317. Викторovich, Владимир Александрович. О поездке А. М. Достоевского в Даровое (послесловие публикатора) / В. А. Викторovich // Там же. – С. 191–192.
318. [Викторovich, Владимир Александрович]. От редактора / [В. А. Викторovich] // Там же. – С. 3–4.
319. Викторovich, Владимир Александрович. Paideia / В. А. Викторovich // Образовательное пространство детства: исторический опыт, проблемы, перспективы : сб. науч. ст. и материалов III Междунар. науч.-практ. конф. (Коломна, 1–3 июня 2016 г.) / М-во образования Моск. обл., Гос. образов. учреждение высш. образования Моск. обл. «Государственный социально-гуманитарный университет», Междунар. акад. наук пед. образования [и др.] ; под общ. ред. О. Б. Широких. – Коломна, 2016. – С. 17–24. – В содержании название статьи «Защита детства (по произведениям Ф. М. Достоевского)».
320. Викторovich, Владимир Александрович. Послание на кирпиче: донос или исповедь? / В. А. Викторovich // IV Летние чтения в Даровом : [материалы науч. конф., 16–17 сент. 2013 г.] / Гос. соц.-гуманит. ун-т, Колом. дух. семинария, Неком. партнёрство «Заповедное Даровое» ; ред.-сост. В. А. Викторovich;

фот.: Ю. Л. Имханицкий, А. С. Бессонова, Е. Ветриченко, П. Зеленецкий. – Коломна, 2016. – С. 179–182.

321. Викторovich, Владимир Александрович. Послесловие публикатора / В. А. Викторovich // Там же. – С. 194.
322. Викторovich, В. А. Спасём храм Достоевского! / В. А. Викторovich // Там же. – С. 222–223. См. 222, 400.
323. Викторovich, Владимир Александрович. Философ коломенского Посада / В. Викторovich // Гиляров-Платонов, Н. П. Из пережитого. Автобиографические воспоминания <коломенские главы> / вступ. ст. В. Викторovichа ; подгот. текста А. Дмитриева ; коммент. А. Дмитриева, В. Викторovichа, Е. Ломако ; худож. П. Зеленецкий. – Коломна, 2016. – С. 5–22. – (Серия «Коломенский текст» / авт. и руководитель проекта «Коломенский текст» В. А. Викторovich).
324. Викторovich, Владимир Александрович. Человек мира : Ушёл из жизни профессор-филолог Александр Ауэр / В. А. Викторovich // Университетская жизнь. – 2016. – № 306, июнь.

2017

325. Викторovich, Владимир Александрович. «Недуг, которого причину давно бы отыскать пора» / В. А. Викторovich // Вопросы филологии и преподавания филологических дисциплин / М-во образования Моск. обл., Гос. образов. учреждение высш. образования Моск. обл. «Государственный социально-гуманитарный университет» ; [отв. ред. М. И. Бондаренко]. – Вып. II : Сборник научных и публицистических статей, посвященный памяти профессора А. П. Ауэра. – С. 89–95.
326. Викторovich, Владимир Александрович. Пять «памятников» и прочее / В. А. Викторovich // Айзик Геннадьевич Ингер : библиогр. указ. / М-во образования Моск. обл., Гос. обл. ун-т высш. образования Моск. обл. ; сост.: Н. И. Катенёва, В. А. Мокрова ; ред. и авт. вступ. ст. В. А. Викторovich. – Коломна, 2017. – С. 3–6.

327. Викторovich, Владимир Александрович. В этом году... / В. А. Викторovich // Апостол. – 2018. – № 1(19). – С. 21.
328. Викторovich, Владимир Александрович. «Главного-то шагу и не видят» / В. А. Викторovich // Достоевский и современность : материалы XXXII Международ. Старорусских чтений 2017 года / Новгород. музей-заповедник, Дом-музей Ф. М. Достоевского ; [отв. ред. С. Л. Шараков]. – В. Новгород ; СПб., 2018. – С. 74–83.
329. Викторovich, Владимир Александрович. «Не стараясь угодить» / В. В. // «Как он дышит, так и пишет» : К 60-летию Анатолия Валентиновича Кулагина / Гос. соц.-гуманит. ун-т ; [отв. ред. В. А. Викторovich]. – Коломна, 2018. – С. 3–4.
330. Викторovich, Владимир Александрович. Под знаком Иова / В. А. Викторovich // Болдинские чтения, 2018 / Национ. исслед. Нижегород. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского, Гос. лит.-мемориал. и природный музей-заповедник А. С. Пушкина «Болдино» ; [редкол.: Н. Л. Вершинина, Г. Л. Гуменная, А. В. Коровашко и др.] – Н. Новгород, 2018. – С. 14–21.
331. Викторovich, Владимир Александрович. Путь русской литературы от Пушкина к Достоевскому. Статья 1 / Владимир Викторovich // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал / Федер. гос. бюджетное учреждение науки, Ин-т мир. лит. им. А. М. Горького, Рос. акад. наук ; [гл. ред. К. А. Степанян ; редкол.: Н. Ашимбаева, В. Борисова, В. Викторovich и др.]. – 2018. – № 1. – С. 12–20.
332. Викторovich, Владимир Александрович. Так зачем литература в школе? / Владимир Александрович Викторovich // Литература в школе. – 2018. – № 9. – С. 3–7.

333. Викторovich, Владимир Александрович. Тургенев в зеркале «Гражданина» / В. А. Викторovich // Тургенев и либеральная идея в России : материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 200-летию Ивана Сергеевича Тургенева (19–21 апр. 2018 г., г. Пермь, Россия) / М-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. гос. бюджетное образов. учреждение высш. образования «Пермский государственный гуманитарный-педагогический университет» ; [редкол.: Г. М. Ребель, М. В. Воловинская, В. А. Ясырева]. – Пермь, 2018. – С. 111–129.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта 17-04-00619 «Редакционный архив газеты-журнала “Гражданин” (1872–1879 гг.).

2019

334. Викторovich, Владимир Александрович. «Были бы братья...»: М. М. Достоевский как прототип Разумихина / В. А. Викторovich // Достоевский. Материалы и исследования / Рос. акад. наук, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом) ; [отв. ред.: К. А. Баршт, Н. Ф. Буданова]. – СПб., 2019. – С. 41–55. – Т. 22 / [редкол.: В. Е. Багно, В. Д. Рак, К. А. Баршт и др.].
335. Викторovich, В. А. Всеволод Соловьев – критик Достоевского / В. А. Викторovich // Достоевский и современность : материалы XXXIII Междунар. Старорусских чтений 2018 года / Новгород. музей-заповедник, Дом-музей Ф. М. Достоевского ; [отв. ред. С. Л. Шараков]. – В. Новгород, 2019. – С. 38–53.
336. Викторovich, В. А. Достоевский и критика: амплитуда репутации / В. А. Викторovich // Вестник государственного социально-гуманитарного университета / [редкол.: Ж. К. Леонова (гл. ред.), С. П. Хэкало, В. А. Викторovich и др.]. – 2019. – № 4(36) : Гуманитарные науки. – С. 3–7.
337. Викторovich, В. А. Лажечников глазами современников / Владимир Викторovich // Коломенский альманах : лит. ежегод.: Орган твор. об-ния писателей Коломны / [гл. ред.

В. С. Мельников]. – 2019. – Вып. 23. – С. 243–266.

338. Викторovich, В. А. «Медный всадник» в творчестве Ф. М. Достоевского / Владимир Александрович Викторovich // Филология как призвание : сб. ст. к юбилею проф. Владимира Николаевича Захарова / М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Федер. гос. бюджетное образов. учреждение высш. образования «Петрозаводский государственный университет» ; отв. А. В. Пигин, И. С. Андрианова. – Петрозаводск, 2019. – С. 145–158.
339. Викторovich, Владимир Александрович. «Медный всадник» в творчестве Ф. М. Достоевского / В. А. Викторovich // Проблемы исторической поэтики / М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Федер. гос. бюджетное образов. учреждение высш. образования «Петрозаводский государственный университет» ; [редкол.: А. В. Пигин, В. И. Габдуллина, Б. Б. Гарсиа (Гранада, Испания) и др.]. – 2019. – Т. 17, № 4. – С. 107–122.
340. Викторovich, Владимир Александрович. Стулли Фёдор Степанович / В. А. Викторovich // Русские писатели, 1800–1917 : биогр. слов. / Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом) Рос. акад. наук. – М., 2019. – Т. : 6 : С – Ч / гл. ред. Б. Ф. Егоров ; редкол.: Н. А. Богомолов, В. А. Викторovich, Т. М. Горяева [и др.]. – С. 103–104.
341. Викторovich, В. А. Усадьба Даровое: возрождение / Владимир Викторovich ; кор. О. Шевырева, В. Тулякова // Ять. – 2019. – № 36(1381), 20 авг.
342. Викторovich, Владимир Александрович. Чаев Николай Александрович / В. А. Викторovich, А. Индзинская // Русские писатели, 1800–1917 : биогр. слов. / Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом) Рос. акад. наук. – М., 2019. – Т. : 6 : С – Ч / гл. ред. Б. Ф. Егоров ; редкол.: Н. А. Богомолов, В. А. Викторovich, Т. М. Горяева [и др.]. – С. 597–599.

-
343. Викторovich, Владимир Александрович. Чернышевский Николай Гаврилович / В. А. Викторovich // Русские писатели, 1800–1917 : биограф. слов / Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом) Рос. акад. наук. – М., 2019. – Т. : 6 : С – Ч / гл. ред. Б. Ф. Егоров ; редкол.: Н. А. Богомолов, В. А. Викторovich, Т. М. Горяева [и др.]. – С. 628–638.

ПУБЛИКАЦИИ, ПОДГОТОВКА ТЕКСТА

1975

344. Понятие мотива в литературоведческих исследованиях / [пер. с англ.] В. А. Викторovichа // Русская литература XIX века : Вопросы сюжета и композиции : межвуз. сб. / М-во высш. и сред. спец. образования РСФСР, Горьк. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского ; [редкол.: В. А. Грехнев и др.]. – Горький, 1975. – [Вып.] 2. – С. 189 – 191. – Резюме к кн.: Keijo Holsti. Motiivin kasite kirjallisuus – dentutkimuksessa – Acta Universitatis, ser. A, vol. 42. – Tampere, 1970. – 272 p.

1984

345. Достоевский, Ф. М. Ответ на протест / Ф. М. Достоевский ; [текст подгот., примеч. сост. В. А. Викторovich] // Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 т. – Л., 1984. – Т. 27 : Дневник писателя, 1881. – С. 161–165 ; Автобиографическое. Dubia. – С. 419–424.

1989

346. Речь В. С. Соловьёва, сказанная на Высших Женских Курсах 30 января 1881 по поводу смерти Ф. М. Достоевского / публ. В. А. Викторovichа // Литературная учёба. – 1989. – № 5. – С. 133–134.

1990

347. Ответ анониму : Приписываемое Достоевскому (Dubia) / [текст подгот. и примеч. сост. В. А. Викторovich] //

Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 т. / Ф. М. Достоевский. – Л., 1990. – Т. 30, кн. 2. – С. 22–24, 80–84.

1991

348. Достоевский, Ф. М. Сцена в редакции одной из столичных газет / Ф. М. Достоевский ; публ., вступ. ст. и коммент. В. Викторовича // Знамя. – 1991. – № 11. – С. 154–160.
349. То же // Достоевский. Материалы и исследования / Акад. наук СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). – СПб., 1994. – [Т.] 11. – С. 3 – 11. – Дополнение к Т. 27. (Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 т. – Л.: Наука, 1972 – 1990).
350. Лажечников, И. И. Министру внутренних дел А. А. Перовскому, 10 февраля 1843 г. / И. И. Лажечников ; публ. (в сокращении) В. Викторовича // Коломенская правда. – 1991. – 25 сент.
351. Оксман, Ю. Г. Стенограмма выступления на конференции по обсуждению юбилейного издания сочинений Л. Н. Толстого 11 ноября 1935 года в Пушкинском доме / Ю. Г. Оксман; публ. В. А. Викторовича // Сюжет и время : сб. науч. тр. к 70-летию Г. В. Краснова / М-во образования РСФСР, Колом. пед. ин-т ; [редкол. : В. А. Викторович (отв. ред.), В. Н. Абросимова, А. В. Кулагин ; предисл. В. А. Викторовича]. – Коломна, 1991. – С. 188–192.
352. Пиксанов, Н. К. Христос в сознании Достоевского / Н. К. Пиксанов ; публ. и предисл. В. Викторовича // Там же. – С. 183–187.
353. Писарев, Д. И. Стихотворения Н. Некрасова / Д. И. Писарев; публ. В. А. Викторовича // Карабиха : ист.-лит. сб. / [редкол.: С. А. Котов, Б. В. Мельгунов]. – Ярославль, 1991. – [Вып. 1]. – С. 77–85.

1993

354. Дарский, Д. О романе «Братья Карамазовы» / Д. Дарский ; публ. и послесл. В. А. Викторovichа // Достоевский и мировая культура : альманах / О-во Достоевского, Лит.-мемориал. музей Ф. М. Достоевского в С.-Петербур. ; [ред. К. А. Степанян]. – СПб., 1993. – №1, ч. 3. – С. 23–40.

1995

355. Дарский, Д. С. «Пиковая дама» / Д. С. Дарский ; публ. и предисл. В. А. Викторovichа // Пушкин. Исследования и материалы : сб. науч. тр. / Рос. акад. наук, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом) ; [редкол.: О. С. Муравьева (отв. ред) и др.]. – СПб., 1995. – Т. 15. – С. 308–324.

1996

356. Достоевский Ф. М. Новоатрибутированные статьи 1872–1874 гг. / атрибуция и науч. коммент. В. Викторovichа // Знамя. – 1996. – № 11. – С. 151–177.

1997

357. Крестовский, Вс. Из статьи «Стихотворения Некрасова / Вс. Крестовский ; публ. В. А. Викторovichа // Карабиха : ист.-лит. сб. : 175-летию со дня рождения поэта посвящ. / Гос. лит.-мемориал. музей-заповедник Н. А. Некрасова «Карабиха» ; [сост. Б. В. Мельгунов]. – Ярославль, 1997. – Вып. 3. – С. 144–150.

2004

358. Булахов, П. Солдатская песня / П. Булахов, И. Лажечников ; публ. О. И. Беккер, В. А. Викторovichа // Дом Лажечникова : ист.-лит. сб. / Адм. г. Коломны, Колом. гос. пед. ин-т, Колом. краевед. музей ; [ред.-сост. В. А. Викторovich]. – Коломна, 2004. – Вып. 1. – С. 72–73.
359. Викторovich, Владимир Александрович. [Дневник писателя на 1880 г. : примечания] / В. А. Викторovich // Достоевский, Ф. М.

Полное собрание сочинений : в 18 т. / Ф. М. Достоевский. – М., 2004. – Т. 12. – С. 422–434.

360. Викторovich, Владимир Александрович. Комментарии / В. А. Викторovich // Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений : в 18 т. / Ф. М. Достоевский. – М., 2004. – Т. 11. – С. 650 – 755.
361. Лажечников, И. <Две автобиографии> ; Моя жизнь / И. Лажечников ; [публ.], подгот. текста и коммент. В. А. Викторovichа // Дом Лажечникова : ист.-лит. сб. / Адм. г. Коломны, Колом. гос. пед. ин-т, Колом. краевед. музей ; [ред.-сост. В. А. Викторovich]. – Коломна, 2004. – Вып. 1. – С. 7–24.
362. Лажечников, И. Отрывок из неизданного сочинения «История одного семейства и замечательных его современников» / И. Лажечников ; публ. В. А. Викторovichа // Там же. – С. 74–75.

2005

363. <Достоевский, Ф. М.> Из мира нашей педагогики / <Ф. М. Достоевский>, В. П. Мещерский ; [публ. В. А. Викторovichа] // Филологические записки : Вестник литературоведения и языкознания / Воронеж. гос. ун-т ; [редкол.: А. А. Фаустов (гл. ред.)]. – Воронеж, 2005. – Вып. 23. – С. 225–231.
364. Порецкий, А. У. Пётр Михайлович Цейдлер : (некролог) / А. У. Порецкий, А. Н. Майков ; [публ. В. А. Викторovichа] // Там же. – С. 231–239.

2006

365. Аскольдов, С. А. Религиозные мотивы в жизни и творчестве Некрасова / С. А. Аскольдов ; публ., вступ. ст., коммент. В. А. Викторovichа, Г. С. Прохорова // Из истории филологии : сб. ст. и материалов к 85-летию Г. В. Краснова / Колом. гос. пед. ин-т ; ред.-сост. В. А. Викторovich. – Коломна, 2006. – С. 193 – 220.
366. [Викторovich, Владимир Александрович]. 500 лет роду Достоевских : календарь / текст В. А. Викторovichа ; фот. :
332

А. С. Бессоновой, Ю. Л. Имханицкого, В. В. Мормуля ; ред. В. В. Мормуль. – Луховицы : Диаскан, [2006]. – [13] с. : ил.

367. Дарский, Д. С. Пушкин и Достоевский / Д. С. Дарский ; публ. В. А. Викторovichа // Из истории филологии : сб. ст. и материалов к 85-летию Г. В. Краснова / Колом. гос. пед. ин-т ; ред.-сост. В. А. Викторovich. – Коломна, 2006. – С. 171–192.

2013

368. Иванова, В. М. Письмо В. М. Ивановой / В. М. Иванова ; преамбула и комментарии Г. С. Прохорова ; публ. В. А. Викторovichа // III Летние чтения в Даровом [материалы науч. конф., 26–28 авг. 2011 г.] / Моск. гос. обл. соц.-гуманит. ун-т, Некоммер. партнёрство «Заповедное Даровое» ; [ред.-сост. В. А. Викторovich ; фот. : Ю. Л. Имханицкий, А. С. Бессонова]. – Коломна, 2013. – С. 190–193. – Письмо М. А. Ивановой к своей бывшей ученице Марии Степановне Корш. 22 февраля <1919> год.

369. Фёдоров, Г. А. «Ты не зарайский ли?» (Дорога к Даровому) / Г. А. Фёдоров ; публ. В. А. Викторovichа // Там же. – С. 206–214.

2014

370. Псаломщик. О певческой ливрее (Письмо в редакцию) / текст подгот., сост. примеч. В. А. Викторovich // Лесков, Н. С. Полное собрание сочинений : в 30 т. / Н. С. Лесков ; [редкол.: И. П. Видуэцкая, А. А. Горелов, В. М. Гуминский, И. В. Столярова (гл. ред.) и др.]. – М., 2014. – Т. 12 : Сочинения, 1873. – С. 220 (текст), 471–473 (примечания).

371. Касторский, П. (свящ.). Холостые понятия о женатом монахе (заметка) / текст подгот., сост. примеч. В. А. Викторovich // Лесков, Н. С. Полное собрание сочинений : в 30 т. / Н. С. Лесков ; [редкол.: И. П. Видуэцкая, А. А. Горелов, В. М. Гуминский, И. В. Столярова (гл. ред.) и др.]. – М., 2014. – Т. 12 : Сочинения, 1873. – С. 221–223 (текст), 473–475 (примечания).

372. Лажечников, И. Потехи. Ледяной дом. 1740 / И. Лажечников ; публ. В. А. Викторovichа // Дом Лажечникова : ист.-лит. сб. / Ком. по культуре Адм. гор. окр. Коломна, Гос. соц.-гуманит. ун-т, Ист.-культ. Музей-заповедник «Коломенский кремль» ; ред.-сост. В. А. Викторovich, вступ. заметка, подгот. текста и коммент. В. А. Викторovichа. – Коломна, 2015. – Вып. II. – С. 7–38.
373. Достоевский Ф. М. (?) Последняя страничка. Из провинциальной жизни в городе Неблагодатном / подгот. текста и примеч. В. А. Викторovichа // Достоевский и мировая культура : альманах / О-во Достоевского, Лит.-мемориал. музей Ф. М. Достоевского в Санкт-Петербурге ; [гл. ред. К. А. Степанян ; ред. совет: Н. Т. Ашимбаева, В. И. Богданова, В. А. Викторovich]. – 2015. – № 33. – С. 9–16.
374. Езда в Коломну / [подгот. текста и коммент. В. Викторovichа, Н. Ватника, Е. Ломако, А. Мазурова ; худож. П. Зеленецкий]. – Коломна : Лига, 2015. – 472 с. : ил. – (Серия «Коломенский текст» / авт. и рук. проекта «Коломенский текст» В. А. Викторovich).
375. Лажечников, И. И. Походные записки русского офицера, 1813 год : Исторические записки / И. И. Лажечников ; подгот. текста и послесл. В. А. Викторovich ; пер. фр. текстов С. А. Савостиной // Коломенский альманах : лит. ежегод. : Орган творч. об-ние писателей Коломны / Ком. по культуре гор. окр. Коломна ; [гл. ред. В. С. Мельников]. – 2015. – Вып. 19. – С. 325–372.

376. Викторovich, В. А. Неизвестное выступление Ф. М. Достоевского и церковный вопрос / [атрибуция В. А. Викторovichа] // IV Летние чтения в Даровом : [материалы науч. конф., 16–17 сент. 2013 г.] / Гос. соц.-гуманит. ун-т, Колом. дух. семинария, Некоммер. партнёрство «Заповедное Даровое» ; ред.-сост. В. А. Викторovich ; фот. : Ю. Л. Имханицкий, А. С. Бессонова, Е. Ветриченко, П. Зеленецкий. – Коломна, 2016. – С. 10–29. – Атрибуция статьи «О любви к скандалу». См. 383.

-
377. Гиляров-Платонов, Н. П. Из пережитого. Автобиографические воспоминания <коломенские главы> / вступ. ст. В. Викторovichа ; подгот. текста А. Дмитриева ; коммент. А. Дмитриева, В. Викторovichа, Е. Ломако ; худож. П. Зеленецкий. – Коломна : Лига, 2016. – 528 с. : ил. – (Серия «Коломенский текст» / авт. и руководитель проекта «Коломенский текст» В. А. Викторovich).
378. Достоевский, А. М. Поездка в Даровое (Из дневника А. М. Достоевского 1887 году) / А. М. Достоевский ; публ., коммент., послесл. В. А. Викторovichа // IV Летние чтения в Даровом : [материалы науч. конф., 16–17 сент. 2013 г.] / Гос. соц.-гуманит. ун-т, Колом. дух. семинария, Некоммер. партнёрство «Заповедное Даровое» ; ред.-сост. В. А. Викторovich ; фот. : Ю. Л. Имханицкий, А. С. Бессонова, Е. Ветриченко, П. Зеленецкий. – Коломна, 2016. – С. 186–190.
379. <Достоевский, Ф. М.>. О любви к скандалу / [публ. В. А. Викторovichа] // Там же. – С. 7–9. – Неизвестная статья Ф. М. Достоевского, напечатанная в еженедельнике «Гражданин» 1874 г. за подписью «Н». Публикуется с сохранением пунктуации. См. 380.
380. Иванова, В. М. Письмо В. М. Ивановой – А. Г. Достоевской 12 февраля 1889 года / В. М. Иванова ; публ., послесл. В. А. Викторovichа // Там же. – С. 193.

РЕДАКТИРОВАНИЕ, СОСТАВЛЕНИЕ, КОММЕНТИРОВАНИЕ

1987

381. Добролюбов, Н. А. Собрание сочинений. В 3 т. Т. 2. Статьи и рецензии, 1859 г. / Н. А. Добролюбов ; сост. и примеч. В. А. Викторovichа, Г. В. Краснова. – М.: Худож. лит., 1987. – 814, [1] с.
382. Некрасов, Н. А. Переписка : в 2 т. / [вступ. ст. Г. В. Краснова; сост. и коммент. В. А. Викторovichа, Г. В. Краснова, Н. М. Фортунатова ; худож. Д. Шимилис]. – М.: Худож. лит., 1987.

Т. 1. – 542 с., [8] л. ил.

Т. 2. – 558 с., [8] л. ил.

1988

383. Викторovich, Владимир Александрович. Комментарии / Г. Краснов, В. Викторovich // Огарев, Н. П. О литературе и искусстве / Н. П. Огарёв ; сост., вступ. ст. Г. Краснова ; коммент. Г. Краснова, В. Викторovichа ; указ. имён А. Кулагина. – М. : Современник, 1988. – 351с., порт. – (Библиотека «Любителям российской словесности. Из литературного наследия»).

1991

384. Достоевский, Ф. М. Сцена в редакции одной из столичных газет / Ф. М. Достоевский ; публ., вступ. ст. и коммент. В. Викторovichа // Знамя. – 1991. – № 11. – С. 154–160.
385. Сюжет и время : сб. науч. тр. к 70-летию Г. В. Краснова / М-во образования РСФСР, Колом. пед. ин-т; [редкол. : В. А. Викторovich (отв. ред.), В. Н. Абросимова, А. В. Кулагин ; предисл. В. А. Викторovichа]. – Коломна : КПИ, 1991. – 222 с., портр.

1992

386. Викторovich, Владимир Александрович. Дополнения к комментарию / В. А. Викторovich // Достоевский. Материалы и исследования / Акад. наук СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). – СПб., 1992. – Т. 10 / [отв. ред. Г. М. Фридендер]. – С. 154–163.

1994

387. Летопись жизни и творчества Достоевского. В 3 т. Т. 2 : 1865–1874 / Рос. акад. наук, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом) ; сост. : И. А. Битюгова, В. А. Викторovich, Е. И. Кийко, Т. И. Орнатская ; ред. Н. Ф. Буданова, Г. М. Фридендер. – СПб. : Акад. проект, 1994. – 583 , [3] с.

1996

388. Викторovich, Владимир Александрович. 1. «Г-н – бов и вопрос об искусстве» ; 2. «Дневник писателя». 1876 г. Январь / В. А. Викторovich // Достоевский. Материалы и исследования / Рос. акад. наук, Ин-т рус. литературы (Пушкинский Дом) ; [гл. ред. Н. Ф. Буданова и Г. М. Фридлендер ; редкол. : Г. Я. Галаган, Н. Н. Скатов, В. А. Туниманов и др.]. – СПб., 1996. – Т. 13 : К 175-летию со дня рождения Ф. М. Достоевского – С. 227–231. – Дополнения к реальному комментарию.
389. Достоевский Ф. М. Новоатрибутированные статьи 1872–1874 гг. / атрибуция и науч. коммент. В. Викторovich // Знамя. – 1996. – № 11. – С. 151–177.
390. Литературоведение и литературоведы : сб. науч. тр. к 75-летию Г. В. Краснова / Колом. пед. ин-т; редкол. : В. А. Викторovich (отв. ред.), Т. И. Кондратова. – Коломна, 1996. – 192 с. : ил.

2001

391. Литературные мелочи прошлого тысячелетия : к 80-летию Г. В. Краснова : сб. науч. ст. / М-во образования Рос. Федерации, Колом. гос. пед. ин-т ; [редкол.: В. А. Викторovich (отв. ред.), В. Н. Абросимова, Т. И. Кондратова ; фот. Ю. Л. Имханицкого] – Коломна, 2001. – 256 с. : ил.
392. Лажечников, И. Беленькие, черненькие и серенькие : три отрывка из повести / Иван Лажечников ; коммент. В. А. Викторovich // Коломенский альманах : лит.-ежегод. / [гл. ред. В. С. Мельников]. – 2002. – Вып. 6. – С. 270 – 276. – Комментарии. – С. 276 – 280.

2003

393. Педагогические идеи русской литературы : материалы конф., 20–22 авг. 2003 г. / М-во образования Моск. обл., Колом. гос. пед. ин-т ; [ред.-сост. В. А. Викторovich]. – Коломна : КГПИ, 2003. – 240 с. – (Педагогический потенциал русской литературы).

-
394. «Педагогия» Ф. М. Достоевского : [сб. статей] / Колом. гос. пед. ин-т ; [ред.-сост. В. А. Викторovich]. – Коломна : КГПИ, 2003. – 217 с. – (Педагогический потенциал русской литературы).
395. Роман Ф. М. Достоевского «Подросток» : возможности прочтения : [сб. статей] / М-во образования Моск. обл., Колом. гос. пед. ин-т ; [ред.-сост. В. А. Викторovich]. – Коломна : КГПИ, 2003. – 261 с. – (Педагогический потенциал русской литературы).

2004

396. Дом Лажечникова : ист.-лит. сб. Вып. 1 / Адм. г. Коломны, Колом. гос. пед. ин-т, Колом. краевед. музей ; [ред.-сост. В. А. Викторovich]. – Коломна, 2004. – 303 с. : ил.
397. Коломна – Лажечникову : [хроника] / сост. В. А. Викторovich // Дом Лажечникова : ист.-лит. сб. / Адм. г. Коломны, Колом. гос. пед. ин-т, Колом. краевед. музей ; [ред.-сост. В. А. Викторovich]. – Коломна, 2004. – Вып. 1. – С. 278–301. См. 424.
398. Лажечников, И. <Две автобиографии> ; Моя жизнь / И. Лажечников ; [публ.], подгот. текста и коммент. В. А. Викторovich // Дом Лажечникова : ист.-лит. сб. / Адм. г. Коломны, Колом. гос. пед. ин-т, Колом. краевед. музей ; [ред.-сост. В. А. Викторovich]. – Коломна, 2004. – Вып. 1. – С. 7–24.

2005

399. Достоевский. Дополнения к комментарию / Рос. акад. наук, Ин-т мир. лит. им. А. М. Горького, Комис. по изучению творчества Ф. М. Достоевского ; под ред. Т. А. Касаткиной ; [редкол.: В. А. Викторovich и др.]. – М. : Наука, 2005. – 694 с.

2006

400. Аскольдов, С. А. Религиозные мотивы в жизни и творчестве Некрасова / С. А. Аскольдов ; публ., вступ. ст., коммент. В. А. Викторovich, Г. С. Прохорова // Из истории филологии : сб. ст. и материалов к 85-летию Г. В. Краснова / Колом. гос. пед. ин-т ; ред.-сост. В. А. Викторovich. – Коломна, 2006. – С. 193 – 220.

-
401. Зачем литература в школе? : материалы семинара вузовских и школьных преподавателей, 26–27 авг. 2006 г. / Колом. гос. пед. ин-т ; ред.-сост. В. А. Викторovich. – Коломна : КГПИ, 2006. – 208 с. – (Педагогический потенциал русской литературы).
402. Из истории филологии : сб. ст. и материалов к 85-летию Г. В. Краснова / Колом. гос. пед. ин-т ; ред.-сост. В. А. Викторovich. – Коломна : КГПИ, 2006. – 301 с. : ил.
403. Летние чтения в Даровом : материалы междунар. конф., 27–29 авг. 2006 г. / М-во образования Моск. обл., Колом. гос. пед. ин-т, Музей «Зарайский Кремль» ; [сост. В. А. Викторovich]. – Коломна : КГПИ, 2006. – 166 с.

2007

404. Вестник Коломенского государственного педагогического института : науч.-метод. журн. № 3 (4). Гуманитарные науки / Федер. агентство по образованию Рос. Федерации, М-во образования Моск. обл., Гос. образов. учреждение высш. проф. образования Моск. обл. «Коломенский государственный педагогический институт» ; [редкол.: А. Б. Мазуров (гл. ред.), В. П. Савинкин, В. А. Викторovich и др.]. – Коломна : КГПИ, 2007. – 232 с.
405. Возвращение Н. П. Гилярова-Платонова : сб. ст. и материалов / М-во образования Моск. обл., Колом. гос. пед. ин-т ; [редкол.: А. А. Алексеев, В. А. Викторovich, Г. С. Прохоров]. – Коломна : КГПИ, 2007. – 440 с.
406. Коломна – моя родина : К 200-летию начала литературной деятельности И. И. Лажечникова : [календарь] / авт.-сост. В. А. Викторovich ; ред., фот. В. В. Мормуль. – Луховицы : Диаскан, [2007.] – [14] л., цв. ил.

2008

407. Вестник Коломенского государственного педагогического института : науч.-метод. журн. Вып. 2(6). Гуманитарные науки / Федер. агентство по образованию Рос. Федерации, М-во обра-

---

зования Моск. обл., Гос. образов. учреждение высш. проф. образования Моск. обл. «Коломенский государственный педагогический институт ; [гл. ред. А. Б. Мазуров ; редкол.: А. А. Угрюмова, В. А. Викторович, В. Н. Огнев, Н. С. Ватник]. – Коломна : Изд-во КГПИ, 2008. – 234 с.

408. Достоевский и мировая культура : альманах : Памяти Владимира Артёмовича Туниманова / О-во Достоевского, Лит.-мемориал. музей Ф. М. Достоевского в С.-Петерб. ; гл. ред. К. А. Степанян ; ред. совет: Н. Т. Ашимбаева, В. И. Богданова, В. А. Викторович [и др.]. – 2008. – № 24 / сост., отв. ред. Н. Т. Ашимбаева, Б. Н. Тихомиров. – 287 с.
409. Россия и славянский мир : История, язык, культура : сб. науч. тр. / [ред.-сост. В. А. Викторович, А. Б. Мазуров]. – М. : Три квадрата, 2008. – 413 с., [12] л. ил.

2009

410. Даровое – земля детства Ф. М. Достоевского : библиогр. указ. / [М-во образования и науки Рос. Федерации, М-во образования Моск. обл., Колом. гос. пед. ин-т ; сост.: В. А. Викторович, Н. И. Катенёва, В. А. Мокрова ; науч. ред., авт. вступ. ст. В. А. Викторович.]. – Коломна : КГПИ, 2009. – 67 с.
411. Ф. М. Достоевский в диалоге культур : материалы междунар. конф., 25–29 авг. 2009 : Коломна – Зарайск – Даровое / Междунар. о-во Достоевского, Колом. гос. пед. ин-т ; сост. В. А. Викторович. – Коломна, 2009. – 256 с.

2010

412. Викторович, Владимир Александрович. История обманутого счастья : короткий комментарий к «Рассказу четырёх о пяти» / Владимир Викторович // Околоколомна : журнал любителей вольных прогулок. – 2010/2011. – Вып. 3. – С. 12–13.
413. Лажечников, И. И. Беленькие, черненькие и серенькие / И. И. Лажечников ; [авт. вступ. ст. В. А. Викторович ; подгот. текста А. С. Бессоновой ; коммент.: В. А. Викторовича, А. С. Бессоновой].

340

– Коломна : Лига, 2010. – 303 с., портр. – (Серия «Коломенский текст» / авт. и руководитель проекта В. А. Викторovich).

2011

414. «Достоевский. Дорога детства» : [проспект выставки] / авт. выставки А. Бессонова ; худож. П. Зеленецкий ; фот. Ю. Имханицкого ; авт. кукол О. Вечеровская ; скульптор В. Потлов ; науч. консультант В. Викторovich. – Коломна : Лига, [2011]. – [16] с.: ил.
415. Литературоведческие термины : материалы к словарю. Вып. 3. Интерпретация / М-во образования и науки Рос. Федерации, М-во образования Моск. обл., Гос. образов. учреждение высш. проф. образования «Московский государственный областной социально-гуманитарный институт» ; [под ред. В. А. Викторovichа, Г. В. Краснова, Г. С. Прохорова]. – Коломна, 2011. – 130 с.
416. «Потрясение или просвещение»: статьи из «Гражданина» Ф. М. Достоевского / Моск. гос. обл. соц.-гуманит. ин-т ; ред.-сост. В. А. Викторovich. – Коломна : МГОСГИ, 2011. – 222 с. – (Педагогический потенциал русской литературы).

2012

417. Даровое – земля детства Ф. М. Достоевского : библиогр. указ. / М-во образования и науки Рос. Федерации, М-во образования Моск. обл., Гос. образов. учреждение высш. проф. образования «Московский государственный областной социально-гуманитарный институт» ; [сост.: В. А. Викторovich, Н. И. Катенёва, В. А. Мокрова ; науч. ред. и авт. вступ. ст. В. А. Викторovich]. – 2-е изд., доп. – Коломна : МГОСГИ, 2012. – 85 с.
418. Достоевский и мировая культура : альманах / О-во Достоевского, Лит.-мемориал. музей Ф. М. Достоевского в Санкт-Петербурге / [гл. ред. К. А. Степанян ; ред. совет.: Н. Т. Ашимбаева, В. И. Богданова, В. А. Викторovich и др.]. – 2012. – № 29 : Памяти Натальи Васильевны Живолуповой и Риты

341

Яковлевны Клейман / [сост., отв. ред. номера Н. Т. Ашимбаева, Б. Н. Тихомиров]. – 356 с.

2013

419. Никита Петрович Гиляров-Платонов: Исследования. Материалы. Библиография. Рецензии/Ин-трус. лит. (Пушкинский Дом), Рос. акад. наук, Центр по изучению традиционалистских направлений в рус. лит. Нового времени, Моск. гос. обл. соц.-гуманит. ин-т ; под общ. ред. А. П. Дмитриева. – СПб. : Росток, 2013. – 944 с. – (Серия «Славянофильский архив» ; кн. 3 / редкол.: Е. И. Анненкова, В. А. Викторovich, А. П. Дмитриев, Б. Ф. Егоров (пред.) [и др.]). – К 125-летию со дня кончины Н. П. Гилярова-Платонова, 1887 г. – 13 (26) октября – 2012 г.
420. III Летние чтения в Даровом : материалы науч. конф., 26–28 авг. 2013 г. / Моск. гос. обл. соц.-гуманит. ин-т ; Некоммер. партнёрство «Заповедное Даровое» ; ред.-сост. В. А. Викторovich. – Коломна : Лига, 2013. – 239 с. : ил. – К 90-летию музея Достоевского в Даровом. К 10-летию экспедиции МГОСГИ в Даровом.

2014

421. Достоевский и мировая культура : альманах / О-во Достоевского, Моск. отд-ние / [гл. ред. К. А. Степанян ; ред. совет.: Н. Т. Ашимбаева, В. И. Богданова, В. А. Викторovich и др. ; худож. А. В. Кинзбургский]. – 2014. – № 31. – 452 с.
422. Достоевский и мировая культура : альманах / О-во Достоевского, Лит.-мемориал. музей Ф. М. Достоевского в Санкт-Петербурге / [гл. ред. К. А. Степанян ; ред. совет.: Н. Т. Ашимбаева, В. И. Богданова, В. А. Викторovich и др.]. – 2014. – № 32 / [сост., отв. ред. номера Н. Т. Ашимбаева, Б. Н. Тихомиров]. – 376 с.
Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 13-04-00282 «История русской критики 1830-х – 1890-х гг. в контексте национальной и мировой культуры».

-
423. Роман И. И. Лажечникова «Ледяной дом» в русской культуре : библиогр. указ. / М-во образования Моск. обл., Гос. автоном. образов. учреждение высш. проф. образования «Московский государственный областной социально-гуманитарный институт» ; [сост.: Н. И. Катенёва, В. А. Мокрова ; науч. ред. и авт. вступ. ст. В. А. Викторovich]. – Коломна : МГОСГИ, 2014. – 95 с.

2015

424. Дом Лажечникова : ист.-лит. сб. Вып. II / Ком. по культуре Адм. гор. окр. Коломна, Гос. соц.-гуманит. ун-т, Ист.-культ. Музей-заповедник «Коломенский кремль» ; ред.-сост. В. А. Викторovich, вступ. заметка, подгот. текста и коммент. В. А. Викторovichа. – Коломна : Лига, 2015. – 192 с. : цв. ил.
425. Езда в Коломну / [подгот. текста и коммент. В. Викторovichа, Н. Ватника, Е. Ломако, А. Мазурова ; худож. П. Зеленецкий]. – Коломна : Лига, 2015. – 472 с. : ил. – (Серия «Коломенский текст» / авт. и рук. проекта «Коломенский текст» В. А. Викторovich).
426. Коломна – Лажечникову, 2005–2015 : [хроника] / сост. В. А. Викторovich // Дом Лажечникова : ист.-лит. сб. / Ком. по культуре Адм. гор. окр. Коломна, Гос. соц.-гуманит. ун-т, Ист.-культ. Музей-заповедник «Коломенский кремль» ; ред.-сост. В. А. Викторovich, вступ. заметка, подгот. текста и коммент. В. А. Викторovichа. – Коломна, 2015. – Вып. II. – С. 163–190. См. 395.
427. Русские критики, 1800–1917 : материалы к словарю / [Гос. образов. учреждение высш. образования Моск. обл. «Государственный социально-гуманитарный университет» ; ред. проекта, ред.-сост. В. А. Викторovich]. – Коломна : ГСГУ, 2015. – 168 с.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Рос. гуманитар. науч. фонда. Проект «История русской критики 1830-х–1890-х гг. в контексте национальной и мировой культуры» № 13-04-00282.

2016

428. Гиляров-Платонов, Н. П. Из пережитого. Автобиографические воспоминания <коломенские главы> / вступ. ст. В. Викторovichа ; подгот. текста А. Дмитриева ; коммент. А. Дмитриева, В. Викторovichа, Е. Ломако ; худож. П. Зеленецкий. – Коломна : Лига, 2016. – 528 с. : ил. – (Серия «Коломенский текст» / авт. и руководитель проекта «Коломенский текст» В. А. Викторovich).
429. Достоевский, А. М. Поездка в Даровое (Из дневника А. М. Достоевского 1887 году) / А. М. Достоевский ; публ., коммент., послесл. В. А. Викторovichа // IV Летние чтения в Даровом : [материалы науч. конф., 16–17 сент. 2013 г.] / Гос. соц.-гуманит. ун-т, Колом. дух. семинария, Некоммер. партнёрство «Заповедное Даровое» ; ред.-сост. В. А. Викторovich ; фот. : Ю. Л. Имханицкий, А. С. Бессонова, Е. Ветриченко, П. Зеленецкий. – Коломна, 2016. – С. 186–190.
430. IV Летние чтения в Даровом : [материалы науч. конф., 16–17 сент. 2013 г.] / Гос. соц.-гуманит. ун-т, Колом. дух. семинария, Некоммер. партнёрство «Заповедное Даровое» ; ред.-сост. В. А. Викторovich ; фот.: Ю. Л. Имханицкий, А. С. Бессонова, Е. Ветриченко, П. Зеленецкий. – Коломна : Лига, 2016. – 224 с., [8] л. ил.
431. Полянчев, В. И. Вслед за утраченным / В. И. Полянчев ; подстрочные коммент. В. А. Викторovichа // Там же. – С. 203–212.

2017

432. Айзик Геннадьевич Ингер : библиогр. указ. / М-во образования Моск. обл., Гос. соц.-гуманит. ун-т ; сост.: Н. И. Катенёва, В. А. Мокрова ; ред. и авт. вступ. ст. В. А. Викторovichа. – Коломна : ГСГУ, 2017. – 55 с.

2018

433. «Как он дышит, так и пишет» : К 60-летию Анатолия Валентиновича Кулагина / Гос. соц.-гуманит. ун-т ; [отв. ред. В. А. Викторovichа]. – Коломна : ГСГУ, 2018. – 159 с., фот.

344

-
434. Русские писатели, 1800–1917. Биографический словарь. Т. 6. С – Ч. / Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом) Рос. акад. наук ; гл. ред. Б. Ф Егоров ; редкол.: Н. А. Богомолов, В. А. Викторович, Т. М. Горяева [и др.]. – М. : БРЭ ; СПб. : Нестор-История, 2019. – 656 с. : ил. – (Серия биографических словарей).

РЕЦЕНЗИРОВАНИЕ

1975

435. Викторович, В. А. Прошлое – взглядом современника / Вл. Викторович // Литературное обозрение. – 1975. – № 9. – С. 64–65. – Рец. на кн.: Стариков, Д. Перечитывая классику : Наблюдения. Размышления. Полемика / Д. Стариков. – М. : Сов. писатель, 1974. – 374 с.

1977

436. Викторович, Владимир Александрович. [Рецензия] / В. А. Викторович, Н. В. Живолупова // Филологические науки. – 1977. – № 4. – С. 112–116. – Рец. на кн. : Савченко, Н. К. Проблемы художественного метода и стиля Достоевского : пособие по спецкурсу для студентов-заочников филол. фак. / Н. К. Савченко. – М.: Изд-во МГУ, 1975. – 94 с. ; Альтман, М. С. Достоевский. По вехам имен / М. С. Альтман. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1975. – 279 с. ; Карлова, Т. С. Достоевский и русский суд / Т. С. Карлова. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1975. – 163, [2] с.

1980

437. Викторович, Владимир Александрович. Глубины души человеческой / В. А. Викторович // Литература в школе. – 1980. – № 1. – С. 67–69. – Рец. на кн. : Днепров, В. Д. Идеи, страсти, поступки

: Из художественного опыта Достоевского / В. Д. Днепров. – Л. : Сов. писатель, Ленингр. отд-ние, 1978. – 382 с.

1996

438. Вершинин, В. О Высоцком – как о классике / В. Вершинин // Коломенская правда. – 1996. – 27 марта. – Рец. на кн. : Кулагин, А. В. Поэзия Высоцкого. Творческая эволюция / А. В. Кулагин ; [худож. В. Серов] ; М-во образования Рос. Федерации ; Колом. гос. пед. институт. – Коломна : КГПИ, 1996. – 123 с.

1997

439. Литературоведческие термины : (материалы к словарю) / М-во общ. и проф. образования Рос. Федерации, Колом. пед. ин-т, Каф. лит. ; ред.-сост. Г. В. Краснов ; рецензенты: Е. Г. Николаева, В. А. Викторович. – Коломна : КПИ, 1997. – 55 с.

2004

440. Викторович, Владимир Александрович. [Рецензия] / В. Викторович // Новое литературное обозрение. – 2004. – № 69. – С. 333–335. – Рец. на кн. : Виролайнен, М. Речь и молчание : Сюжеты и мифы русской словесности / Мария Виролайнен. – СПб. : Амфора, 2003. – 503 с.

2006

441. Сапожков, С. В. Роман на фоне эпохи : (к выходу двухтомной «Онегинской энциклопедии») / С. В. Сапожков // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2006. – Т. 65, № 3. – С. 32–38. – Рец. на кн. : Онегинская энциклопедия : в 2 т. / под общ. ред. Н. И. Михайловой. – М. : Рус. путь, 1999 – 2004.

2010

442. Викторович, Владимир Александрович. Коломна – город «полосатый» / В. А. Викторович // Коломенская правда. – 2010. – 2 апр. – Рец. на кн. : Гиляров-Платонов, Н. П. Из пережито-

---

го : Автобиографические воспоминания : в 2 т. / Н. П. Гиляров-Платонов. – М. : Наука, 2009. – (Литературные памятники). – Т. 1. – 612 с., Т. 2. – 714 с.

2014

443. Викторovich, Владимир Александрович. «Да кто его отец?» Хроника рода Достоевских / В. А. Викторovich // Дружба народов. – 2014. – № 5. – С. 232–235. – Рец. на кн. : Хроника рода Достоевских / под ред. И. Л. Волгина (рук. проекта). Родные и близкие : ист.-биогр. очерки / Игорь Волгин. – М. : Фонд Достоевского, 2012. – 1232 с. : ил.

**НАУЧНОЕ РУКОВОДСТВО
КАНДИДАТСКИМИ ДИССЕРТАЦИЯМИ**

444. Мокрова, А. В. Концепция «времени/вечности» в творческом сознании Вл. Соловьева (философия – литературная критика – поэзия) : автореф. дис. ...канд. филол. наук : 10.01.01 / Мокрова Анна Владимировна ; науч. рук. Викторovich Владимир Александрович – Коломна, 2003. – 16 с.
445. Мокрова, А. В. Концепция «времени/вечности» в творческом сознании Вл. Соловьева (философия – литературная критика – поэзия) : дис. ...канд. филол. наук : 10.01.01 : защищена 04.03.2003 / Мокрова Анна Владимировна ; науч. рук. д-р филол. наук, проф. Викторovich Владимир Александрович. – Коломна : КГПИ, 2003. – 144 с.
446. Ясюкович, И. В. Музыкальные образы в русской романтической прозе 30–40-х годов XIX века : автореф. дис...канд. филол. наук : 10.01.01 : защищена 04.03.2003 / Ясюкович Ирина Викторовна ; науч. рук. д-р филол. наук, проф. Викторovich Владимир Александрович. – Коломна : КГПИ, 2003. – 20 с.

-
447. Ясюкович, И. В. Музыкальные образы в русской романтической прозе 30–40-х годов XIX века : дис...канд. филол. наук : 10.01.01 : защищена 04.03.2003 / Ясюкович Ирина Викторовна ; науч. рук. д-р филол. наук, проф. Викторovich Владимир Александрович. – Коломна : КГПИ, 2003. – 147, [18] с.
448. Чиркова, А. В. Романы И. И. Лажечникова в историко-культурном контексте : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 : защищена 01.11.2006 / Чиркова Анна Валерьевна; науч. рук. д-р филол. наук, проф. Викторovich Владимир Александрович. – Коломна, 2006. –18 с.
449. Чиркова, А. В. Романы И. И. Лажечникова в историко-культурном контексте : дис. ...канд. филол. наук : 10.01.01 : защищена 01.11.2006 / Анна Валерьевна Чиркова ; науч. рук. д-р филол. наук, проф. Викторovich Владимир Александрович; Колом. гос. пед. ин-т, Филол. фак. – Коломна : КГПИ, 2006. –133 с.

ЛИТЕРАТУРА О В. А. ВИКТОРОВИЧЕ

1982

450. Горчакова, Г. Памяти писателя, педагога, патриота / Г. Горчакова // Коломенская правда. – 1982. – 1 окт.
О выступлении В. А. Викторovichа в день 190-летия И. И. Лажечникова

1988

451. Ауэр, Александр Петрович. Исторический аспект и историческая декоративность / А. Ауэр // Коломенская правда. – 1988. – 5 июля.
Начало разговора о судьбе будущего музея – в номерах «Коломенской правды» за 25 мая и 24 июня.

-
452. Денисов, А. Нужен комплексный подход / А. Денисов // Коломенская правда. – 1988. – 13 июля.
Споры о музее И. И. Лажечникова.
453. Долгашев, М. Смотреть реально / М. Долгашев // Коломенская правда. – 1988. – 13 июля.
О музейных концепциях.
454. Маевский, И. Не театр, а документ / И. Маевский // Коломенская правда. – 1988. – 13 июля.
Участие В. А. Викторовича в дискуссии по поводу создания музея.
455. Петросов, К. Музей или музеи? / К. Петросов // Коломенская правда. – 1988. – 13 июля.
О будущем музее И. И. Лажечникова.
456. Стрекалова, Н. Не в ущерб научности / Н. Стрекалова // Коломенская правда. – 1988. – 13 июля.
О «театрализации» музея И. И. Лажечникова.

1990

457. Кулагин, А. Коломенцы на Болдинском юбилее / А. Кулагин // Народный Учитель. – 1990. – № 22/23 (38/39), 27 сент.
458. Кулагин, А. Неутраченный юбилей / А. Кулагин // Народный Учитель. – 1990. – № 28 (44), 29 нояб.
О В. А. Викторовиче – организаторе науч.-практ. конф. «И. И. Лажечников и начало русского исторического романа».
459. Указатель имён, периодических изданий и анонимных произведений к томам I–XXX2 // Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 т. / Ф. М. Достоевский. – Л., 1990. – Т. 30, кн. 2. – С. 137–289. – О В. А. Викторовиче. – С. 173.

1991

460. Интеллигенция или «образованщина»? / Н. Кальнин, С. Тверская, Г. Вяликова [и др.] // Народный Учитель. – 1991. – № 21, (65), 30 окт.
О конфликте В. А. Благово на филол. факультете.
461. Карпачёва, Ю. 12 «лажечниковцев» в Питере / Ю. Карпачёва, Ю. Мордова // Народный Учитель. – 1991. – № 7 (51), 28 марта.
Изучение творчества И. И. Лажечникова под руководством В. А. Викторovichа
462. Князькая, О. В созвездии светил (заметки по поводу конференции «Вопросы теории и истории литературы») / О. Князькая // Народный Учитель. – 1991. – № 6 (50), 7 марта.
463. Николаева, О. Яйцо или курица? / О. Николаева // Народный Учитель. – 1991. – № 1 (45), 14 янв.
Модификация программы обучения В.А. Викторovichа на филфаке.

1992

464. [Карпачева, Ю.] Ум станет тоньше и гибче / Ю. Карпачева // Народный Учитель. – 1992. – № 5 (73), 19 февр.
О группе студентов по изучению творчества И. И. Лажечникова.
465. От редакции // Коломенская правда. – 1992. – 3 нояб.
Замечания В. А. Викторovichа о публикации рассказа И. И. Лажечникова «Гримаса моего доктора».

1993

466. Савинкин, В. Работать на себя, но и на коллег... / В. Савинкин // Народный Учитель. – 1993. – № 6 (90), 31 марта.
Об участии В. А. Викторovichа в заседании «Круглого стола» «Личность в изменяющемся мире».

350

1994

467. Зритель, которому понравилось. «... Он звонит по тебе» // Народный учитель. – 1994. – № 8 (111), 23 мая.
О последнем звонке на филфаке.
468. Имя его навсегда в летописях Коломны / фот. Ю. Имханицкого // Коломенская правда. – 1994. – 8 июля.
О первом вып. сборника науч. работ «Дом Лажечникова» (Коломна, 2004).
469. Никитина, А. Киноклуб возрожден / А. Никитина // Народный учитель. – 1994. – № 16 (119), 29 дек.
О возрождении кино клуба по инициативе В. А. Викторovichа.
470. Николаева, О. Новое о Достоевском / О. Николаева // Народный учитель. – 1994. – № 16 (119), 29 дек.
Об участии В. А. Викторovichа в создании «Летописи жизни и творчества Ф. М. Достоевского».
471. Николаева, О. Президентская стипендиатка / О. Николаева // Народный Учитель. – 1994. – № 5/6 (108/109), 22 апр.
О науч.-исслед. группе студентов, под руководством В. А. Викторovichа занимающихся творчеством И. И. Лажечникова.

1995

472. К. А. Война и литература / К. А. // Народный Учитель. – 1995. – 5 мая.
О докладе В. А. Викторovichа «Правда о войне и война с правдой».

1996

473. Поздравляем! // Народный Учитель. – 1996. – № 3 (135), 6 марта.
О присуждении учёной степени д-ра филол. наук и присвоении учёного звания профессора В. А. Викторovichу.

351

1999

474. Краснов, Г. В. Все значимое не погибает... : интервью с мэтром / Г. В. Краснов ; беседовала О. Николаева // Народный учитель. – 1999. – 17 нояб.

О науч. работе В. А. Викторovichа.

475. Матросов, И. Пушкин – это способ выжить / И. Матросов // Народный Учитель. – 1999. – № 2 (165), 18 марта.

Тема вольнолюбия поэта в докладе В. А. Викторovichа.

2000

476. К пятидесятилетию профессора Владимира Александровича Викторovichа : библиогр. науч. трудов / Колом. пед. ин-т ; сост. И. А. Аминева. – Коломна : КПИ, 2000. – 9 с.

477. Никитина, А. «2000-летие христианства. Проблемы истории и культуры» / А. Никитина // Народный Учитель. – 2000. – № 2 (174), 23 марта.

О докладе В. А. Викторovichа «Русская литература и христианство» на науч. конф.

2002

478. Владимiрова, О. И провинция может быть разной / О. Владимiрова // Народный учитель. – 2002. – №8 (191), 3 окт.

О науч. конф. «Имя в истории Коломны : Филарет, Лажечников, Пильняк». «Коломенский текст»: тез. докл. В. А. Викторovichа. На фото : участники конференции у дома Лажечникова.

479. Крупнова, А. А возвратиться получилось / Анна Крупнова ; // Арт-информ. – 2002. – № 4 (16), апр. – Портрет И. Лажечникова. Рис. М. Сажина. 1850-е гг.

Статья о первом выпуске сборника «Дом Лажечникова», подгот. по материалам В. А. Викторovichа.

2003

480. Викторова, О. Педагогические идеи русской литературы / Ольга Викторова ; фот. А. Климовича // Народный Учитель. – 2003. – № 7 (207), 5 сент.
О В. А. Викторовиче – координаторе междунар. конф. «Педагогические идеи русской литературы».
481. Яковлев, А. Вернуться в лето детства : [беседа с В. А. Викторовичем] / А. Яковлев // Литературная газета. – 2003. – 3/9 сент.

2004

482. Славацкий, Р. Гиляров / Роман Славацкий // Благовестник. – 2004. – №7, июль.
О науч. конф. «Возвращение Гилярова», прошедшей в б-ке им. Лажечникова.

2005

483. Вечеровская, О. Зачем детям нужен Достоевский? / Ольга Вечеровская // Ять. – № 33(650), 24 авг.
484. Красюкова, Н. Там, где когда-то жил Достоевский / Наталья Красюкова // Коломенская правда. – 26 авг.
485. Шиляев, Э. И. «Зачем литература в школе?» / Э. И. Шиляев // Народный Учитель. – 2005. – № 9 (225), окт.
О науч.-практ. семинаре «Литература в школе: интеграция образования и воспитания».

2006

486. Викторович Владимир Александрович // Лучшие люди России : энциклопедия / [гл. ред. А. В. Бруй]. – М., 2006. – Вып. 6. – С. 822.

-
487. Горчакова, Г. Даровое – земля детства Ф. М. Достоевского / Г. Горчакова ; фот. Л. Авдеева // Коломенская правда. – 2006. – 7 апр.
488. Карпиленко, А. Ю. «Летние чтения в Даровом» : 500-летие рода Ф. М. Достоевского / А. Ю. Карпиленко ; фот. А. Федотова // Народный Учитель. – 2006. – № 11 (237), нояб.
489. Книги преподавателей филологического факультета – лауреатов премий Уральского университета за научные достижения и методическую работу (2000–2005) // Известия Уральского федерального университета. Серия 2 : Гуманитарные науки. – 2006. – № 41, вып. 11 : История. Филология. Искусствоведение. Культурология. – С. 309–311.
490. Министр приветствует подвижническую деятельность : [письмо министра культуры Рос. Федерации А. С. Соколова на имя проф. каф. лит. Колум. гос. пед. ин-та В. А. Викторovichа] // Коломенская правда. – 2006. – сент.
Об экспедициях Колум. гос. пед. ин-та в Даровое и Моногарово.
491. Многие лета! // Народный Учитель. – 2006. – № 2 (223), февр.
На филол. фак. состоялось чествование д-ра филол. наук, заслуженного деятеля науки Рос. Федерации, проф. Г. В. Краснова.
492. Полянчева, О. Чтения в Даровом / О. Полянчева ; фот. Э. Елисеева // Благовестник. – 2006. – № 9, сент.

2007

493. Горчакова, Г. Прорывы античности в коломенском воздухе / Г. Горчакова, фот. Л. Авдеева // Коломенская правда. – 2007. – 2007. – 27 апр.
494. Деревянко, А. П. Участникам Международной конференции «Славянский мир. Единство и многообразие» // Народный Учитель. – 2007. – № 6 (244), сент.

-
495. Милославская, О. Кубики для ледяного дома / Ольга Милославская ; подгот. Г. Шубина // Коломенская правда. – 2007. – 28 дек.
496. Мокрова, В. Сойдя с портрета на стене, или Тайна старинной усадьбы : К 217-летию со дня рождения И. Лажечникова / В. Мокрова ; фот. Л. Авдеева // Коломенская правда. – 2007. – 5 окт.
Этому событию были посвящ. презентация фильма «Тайна старинной усадьбы» и концерт «Иван Иванович Лажечников и его эпоха».
497. Учителю от учеников // Народный Учитель. – 2007. – № 1 (239), февр.
Презентация сб. «Айзик Ингер: Судьба ко мне благоволила».
498. Шубина, Г. «Коломенский гражданин» в отчем доме / Г. Шубина ; фот. Ю. Имханицкого // Коломенская правда. – 2007. – 1 июня.
Об экспозиции «Коломенский гражданин Иван Лажечников (1790–1869). История, современность, будущее», открывшейся во флигеле усадьбы купцов Лажечниковых.

2008

499. Корнеева, О. Коломенская пастила: история со вкусом / О. Корнеева ; фот. А. Федотова // Региональные вести. – 2008. – № 12 (381), 26 марта.
Презентация проекта «Тайны старинной усадьбы».
500. «Ледяной дом» И. И. Лажечникова // Народный Учитель. – 2008. – № 1 (248), февр.
О межрегион. конф. «Ледяной дом – история и национальный миф».
501. «Ледяной дом». История Отечества по фирменным рецептам / репортаж вели : Г. Горчакова, О. Рахимова, Г. Шубина ; фот.

-
- Ю. Имханицкого // Коломенская правда. – 2008. – 16 янв.
Городской праздник «Ледяной дом: русские потехи от Ивана Лажечникова».
502. «Наш дар бесценный – речь» // Народный учитель. – 2008. – № 1 (248), февр.
503. Новости города // Угол зрения. – 2008. – № 21 (392), 4 июня.
В. А. Викторovich стал лауреатом Национальной премии «Культурное наследие» в номинации «Доброхот».
504. Славацкий, Р. Святочные чудеса / Роман Славацкий ; фот. И. Александрова // Благовестник. – 2008. – Февр.
- 2009
505. Горчакова, Г. Гоголь и современники. Коломенский след / Галина Горчакова // Коломенская правда. – 2009. – № 22 (19418), 25 марта.
О науч. конф., посвящ. 200-летию со дня рождения Н. В. Гоголя, прошедшей во флигеле Дома Лажечниковых.
506. Достоевский в диалоге культур / полосу подгот. З. Пожетных // Благовестник. – 2009. – Сент.
507. Лауреат 2008 года в номинации «Популяризатор» Викторovich Владимир Александрович // Национальная премия «Культурное наследие», 2008–2009 / Национ. фонд «Возрождение русской усадьбы». – М., [2009]. – С. 17.
508. «Нас объединяет мир Достоевского» / страницу подгот. Г. Шубина, Е. Устинова ; фот. Ю. Имханицкого // Коломенская правда. – 2009. – № 67 (19463), 4 сент.
509. Паночина, Н. Достоевский живет в памяти людей и деревьев / Н. Паночина, фот. авт. и Е. Дроздовой // Ять. – № 35 (856), 8 сент.
28 авг. 2009 г. в Даровом состоялось выездное заседа-

ние науч. конференции.

510. Прохоров, М. Достоевский в мировом контексте / М. Прохоров // Народный Учитель. – 2009. – № 7/8 (265), окт./нояб.
О междунар. конф. «Ф. М. Достоевский в диалоге культур».
511. Прохоров, М. Мы любим Гоголя! / М. Прохоров // Народный Учитель. – 2009. – № 3 (260), апр.
О докладе В. А. Викторovichа на научной конференции, прошедшей во флигеле дома Лажечникова, посвященной 200-летию Н. В. Гоголя.
512. Шубина, Г. Дорога на двоих / Галина Шубина // Коломенская правда. – 2009. – № 67 919463), 4 сент.
О выставке «Достоевский. Дорога детства», приуроченной к междунар. конф. «Ф. М. Достоевский в диалоге культур».

2010

513. А. П., Ф. Д. и В. В. : сб. научных трудов к 60-летию проф. Владимира Александровича Викторovichа / М-во образования и науки Рос. Федерации, Гос. образов. учреждение высш. проф. образования «Московский государственный областной социально-гуманитарный институт» ; [отв. ред. М. Я. Сорникова ; пред. А. В. Кулагина]. – Коломна : МГОСГИ, 2010. – 291 с.
514. Иван Иванович, с юбилеем! / страницу подгот. Г. Шубина ; фот. Ю. Имханицкого // Коломенская правда. – 2010. – № 76 (19572), 29 сент.
О мероприятиях к 220-летию со дня рождения И. И. Лажечникова.
515. «Как слово наше отзовется...» : библиогр. указ. науч. трудов / М-во образования и науки Рос. Федерации, М-во образования Моск. обл., Гос. образов. учреждение высш. проф. образования

«Московский государственный областной социально-гуманитарный институт» ; [сост. Н. И. Катенёва, В. А. Мокрова ; фот. Ю. Панской]. – Коломна : МГОСГИ, 2010. – 51 с. – К 60-летию Владимира Александровича Викторovichа.

516. Малышкина, А. Профессор Владимир Викторovich «Мне кажется, я только начинаю» : Коломенский ученый открыл 12 неизвестных произведений Достоевского / Анна Малышкина ; фот. Из личного архива В. А. Викторovichа // Ять. – 2010. – 6 апр. (№13).

517. Поляков, В. Перо и шпага : В Коломне прошли торжества, посвящённые 220-летию со дня рождения великого писателя-романиста Ивана Лажечникова / Валерий Поляков // Ежедневные новости. Подмосковье. – 2010. – 20 окт.

518. Руднев, А. Мистификация подмосковных властей : Как из воздуха делают мемориал Достоевского / Александр Руднев // Литературная Россия. – 2010. – 12 марта.

Клеветнические измышления о работе студенческих экспедиций в Даровом. См. 514.

519. Славацкий, Р. Дни Лажечникова в Коломне / Роман Славацкий // Благовестник. – 2010. – № 10, окт.

Презентация нового издания книги И. И. Лажечникова «Беленькие, чёрненькие и серенькие».

520. Тихомиров, Б. Не надо сводить счёты / Борис Тихомиров // Литературная Россия. – 2010. – 23 апр.

Изложение противоположной точки зрения на восстановление мемориальных мест в Даровом и Моногарове. См. 512.

2011

521. Абросимова, В. Н. Коломенский декамерон / В. Н. Абросимова // Знамя. – 2011. – № 7. – С. 217–221. – Рец. на кн.: Лажечников, И. И. Беленькие, черненькие и серенькие / И. И. Лажечников ;

[авт. вступ. ст. В. А. Викторovich ; подгот. текста А. С. Бессоновой ; коммент.: В. А. Викторovich, А. С. Бессоновой]. – Коломна : Лига, 2010. – 303 с. – (Серия «Коломенский текст»).

522. Мироненко, С. Пятый Щедринский семинар / Сергей Мироненко // Планета МГОСГИ. – 2011. – № 4 (280), апр./май.
О выступлении В. А. Викторovich.

2012

523. Лажечников и Тверской край. Вып 4. [Статьи и материалы / ред. А. Ю. Сорочан]. – Тверь : Изд-во М. Батасовой, 2012. – 188 с.
О В. А. Викторovich. – С. 162, 163, 173.
524. Покровская, Д. Посади дерево – помоги Даровому / Д. Покровская, Ю. Платонова ; фот. И. Чураковой // Планета МГОСГИ. – 2012. – № 6 (291), май/июнь.
Студенты МГОСГИ организовали акцию «Студенческая аллея», цель которой – вдохнуть в проект «Даровое» новый импульс.
525. Устинова, Е. Мать Достоевского вернётся в Моногарово / Екатерина Устинова // Коломенская правда. – 2012. – 28 марта.

2013

526. В начале было слово...: Коломенский филфак вчера и сегодня / М-во образования Моск. обл., Гос. автоном. образов. учреждение высш. проф. образован. «Московский государственный областной социально-гуманитарный институт» ; [ред.-сост. И. Н. Политова, А. В. Кулагин]. – Коломна : МГОСГИ, 2013. – 172 с. : ил.
О В. А. Викторovich. – С. 16, 48, 52, 87, 118, 121, 122, 142, 143, 152, 163.
527. Лыкин, С. С. Живое погружение в бездну русской поэзии и прозы / С. С. Лыкин // Народный Учитель. – 2013. – Май.
Научно-популярные лекции, прочитанные на филологическом факультете известными учёными и опытными преподавателями кафедры литературы.

359

---

528. Мироненко, С. «Даровое – 10» / Сергей Мироненко // Планета МГОСГИ. – 2013. – № 5 (300), дек.

О презентации проекта «Даровое – 10».

529. Мироненко, С. Наше Даровое : (из жизни студенческого лагеря) / Сергей Мироненко // Там же. – 2013. – № 5 (300), дек.

530. Победители премии губернатора «Наше Подмосковье» // Там же. – 2013. – № 5 (300), дек.

2014

531. Духовное рождение музея / фот. А. Дудкина // Благовестник. – 2014. – Окт.

На фот. В. А. Викторович и зам. директора Коломенского краеведческого музея Т. А. Стукнина.

532. Королёва, О. Совершеннолетие «Коломенского альманаха» / Ольга Королёва // Благовестник. – 2014. – № 11, нояб.

Презентация 18-го вып. «Коломенского альманаха» и вручение медалей и дипломов М. Ю. Лермонтова. Фотография.

533. Пономарева, Г. Культурный гламур вместо памяти Достоевского / Галина Пономарева // Достоевский и мировая культура : альманах / О-во Достоевского, Моск. отд-ние / [гл. ред. К. А. Степанян ; ред. совет.: Н. Т. Ашимбаева, В. И. Богданова, В. А. Викторович и др. ; худож. А. В. Кинзбургский]. – 2014. – № 31. – С. 283–313. См. 528.

534. Тихомиров, Б. По поводу публикации Г. Б. Пономаревой «Культурный гламур вместо памяти Достоевского» / Борис Тихомиров // Достоевский и мировая культура : альманах / О-во Достоевского, Моск. отд-ние / [гл. ред. К. А. Степанян ; ред. совет.: Н. Т. Ашимбаева, В. И. Богданова, В. А. Викторович и др. ; худож. А. В. Кинзбургский]. – 2014. – № 31. – С. 345–367. См. 527.

535. Видео о Достоевском // Коломенский альманах : лит. ежегод.: Орган творч. об-ния писателей Коломны / Ком. по культуре гор. окр. Коломна ; [гл. ред. В. С. Мельников]. – 2015. – Вып. 19. – С. 266.

О проекте «Заповедное Даровое».

536. Поздравляем лауреатов премии губернатора Московской области «Наше Подмосковье» // Университетская жизнь. – 2015. – № 303, дек.

Третья премия в номинации «Наследие Подмосковья», проект «Коломенский текст».

537. Премии журнала «Вопросы литературы» за 2015 год присуждены ... // Вопросы литературы. – 2015. – № 6. – С. [2].

Премия В. А. Викторовичу за обзор «Академический Достоевский: проблемы и перспективы».

538. Стукнина, Т. Честное служение русской литературе / Татьяна Стукнина // Коломенская правда. – 2015. – 23 сент.

539. Неизвестный Достоевский: новые открытия // Университетская жизнь. – 2016. – № 307, авг.

V Летние чтения «Достоевский и народ».

540. Один из трёх достойных // Коломенский альманах : лит. ежегод. : Орган творч. об-ния писателей Коломны / Ком. по культуре гор. окр. Коломна ; [гл. ред. В. С. Мельников]. – 2016. – Вып. 20. – С. 106.

В. А. Викторович – победитель обл. премии им. А. П. Чехова «Служение общему благу». 2015.

541. Соборное чтение на яблочно-книжном фестивале // Университетская жизнь. – 2016. – № 308, сент.

Науч. комментатор фестиваля «Антоновские яблоки» – В. А. Викторович.

2017

542. Галкина, В. Экспедиции в тайны прошлого / Вера Галкина ; фот. Юрия Имханицкого // Открытый урок. Образование Подмосковья. – 2017. – № 1 (43), Весна 2017. – С. 24–25.
Лауреат премии «Наше Подмосковье» за проект «Профессор-волонтер и его команда».
543. Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 2016 год / Рос. акад. наук, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом) / [редкол.: В. Е. Багно, А. В. Лавров, С. Н. Николаев и др. ; отв. ред. Т. С. Царькова]. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2017. – 904 с., [4] л. ил. – О В. А. Викторовиче. – С. 245, 246, 289.
544. «Коломенский текст»: «Из пережитого» // Университетская жизнь. – 2017. – № 310, март.
Презентация книги Н. Г. Гилярова-Платонова.
545. Легко ли быть молодым? Тридцать лет спустя // Университетская жизнь. – 2017. – № 312, окт.
Волонтеры в Даровом.
546. Пятьдесят молоденьких деревьев... // Университетская жизнь. – 2017. – № 312, окт.
Участие в городской акции «Наш лес».

2018

547. Забавный альтруизм // Университетская жизнь. – 2018. – № 315, сент.
Работа волонтеров в Даровом и Моногарове.
548. Индзинская, А. Достоевский и его Даровое / Анна Индзинская ; фот. А. Иосипенко // Апостол. – 2018. – № 1 (19). – С.17-21. – О В. А. Викторовиче. – С. 21.
549. Коптева, Элеонора. Новая концепция музейной культуры / Э. Коптева // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал / Федер. гос. бюджетное учреждение науки, Ин-т мир.

лит. им. А. М. Горького, Рос. акад. наук ; [гл. ред. К. А. Степанян].
– 2018. – № 1. – С. 290–295.

IV Летние чтения в Даровом.

550. Краснов, В. Торжество литературной Коломны / Влад Краснов // Благовестник. – 2018. – № 11(307), нояб.

«Коломенский текст» В. А. Викторovichа, за который он награждён Золотым дипломом и премией им.

И. И. Лажечникова.

551. Николаев, А. Даровое второй дом / Андрей Николаев ; фот. из архива авт. и с сайта <http://darovoe.ru> // Апостол. – 2018. – № 1 (19). – С. 22–23.

552. Традиционные VI летние чтения... // Университетская жизнь. – 2018. – № 315, сент.

553. Хэкало, С. П. «Наше Подмосковье» – практикум для будущих педагогов / С. П. Хэкало // Университетская жизнь. – 2018. – № 314, июль.

Проект усадьбы Даровое.

2019

554. Государственный социально-гуманитарный университет. 80 лет : буклет. – Коломна : Б. и., [2019]. – 39 с. : цв. ил. – О В. А. Викторovichе. – С. 22, 26.

555. ГСГУ – Подмосковью: наследие, волонтёры, прорыв : Семнадцать мгновений // Университетская жизнь. – 2019. – № 320, дек.

Премия «Наше Подмосковье» за проект «Возвращение храма Достоевского, или Семнадцать мгновений волонтёрской весны».

556. Денисов, А. Пильняковские чтения в Коломне : Памяти А. П. Ауэра посвящается / Александр Денисов ; Колом. клуб краеведов, Б-ка им. И. И. Лажечникова. – Коломна : Серебро Слов, 2019. – 106 с., ил., портр. – О В. А. Викторovichе. – С. 58, 61, 66.

-
557. Достоевский. Материалы и исследования. Т. 22 / Рос. акад. наук, Ин-т рус. литературы (Пушкинский Дом) ; [отв. ред.: К. А. Баршт, Н. Ф. Буданова ; редкол.: В. Е. Багно, В. Д. Рак, К. А. Баршт и др.]. – СПб. : Нестор-История, 2019. – 389 с. – О В. А. Викторовиче. – С. 58, 59, 191, 315, 320.
558. Мазуров, А. Б. «Никто кроме нас» / А. Б. Мазуров ; [беседовала Г. Шубина] // Университетская жизнь. – 2019. – № 318, март. *Имиджевый проект В. А. Викторовича.*
559. То же / фот. К. Новосёловой // Открытый урок. Образование Подмосковья. – 2019. – № 1 (51), Весна 2019. – С. 16–17.
560. Степанян-Румянцева, Е. Роман читателя, роман с читателем / Елена Степанян-Румянцева // Знамя. – 2019. – № 1. – С. 226. – Рец. на кн.: «Евгений Онегин». Роман читателя : монография / В. А. Викторович ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Национ. исслед. Нижегор. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского, Гос. литер.-мемориал. и природный музей-заповедник А. С. Пушкина «Болдино». – Н. Новгород : Изд-во Нижегор. гос. ун-та, 2017. – 267 с.

ЭЛЕКТРОННЫЕ ИЗДАНИЯ

Книги

2019

561. Викторович, Владимир Александрович. Достоевский. Писатель, заглянувший в бездну : 15 лекций для проекта «Магистерия» [Электронный ресурс] / Владимир Викторович. – М. : Rosebud Publishing, 2019. – 452 с. // magisteria.ru/category/dostoevsky
562. Викторович, Владимир Александрович. Ф. М. Достоевский – редактор «Гражданина» (1873–1874) [Электронный ресурс] / В. А. Викторович ; М-во науки и высш. образования Рос.

Федерации, Федер. гос. бюджетное образов. учреждение высш. образования «Петрозаводский государственный университет». – Петрозаводск : ПетрГУ, 2019. – 426 с.

Статьи

2015

563. Викторovich, Владимир Александрович. Достоевский. Коллективное. «Гражданин» как творчество редактора [Электронный ресурс] / В. А. Викторovich // *Неизвестный Достоевский : электронный науч. журн. / М-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. гос. бюджетное образоват. учреждение высш. проф. образования «Петрозаводский государственный университет» ; [гл. ред. В. Н. Захаров, редкол.: S. Aloe (Italy), C. Apollonio (USA), K. Kroo (Hungary), В. А. Викторovich и др.]. – 2015. – № 4. – С. 11–20. //unknown-dostoevsky.ru*

2016

564. Викторovich, Владимир Александрович. «Неловкость редакции» или Торжество журнализма [Электронный ресурс] / В. А. Викторovich // *Неизвестный Достоевский : электронный науч. журн. / М-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. гос. бюджетное образоват. учреждение высш. проф. образования «Петрозаводский государственный университет» ; [гл. ред. В. Н. Захаров, редкол.: S. Aloe (Italy), C. Apollonio (USA), K. Kroo (Hungary), В. А. Викторovich и др.]. – 2016. – № 1. – С. 13–33. // unknown-dostoevsky.ru*

2017

565. Викторovich, Владимир Александрович. Испытание «практической философии», или Два учителя Елены Штакеншнейдер [Электронный ресурс] / В. А. Викторovich // *Неизвестный Достоевский : электронный науч. журн. / М-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. гос. бюджетное образоват. учреждение высш. проф. образования «Петрозаводский государственный университет» ; [гл. ред. В. Н. Захаров, редкол.: S. Aloe*

365

(Italy), С. Apollonio (USA), К. Kroo (Hungary), В. А. Викторovich и др.] – 2017. – № 2. – С. 71–95. //unknown-dostoevsky.ru

2018

566. Викторovich, Владимир Александрович. Нефантастичность «фантастичного «Идиота» [Электронный ресурс] / В. А. Викторovich // *Неизвестный Достоевский : электронный науч. журн. / М-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. гос. бюджетное образоват. учреждение высш. проф. образования «Петрозаводский государственный университет» ; [гл. ред. В. Н. Захаров, редкол.: S. Aloe (Italy), С. Apollonio (USA), К. Kroo (Hungary), В. А. Викторovich и др.]*. – 2018. – № 1. – С. 3–19. // unknown-dostoevsky.ru

Подготовка текста, комментирование, примечания

2015

567. Викторovich, Владимир Александрович. Из статей еженедельника «Гражданин»: «Ночлежный приют в Петербурге», «Нечто о журнальном соре» [Электронный ресурс] / подгот. текста и примеч. В. А. Викторovichа // *Неизвестный Достоевский : международ. науч. журн. / М-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. гос. бюджетное образоват. учреждение высш. проф. образования «Петрозаводский государственный университет» ; [гл. ред. В. Н. Захаров, редкол.: S. Aloe (Italy), С. Apollonio (USA), К. Kroo (Hungary), В. А. Викторovich и др.]*. – 2015. – № 4. – С. 21–27. // unknown-dostoevsky.ru
568. Викторovich, Владимир Александрович. Переписка Е. А. Штакеншнейдер и А. Г. Достоевской (1878–1887) [Электронный ресурс] / подгот. текста и примеч. А. В. Индзинской, В. А. Викторovichа // *Неизвестный Достоевский : международ. науч. журн. / М-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. гос. бюджетное образоват. учреждение высш. проф. образования «Петрозаводский государственный университет» ; [гл. ред.*

366

В. Н. Захаров, редкол.: S. Aloe (Italy), C. Apollonio (USA), К. Кгоо (Hungary), В. А. Викторovich и др.]. – 2015. – № 4. – С. 40–52. // unknown-dostoevsky.ru

2017

569. Викторovich, Владимир Александрович. Примечания [Электронный ресурс] / А. В. Викторovich, Т. В. Панюкова // *Неизвестный Достоевский* : электронный науч. журн. / М-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. гос. бюджетное образоват. учреждение высш. проф. образования «Петрозаводский государственный университет» ; [гл. ред. В. Н. Захаров ; редкол.: S. Aloe (Italy), C. Apollonio (USA), К. Кгоо (Hungary), В. А. Викторovich и др.]. – 2017. – № 1. – С. 59–119. – Примечания к переписке (1872–1880) Ф. М. Достоевского и В. П. Мещерского. // unknown-dostoevsky.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (Отделение гуманитарных и общественных наук) ; проект № 17-04-00619а «Редакционный архив газеты-журнала “Гражданин” (1872–1879 гг.)»

Редактирование, составление

2014

570. *Неизвестный Достоевский* : междунар. науч. журн. [Электронный ресурс] / М-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. гос. бюджетное образоват. учреждение высш. проф. образования «Петрозаводский государственный университет» ; [гл. ред. В. Н. Захаров, редкол.: S. Aloe (Italy), C. Apollonio (USA), К. Кгоо (Hungary), В. А. Викторovich и др.]. – 2014. – № 1/2. // unknown-dostoevsky.ru

2015

571. *Неизвестный Достоевский* : междунар. науч. журн. [Электронный ресурс] / М-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. гос. бюджетное образоват. учреждение высш. проф. обра-

---

зования «Петрозаводский государственный университет» ; [гл. ред. В. Н. Захаров, редкол.: S. Aloe (Italy), C. Apollonio (USA), K. Kroo (Hungary), В. А. Викторович и др.]. – 2015. – № 1. // unknown-dostoevsky.ru

572. Неизвестный Достоевский [Электронный ресурс] / М-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. гос. бюджетное образоват. учреждение высш. проф. образования «Петрозаводский государственный университет» ; [гл. ред. В. Н. Захаров, редкол.: S. Aloe (Italy), C. Apollonio (USA), K. Kroo (Hungary), В. А. Викторович и др.]. – 2015. – № 2. //unknown-dostoevsky.ru

573. Неизвестный Достоевский : электронный науч. журн. [Электронный ресурс] / М-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. гос. бюджетное образоват. учреждение высш. проф. образования «Петрозаводский государственный университет» ; [гл. ред. В. Н. Захаров, редкол.: S. Aloe (Italy), C. Apollonio (USA), K. Kroo (Hungary), В. А. Викторович и др.]. – 2015. – № 3. // unknown-dostoevsky.ru

574. Неизвестный Достоевский : междунар. науч. журн. [Электронный ресурс] / М-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. гос. бюджетное образоват. учреждение высш. проф. образования «Петрозаводский государственный университет» ; [гл. ред. В. Н. Захаров, редкол.: S. Aloe (Italy), C. Apollonio (USA), K. Kroo (Hungary), В. А. Викторович и др.]. – 2015. – № 4. //unknown-dostoevsky.ru

2016

575. Неизвестный Достоевский : электронный науч. журн. [Электронный ресурс] / М-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. гос. бюджетное образоват. учреждение высш. проф. образования «Петрозаводский государственный университет» ; [гл. ред. В. Н. Захаров, редкол.: S. Aloe (Italy), C. Apollonio (USA), K. Kroo (Hungary), В. А. Викторович и др.]. – 2016. – № 1. //unknown-dostoevsky.ru

-
576. Неизвестный Достоевский : электронный науч. журн. [Электронный ресурс] / М-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. гос. бюджетное образоват. учреждение высш. проф. образования «Петрозаводский государственный университет» ; [гл. ред. В. Н. Захаров, редкол.: S. Aloe (Italy), C. Apollonio (USA), K. Kroo (Hungary), В. А. Викторovich и др.]. – 2016. – № 2. // unknown-dostoevsky.ru
577. Неизвестный Достоевский : электронный науч. журн. [Электронный ресурс] / М-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. гос. бюджетное образоват. учреждение высш. проф. образования «Петрозаводский государственный университет» ; [гл. ред. В. Н. Захаров, редкол.: S. Aloe (Italy), C. Apollonio (USA), K. Kroo (Hungary), В. А. Викторovich и др.]. – 2016. – № 3. // unknown-dostoevsky.ru
578. Неизвестный Достоевский : электронный науч. журн. [Электронный ресурс] / М-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. гос. бюджетное образоват. учреждение высш. проф. образования «Петрозаводский государственный университет» ; [гл. ред. В. Н. Захаров, редкол.: S. Aloe (Italy), C. Apollonio (USA), K. Kroo (Hungary), В. А. Викторovich и др.]. – 2016. – № 4. // unknown-dostoevsky.ru

2017

579. Неизвестный Достоевский : электронный науч. журн. [Электронный ресурс] / М-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. гос. бюджетное образоват. учреждение высш. проф. образования «Петрозаводский государственный университет» ; [гл. ред. В. Н. Захаров, редкол.: S. Aloe (Italy), C. Apollonio (USA), K. Kroo (Hungary), В. А. Викторovich и др.]. – 2017. – № 1. // unknown-dostoevsky.ru
580. Неизвестный Достоевский : электронный науч. журн. [Электронный ресурс] / М-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. гос. бюджетное образоват. учреждение высш.

проф. образования «Петрозаводский государственный университет» ; [гл. ред. В. Н. Захаров, редкол.: S. Aloe (Italy), C. Apollonio (USA), K. Kroo (Hungary), В. А. Викторович и др.]. – 2017. – № 2. // unknown-dostoevsky.ru

581. Неизвестный Достоевский : электронный науч. журн. [Электронный ресурс] / М-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. гос. бюджетное образоват. учреждение высш. проф. образования «Петрозаводский государственный университет» ; [гл. ред. В. Н. Захаров, редкол.: S. Aloe (Italy), C. Apollonio (USA), K. Kroo (Hungary), В. А. Викторович и др.]. – 2017. – № 3. // unknown-dostoevsky.ru

582. Неизвестный Достоевский : электронный науч. журн. [Электронный ресурс] / М-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. гос. бюджетное образоват. учреждение высш. проф. образования «Петрозаводский государственный университет» ; [гл. ред. В. Н. Захаров, редкол.: S. Aloe (Italy), C. Apollonio (USA), K. Kroo (Hungary), В. А. Викторович и др.]. – 2017. – № 4. // unknown-dostoevsky.ru

2018

583. Неизвестный Достоевский : электронный науч. журн. [Электронный ресурс] / М-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. гос. бюджетное образоват. учреждение высш. проф. образования «Петрозаводский государственный университет» ; [гл. ред. В. Н. Захаров, редкол.: S. Aloe (Italy), C. Apollonio (USA), K. Kroo (Hungary), В. А. Викторович и др.]. – 2018. – № 1. // unknown-dostoevsky.ru

584. Неизвестный Достоевский : электронный науч. журн. [Электронный ресурс] / М-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. гос. бюджетное образоват. учреждение высш. проф. образования «Петрозаводский государственный университет» ; [гл. ред. В. Н. Захаров, редкол.: S. Aloe (Italy), C. Apollonio (USA),

---

К. Kroo (Hungary), В. А. Викторovich и др.]. – 2018. – № 2. // unknown-dostoevsky.ru

585. Неизвестный Достоевский : электронный науч. журн. [Электронный ресурс] / М-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. гос. бюджетное образоват. учреждение высш. проф. образования «Петрозаводский государственный университет» ; [гл. ред. В. Н. Захаров, редкол.: S. Aloe (Italy), C. Apollonio (USA), К. Kroo (Hungary), В. А. Викторovich и др.]. – 2018. – № 3. // unknown-dostoevsky.ru

586. Неизвестный Достоевский : электронный науч. журн. [Электронный ресурс] / М-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. гос. бюджетное образоват. учреждение высш. проф. образования «Петрозаводский государственный университет» ; [гл. ред. В. Н. Захаров, редкол.: S. Aloe (Italy), C. Apollonio (USA), К. Kroo (Hungary), В. А. Викторovich и др.]. – 2018. – № 4. // unknown-dostoevsky.ru

2019

587. Неизвестный Достоевский : электронный науч. журн. [Электронный ресурс] / М-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. гос. бюджетное образоват. учреждение высш. проф. образования «Петрозаводский государственный университет» ; [гл. ред. В. Н. Захаров, редкол.: S. Aloe (Italy), C. Apollonio (USA), К. Kroo (Hungary), В. А. Викторovich и др.]. – 2019. – № 1. // unknown-dostoevsky.ru

588. Неизвестный Достоевский = The Unknown Dostoevsky : междунар. электронный науч. журн. [Электронный ресурс] / М-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. гос. бюджетное образоват. учреждение высш. проф. образования «Петрозаводский государственный университет» ; [гл. ред. В. Н. Захаров ; редкол.: С. Алое (Верона, Италия), К. Аполлоньо (Дарем, США), В. А. Викторovich. – 2019. – № 2. // unknown-dostoevsky.ru

-
589. Неизвестный Достоевский = The Unknown Dostoevsky : междунар. электронный науч. журн. [Электронный ресурс] / М-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. гос. бюджетное образоват. учреждение высш. проф. образования «Петрозаводский государственный университет» ; [гл. ред. В. Н. Захаров ; редкол.: С. Алое (Верона, Италия), К. Аполлоньо (Дарем, США), В. А. Викторович. – 2019. – № 3. //unknown-dostoevsky.ru
590. Неизвестный Достоевский = The Unknown Dostoevsky : междунар. электронный науч. журн. [Электронный ресурс] / М-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. гос. бюджетное образоват. учреждение высш. проф. образования «Петрозаводский государственный университет» ; [гл. ред. В. Н. Захаров ; редкол.: С. Алое (Верона, Италия), К. Аполлоньо (Дарем, США), В. А. Викторович. – 2019. – № 4. //unknown-dostoevsky.ru

Составители Н. И. Катенёва, В. А. Мокрова,

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абросимова Валерия Николаевна — кандидат филологических наук; живёт в Коломне.

Акелькина Елена Алексеевна — доктор филологических наук, профессор, директор Омского регионального центра изучения творчества Ф. М. Достоевского при Омском государственном университете им. Ф. М. Достоевского.

Гацко-Славацкий Роман Вадимович — коломенский литератор, журналист и краевед.

Гумённая Галина Львовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии, зарубежной литературы и межкультурной коммуникации Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова.

Дмитриев Андрей Петрович — доктор филологических наук, заведующий Центром по изучению традиционалистских направлений в русской литературе Нового времени Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук.

Дубова Марина Анатольевна — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы Государственного социально-гуманитарного университета (Коломна).

Захаров Владимир Николаевич — доктор филологических наук, профессор, сотрудник Российского фонда фундаментальных исследований, заведующий кафедрой классической филологии, русской литературы и журналистики Петрозаводского государственного университета, почётный президент Международного общества Ф. М. Достоевского.

Индзинская Анна Владимировна — кандидат филологических наук; живёт в Коломне.

Касаткина Татьяна Александровна — доктор филологических наук, главный научный сотрудник, заведующая Центром «Ф. М. Достоевский и мировая культура» Института мировой литературы им. А. М. Горького Российской Академии наук.

Козлова Анна Юрьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Государственного социально-гуманитарного университета (Коломна).

Кошелёв Вячеслав Анатольевич — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы Арзамасского филиала Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского; живёт в Великом Новгороде.

Кулагин Анатолий Валентинович — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы Государственного социально-гуманитарного университета (Коломна).

Листов Виктор Семёнович — доктор искусствоведения, пушкинист, историк и киновед; член Союза кинематографистов Российской Федерации; живёт в Москве.

Мельников Виктор Семёнович — литератор, главный редактор литературно-художественного издания «Коломенский альманах».

Новикова Елена Георгиевна — доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Национального исследовательского Томского государственного университета.

Пяткин Сергей Николаевич — доктор филологических наук, директор Арзамасского филиала Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского.

Строганов Михаил Викторович — доктор филологических наук, профессор Института славянской культуры Российского государственного университета им. А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство) (Москва), ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького Российской Академии наук.

Строганова Евгения Нахимовна — доктор филологических наук, профессор Института славянской культуры Российского государственного университета им. А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство) (Москва).

Тарасов Борис Николаевич — доктор филологических наук, заведующий кафедрой зарубежной литературы Литературного института им. А. М. Горького.

Тарасова Наталья Александровна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, заведующая Группой по изучению творчества Ф. М. Достоевского Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук.

Тихомиров Борис Николаевич — доктор филологических наук, заместитель директора по научной работе Литературно-мемориального музея Ф. М. Достоевского (Санкт-Петербург).

Фетисенко Ольга Леонидовна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук.

Юхнова Ирина Сергеевна — доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Института филологии и журналистики Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского.

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии.....	3
---------------------	---

I

<i>Тарасов Б. Н.</i> Ф. И. Тютчев и Ф. М. Достоевский о «двойном неведении». (Образ России в западном идеологическом и политическом сознании XIX века).....	6
<i>Захаров В. Н.</i> Народная тема в тезаурусе Достоевского — редактора «Гражданина»(1873–1874).....	31
<i>Тарасова Н. А.</i> К уточнению текста «Дневника писателя» за 1877 г. Достоевский и Фридрих фон Гельвальд.....	44
<i>Акелькина Е. А.</i> Формы повествования в романе Достоевского «Бесы».....	53
<i>Касаткина Т. Н.</i> «Братья Карамазовы»: Рождество и детство Христа в структуре образа персонажа. Что сказал Достоевский Суворину о продолжении романа?.....	70
<i>Тихомиров Б. Н.</i> Неточка Незванова идёт в консерваторию. (Литературно-музыкально-краеведческое расследование).....	82
<i>Дубова М. А.</i> Концепт «мыслительная деятельность» как компонент характеристики языковой личности персонажа (на материале рассказа Ф. М. Достоевского «Маленький герой»).....	94
<i>Кошелев В. А.</i> «Мудрая мысль» Достоевского в интерпретации Льва Толстого.....	102
Гастон Луаг — французский корреспондент А. Г. Достоевской / Публ. и коммент. <i>В. Н. Абросимовой</i>	113
<i>Козлова А. Ю.</i> О названиях речек, протекавших близ Дарового, Моногарова и Черемошни.....	137

II

<i>Листов В. С.</i> Польские страницы «Истории Петра» А. С. Пушкина.	154
<i>Юхнова И. С.</i> Мотив охоты в творчестве А. С. Пушкина.....	164
<i>Пяткин С. Н.</i> «Упражнения в географии» Петруши Гринёва: работа над ошибками.....	174

<i>Строганов М. В.</i> Провинциальный трубадур и сатирик провинции, или Может ли администратор быть поэтом? И. И. Лажечников между А. Е. Измайловым и М. Е. Салтыковым.....	183
<i>Фетисенко О. Л.</i> «...И очи в потолки». Тургенев и Кохановская: взаимооценки.....	198
<i>Новикова Е. Г.</i> Петрашевы в «Воспоминаниях» Г. Н. Потанина.....	208
Переписка Н. П. Гилярова-Платонова с И. П. Корниловым (июль — сентябрь 1887 г.) / Вступ. заметка, публ. и коммент. А. П. Дмитриева.....	214
<i>Индзинская А. В.</i> «Кто наблюдать сердца привыкнул...» Стихотворное посвящение Я. П. Полонского Е. А. Штакеншнейдер.....	232
<i>Строганова Е. Н.</i> «...И на деле Лев Толстой». Ипостаси образа Толстого в современной культуре (по материалам 2010–2014 гг.)	238

III

<i>Мельников В.</i> Викторovich и альманах.....	253
<i>Славацкий Р.</i> Мистика текста.....	258
<i>Кулагин А.</i> «Он меж печатными строками читал духовными глазами...».....	264
<i>Гумённая Г.</i> Ода на юбилей.....	275

IV

Владимир Александрович Викторovich. Материалы к библиографии.	
<i>Сост. Н. И. Катенёва, В. А. Мокрова</i>	278
Книги.....	278
Брошюры.....	279
Рукописи.....	280
Статьи.....	280
Публикации, подготовка текста.....	329
Редактирование, составление, комментирование.....	335
Рецензирование.....	345
Научное руководство кандидатскими диссертациями.....	347
Литература о В. А. Викторovichе.....	348
Электронные издания.....	364
Сведения об авторах.....	373

18+
Научное издание

НАУКА ГОВОРИТЬ С ДРУГИМИ

Сборник трудов к 70-летию
Владимира Александровича Викторовича

Ответственный редактор
Анатолий Валентинович Кулагин

Подписано в печать 26.2.2020. Формат 60X90/16. Печать офсетная. Усл. печ.
лист. 23, 5. Тираж 100 экз. Заказ №216

Отпечатано в ГУП МО «Коломенская типография»
140400, г. Коломна Московской области, ул. III Интернационала, 2-а.
ГОУ ВПО МО «Государственный социально-гуманитарный университет».
140410, г. Коломна Московской области, ул. Зеленая, 30